

АМЕРИКАНСКИЙ СОВЕТ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКАЯ РУСИСТИКА:

ВЕХИ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ.
ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД

Антология

Издательство «Самарский университет»
2000

ББК 63.3(2)
Р 892

Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М.Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 332 с.
ISBN 5-230-06199-5

Публикация этого сборника осуществлена в рамках программы сотрудничества с российскими университетами в области общественных наук, осуществляемой Американским советом по сотрудничеству в области образования и изучения языков (АСПРЯЛ/АКСЕЛС) при финансовой поддержке Информационного Агенства Соединенных Штатов Америки (USIA).

This publication was made possible by the Russian University Social Science Partnership Program, which is administered by the American Councils for International Education: ACTR/ACCELS and funded by the United States Information Agency.

- Marc Raeff, «The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe». Translated from the *American Historical Review*, 80:5 (1975). P.1121-1243, by permission of the American Historical Association.
- Paul Bushkovitch, «Power and the Historian: The Case of Tsarevich Alexei 1716-1718 and N.G.Ustrialov 1845-1859». Translated from the *Proceedings of the American Philosophical Society*, 141:2 (June 1997). P.177-212, by permission of the American Philosophical Society.
- Gregory Freeze, «The Estate (Soslovie) Paradigm and Russian Social History». Translated from the *American Historical Review*, 91:1 (February 1986). P.11-36, by permission of the American Historical Association.
- Thomas M. Barrett, «Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus». Translated from *Slavic Review*, 54:3 (Fall 1995). P.578-601, by permission of the American Association for the Advancement of Slavic Studies.
- Daniel P. Todes, «Darwin's Malthusian Metaphor and Russian Evolutionary Thought, 1859-1917». Translated from *Isis*, 78 (1987). P.537-551, by permission of The University of Chicago Press.
- Laura Engelstein, «Morality and the Wooden Spoon: Russian Physicians View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890-1905». © 1986 by The Regents of the University of California. Translated from *Representations*, vol.14 (Spring 1986). P.169-208, by permission of the University of California Press.
- Jane Burbank, «Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century», in Peter H. Solomon, Jr., ed. *Reforming Justice in Russia, 1864-1996* (Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1997). P.82-106, by permission of M.E. Sharpe, Inc.
- James L. West, «The Riabushinsky Circle: Russian Industrialists in Search of a Bourgeoisie». Translated from *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32 (1984), H.3. P.358-377, by permission of Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH.

Составитель и автор введения проф. университета штата Мериленд
Майкл Дэвид-Фокс

Ред. коллегия: доктор Джордж П. Маджеска, доктор Майкл Дэвид-Фокс, доктор Петр Кабытов, доцент Ольга Леонтьева, директор издательства Людмила Крылова

Р $\frac{0503020000 - 04}{6К 4(03) - 2000}$ Без объявл.

ISBN 5-230-06199-5

© Издательство «Самарский университет», 2000
© Дэвид-Фокс М., составление, 2000

АМЕРИКАНСКАЯ РУСИСТИКА:

ВЕХИ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ.
ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД

Антология

Редактор Е.А.Краснова
Художественный редактор Л.В.Крылова
Корректор Т.И.Кузнецова
Компьютерная верстка, макет Л.Л.Паймулина

ЛР № 020316 от 04.12.96. Подписано в печать 20.01.2000. Формат 62×94/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ.л. 22,68; уч.-изд.л. 22,98.
Тираж 1000 экз. Гарнитура «Times New Roman». С. 4. Заказ №
Издательство «Самарский университет»,
443011, г.Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
г.Самара, ул.Мичурина, 23, Издательский дом «Агни»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается первый том антологии, в которую вошли исследования американских историков, занимающихся изучением российской истории. Идея создания антологии под названием «Американская русистика» возникла в ходе сотрудничества историков Самарского государственного университета (СамГУ) и университета штата Мэриленд, США. Первым этапом нашего сотрудничества стала подготовка новых курсов по российской истории, которая была осуществлена доцентами кафедры российской истории З.М.Кобозевой и О.Б.Леонтьевой с учетом традиций зарубежной, в частности, американской исторической науки. В июле 1998 года в Самарском государственном университете был проведен международный симпозиум «Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США», в которой приняли участие представители пяти американских университетов и нескольких вузов г.Самары.

В ходе сотрудничества российских и американских историков была осознана необходимость преодоления изолированности российской и американской исторической науки. В частности, резолюция симпозиума предусматривала продолжение совместной работы американских и российских историков, изучение их опыта преподавания, методологии и исследовательской практики, что будет способствовать формированию новых знаний по многим актуальным проблемам российской истории. А это особенно важно для нового поколения историков России и США.

Инициатива создания антологии принадлежит профессору Майклу Дэвид-Фоксу. Она была активно поддержана автором этих строк и коллективом кафедры российской истории СамГУ, профессором Мэрилендского университета Джорджем Маджеской, а также руководителем американской ассоциации преподавателей русского языка АСПРЯЛ Дэном Дэвидсоном и информационным агентством США (USIA). Выбор статей для настоящего тома, организационная работа по их переводу и подготовке антологии к публикации были осуществлена профессо-

Предисловие

ром Майклом Дэвид-Фоксом, им же написана вводная статья, в которой дан историографический анализ состояния американской русистики. Кроме того, в статье содержатся аналитический разбор статей, представленных в сборнике антологии, а также ценная информация, позволяющая читателю свободнее войти в мир американской исторической науки.

В редакционной работе над томом активное участие принимала доцент кафедры российской истории О.Б.Леонтьева.

Думаю, что настоящее издание будет интересно и полезно как маститому ученому – университетскому профессору, так и аспирантам и студентам, делающим первые шаги в самостоятельной научной работе. Мы надеемся, что знакомство с иной традицией научных исследований, с новой и подчас неожиданной для российского читателя проблематикой, методологией и понятийным аппаратом исторического исследования поможет читателям антологии в их научном поиске и творчестве.

Профессор Петр Кабытов

*Майкл Дэвид-Фокс**

ВВЕДЕНИЕ: ОТЦЫ, ДЕТИ И ВНУКИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ЦАРСКОЙ РОССИИ

Содержащиеся в данном томе работы были отобраны для перевода на русский язык согласно нескольким критериям. Во-первых, они отражают ряд особенностей американской историографии царской России. Во-вторых, их методология и подходы к рассматриваемым проблемам так же различны, как и темы; цель данного введения – показать, что работы эти могут быть предметом плодотворного сравнительного анализа. В-третьих, в них обозначены историографические направления, которые могут, как надеются составители данного сборника, представлять интерес для российских историков и студентов, поскольку в них затронуты проблемы, давно находящиеся в центре интереса американской историографии царской России – вопросы политической, социальной и интеллектуальной истории, а также некоторые другие аспекты и области, получившие в последние годы быстрое развитие и приобретшие важное значение. Некоторые из этих областей – например, история российской науки – приобрели в последние десятилетия особое значение в результате той внутренней эволюции, которую они претерпели. Другие – такие, как «новая культурная история» (проблематика которой будет обсуждаться ниже), – являются частью общих тенденций западной исторической науки. Третьи – к примеру, исследования вопросов, связанных с национальными различиями, проблем пограничья и имперской проблематики – приобрели значимость вследствие произошедшего в 1991 году распада Советского Союза. И, наконец, в число отобранных работ входят как статьи, которые, начиная с 70-х годов, оказывали влияние на развитие исторической науки, так и ряд более поздних, потенциально влиятельных исследований. Все они удачно сочетают в себе эмпирические и концептуальные элементы.

Упрощенное толкование обширных и сложных областей науки – рискованное мероприятие. История царской России XVIII-XIX веков и начала XX столетия несомненно является важной отраслью как непосредственно американской историографии, так и в целом международной историографии России. В конце концов, в течение многих десяти-

* © Дэвид-Фокс Майкл, 2000

летий императорская Россия, в особенности период между «великими реформами» и 1917 годом, была в центре внимания западных исследователей русской истории. В Соединенных Штатах находятся крупнейшие библиотечные коллекции и архивные собрания документов, относящихся к России царской и революционной эпох – в частности, в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, в Отделе славянских языков Нью-Йоркской публичной библиотеки, в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в Гуверовском институте войны, революции и мира Стэнфордского университета¹. В условиях децентрализованной академической системы США, где научные исследования в основном ведутся в рамках высших учебных заведений, трудно найти крупный университет, в котором не преподавалась бы русская история. На сегодняшний день в Соединенных Штатах работает несколько тысяч славистов, в том числе историки императорской России, придерживающиеся самых различных взглядов². Однако, несмотря на масштабность данной области исследовательской деятельности, представляется возможным дать краткий обзор ее развития и, отдавая себе отчет в неизбежности определенных упрощений, обозначить ее общие черты.

Первые признаки пробуждения в Америке значительного интереса к России относятся к середине 80-х годов прошлого столетия; первый курс по русской истории стал преподаваться в Гарварде в 1894 году. Несмотря на учреждение первых профессур в области русского языка и литературы в Гарвардском и Колумбийском университетах, а также в

¹ В 1907 году Библиотека Конгресса приобрела восьмидесятитысячетомную коллекцию сибирского купца и библиофила Юдина, однако коллекция эта была каталогизирована и включена в собрание Библиотеки лишь в 50-е годы; данный факт явно указывает на медленное развитие исследований по русской истории в США. Начало коллекции Нью-Йоркской публичной библиотеки было положено в 90-е годы прошлого века, но объем ее начал значительно увеличиваться только в 20-е годы нашего столетия. Путеводители по Бахметьевскому и Гуверовскому архивам опубликованы в виде следующих изданий: Carol A. Lendenham, ed., *Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration* (Stanford: Hoover Institution Press, 1986); *Russia in the Twentieth Century: The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture* (Boston: G.K. Hall, 1987).

² В последние годы в связи с тем, что исследователи получили доступ к бывшим партийным и государственным архивам СССР и американский «рынок академической рабочей силы» стал все больше ориентироваться на историю XX века, центр исследований по русской истории в значительной степени переместился в область раннего советского периода. Ведущим научным обществом работающих в США славистов является Американское общество по развитию славянских исследований, выпускающее свой бюллетень (Newsnet) и журнал (Slavic Review).

университете штата Калифорния в Беркли, на появление группы активных исследователей-русистов и их связей с немецкими и английскими (и в меньшей степени – французскими) коллегами-русистами, дисциплина «русская история» как научная специальность до 1914 года в США фактически не существовала³. В 1920-1930-е годы она стала развиваться, но медленными темпами – частично в результате появления в Америке историков-эмигрантов из самой России, таких, как Майкл (Михаил Михайлович) Карпович (1888-1959), работавший в Гарварде, и Джордж (Георгий Владимирович) Вернадский (1887-1973), имя которого связано с Йельским университетом⁴.

Несомненно, однако, что «героическим» периодом в истории данной дисциплины стали годы, последовавшие непосредственно за второй мировой войной, – время, когда изучение России стало развиваться невероятно быстрыми темпами.⁵ В результате этого история императорской России в том виде, в каком она существует сегодня в США, может быть концептуально представлена – если рассматривать деятельность первого послевоенного поколения ученых в качестве стартового, основополагающего периода развития рассматриваемой дисциплины – как продукт деятельности трех поколений историков. Мы можем выделить поколения «отцов» (конец 40-х – середина 60-х годов), «детей» (конец 60-х – конец 80-х) и «внуков» (90-е годы). Конечно же, такое схематичное деление на поколения не абсолютно. Мы имеем дело со сферой знаний, характеризующейся децентрализацией и интеллектуальным разнообразием.

³ Относительно развития в Америке интереса к России между серединой 80-х годов XIX века и первой мировой войной см. Robert F. Byrnes, «Russian Studies in the United States Before the First World War», Robert F. Byrnes, *History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays* (Lanham, MD: University Press of America, 1994). P.3-19.

⁴ Карпович опубликовал один из первых трудов по истории Российской Империи, завоевавших признание в Америке: Michael Karpovich, *Imperial Russia, 1801-1917* (New York: Henry Holt and Co., 1932), но в первую очередь он известен как учитель целого поколения американских специалистов по русской истории. Вернадский опубликовал пятитомную историю России: George Vernadsky, *A History of Russia* (New Haven: Yale University Press, 1943-1969). Кроме того, важнейшее для данного периода исследование было создано основателем Русского института Колумбийского университета: Geroid Tanquary Robinson, *Rural Russia under the Old Regime* (London: Longmans, Green and Co, 1932).

⁵ См. Byrnes, *A History of Russian and East European Studies*; George P. Majeska, *The Study of Russian History in the United States* // *Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США*. - Самара: Издательство «Самарский университет», 1998. – С.9-14. Краткая история данной области знаний в рамках деятельности основанного в 1941 году ведущего журнала *Russian Review* («Русское обозрение») дана в статье: Ив Левин (Eve Levin). *Проблемы российской истории на страницах журнала «Russian Review» (США) // Отечественная история*. 1998. №2. – С.143-148.

разием, и поэтому здесь мы намеренно используем достаточно схематичные термины для обозначения крупных научных сдвигов, отказываясь от всеобъемлющих выводов в отношении всей дисциплины в целом. В этом смысле можно вести речь о трех важных и четких сдвигах интерпретационных структур и акцентов, имевших место после 1945 года. Сдвиги эти были вызваны различным характером сменявших друг друга поколений, а также влиянием мощных внешних препятствий и разломов: так, общественно-политические потрясения, имевшие место в США около 1968 года, разделили «отцов» и «детей», а конец советского коммунизма в 1991 году – «детей» и «внуков».

«Отцы» были пионерами послевоенного бума в области исследований России – бума, в значительной степени прямо и косвенно финансируемого правительством США, а также различными частными фондами. Это был период поворота от союзнического сотрудничества военного времени к конфронтации «холодной войны», чем, несомненно, объясняется быстрый рост числа исследований в данной области. Влияние «холодной войны» на американские исследования императорской России зачастую могло иметь откровенно разрушительный или утонченно искажающий характер, однако оно ни в коей мере не было неизбежным или последовательно негативным. Оно придавало данной дисциплине определенную жизненную силу и ощущение актуальности ставившихся задач; в конце концов, поколение «холодной войны» дало науке целую плеяду ученых, принадлежащих к элите историков-русистов, таких, как Бэррингтон Мур, Джером Блум и многие другие (и это несмотря на то, что до 1958 года научно-исследовательские поездки в СССР были практически невозможны). Влияние «холодной войны» на американские исследования России – тема не такая простая, как ее часто представляют, употребляя пренебрежительный обобщающий термин «историография “холодной войны”»; она заслуживает особого внимания со стороны ученых, которым она, к сожалению, до сих пор была явно обделена⁶.

В 50-е и в начале 60-х годов внимание профессиональных историков в целом было – в намного большей степени, чем в более поздний период – обращено на престижный «верхний слой» исторического процесса: на правителей, на большую политику и грандиозные идеи, на историю

⁶ Интереснейшие воспоминания, содержащие множество ценной информации о замечательном послевоенном поколении американских специалистов по России, многие из которых сформировались как эксперты во время службы в вооруженных силах и работы в разведке, см. Robert F. Byrnes, «Harvard, Columbia, and the CIA: My Training in Russian Studies», Byrnes, *A History of Russian and East European Studies*. P. 239-263.

дипломатии, на государство, партии и элиту вообще. К этому (в особенности в сфере исследований России) добавлялся огромный интерес к истокам русской революции и, используя выражение из влиятельного труда Сетон-Уотсона, к «падению» Российской империи⁷. Пристальное внимание к истокам советского строя также объясняет тот большой интерес, который проявлялся в отношении революционного движения и русского марксизма. Как часто отмечается, в некоторых отношениях данная историография являлась зеркальным отражением тематики официальной советской историографии – конечно же, с заменой белого цвета на черный и наоборот. Так, в то время как советская историография подчеркивала абсолютную неизбежность революции, в либеральной западной историографии велся поиск альтернатив революционному перевороту; в некоторых случаях она возвращалась к таким отдаленным событиям, как «утраченные возможности» 1730 года и к ряду других конкретных «роковых» поворотных пунктов истории XVIII столетия⁸. Наиболее часто такие дискуссии о потенциальных возможностях исторического развития велись вокруг периода, ограниченного 1905 и 1917 годами, и вокруг возможной роли партии кадетов.

Еще одним важным аспектом – и в этом американская историография русской истории в некоторой степени напоминала немецкую историографию с ее многолетним доминирующим влиянием тезиса о «*Sonderweg*» (особом пути развития) – были попытки показать, насколько сильно Россия отличается от Западной Европы.⁹ В результате этого зачастую российская история представлялась как нечто своеобразное и уникальное, хотя одновременно многочисленны были и аналогии между историей России и «нормальным» западным путем развития. Проблема постоянного сравнения неудач в развитии России с неким идеализированным «западным» или «европейским» стандартом – проблема, которая до сих пор играет важную роль в данной дисциплине и вряд ли будет когда-либо полностью разрешена, воспринималась вначале как крайне важная и очевидная. То было время фундаментальных исследований в различных областях знаний, когда закладывались осно-

⁷ Hugh Seton-Watson, *The Decline of Imperial Russia, 1855-1914* (London: Methuen and Co, 1952).

⁸ К примеру, см. Isabel de Madariaga, «Portrait of an Eighteenth-Century Russian Statesman: Prince Dmitry Mikhaylovich Golytsin», *Slavic and East European Review*, 62:1 (January 1984). P. 37-39.

⁹ В англоязычной исторической литературе главной попыткой оценить значение тезиса о «*Sonderweg*» является работа: David Blackbourn and Geoff Eley, *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth Century Germany* (New York: Oxford University Press, 1984).

вы будущего развития многих производных дисциплин. В 60-е годы исследования российской истории приобрели значительно более разнообразный характер: были опубликованы такие классические труды, как «Икона и топор» – история русской культуры в интерпретации Джеймса Биллингтона, – и энциклопедические работы Александра Вусинича по истории российской науки¹⁰. Доминировавшее тогда увлечение альтернативными вариантами, истоками революции и российской «исключительностью» не помешало появлению таких высокоинтеллектуальных работ, как впечатляющая эрудицией и концептуальным совершенством биография Александра Герцена, написанная Мартином Малиа¹¹. И, как и позже, всегда существовали исключения из общих правил: например, школа «теории модернизации», возникшая в 50 – 60-е годы, строилась во многом на сравнительных принципах, зачастую пересекала в своих умозаключениях жесткую границу 1917 года и рассматривала изменения, происходившие в русской истории, скорее с социально-экономической, чем с политико-идеологической точки зрения. Позже «школа модернизации» была отвергнута как излишне универалистская в своих претензиях и слишком социологичная в своем подходе, но в наиболее совершенных своих проявлениях школа эта была источником работ, глубина которых впечатляет и по сей день¹².

С политической точки зрения «дети» придерживались более «левых» взглядов, и их восстание представляло собой недвусмысленную реакцию на деятельность «отцов» – точно так же, как это произошло в среде русской интеллигенции XIX столетия¹³. Процесс взросления «детей» пришелся на 60 – 70-е годы, и они откликнулись на те кардинальные изменения, которые претерпели профессиональная историческая наука и научная деятельность в целом под влиянием молодежных и других радикальных протестов, которые потрясли американское общество в

¹⁰ James H. Billington, *The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture* (New York: Knopf, 1966); Alexander Vucinich, *Science in Russian Culture: A History to 1860* (Stanford: Stanford University Press, 1963).

¹¹ Martin Malia, *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812-1855* (Cambridge: Harvard University Press, 1961).

¹² См., к примеру, оживленную дискуссию между Сирилом Блэком (Cyril Black) и Хью Сетон-Уотсоном (Hugh Seton-Watson) в сборнике: Thomas Riha, ed., *Readings in Russian Civilization*, vol. 2 (Chicago, 1965). Крупнейшей работой Блэка была книга *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History* (New York: Harper and Row, 1966).

¹³ Интересный анализ опосредованных личным опытом параллелей между Россией 60-х годов прошлого века и Америкой 60-х годов нашего столетия содержится в работе Эббота Глизона по истории нигилизма: Abbot Gleason, *Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s* (NY: Viking Press, 1980), предисловие.

то время. 70 – 80-е годы стали порой расцвета социальной истории, построенной на количественных принципах и интерпретировавшей исторический процесс как бы «снизу вверх», и так называемого ревизионизма, который получил развитие в первую очередь в рамках истории советского периода, а также и в истории императорского периода российской истории. Многие, происходившее в то время в рассматриваемой дисциплине, являлось продолжением предыдущих исследований – или реакцией на них. Там, где «отцы» писали историю «сверху вниз», «дети» писали ее «снизу вверх». Если «отцы» подчеркивали определяющую роль политики, выдающихся личностей и идеологии (особенно при анализе революционного и советского периодов), «дети» строили свою систему интерпретации вокруг «общественных сил». Если неотъемлемой частью ретроспективного мировоззрения «отцов» было подспудное акцентирование стоявших перед Россией альтернатив 1917 году и большевизму, «дети» говорили о возможности – и даже о социальной необходимости – революции, ставя акцент на взаимодействие народа с революционными партиями и с социал-демократами. Некоторые из работ «детей» были не противоположны, а «параллельны» официальной советской историографии: они использовали ее постулаты и данные. Другие же – но далеко не все – демонстрировали прямое влияние марксизма (точнее, многочисленных академических разновидностей немарксизма). Но в первую очередь деятельность детей вписывалась в более широкую парадигму западной социальной истории, которая среди прочего находилась под влиянием школы, сформировавшейся вокруг французского журнала «Анналы» («Annales») и исследовавшей обширные неизвестные пласты российского общества на основе новых архивных, эмпирических и количественных данных. Самым большим вкладом историков этого периода было «возвращение» структуре русского общества его истинной многогранности, что расширило круг исторических интересов, придав этому процессу необратимый характер.

1958 год положил начало академическим контактам между США и СССР, и американские историки получили возможность подолгу (до года) работать над диссертациями и монографиями непосредственно в советских архивах. Это событие оказало огромное влияние на поколение «детей»¹⁴. Историография «детей» включала в себя целый ряд подробно документированных, фундаментальных исследований социальных групп, включая такие известные труды, как работы Филда и Эм-

¹⁴ Научные обмены анализируются в работах двух активно участвовавших в них авторов: Yale Richmond, *US-Soviet Cultural Exchanges, 1958-1986: Who Wins?* (Boulder: Westview Press, 1987); Robert F. Byrnes, *Soviet-American Academic Exchanges, 1958-1975* (Bloomington: Indiana University Press, 1976).

монса о крестьянстве и отмене крепостного права, работа Зелника по истории рабочего движения, книга Рибера о купечестве и монография Фриза о духовенстве¹⁵. Деятельность многих историков, занимавшихся XIX столетием, представляла собой не только реакцию на работы «отцов», но и интерпретацию классических дореволюционных трудов российской историографии: в частности, «дети» были очень хорошо знакомы с теми дебатами, которые велись между приверженцами «государственной школы» и другими представителями дореволюционной историографии, делавшими особый упор на проблему самостоятельности общества по отношению к государству.

Лучшие работы «новой социальной истории», как ее тогда называли, внесли важные изменения в процесс изучения политики и идеологии; они указывали на первостепенное значение социальной среды для понимания того, как функционируют две эти области человеческой деятельности. Но многие из «детей» были, конечно, заинтересованы не просто в изучении исторического фона или взаимосвязей между различными историческими сферами; они стремились по-новому объяснить историческую траекторию России, рассматривая ее сквозь призму общественных отношений и глубинных социальных факторов. Крупнейшей парадигмой, оформившейся в период преобладания социальной истории над другими историческими дисциплинами, стала парадигма острого противостояния государства и общества, пути которых, согласно известному выражению Рязановского, «разошлись» в эпоху царствования Николая I; согласно еще более известной формулировке Хеймсона, в революционную эпоху это противостояние привело к «двойной поляризации»: государства и интеллигенции, с одной стороны, и широких народных масс и всей элиты, с другой¹⁶. Более того, различным социальным группам уделялось неравномерное внимание: эта волна социальной истории обычно уделяла наибольшее внимание городским рабочим, отводя крестьянству и другим социальным группам второстепенное значение. Исследования крестьянства получили развитие несколько

¹⁵ Terence Emmons, *The Emancipation of the Russian Serfs* (New York: Holt, Rinehart, 1970); Daniel Field, *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861*; Reginald Zelnik, *Labor and Society in Tsarist Russia* (Stanford: Stanford University Press, 1971); Alfred J. Rieber, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982); Gregory Freeze, *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century* (Cambridge: Harvard University Press, 1977).

¹⁶ Nicholas Riasanovsky, *A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801-1855* (Oxford: Clarendon Press, 1976); Leopold Haimson, «The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1914», *Slavic Review*, part I, 23:4 (1964). P. 616-642; part II, 24:1 (1965). P. 1-22.

позже, в начале 80-х годов; процесс этот продолжается и по сей день¹⁷. 70 – 80-е годы также были эпохой, когда в историографии появились такие новые направления, как «гендерная история». Исследования положения женщин стали результатом подъема феминизма на Западе – точно так же как социальная история вдохновлялась радикализмом 60-х годов; и «гендерная история», и социальная история начинали свое развитие как попытки «вернуть историю» игнорируемым, угнетаемым группам общества. Оба эти вида исторических исследований обычно фокусировали свое внимание не на взаимодействии между социальными группами и не на универсальном применении социальных или гендерных критериев – типичным для них было восстановление истории одной интересовавшей их группы (рабочих, женщин) в отдельности или в контексте организованной политической деятельности (революционного движения, женского движения)¹⁸.

Несмотря на то, что социальная история стремилась быть «антитезисом» по отношению к деятельности «отцов», она все же во многом продолжала отцовский «тезис». Некоторые (но не все) историки по-прежнему в значительной мере основывали свои интерпретации на поиске утерянных альтернатив развития российской истории, но теперь эти альтернативы включали в себя не только либеральные или консервативные, но и умеренно-социалистические варианты. Предпочтение отдавалось крайне ретроспективному толкованию истории – начиная с 1917 года в обратном направлении; Майкл Конфино детально рассматривает те искажения, которые могли быть результатом такого подхода в сфере исторического анализа «кризиса старого режима» и исследований структуры российского общества¹⁹. Революционное движение и широко понимавшиеся истоки революции по-прежнему привлекали много внимания, но новым веянием стала мощная волна исследований истории городских рабочих, где внимание в основном обращалось на события последних десятилетий существования царского режима. Это при-

¹⁷ Касательно историографии западных исследований русского крестьянства см. Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer, eds., *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921* (Princeton: Princeton University Press, 1990).

¹⁸ основополагающими исследованиями в этой области были следующие работы: Richard Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860-1930* (Princeton: Princeton University Press, 1978); Barbara Alpern Engel, *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

¹⁹ Michael Confino, «Present Events and the Representation of the Past: Some Current Problems in Russian Historical Writing», *Cahiers du monde russe*, 35:4 (1994). P. 839-868.

вело к новой социальной интерпретации падения царизма – интерпретации, основанной на представлении о ключевой роли радикализированных промышленных рабочих в революционном процессе. Связанная с этим вопросом литература была проанализирована Стивеном Коткином, который подверг критике многочисленные недостатки данной парадигмы, включая тот факт, что она заставляла историков относиться к социальным и классовым категориям как к чему-то неизменному и основополагающему, а не как к политизированным терминам и объектам политической борьбы²⁰.

Отчасти вследствие слишком интенсивного интереса к истории рабочего движения определенные аспекты истории императорской России оставались крайне малоизученными. Эти «белые пятна» хронологически относились к дореформенной эпохе; тематически они были связаны с исследованиями культуры и особенно с изучением православия и других религий, а также нерусских национальностей; географически они затрагивали региональные и местные проблемы, а также почти все нерусские районы Российской Империи, в историографии которых доминировали эмигрантские группы, занимавшиеся национальной историей и в большой степени державшиеся особняком по отношению к «обычным» исследованиям России²¹.

Историографический взлет «внуков» произошел в период, наступивший после горбачевских реформ конца 80-х годов и произошедшего в 1991 году распада Советского Союза. Период этот продолжается и по сей день, так что излишние обобщения представляют в данном случае еще больший риск. И все же произошел явный сдвиг – достаточный для того, чтобы различать новый период в развитии историографии. С одной стороны, значительно расширилась эмпирическая и архивная база рассматриваемой области исторической науки – благодаря «архивной революции», произошедшей в конце 80-х, и отмене ограничений на передвижения иностранцев, которые были столь характерны для советского периода. «Внуки» стали проводить в России гораздо больше времени, в то время как «дети», пользовавшиеся преимуществами соглашений об академических обменах, заключенных после 1958 года между США и СССР, практически не могли совершать повторные поездки в Россию вне официально-бюрократических рамок.

С другой - события 1991 года почти сразу вызвали к жизни ряд поправок и переоценок в научной области. Наиболее заметен тот факт, что

²⁰ Stephen Kotkin, «“One Hand Clapping”: Russian Workers and 1917» *Labor History*, 32:4 (Autumn 1991). P. 604-620.

²¹ См. Mark von Hagen, «Does Ukraine Have a History?» и рецензии на эту работу: *Slavic Review*, 54:3 (Fall 1995). P. 658-717.

вопросы изучения империи, а также проживавших на ее территории нерусских национальностей и нерусских регионов царской России вышли в рамках дисциплины на передний план²². Часть проводившейся работы заключалась в сравнении континентальной, наднациональной Российской Империи с морскими, возникшими вокруг национальных государств империями Европы; кроме этого, сравнения делались на уровне имперской политики, характерной для XIX столетия, известного как «эпоха национализма» – с Османской империей и империей Габсбургов²³. Для других историков ориентиром стало научное направление, получившее название ориентализма и возникшее после публикации крайне влиятельной одноименной работы Эдварда Саида, сосредоточившего свое внимание на образе Востока в восприятии западных ориенталистов и на связях между этнографической наукой и имперской властью²⁴. Американские русисты, без колебаний бросившие вызов многим аспектам в методологии Саида, также стали интенсивно исследовать проблемы этнографии и образы нерусских районов и народов в русской культуре, литературе и искусстве²⁵. Испытав также влияние так называемых постколониальных исследований, русисты начали более интенсивное изучение Средней Азии, Кавказа, Закавказья и западного пограничья.

Второй аспект, в котором 1991 год повлиял на развитие историографии, имеет отношение к давнему интересу к корням революции и падению царизма. С распадом Советского Союза вдруг стало казаться, что не столь уж необходимо интерпретировать прошлое императорской России в свете событий Октября 1917 года и Октябрьской революции, обращая первостепенное внимание на «путь к революции». Как отмечается в недавнем, уже ставшем эпохальным сборнике новых работ, посвященных императорской России, «многие исследования императорской эпохи представляли собой что-то вроде научной аутопсии, произ-

²² Пример этому – трансформация журнала *Nationalities Papers*, которая произошла после 1991 года.

²³ Theodore R. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996); Karen Barkey and Mark von Hagen, eds., *After Empire: Multi-Ethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires* (Boulder: Westview Press, 1997).

²⁴ Edward Said, *Orientalism* (New York: Vintage Books, 1978).

²⁵ Примечательным исследованием имперской политики и этнографии явилась следующая работа Юрия Слезкина: Yuri Slezkine, *Arctic Mirrors: Russia and the Small People's of the North* (Berkeley: University of California, 1994). Недавно также появилась важная антология, включающая в себя два раздела: «Империя и Восток» и «Контакты в зоне "фронта"» См. Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini, eds., *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917* (Bloomington: Indiana University Press, 1997).

веденной по причине уверенности в поразивших тело хронических болезнях». Как и в случае недавней истории Османской империи, новая ревизионистская тенденция сегодня заключается в объяснении причин столь долгого и упорного существования империи, а не ее падения; или, по крайней мере, в отказе от рассмотрения всех явлений сквозь «толстую линзу революции»²⁶. Некоторые темы, такие, как история революционного движения и социал-демократии, утратили свой привилегированный статус; ряд других тем (некоторые из которых на удивление долго игнорировались, например, история православия и церкви, а также новые исследования народных форм религии) приобретают заметно большее значение. Наконец, одна из главных целей «внуков» - преодолеть изоляционистский подход к изучению и написанию русской истории (как особенной, «национальной» истории); «внуки» все больше осознают важность сравнительной истории, интеграции научных достижений в сфере изучения русской истории и истории других стран и стремятся рассматривать русскую историю в европейском и других более широких контекстах²⁷. С учетом изменений, которым подверглась американская русистика после окончания «холодной войны», превращения этой области исторической науки из дисциплины особой важности и с особым финансированием в «обычную» отрасль историографии, нуждающуюся в признании со стороны историков, работающих в других областях «всемирной» и европейской истории, новое увлечение сравнительным методом представляется не только важной частью интеллектуальной повестки дня, как и исследованием представляющий период, искания «внуков» разворачиваются частично под влиянием тех новшеств, которые определяют сегодня развитие профессиональной исторической науки, а частично – под влиянием критического отношения самих «внуков» к подходам, выработанным предыдущим поколением историков. Например, в сфере социальной истории некоторые из них перешли от изучения единичных социальных групп к изучению взаимодействия между группами, уделяя основное внимание тому, как изображаются в различных источниках неграмотные и неэлитарные группы²⁸. Другие исследовате-

²⁶ Jane Burbank, David L. Ransel, Introduction, Burbank and Ransel, eds., *Imperial Russia: New Histories for the Empire* (Bloomington: Indiana University Press). P. XI, XV.

²⁷ Компиляцией недавних работ, посвященных императорской России и написанных представителями того поколения ученых, которое активизировалось после 1991 года, является следующий сборник: David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis, *Russian Modernity* (London: Macmillan; книга должна выйти в свет в 1999 году).

²⁸ Видным примером такого рода исследований является широкомасштабное исследование тех видов преступности среди низших классов, которые петербургская пресса начала века описывала и классифицировала как «хулиганство».

ли пришли к новому пониманию класса, национальности и самого общества как сконструированных понятий, а не объективных реальностей, существующих в любом месте и в любое время.

Такие изменения произошли в результате глубокого влияния общих современных сдвигов, произошедших на Западе как в сфере исторических исследований, так и в более широком контексте интеллектуальной жизни. Комплекс изменений, повлиявших на историческую науку, включает в себя множество элементов. Первый из них – приход истории культуры на смену социальной истории, прежнему главному направлению в исторической науке; феномен этот иногда называют «новая культурная история». В рамках данного направления «культура» трактуется в антропологическом смысле, как система ценностей и понятий, а не как «высокая культура». Новая культурная история частично использует методы культурологии, а также других дисциплин: литературоведения, семиотики и культурной антропологии, т.е. она занимается не только такими традиционными проблемами, как проблемы эстетики и «высокой культуры», но и вопросами умонастроений, общественной идентификации и популярной культуры²⁹. Все это указывает на то, что сместилась междисциплинарная ориентация исторических исследований: от преобладавшего в эру «детей» влияния количественных методов, методологии общественных наук и социологии «внуки» ушли в направлении иных гуманитарных наук.

Интерес к языку и «дискурсу», преобладающий сегодня в гуманитарных дисциплинах и во многом заимствованный у французского «постструктурализма», из области литературной критики и философии, стал популярным и в истории. В исторической области самой влиятельной фигурой среди французских мыслителей стал социальный философ Мишель Фуко. Влияние работ Фуко на западных историков за последние два десятилетия было столь велико, что его можно сравнить с влиянием Маркса или Вебера; оно вышло далеко за рамки прямого воздействия оригинальных идей французского философа, породив целые области исторических исследований, которые сегодня значительно отличаются от вдохновивших их концепций. Среди наиболее характерных вопросов, поставленных Фуко, – изучение взаимоотношений между властью и знанием в истории профессий и наук о человеке; история

См. Joan Neuberger, *Hooliganism: Crime, Culture and Power in St. Petersburg, 1900-1914* (Berkeley: University of California, 1993).

²⁹ Применительно к России такое понимание культуры получило отражение в следующем недавно вышедшем в свет сборнике: Catriona Kelly and David Shepherd, eds., *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881-1940* (New York: Oxford University Press, 1998).

сексуальности, медицины и тела; изучение «дискурса» не только как языка, но и как способа кодификации и практического применения систем знаний.

Наконец, при обсуждении современных историографических тенденций нельзя не учитывать тот комплекс идей и то культурное движение, которое собирательно называют постмодернизмом. Термин этот пресловуто непонятен и аморфен; зачастую он просто вводит в заблуждение; тем не менее, он находится в центре западных и, в частности, американских интеллектуальных и научных дебатов 80 – 90-х годов. Термин «постмодернизм» означает различные явления в зависимости от того, в сфере какой науки или искусства он применяется. К примеру, появился он в рамках архитектурного движения 60-х годов, отвергшего принципы архитектурного модернизма и вскоре получившего широкое распространение. В области истории на самом элементарном уровне концепция постмодернизма подразумевает, что западное общество вступило в новую эру и что современная эпоха, начало которой традиционно связывают с эпохой Просвещения, с ее верой в разум, прогресс и освобождение человека, уже закончилась. Это активно оспариваемое утверждение впервые было высказано в рамках культурных и идеологических движений 70-х годов, которые, как утверждают, были изначально в своем оригинальном виде специфически американскими явлениями³⁰. В американской исторической науке постмодернизм ассоциируется с чем-то вроде радикального релятивизма. Обычно его связывают с теми теориями языка, которые утверждают, что не существует экстралингвистической реальности, не зависящей от нашего применения языка, и что сам язык не имеет стабильного значения и не соотносится ни с каким независимым миром фактов; что ключевые понятия и феномены, которым традиционно приписываются объективность и стабильность, культурно или социально «конструируются»; что при написании истории используются методы повествования, сходные с теми, которые применяются в художественной литературе; и что в истории не может быть никаких «грандиозных» объяснений, никаких «метасюжетов». В своей недавней статье один из критиков вышеописанных тенденций приводит доказательства того, что в действительности постмодернистские настроения были намного менее влиятельны в американской исторической науке, чем в американском литературоведении. Причины этого вполне очевидны: часто отмечается, что если бы концепции постмодер-

³⁰ Я считаю, что одно из лучших введений в дискуссию о «постмодернизме» дается в работе: Huyssen Andreas, «Mapping the Postmodern», Joseph Natoli and Linda Hutcheon, eds., *A Postmodern Reader* (Albany: State University of New York Press, 1993). P. 105-156.

низма были полностью приняты, вряд ли осталось бы много смысла в изучении прошлого. В то время как многие историки-практики просто игнорируют методологический вызов, брошенный постмодернизмом, все же спектр реакций на него крайне велик: от враждебного отрицания до активного приятия или частичного и критичного признания³¹.

Во всяком случае, – даже если постмодернизм является не столько системой конкретных идей и подходов, сколько культурно-интеллектуальным стилем и настроением, определяющим тот мир, в котором творят историки, влияние его практически невозможно игнорировать. В этом смысле он вызвал к жизни определенные тенденции, появление которых могли бы приветствовать даже многие его противники: рост скептицизма по отношению к источникам и теоретического интереса к источниковедению и к текстуальному анализу, уменьшение уверенности в объективном характере количественных данных, стремление избегать грандиозных толкований. К тому же с ним может быть увязан возросший интерес к аномальным и нетипичным историческим явлениям, к микросистемам, а также к парадоксам и иронии в исторической литературе. Кроме того, справедливо будет отметить, что в области изучения истории России (несмотря на то, что в новейших исследованиях имеет место скорее флирт с вышеупомянутыми методологическими тенденциями, чем серьезное их приятие) «поворот в сторону лингвистики» и «новая культурная история» придали больший вес ряду традиционных направлений, имевших к этому моменту вполне солидную родословную. Среди этих направлений – история идей, история «высокой» культуры, возродившийся интерес к политической истории, интерес к истории «ключевых понятий» (то есть к возникновению и развитию культурно значимой философской, политической, религиозной и научной терминологии, к ее изменениям – в зависимости от исторического и социального контекста с момента рождения до современности). Все эти направления имеют долгую историографическую историю, в последнем случае не столько в США, сколько в рамках немецкой школы «*Begriffsgeschichte*» (истории понятий и терминологии). В каждом случае, однако, явный переход от позиций «детей», увлекавшихся социальной и «материальной» историей, к культурной и «духовной» истории «внуков», дал толчок к возрождению традиций предыдущего поколения, предшествовавших поре расцвета социальной истории³².

³¹ Perez Zagorin, «History, the Referent, and Narrative: Reflections on Postmodernism Now», *History and Theory*, 38:1 (1999). P. 1-24.

³² Касательно немецкой школы, представители которой занимались историей ключевых исторических понятий (*Begriffsgeschichte*) и разрабатывали свои собственные методологии, см. монументальный труд *Geschichtliche*

«Внуки» равняются не только на последние французские моды или на принципы утонченного литературного стиля, но и – по крайней мере, частично – на своих «дедов».

Если попытаться завершить этот схематичный обзор сдвигов, происходивших с приходом новых поколений, неким самым общим выводом об изменениях в области методологии, то можно сказать, что основной структурный сдвиг во взглядах ученых-историков на исторический процесс – это сдвиг от «большой» политики и грандиозных идей «отцов» к рассмотрению «детьми» проблем общества и общественных сил, и к широкому пониманию культуры (в описанном выше смысле) «внуками». Несмотря на то, что каждый структурный сдвиг дает определенные преимущества и позволяет увидеть много нового, и что сама рассматриваемая область исторической науки формировалась вокруг попыток понять причины резких и полных перемен и эпистемологических разрывов, между подходами трех основных поколений существует достойная внимания преемственность. В частности, каждый из них несет в себе возможность игнорирования или «принижения» других видов исторических интерпретаций. В каждом есть редуционистский потенциал, поскольку историческая реальность потенциально может быть объяснена путем сведения ее к действию однозначной причинности: политических сил, общественных сил или сил культуры³³.

Предложенная трехчастная схема развития американской историографии русской истории позволяет нам с большей четкостью определить научное значение каждой из представленных в данной антологии восьми работ. Ниже я попытаюсь дать некоторые комментарии по поводу места работ данных авторов в историографии, ознакомить читателя с их научными биографиями и с тем вкладом, который внесла в историческую науку каждая из переведенных для данного сборника работ,

Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland, ed. Otto Brunner, Werner Conze, and Reinhart Koselleck, до настоящего момента выпущено 7 томов (Stuttgart: E. Klett, 1971-1997). Основным методологом данной школы является Koselleck, чьи работы переведены на английский язык как *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* (Cambridge: MIT Press, 1985). Главный интерпретатор этой традиции в англоязычном мире - Melvin Richter; см., к примеру: Richter, «Begriffsgeschichte and the History of Ideas (Lovejoy, The Great Chain of Being, and the History of Ideas)», *Journal of the History of Ideas*, 48 (1987).

P. 247-264.

³³ Подробная критика новых видов редуционизма содержится в следующем обзоре новых работ по истории культуры: Laura Engelstein, «Paradigms, Pathologies, and Other Clues to Russian Spiritual Culture: Some Post-Soviet Thoughts», *Slavic Review*, 57:4 (Winter 1998). P. 864-877.

а также представить отобранные статьи в более широком историческом контексте. Я постараюсь также охарактеризовать позиции данных работ по отношению к двум вопросам, которые, как уже говорилось выше, имеют решающее значение при оценке деятельности всех трех поколений американских исследователей России. Первый вопрос – это неизбежный вопрос о роли «Запада», «вестернизации» или «европеизации» в начавшейся в XVIII столетии истории императорской России. Хотя даже сегодня понятие «Запад» воспринимается как нечто целое, оно не является обозначением ни явной географической реалии, ни единой исторической модели развития³⁴. История того, как стало возникать ощущение кардинальных различий между Востоком и Западом, между Россией и Европой, представляет собой, конечно, давнюю и запутанную тему, влияющую как на историю, так и на историографию. Как представленные здесь историки подходили к проблеме сравнений в интерпретации истории России – проблеме и явной, и подразумеваемой? Как они рассматривали модели развития, взаимодействия и взаимного восприятия в контексте проблемы «Россия и Запад»?

Вторая проблема, которой я хотел бы уделить здесь внимание, не менее важна для историографии, но она связана не с пространственными, а с временными аспектами, влияющими на концептуальный подход к истории царской России. Как эти историки подходят к проблеме истоков революции, проблеме интерпретации истории императорской России в свете ее конечного краха и, следовательно, к проблеме стабильных и нестабильных элементов царского строя? Данный вопрос может быть охарактеризован как проблема телеологии и истоков революции.

Немногие западные историки стали бы оспаривать утверждение, что Марк Раев, автор статьи о «регулярном полицейском государстве», является ведущим американским специалистом по истории России XVIII и XIX столетий. Наиболее полная библиография его работ, начинающаяся с его первой рецензии, написанной в 1946 году, и оканчиваю-

³⁴ О процессе, начавшемся в эпоху Просвещения и продолжавшемся после нее, в результате которого основное деление Европы стало восприниматься как деление на Восток и Запад, см. Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford: Stanford University Press, 1994). Недавно вышедшая в свет работа, интерпретирующая историю западного восприятия России с 1700 года до наших дней, – это Martin Malia, *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum* (Cambridge: Harvard University Press, 1999); методологически важный анализ данных вопросов в связи с Балканами содержится в работе: Maria Todorova, *Imagining the Balkans* (NY: Oxford University Press, 1997). По поводу существовавших в истории России западных моделей экономического развития см. Esther Kingston-Mann, *In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development* (Princeton: Princeton University Press, 1999).

щаяся даже не сегодняшним днем, а всего лишь 1987 годом, включает в себя 276 библиографических единиц³⁵. Раев сформировался как дитя «России за рубежом», о чем свидетельствует и его интерес к истории русской эмиграции³⁶. Он учился в Гарварде у Карповича, а с 1961 по 1987 годы работал в Колумбийском университете (с 50-х по 80-е годы Русский институт этого университета, позже переименованный в Институт имени Аревелла Гарримана, был одним из ведущих центров изучения русской истории на Западе). Деятельность Раева является своего рода мостом между поколениями «отцов» и «детей», а обширный круг его научных интересов включает в себя политическую, интеллектуальную и социальную историю. Первая крупная работа Раева, «Сибирь и реформы 1822 года», стала отражением необычного для того времени интереса к региональной истории; другие основные его работы были посвящены деятельности государства – например, исследование реформаторской деятельности Сперанского; среди них также были социально-исторические исследования по Пугачевскому восстанию и генезису русской интеллигенции из дворянства в XVIII столетии. Тематами научных сборников, составленных и отредактированных Раевым, были Петр I и Екатерина II, декабристы и русская мысль. Двухтомное собрание избранных статей М.Раева наглядно показывает разносторонность его интересов и демонстрирует, что неизменной темой его работ были взаимоотношения между российским государством и российским обществом. Можно полагать, что осознание реальной преобразующей мощи как государства, так и идей, заставило историка скептически относиться к «ревизионистским» теориям, подчеркивающим значение перемен «снизу»³⁷.

Однако деятельность Раева необычна с точки зрения историографии и «отцов», и «детей»: блестящее знание европейских языков и европейской истории дало ему возможность интерпретировать русскую историю на основе глубинных сравнений с историей других стран. Пол Бушкович, также представленный в данном сборнике, вспоминает, как,

³⁵ Edward Kasinec, «Marc Raeff: A Bibliography (1946-1987)», Ezra Mendelsohn and Marshall S. Shatz, eds. *Imperial Russia 1700-1917: State Society Opposition. Essays in Honor of Marc Raeff* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 1988). P. 289-313.

³⁶ Марк Раев, *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919-1939*. М., 1994; впервые опубликована на английском языке в 1990 г.

³⁷ Marc Raeff, Michael Speransky, *Statesman of Imperial Russia, 1772-1839* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1957); *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility* (New York: Harcourt, Brace, 1966); *Imperial Russia: Understanding State and Society in the Old Regime* (New York: Columbia, 1984); *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia* (Boulder: Westview, 1994).

поступив в 1970 году в Колумбийский университет, он стал учиться у Раева и исследователя церемоний и мифов допетровского двора Майкла Чернявского. Бушкович отмечает, что Раева и Чернявского (а также его самого) можно рассматривать в качестве продуктов как русской эмиграции, так и американской университетской системы. «Семинары Чернявского в Колумбийском университете следовали модели четкого и детального анализа русских летописей, грамот и других документов. Раев внес в исторические исследования России беспримерное знание русской и европейской историографии и культуры, а также взаимодействия между ними. Он научил меня рассматривать русскую историю в самом широком европейском контексте, что было крайне необычным для тогдашних западных историков России»³⁸.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что России посвящена лишь одна треть объема статьи Раева о значении и наследии полицейского государства XVI-XVII веков. Конечно, выражение «полицейское государство» имеет для человека XX века совершенно иное значение, чем то, которое существовало несколько столетий назад: ранее оно обозначало административную систему, которая, согласно Раеву, возникла в протестантской Центральной Европе. Отсутствие там сверхнационального института католической церкви позволяло новым государствам беспрепятственно стремиться к единообразию, с маниакальным упорством воплощать в жизнь принципы регулярности и динамично вмешиваться в экономическую, социальную и культурную жизнь. В рамках немецкой традиции явление это известно как «*Polizeistaat*»; дореволюционный и советский историк Сыромятников ссылался на «регулярное» государство Петра I, которое во многом соответствует описанию Раева³⁹. То внимание, которое Раев уделяет европейскому, а не российскому процессу развития государственной администрации, идеологии и бюрократии, является, однако, важнейшим аспектом его концепции российской истории. Согласно Раеву, то, что появилось в XVII столетии в Германии, достигло России лишь в XVIII веке: таким образом, от Рейна до Волги протянулся некий континуум государственного развития. В связи с этим развитие петровского государства предстает в радикально новом свете. Централизованный бюрократический этатизм Петра I сравнивается с политикой австрийского императора Иосифа II; жестокий дидактизм Петра, часто воспринимаемый как явление, порожденное особенностями его личности и той роли, которую он играл в

³⁸ Из личной переписки Пола Бушковича (Paul Bushkovich) с автором, 5 апреля 1998 г.

³⁹ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра I и его идеология. Ч. I. М.; Л., 1943.

России, характеризуется как пример прямого копирования более ранних немецких административных статутов. Екатерина II также предстает не как типичная правительница эпохи Просвещения, а как наследница камералистских теорий, имевших хождение в Германии в XVII и XVIII веках⁴⁰.

Россия, согласно предложенной Раевым концепции, столкнулась с особыми препятствиями в отведенном ей секторе пан-европейского процесса. Раев утверждает, что в России были введены характерные центрально-европейские формы государственной практики, хотя социальная структура российского общества радикально отличалась от условий Центральной Европы; таким образом, России пришлось вместе с новыми инструментами государственной власти создавать «новые социальные формы». Очевидно, что Раева не интересует интерпретация истории России XVIII и XIX веков с точки зрения конечного краха царского государства в результате революции. Но крайне показательным, что первое упоминание России в данной статье связано с противоречивыми по своему существу попытками стимулировать личную творческую инициативу посредством бюрократического централизованного государства – с вечной, но далеко не уникальной, проблемой России (можно добавить, что с соответствующими поправками проблема эта была характерна и для Советского Союза). Раев также пишет о другой, возникшей позже проблеме: о том, что экономические и социальные последствия индустриализации, проведенной в XIX столетии, подорвали все основы созданного в XVIII веке регулярного полицейского государства. Таким образом, две ключевые социальные проблемы, повлиявшие на стабильность царского режима, стояли в России – если продолжить аргументацию Раева – с исключительной остротой; тем не менее, они не были уникально российскими, и, следовательно, могут быть поняты и в контексте истории континентальной Европы.

Если Раев и обращается здесь – косвенным путем – к вопросу об истоках революции (с характерным для него использованием сравнительного метода), то его сравнительный подход также имеет прямое отношение к дискуссии о России и Западе. Ибо если в сфере государственного администрирования первостепенное значение приобретает сравнение России с Центральной Европой, особенно с германскими государствами и существовавшими там камералистскими теориями, то описываемое Раевым вмешательство государства в общественную жизнь в

⁴⁰ Этот взгляд находит подтверждение в последующих переоценках деятельности Екатерины, таких, как работа: Max J. Okenfuss, «Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia», Gary M. Hamburg, ed., *Imperial Russian History*, I: 1700-1861 (NY: Garland Publishing, 1992). P. 107-134.

конечном итоге представляет собой типичное явление, свойственное всей континентальной Европе – например, наполеоновской Франции. В свете всего этого традиция англо-американской цивилизации, иначе трактуемая и склонная минимизировать роль государства как двигателя социальных перемен, предстает скорее как исключение, чем правило. Такие различия, конечно, не только препятствуют «монолитному» восприятию понятия «Запад», но и должны оказать влияние на те многочисленные отрасли исторической науки, где Россия рассматривается в сопоставлении с западными моделями.⁴¹

Пол Бушкович, профессор Йельского университета, является одним из ведущих американских специалистов в области истории допетровской России и, с недавнего времени, истории Петровского времени. Отец Бушковича покинул Россию в 1923 году и стал работать физиком в США; его дед, В.И.Бушкович, с 1909 по 1939 годы был преподавателем анатомии в медицинской школе Одесского университета. Бушкович вспоминает, что его отец был «типичным русским интеллигентом, знания и культурные интересы которого выходили далеко за рамки требований его профессии». Знакомство Бушковича с русской историей началось с рассказов о первой мировой войне, революции и гражданской войне.⁴² Бушкович известен по его ширококомасштабной архивной работе и экскурсам в те области, которые, по его мнению, недостаточно изучены в историографии. Так, его первый труд относился к области экономической истории: он был посвящен московскому купечеству и стал итогом работы, которую Бушкович вел совместно с Н.Б.Голиковой в Московском университете в 1973-1974 годах⁴³. Затем Бушкович написал крупную работу по православной религии в XVI и XVII веках⁴⁴. Его интерес к эпохе Петра I, отражением которого является представленная в данном издании статья, возник в результате случайного стечения обстоятельств: в 1984 году в Вене он начал изучать отчеты посла Габсбург-

⁴¹ Приведем лишь один пример: в большей части существующей литературы по социальным наукам до недавнего времени вопросы профессионализации и профессий рассматривались на примерах из англо-американской истории, в то время как роль государства в Центральной Европе и в России как в сфере создания профессий, так и с точки зрения общественной роли и автономии профессиональных групп, сильно отличалась от англо-американских условий. См. Harley Balzer, ed., *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996).

⁴² Из личной переписки Пола Бушковича с автором, 5 апреля 1998 г.

⁴³ Paul Bushkovitch, *The Merchants of Moscow, 1580-1650* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980).

⁴⁴ Paul Bushkovitch, *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries* (New York: Oxford University Press, 1992).

гов, находившегося при русском дворе в эпоху царствования Петра. «Я обнаружил, что одно за другим в документах описывались события, в сущности неизвестные в традиционной историографии; поэтому я решил просто следовать источникам»⁴⁵. Результатом стало исследование дворцовой политики с 1670 по 1725 годы, в настоящее время готовящееся к печати. Другие сферы разносторонних интересов Бушковича – историография и источниковедение. Этот аспект нашел отражение в необычной структуре статьи, помещенной в данном сборнике: она включает раздел, посвященный царевичу Алексею и Петру I, и раздел, посвященный Н.Г.Устрялову, историку XIX столетия, изучавшему петровскую эпоху.

Многие из задач, которые Бушкович решает в данной статье, носят эмпирический и источниковедческий характер и подвергают сомнению уже существующие концепции; эти черты свойственны всей его работе. В первую очередь Бушкович стремится доказать, что предпринятая Устряловым публикация исторических источников, как и вся порожденная ими традиция исторической литературы о Петре и Алексее, была построена на опущении и фальсификации данных. Бушкович также выдвигает предположение, что планы Австрии поддержать некое восстание против Петра с привлечением царевича существовали в действительности, как существовали и подобные планы со стороны Швеции, неизвестные русской историографии, но признаваемые шведской исторической традицией с середины XIX столетия. Наконец, Бушкович ставит перед собой задачу охарактеризовать оппозицию политике Петра, следы которой прослеживаются в имеющихся источниках. По мнению Бушковича, можно понять логику действий Австрии, поскольку эта великая западная держава считала личную власть Петра I и его реформаторский курс непрочными. Бушкович утверждает, что источники воссоздают картину потаенной оппозиционной атмосферы, создавшейся в высших эшелонах церковной и государственной власти и направленной против Петра и его реформаторского правления; он подчеркивает, что речь идет об общей атмосфере, а не о хорошо организованной партии или о заговоре. Таким образом, конфликт между Петром и Алексеем не был просто личным конфликтом (как это показывают подвергнутые устряловской цензуре данные), а являлся отражением существовавших в российском государстве глубоких противоречий. Характерно, что Бушкович проводит четкую линию между тем, о чем говорят и о чем умалчивают источники: единственным «честным заключением», пишет он, является заключение о том, что причины и обстоятельства смерти царевича Алексея нам не известны.

⁴⁵ Ibid.

На другом уровне, однако, можно видеть, что работа Бушковича так же, как и Раева, тесно связана с темой «Россия и Запад». В то время как космополитический подход Раева проявляется в его обращении к транснациональной и сравнительной истории, Бушкович в своей статье стремится интегрировать данные европейской межархивной источниковой базы и, следовательно, реконструировать широкую перспективу международной политики и дипломатии с целью прояснения обстоятельств «дела» царевича Алексея. «В петровские времена Россия активно включилась в европейскую жизнь, и правление Петра не может изучаться с привлечением только российских источников», – настаивает Бушкович.⁴⁶ Кроме того, Бушкович отрицает «традиционную версию», согласно которой мировоззрение Алексея представляло собой нечто вроде православного консерватизма, а его конфликт с отцом символизирует конфликт между старой и новой Россией. Согласно Бушковичу, симпатии царевича скорее принадлежали культуре европейского барокко, в то время как взгляды Петра были более близки протестантскому Северу – в этом смысле оба они были «европейцами», но европейцами разного толка.

Посвященная сословной парадигме статья Грегори Фриза удачно дополняет работы Раева и Бушковича, в ней подчеркивается контраст между социальной структурой в России и сословными системами Западной Европы. Работа Фриза, поражающая широтой охваченных проблем, где предпринят синтез самых разнообразных материалов из области социальной истории, в какой-то мере стала кульминацией научной деятельности всего поколения «детей». Вскоре после первой публикации эта статья получила признание как важная историографическая веха и была опубликована повторно. Фриз приступил к широкомасштабному изучению сословной системы после завершения фундаментального труда о наименее изученном сословии – о духовенстве. За упоминавшейся выше работой о духовенстве в XVIII веке последовала вышедшая в 1983 году книга о духовенстве в XIX столетии; с этого момента Фриз был признан одним из ведущих специалистов по истории православной церкви. Он перевел, составил и аннотировал сборники документов по истории церкви и социальной истории, включая интересные мемуары Иоанна Стефановича Беллюстина о дореформенной церкви и сельской жизни. Позже Фриз был главным редактором обобщающего труда по истории России. С 1991 года он активно сотрудничал с российскими архивистами; так, совместно с Сергеем Мироненко он был редактором нового путеводителя по Государственному архиву Российской Федерации⁴⁷.

⁴⁶ Из личной переписки Пола Бушковича с автором, 5 апреля 1998 г.

⁴⁷ Название публикации - I.S.Bellustin, Description of the Clergy in Rural Rus-

Некоторые черты статьи Фриза, в особенности его полемика с «государственной школой» в русской историографии, как и то внимание, которое автор уделяет отсутствию социальной поддержки самодержавия как предпосылке революции в конце императорского периода российской истории, делают ее частью более широкого историографического направления: эти тенденции были свойственны всему поколению «детей». Однако работа Фриза выделяется из этого общего контекста рядом необычных, оригинальных черт. Наиболее важно здесь то, что автор использует в своей интерпретации социальной структуры методологию упомянутой выше немецкой школы «истории ключевых понятий». Один из стандартных методов данной школы – выявление происхождения и значения не только одного важного концептуального понятия (в данном случае – понятия сословия), но и связанных с ним, сгруппированных вокруг него слов и терминов. Демонстрация того, как все эти слова и термины употреблялись на протяжении определенного отрезка времени, позволяет более четко разъяснить центральное понятие. Таким образом, Фриз включает в свою работу исторические определения и формы использования таких понятий, как «чин», «стан», «состояние», «собрание» и т. д. Его статья интересна как смелая попытка интегрировать выводы, сделанные в результате детального рассмотрения истории понятий, с одной стороны, и большой объем материалов по социальной истории России – с другой.

Приводимые Фризом данные в значительной степени указывают на то, что до середины XIX столетия концептуальное понятие «сословие» не имело фиксированного, стабильного значения: «корпоративная группа, наделенная юридическими правами»; значение это оно приобрело лишь постепенно. В целом, основываясь на лингвистических данных и данных иного характера, Фриз приходит к заключению, что сословная система в XIX столетии не была архаичным явлением и не находилась в состоянии упадка, а, наоборот, отличалась высокой степенью динамики и быстро развивалась. По его словам, та крайне аморфная социальная терминология, которая была в употреблении в XVIII и XIX веках, указывает на бессистемность государственной социальной политики; следовательно, сословия не были только лишь результатом деятельности

sia: *The Memoir of a Nineteenth-Century Parish Priest* (Ithaca: Cornell University Press, 1985). См. также Gregory L. Freeze, ed. *From Supplication to Revolution: A Documentary Social History of Imperial Russia* (New York: Oxford University Press, 1988); Gregory L. Freeze, ed. *Russia: A History* (Oxford: Oxford University Press, 1997); Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX - начала XX вв.: Путеводитель / Под ред. С.В.Мироненко, Грегори Л. Фриза. М., 1994.

российского государства. «Сословие» не было повсеместно принято в качестве доминирующего, базового термина вплоть до периода Великих реформ; и даже после этого использование данного понятия в юридических документах носило крайне редкий характер. Экскурс Фриза в сферу истории концептуальных понятий позволяет ему несколько уточнить периодизацию рассматриваемого им процесса. Он считает, что употребление термина «сословие» в отношении групп, объединявшихся в России XVIII столетия по наследственному принципу, не более чем анахронизм, и, таким образом, указывает на опасность использования сословной парадигмы, сложившейся в пореформенный период, применительно к предыдущим историческим периодам. Фриз отрицает концепцию простого перехода от сословий к классам в эпоху индустриализации, подчеркивает то важное значение, которое сословия сохраняли до момента падения царского режима, и утверждает, что если не сами сословия, то по крайней мере принцип сословности сохранялся и после 1917 года.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что вторая часть статьи, – та, где детальное рассмотрение истории терминологии и определений сменяется общей интерпретацией изменений, произошедших в социальной структуре России в конце XIX и начале XX столетий, – носит несколько обзорный характер. Тем не менее такая форма подачи материала позволяет Фризу придать своей трактовке роли государства в русской истории большую многогранность. Он считает, что после 1870 года государство, несмотря на происходившие быстрые изменения социальной структуры, предпринимало попытки сохранить сословную систему, найдя ей новое идеологическое обоснование. Таким образом, при том, что историк ставит акцент на динамизме и гибкости социальной структуры, при всем его неприятии интерпретаций, подчеркивающих главенствующую роль государства, он все же отводит государству ключевую роль. Объясняя читателю, насколько российские сословия отличались от западноевропейских сословий, Фриз указывает не только на позднее развитие сословной системы в России (в XIX столетии!), но и на отсутствие в России полностью автономных и четких корпоративных социальных организаций – в противоположность ситуации в Западной Европе. Поэтому в российских условиях первостепенное значение приобретало взаимодействие государства с сословиями; более того, взаимодействие это носило не односторонний, а двусторонний характер. Такой подход кажется более обоснованным, чем простая ссылка на изменения, исходившие «снизу».

Наконец, статья Фриза привлекает внимание к исключительной сложности российской сословной системы и, следовательно, всего российского общества. Система сословий допускала намного большую

степень мобильности, чем обычно предполагается, в частности, обладала гибкостью, достаточной для того, чтобы включать в себя группы, объединенные общим родом занятий или одной профессией, и лишь в слабой степени – наследственным принципом. Убедительность, с которой Фриз демонстрирует высокую степень сложности существовавшей в России социальной структуры, – очевидное достижение социальной истории, практиковавшейся поколением «детей». Но историк на этом не останавливается. Предлагая интерпретацию, предвосхищающую некоторые аспекты подхода, свойственного поколению «внуков», Фриз выдвигает предположение, что идея сословия в той форме, в которой она сформировалась в XIX столетии, сама структурировала определенную часть социальной реальности: она усиливала степень осознания принципа корпоративности и существования отличных друг от друга сословных культур. В итоге работа Фриза заставляет нас пересмотреть ряд таких исторических и историографических взаимосвязей, как отношения между существовавшими в различные периоды представлениями о социальной структуре, между различной исторической терминологией, используемой для описания этой социальной структуры, и между различными этапами эволюции такого сложнейшего феномена, как российский социум.

Статья Томаса Барретта посвящена многолетним процессам, сопровождавшим русскую экспансию XVIII и XIX веков на Северном Кавказе. Барретт явно принадлежит к поколению «внуков» – он самый молодой из участников данного сборника. Этот историк защитил в Джорджтаунском университете диссертацию по терскому казачеству 1700-1860 годов; его работа является проявлением того интереса к нерусским национальностям Российской Империи и пограничья, активизация которого наблюдается в последнее время⁴⁸. Большая часть недавних исследований по национальной проблематике посвящена сложившимся в России образам нерусских народов и изучению нерусских народов в русской литературе, культуре и этнографии. Исследование Барретта, посвященное пребыванию Шамиля в плену, явилось вкладом в данную область историографии⁴⁹. Но, будучи специалистом в двух относительно новых областях исторической науки, известных как история окружающей среды и история «фронтира» (приграничной зоны), Барретт поднимает в своей статье вопросы, в значительной степени отличающиеся как от вопросов, рассматриваемых историками в контексте куль-

⁴⁸ Thomas M. Barrett. «The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860», Ph.D. diss., Georgetown University, 1997.

⁴⁹ Thomas M. Barrett, «The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity», Russian Review, 53:3 (July 1994).

туры, так и от вопросов русской имперской политики, составляющих важный раздел современной исторической литературы⁵⁰. В публикуемой здесь статье Барретт делает попытку применить подходы, выработанные исследователями американского Запада, к истории Северного Кавказа. Он надеется, что это поможет преодолеть стереотип изучения истории русской экспансии в регионе как истории завоеваний (на чем концентрировала внимание дореволюционная российская историография), или как истории сближения и дружбы народов (что было идеологическим императивом советской историографии), или исключительно как истории репрессий и сопротивления местного населения угнетателям (на что делается упор в многочисленных западных работах, посвященных истории нерусских окраин империи).

Барретт намечает те направления, где историография американского «фронта», созданная в США за последние два десятилетия, может быть применена к истории Северного Кавказа. Первое направление – это история окружающей среды. Здесь Барретт фокусирует свое внимание на преобразованиях природного ландшафта поселенцами, на той роли, которую играли эпидемические заболевания в жизни местного населения, и на сочетании различных сельскохозяйственных методов эксплуатации земель – от «экстенсивных» русских до «интенсивных» местных. Второй аспект – это то, что Барретт называет «пограничным обменом» и что включало в себя торговлю и экономическое взаимодействие русских, казаков и различных местных народностей. Третий аспект – явление, которое Барретт характеризует как «ничейную землю»: она существует в зоне «фронта» как результат смешения представителей различных социальных и этнических групп, различных обычаев и культур, создания новых реалий. Здесь историк подчеркивает значение смешанных браков, пересечения этнических границ (например, в форме поступления осетин на службу в казачье войско), сложного сочетания обычаев и союзных обязательств и так далее. Приводя в качестве примера такой «гибридизации» группу армавирских армян, которые в 1839 году осели на другом берегу Кубани, Барретт пишет, что они были «армянами по самосознанию, христианами по вере, подданными Российской Империи, жившими в казачьей среде, говорившими, одевавшимися и питавшимися по-черкесски, соблюдавшими черкесские обычаи»...

Барретт подчеркивает, что результатом русской завоевательной политики стало не создание «новой России» на периферии империи, а рождение принципиально новой реальности – хотя, конечно, такое утверждение оставляет открытым вопрос о том, в какой степени отсутствие

⁵⁰ Интересы Барретта не ограничиваются историей, он также интересуется садоводством и даже опубликовал справочник по североамериканскому садоводству.

четких различий между центральными районами и периферией делало Российскую Империю отличной от других (в особенности морских) империй. Тем не менее «фронтир» может быть определен как область, на территории которой слаба государственная власть центра, пересекаются различные влияния и, следовательно, имеет место необычайно высокая степень смешения элементов различных культур. На Северном Кавказе, как подчеркивает Барретт, ни одна из групп – даже русские после 1864 года – не была четко доминирующей. Да и отношения между русскими и кавказцами с экономической точки зрения не были классическими колониальными отношениями, при которых поступающие из метрополии промышленные товары обмениваются на местное сырье. По мнению историка, в силу высокой степени взаимодействия и взаимозависимости различных групп населения любой анализ «фронтира», где ставятся лишь проблемы подавления империей местного населения и сопротивления туземцев имперской политике, становится слишком политизированным и упрощенным. Таким образом, исследование самого Барретта ориентировано на проблему анализа местных особенностей и смешения различных элементов в зоне «фронтира» и, следовательно, занимает особое место в рамках историографического контекста, поскольку здесь практически полностью отсутствует анализ традиционных «серьезных» вопросов, таких, как вопрос об истоках революции или проблема «Россия и Запад».

Работа Дэниела Тодеса переносит нас в совсем иную область историографии – в сферу истории науки. Тодес, профессор Института истории науки, техники и медицины Университета имени Джонса Хопкинса, принадлежит к сравнительно небольшой, но играющей важную роль группе американских ученых, занимающихся историей российской науки⁵¹. Тодес является специалистом по истории развития эволюционной теории и физиологии в России; им опубликована монография, посвященная теме данной статьи, а именно реакции русского общества на эволюционные идеи Дарвина⁵². Он также закончил монографию о лаборатории И.П.Павлова и его исследованиях в области физиологии пищеварения; эта работа является частью двухтомной научной биографии Павлова (Тодес также написал краткую биографию ученого в форме

⁵¹ Значительные работы представителей этой школы, посвященные науке царского периода, включают в себя следующие труды: Alexander Vucinich, *Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a Science of Society* (Chicago: Chicago University Press, 1976); Loren R. Graham, *Science in Russia and the Soviet Union: A Short History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

⁵² Daniel Todes, *Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Evolutionary Thought* (New York: Oxford University Press, 1989). См. также Alexander Vucinich, *Darwin in Russian Thought* (Berkeley: University of California Press, 1988).

учебного пособия). Работа Тодеса по изучению наследия Павлова включает в себя и важное исследование того, как развивались взаимоотношения академика с большевистским режимом в период с 1917 по 1936 год⁵³. 1976-1977 и 1990-1991 годы Тодес провел в Петербурге, где он занимался архивной работой; этот город, по собственному признанию историка, он считает своим «вторым домом»⁵⁴.

По прочтении статьи Тодеса вскоре становится очевидным, что она фактически является чем-то вроде связующего звена между историей науки как таковой и сферой истории идей, или интеллектуальной историей. На первый взгляд, статья исследует восприятие в России эволюционных идей Дарвина через призму реакции русских ученых на понятие «борьба за существование», которое для Дарвина было метафорой ранее высказанных идей Мальтуса. Однако Тодес исследует реакцию не только ученого мира, но и публицистов, радикальных мыслителей и интеллигенции, выходя в конце концов на проблему восприятия всей российской общественностью сначала идей Мальтуса (в начале XIX столетия), а затем теории Дарвина (в конце века). Таким образом, в работе этого историка предлагается несколько возможных путей плодотворной интеграции исследований в области истории науки (которые часто отделяют от более общих исторических исследований) в более широкий историографический контекст.

Наиболее важным в данном случае представляется значение двух имеющихся в работе Тодеса понятий: понятия научной метафоры и национального стиля. Метафора в науке, как осознавал сам Дарвин, представляет собой нечто вроде стенографической записи разделяемых различными учеными представлений об одном предмете, которые используются с целью объяснения другого. В этом смысле научная метафора зависит от того более широкого культурного, идеологического и национального контекста, в котором она воспринята; именно такую взаимосвязь между наукой и контекстом Тодес и стремится вскрыть в своей работе. Так, английские читатели Дарвина сразу же приняли выражение «борьба за существование» – метафору, вызывавшую ассоциации с теорией Мальтуса. Но, как показывает Тодес, для русской общественности, давно отвергшей идеи Мальтуса, закономерным стало скептическое отношение к мальтузианской метафоре даже при том, что эволюционные идеи Дарвина в целом были восприняты в России положительно. Тодес полагает, что физико-географическая среда России позволяла русским сохранять большую критическую дистанцию по отношению к мальтузианской концепции перенаселения. Коллективистская и антиин-

⁵³ Daniel Todes, «Pavlov and the Bolsheviks», *History and Philosophy of the Life Sciences* 17:3 (1995). P. 379-418.

⁵⁴ Из личной переписки Даниэла Тодеса с автором, 4 мая 1999 года.

дивидуалистическая политическая и идеологическая ориентация, глубоко пронизывавшая многие аспекты жизни русского общества, также способствовала выделению и отрицанию русскими учеными ошибочного, по их мнению, мальтузианского компонента дарвиновской метафоры. Тодес убедительно демонстрирует, что все подгруппы российской общественности, независимо от их идеологии, исповедовали хотя и различное, но одинаково негативное отношение как к идеям Мальтуса, так и к предложенной Дарвином метафоре, часто воспринимая их в качестве примеров бездушного индивидуализма.

Попытка Тодеса проследить, как протекает развитие науки в более широком социальном контексте, непосредственно вписывается в рамки той сферы, которая известна как социальная история науки. Но в публикуемой здесь статье он идет дальше, исследуя, каким образом «закон о взаимной помощи» ихтиолога К.Ф.Кесслера, создание которого было важным этапом восприятия русской общественностью дарвиновской метафоры, был интерпретирован в анархистском ключе П.А.Кропоткиным и лег в основу анархистской теории взаимопомощи и кооперации. Тодес выявляет различия между научными и вненаучными, политическими и идеологическими дебатами вокруг теории Дарвина (анализируя реакцию как самих ученых, так и различных публицистов-интеллигентов), но при этом реконструирует взаимосвязь всех этих сфер мысли. Действительно, в ту эпоху барьеры между естественными науками и более широким контекстом интеллектуальной жизни не всегда были непреодолимыми, и зачастую представители вненаучного мира и общественных наук для развития своих идей заимствовали многое из естественнонаучной сферы.

Еще один аспект методологии Тодеса, который придает ей особый интерес и выводит ее за пределы истории науки, – это его понятие национального стиля. Понятие национального стиля в науке не нужно смешивать с национализмом в науке, который получил свое наиболее страшное выражение в виде «расовой науки» нацистов и урапатриотизме лысенковцев. Термин «национальный стиль» принят в истории науки для обозначения тех особых форм, которые наука принимает в конкретном национальном контексте – в зависимости от той институциональной, культурной и социальной системы, в которой функционируют представители того или иного национального научного сообщества⁵⁵. Таким образом, слово «националь-ный» в выражении «национальный стиль» – это нейтральный, дескриптивный термин, который не обязательно противоречит посылке, что наука развивается как между-

⁵⁵ Ключевым исследованием здесь является следующая работа: Jonathan Harwood, *Styles of Scientific Thought: The German Genetics Community, 1900-1933* (Chicago: University of Chicago Press, 1993).

народный феномен. Что же касается термина «стиль», то обозначаемое им научное понятие было разработано (что вполне естественно) в сфере истории искусств; по отношению к интеллектуальной жизни этот термин впервые был применен немецким социологом Карлом Маннгеймом. В его работе, посвященной консервативной мысли и социологии знания, Маннгейм использовал понятие стиля для обозначения комбинации определенных черт, которые по отдельности могут быть воспроизведены в любых условиях, но вместе образуют различимое целое⁵⁶. Согласно Тодесу, общая реакция на идеи Дарвина в России представляла собой национальный стиль, поскольку она основывалась на сочетании реакций, которые сами по себе не были уникальными для России, но вместе образовали отчетливо русское явление. Корни этого, убежден исследователь, надо искать не в мистической «русской душе», а в конкретных физико-географических и социально-экономических (и, можно было бы добавить, политико-интеллектуальных) условиях, преобладавших в России того времени. Тодес предполагает, что интерпретация идей Дарвина английскими учеными также приняла специфическую форму (например, для них проблематичной метафорой стало выражение «естественный отбор», а не «борьба за существование»); он подчеркивает, что национальный стиль еще не означает тех пристрастий, которые неизбежно понижают уровень научной точности. Тот факт, что русские ученые смогли выявить в теории Дарвина элементы мальтузианской политической экономии, может свидетельствовать о том, что в данном случае контекст русской культуры оказал науке определенную помощь – русские ученые в общем смогли избежать пагубных крайностей «социал-дарвинизма», который применял принципы естественного отбора по отношению к человеческому обществу. В то же время реакция российского научного сообщества на идеи Дарвина дает возможность оценить всепроникающий характер духа коллективизма в сфере интеллектуальной жизни России. Сравнение Тодесом России с Англией для разъяснения понятия научного стиля можно воспринять как еще одну вариацию на грандиозную тему «Россия и Запад» и на тему исторических подходов к ней: для Тодеса английское и российское восприятие дарвинизма представляют собой два равно характерных момента в развитии международной научной мысли.

То, насколько на современном этапе развития историографии аспекты истории науки стали приобретать все более важное значение для сферы изучения истории позднего периода императорской России, хорошо видно из работы Лоры Энгелстейн, работающей в Принстонском университете и оказавшей на эту сферу заметное влияние. Траектория ее научной работы является четким отражением того процесса, который

⁵⁶ Karl Mannheim, *Conservatism: A Contribution to the Sociology of Knowledge* (London: Routledge, 1997).

я охарактеризовал выше как перенос акцента с социальной истории на историю культуры. Первая крупная работа Энгелстейн, посвященная московским рабочим периода революции 1905 года, была данью увлечению поколения «детей» социальной историей⁵⁷. Несомненно, ее самой значительной работой на данный момент остается монография «Ключи к счастью: Секс и поиски современности». Книга эта представляет собой серию статей, связанных общей тематикой, они посвящены представителям медицинских и юридических специальностей в России начала XX века и их неудачным попыткам отыскать путь к новому порядку вещей, более отвечающему современным потребностям. Внимание автора сфокусировано на сложном комплексе проблем, относящихся к культуре «серебряного века», – вопросам пола и сексуальности, медицины и права; использовавшиеся Лорой Энгелстейн методы частично предвосхитили и отразили многие из тех проблем, которые оказались в центре внимания «новой культурной истории»⁵⁸. В определенной мере рассматриваемые Энгелстейн проблемы и предложенная ею версия о существовании между ними логичной взаимосвязи получили «добро» со стороны многих западных историков и позволили автору перейти к рассмотрению важных вопросов, касающихся природы архитектоники российского общества до и после 1905 года, поскольку ее работа перекликалась с работами Мишеля Фуко, значение которого для исторической науки только сейчас осознается в сфере исследований русской истории. После этого Энгелстейн приступила к изучению сектантов и скопцов, обратившись, таким образом, к истории религии и одновременно продолжив исследование новых направлений в сфере культурной истории.

В широко известной статье, опубликованной в журнале «American Historical Review», Энгелстейн подробно обсуждает свой подход к наследию Фуко и проблемы применения его концепций по отношению к российской истории, демонстрируя как свое в высшей степени критичное отношение к французскому философу, так и то большое влияние, которое оказали на нее работы Фуко в области «дисциплины» и сексуальности. Фокусируя свое внимание на общественных науках и сексуальности, Фуко описал переход от свойственного для предшествовавшей Великой французской революции эпохи административного государства (в первую очередь на примере Франции) к современному либе-

⁵⁷ Laura Engelstein, *Moscow 1905: Working-Class Organization and Political Conflict* (Stanford: Stanford University Press, 1982).

⁵⁸ Laura Engelstein, *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 1992). Книга эта была переведена на русский язык: Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX вв. М., 1996.

ральному порядку и гражданскому обществу, где прямую, непосредственную власть государства во многом заменила власть экспертов и профессионалов, опирающихся на авторитет науки. Как пишет Энгелстейн, «согласно наблюдениям Фуко, там, где монархии когда-то навязывали угодный им порядок посредством грубой силы, при помощи государственных инструментов принуждения, либеральные капиталистические общества осуществляют контроль посредством сбора и выработки информации, посредством связанного с этими научными мероприятиями надзора... и путем внедрения механизмов самоцензуры и самоограничения, которые принуждают людей контролировать самих себя»⁵⁹. Но в России старый режим выжил, профессиональная интеллигенция так и не получила полной автономии, а либерализм потерпел поражение, хотя одновременно в России стал осуществляться комплекс современных дисциплинарных мероприятий. «В самом деле, пример России представляет собой совмещение трех моделей власти, хронологически разделенных (даже если и несовершенно) согласно схеме Фуко: так называемой юридической монархии, «полицейского государства» и современного дисциплинарного режима»⁶⁰. По мнению Энгелстейн, возникшие в России модели взаимоотношений между государством, профессиональной интеллигенцией и новыми, современными формами дисциплины, вызванными к жизни наукой, были достаточно уникальны, а это доказывает, что схема Фуко не может быть принята в качестве универсальной. Энгелстейн также высказывает сомнение в том, достаточно ли продумано с политической точки зрения проведенное французским философом отождествление современного либерализма и форм принуждения, характерных для «старого режима», для государства опекунского типа: «После октября 1917 года возник союз между старым государством охранительного типа и новыми дисциплинарными механизмами, но без той правовой защиты, которую русские либералы до этого считали неотъемлемой частью новой дисциплинарной системы и которую действовавшие под лозунгом «правового государства» (*Rechtstaat*) реформаторы пытались «украдкой» ввести в контекст самодержавия»⁶¹. В другой своей работе Энгелстейн подчеркивает ту огромную роль, которую революция 1905 года сыграла в процессе изменения конфигурации отношений между профессионалами, государством и

⁵⁹ Laura Engelstein, «Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia», *American Historical Review*, 98:2 (April 1993). P. 338-339.

⁶⁰ *Ibid.* P. 343.

⁶¹ Laura Engelstein, «Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia», *American Historical Review*, 98:2 (April 1993). P. 349.

народом: с установлением псевдоконституционной системы, с одной стороны, и теми ужасающими последствиями, которые яростный революционный бунт низших классов имел для принадлежавших к среднему классу профессионалов, – с другой. Многие профессионалы, – утверждает она, – прекратили борьбу за автономию от государства, которая велась «во имя народа», и снова стали с энтузиазмом проповедовать этатистское публичное вмешательство в жизнь населения⁶².

Данная публикация позволяет нам оценить статью Энгелстейн, посвященную достаточно узкой тематике (с точки зрения вышеупомянутых концепций более широкого плана): исключительно профессиональной медицине и исключительно предшествовавшему 1905 году периоду. В данной статье Энгелстейн проводит детальный анализ дебатов, которые велись среди специалистов по венерическим болезням по поводу распространения сифилиса. Несомненно, наиболее примечателен их повсеместный отказ диагностировать выявленные в сельской местности случаи сифилиса как венерическое заболевание: в подавляющем числе случаев существовавший в крестьянской среде сифилис воспринимался как «бытовой», невинно передаваемый по причине плохой гигиены и посредством «деревянных ложек». В значительной степени статья Энгелстейн представляет собой опыт многоплановой расшифровки той загадки, которую представляет собой этот распространенный в XIX столетии диагноз. Во-первых, Энгелстейн указывает на то, что свойственная этой проблеме неясность сохранилась и по сей день: в настоящее время в мире по-прежнему встречаются документированные случаи бытового сифилиса, хотя в индустриальных странах они практически исчезли. Таким образом, с научной точки зрения российские врачи далеко не заблуждались, когда ставили диагноз невенерического сифилиса в условиях отсталой русской деревни, даже если их настойчивое увязывание распространяемых половым путем болезней исключительно с городской средой кажется сегодня, столетие спустя, граничащим с абсурдом. Но именно потому, что российские врачи имели дело с историей болезни, поддававшейся расшифровке с особым трудом, к их научным взглядам примешивалось множество субъективных мнений относительно тогдашнего общества. Таким образом, они вели дискуссию о наисовременнейших достижениях европейской науки под влиянием широкого спектра «посторонних» вопросов: их собственного восприятия крестьянства, города, сексуального и морального поведения мужчин и женщин, а также того, как лучше всего бороться против эпидемии сифилиса в соответствии с их собственным авторитетом и авторитетом государства.

⁶² Engelstein, *The Keys to Happiness*. P. 254-298.

Энгелстейн рассматривает сифилис как важнейший аспект изучения врачебных взглядов на понятия власти и авторитета, ибо в случае этой болезни перед врачами вставала необходимость обсуждения проблемы контроля над моралью людей и интимнейшими сторонами их жизни, а также вопросы их общественного поведения. Наибольший интерес представляет то, как Энгелстейн анализирует расхождения во мнениях врачей относительно регулирующих мер, направленных против проституции и сифилиса. Хотя по этим вопросам имелись крупные разногласия, в подходе к ним существовали и общие моменты: заметная тенденция к восприятию женщин и крестьян как индивидуумов, не способных к сознательному моральному выбору в сфере сексуальности, а также отношение к мужской части городского населения (причем не только к представителям образованных и высших классов) как к единственной группе, способной регулировать свое личностное поведение. Различные мнения по вопросам класса и пола (как в городском, так и в сельском варианте) предстают в предпринятом Энгелстейн анализе взглядов представителей одной профессии как сложное, запутанное сочетание неоднородных элементов. Однако в конце концов имевшие место до 1905 года дебаты, реконструированные историком во всей их сложности, указывают на то, что среди российских врачей повсеместно существовал общий подход к проблеме «чистоты» простого народа и его близости к природе, а также на то, что они выступали за просветительские меры, а не принудительные мероприятия этицистского характера. Для большинства российских врачей была неприемлема та судейская мантия строгих арбитров поведения народных масс, назойливых, действующих принудительными методами, которую охотно водружали на себя их западноевропейские коллеги. Во всем этом просматривается глубокое влияние народнической культуры – в широком, а не только политическом смысле этого выражения – и той борьбы, которую профессиональная интеллигенция вела за свою автономию по отношению к самодержавию. С учетом этих двух элементов Энгелстейн проводит контраст между характерно русскими взаимоотношениями специалистов, государства и народа (или, используя терминологию Фуко, – власти и знания) и их западноевропейским эквивалентом. Она подчеркивает этот контраст, несмотря на то, что российские врачи мыслили и действовали в контексте европейской медицины и что многие их либеральные, «викторианские» представления о морали не были исключительно российской привилегией. Мы уже видели, как другие историки акцентировали «европейскость» или «русскость» в совершенно иных областях жизни государства и социальной структуры; применительно к сфере профессиональных знаний Энгелстейн обращает наше внимание на оба эти аспекта.

Статья Джейн Бербанк, посвященная волостным судам и концепциям законности, демонстрирует еще одну сторону недавно активизировавшегося в западной историографии интереса к специалистам-профессионалам и их идеям. В нетрадиционной манере автор рассматривает крестьянскую правовую практику, осуществлявшуюся в рамках волостных судов после 1864 года, в сочетании с полемичным и разносторонним анализом либеральной и марксистской традиций интерпретации таких понятий, как «право», «правовое государство» и «законность»; она утверждает, что обе эти традиции во многом игнорировали значение волостных судов для процесса создания правовой культуры. Научная карьера Бербанк во многом объясняет такой подход к проблеме. Ее крупнейшая работа, «Интеллигенция и революция», увидела свет в 1986 году, в самый разгар увлечения «детей» социальной историей. Несмотря на это, Бербанк предпочла посвятить себя интеллектуальной истории, во многом скептически относясь к простому акцентированию «социальных сил», свойственному этому поколению историков. Работа Бербанк, написанная между 1978 и 1984 годами на основе исследований, проведенных ею в европейских и американских архивах и библиотеках, была посвящена реакции русской интеллигенции, как эмигрировавшей, так и оставшейся в советской России, на события 1917 года; хронологические рамки исследования охватывают первые пять лет правления большевиков⁶³. Вот что говорит о своей работе сама Бербанк: «Моей целью в этой книге было сохранение широкого спектра разнообразных, полемических и дальновидных интерпретаций значения революции, данных интеллигентами-небольшевиками, на чьи взгляды в Советском Союзе был наложен запрет. Я полагала тогда, что когда-нибудь в отдаленном будущем русские люди получат, наконец, возможность вновь открыть для себя интеллектуальную историю 1917 года... [но] в то время было невозможно использовать советские источники для изучения деятельности Кропоткина, Струве, Милукова, Бердяева и других ведущих русских мыслителей начала XX столетия»⁶⁴. С 1987 года Бербанк работает над проблемами правовой культуры России в период между 1905 и 1925 годами; сейчас она заканчивает работу над двумя книгами: первая посвящена волостным судам, функционировавшим до 1917 года, вторая – правовой практике и идеям в области права с 1905 года по 20-е годы нашего столетия. Начиная с 1987 года Бербанк каждый год приезжает в Россию; в данный момент она участвует совместно с российскими историками, в частности, с самарским истори-

⁶³ Jane Burbank, *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917-1922* (New York: Oxford University Press, 1986).

⁶⁴ Из личной переписки Джейн Бербанк с автором, 9 апреля 1998 года.

ком П.И.Савельевым – в проекте, посвященном проблемам «империи и регионов» в России⁶⁵.

Публикуемая здесь статья Бербанк вводит два понятия, которые являются ключевыми для ее интерпретации рассматриваемых исторических феноменов: понятие правовой идеологии и понятие правовой культуры. Правовую идеологию она определяет как доминирующие традиции толкования вопросов права и юриспруденции, которые в России развились в начале XX века благодаря ведущим либеральным юристам (Набоков, Маклаков, Кони, Гессен), а позже – в концепциях марксистов-большевиков (Ленин, Стучка, Пашуканис). Правовую культуру Бербанк определяет как степень проникновения закона – посредством практики – в повседневную жизнь и обычаи, а также как степень использования правовой системы для разрешения конфликтов, очерчивания границ поведения людей и внедрения принципов гражданственности. Суть ее статьи может быть передана как убеждение, что *правовая идеология* отодвинула на второй план огромное значение крестьянских судов в деле развития *правовой культуры* между 1864 и 1917 годами, и что господство правовой идеологии препятствовало развитию правовой культуры в целом.

Этот вывод включает в себя множество элементов. Бербанк рассматривает несколько аспектов того процесса, в результате которого традиции правовой идеологии начала XX столетия не позволили полностью использовать потенциал волостных судов. Во-первых, идеи о правовом государстве не были основаны на практическом опыте основанного на законности государства, а представляли собой проекты будущего устройства, что отвлекало внимание от правового эксперимента, проводившегося в то время в рамках волостных судов. Во-вторых, резкое различие между правом и обычаями заставляло теоретиков права подчеркивать важность знания статутного права для развития правовой системы, и поэтому они игнорировали использование в работе волостных судов огромного количества документации, заостряя внимание на той главенствующей роли, которую играл в этих учреждениях крестьянский обычай. Тот факт, что ставка делалась на будущую единообразную судебную систему, а не на существующую систему, основанную на принципе сословной сегрегации, также отвлекал внимание от той реальной роли, которую волостные суды могли бы играть в процессе выработки у крестьян чувства гражданственности.

⁶⁵ Там же. Бербанк Джейн. Империя и гражданское общество: Имперская конструкция России и Советского Союза // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сб. науч. тр. / Под ред. П.И.Савельева. - М., 1997.

Бербанк характеризует исторический опыт волостных судов как положительный пример того, как гражданственность и правовая культура могут, даже непреднамеренно, получить развитие посредством правовой системы. Она приводит данные, свидетельствующие о том, что крестьяне крайне часто прибегали к услугам волостных судов, что они обращались в эти учреждения для разрешения повседневных споров, касавшихся имущественных и трудовых вопросов, а также в случае оскорбления личного достоинства. Именно тот факт, что суды эти были основаны на сословном принципе и являлись общенациональным институтом, возможно, приблизил бы крестьян к пониманию статутного государственного права и помог бы им развить в себе чувство гражданственности, хотя в последнем случае, как нам кажется, аргумент Бербанк основан скорее на дедуктивной логике, чем на конкретных данных. Отмечая, что успех волостных судов ни в коей мере не был сознательно «запланирован» царским правительством, она утверждает, что подобный долгосрочный процесс развития конструктивной правовой практики является ключом к построению в России правового государства в любой его форме. Другими словами, необходимо внушить простым людям ощущение того, что они могут участвовать в работе правовой системы и пользоваться ее благами.

Если либеральная правовая традиция не обращала внимания на неожиданно успешную деятельность волостных судов несмотря на то, что речь идет о введенной государством и сохранявшей сословный принцип системе, то советская марксистская правовая идеология, по словам Бербанк, придала важнейшей задаче внедрения правовой культуры еще большую неопределенность. Привязав закон к государственному администрированию, подчинив «социалистическую законность» государственным директивам и отказавшись даже от *видимости* беспристрастного «правосудия для всех» (знаменательно, что в качестве сравнения автор статьи берет Англию XVIII столетия), советский строй способствовал выработке отношения к правовой системе как к набору формальных, «спускаемых сверху» правил. Такой подход, противоположный успехам волостных судов в деле привлечения крестьян к участию в деятельности правовой системы, не в состоянии сформировать правовую культуру или заставить людей поверить в то, что правовая система служит их интересам.

Ряд аспектов данной концепции заслуживает историографического комментария. В первую очередь, традиционный тезис о «истоках революции» и, следовательно, о нестабильности царского строя приобретает здесь противоположное звучание; волостные суды способствовали, хотя и непреднамеренно, формированию потенциала правового государства и развитию принципов гражданственности. Именно поэтому для Бер-

банк было более интересно попытаться объяснить некоторые из достижений дореволюционного развития, а не его неудачи, и, как следствие, дать анализ элементов стабильности, присущих императорской России, а не нестабильности ее строя. Во-вторых, Бербанк подчеркивает важность учета и выявления идеологических моделей и традиций интеллигенции и групп специалистов для лучшего понимания сегодняшним историком того, каким образом в историографии и источниках преподаются взгляды крестьянства в частности и социальных групп, находящихся на нижних ступенях иерархической лестницы, в целом. Бербанк разрабатывает в контексте пропитанной скепсисом и непочтением к авторитетам среды «детей» важное историографическое направление. В этом отношении ее двойной интерес к волостным судам и идеям в области права особенно примечателен и важен. Наконец, тот факт, что Бербанк пересекает хронологическую «демаркационную линию» 1917 года и уделяет внимание ряду советских идей и практических мероприятий, значимых в контексте ее анализа препятствий, стоящих на пути правового государства, также может быть охарактеризован как феномен, вызванный к жизни теми изменениями, которые произошли после 1991 года. Сегодня, когда советского государства больше не существует, в сфере исторического анализа «барьер» 1917 года можно преодолевать с большей легкостью. Можно также отметить то, как четко Бербанк обозначает сегодняшнюю актуальность своей работы: ее анализ волостных судов носит не только исторический характер, он обращен к насущным вопросам гражданственности и законности, которые автор статьи в конце концов напрямую увязывает с проблемами постсоветской России. Такое внимание к текущим проблемам достаточно необычно для американских историков. Но оно позволяет четко выразить позицию в отношении вопроса, сохраняющего огромную актуальность с конца 80-х годов; подобные актуальные для наших дней проблемы могут оказывать на историка влияние даже тогда, когда они не обозначены напрямую. Интересно, что на смену традиционной практике интерпретации опыта развития императорской России в свете событий 1917 года пришел анализ связи этого опыта с реалиями развития Российской Федерации после 1991 года.

Последняя статья сборника написана Джеймсом Уэстом и посвящена периоду 1905-1917 годов. Тема статьи – деятельность кружка Рябушинского – также непосредственно определяет ее место в контексте истории русского либерализма, буржуазии и политической борьбы на последней стадии существования царизма – вопросов, которые подвергались сильнейшим искажениям в марксистско-ленинской историографии и вызывали наиболее политизированные дебаты из всех тех, которые велись в США относительно путей исторического развития России. Данная статья

стала предметом нескольких публикаций и принадлежит к историографической «классике». Ее автор, Джеймс Уэст, учился в Принстонском университете у покойного Сирила Блэка, крупного представителя обсуждавшейся выше «школы модернизации». 1969-1970 и 1978-1979 годы Уэст провел в Советском Союзе. Научная карьера этого историка посвящена изучению купечества и промышленников в контексте политики и общественной жизни позднего периода императорской России: он был соредктором вышедшего в 1991 году и получившего широкую известность сборника, в котором рассматривались проблемы «образованного общества» и общественной жизни в поздний период существования императорской России, а также соредктором выпущенной в 1999 году книги о купеческой Москве; в настоящее время Уэст планирует опубликовать монографию о кружке Рябушинского⁶⁶.

Вошедшая в данный сборник статья Уэста была впервые опубликована в 1984 году, в эпоху «детей», которые уделяли основное внимание общественным силам, вызвавшим падение царизма, пессимистически оценивали вероятность «либеральной» или нереволюционной альтернативы революционным событиям 1917 года и с истинной пронциательностью указывали на политические последствия дезинтеграции социальной структуры, ее «размывания». Статья Уэста о Рябушинском и «молодых предпринимателях» – в первую очередь вклад историка в яростные дебаты, развернувшиеся вокруг вышеперечисленных вопросов; вероятно, многие читатели интерпретировали ее исключительно в таком свете, поскольку статья эта заняла важное место в дискуссии о стабильности российского общества в межреволюционный период. Деятельность кружка Рябушинского явилась отражением перехода российского общества от сословности к социальной структуре, основанной на классовом принципе; Уэст связывает политические неудачи «прогрессистов» с последствиями этих социальных изменений – с явным размыванием тех социальных групп, которые «прогрессисты» пытались организовать. Исходя из такой оценки «прогрессизма», трудно рассматривать «конституционный эксперимент», проходивший в рамках Государственной Думы после 1907 года, как опыт эффективного политического решения российских проблем. Как и сами промышленники, он, похоже, стал жертвой неумолимо нараставших в обществе «центробеж-

⁶⁶ Edith Clowes, Samuel Kassow and James West, eds., *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for a Public Identity in Late Imperial Russia* (Princeton: Princeton University Press, 1991); James West and Iurii Petrov, eds., *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie* (Princeton: Princeton University Press, 1999). Также см. следующую работу: Thomas C. Owen, *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855-1905* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).

ных сил». Все эти аспекты статьи делают ее ценным вкладом в дискуссию о социально-исторических параметрах пути России к революции.

Однако в своей статье Уэст развивает и ряд других тем, выводя свое исследование за рамки обсуждения таких проблем, связанных с ролью «объективно-исторических» общественных сил, как слабость социальных групп, принадлежащих к среднему классу, или помешавшая успеху «прогрессистов» нестабильность социальной структуры. На самом деле статья эта лишь косвенно затрагивает вопросы «объективной» дезинтеграции социальной структуры или перехода от сословий к классам; вопросы эти интересуют автора статьи постольку, поскольку они являются частью той общей ситуации, в которой действовал Рябушинский и его группа. Оригинальный вклад данной статьи в историческую науку состоит в том, что в ней описан специфический, можно сказать, уникальный индивидуальный опыт, те интеллектуальные влияния и даже те психологические особенности, которые определяли взгляды молодых промышленников, делавших вид, что они выступают от лица всей буржуазии. Члены «молодой группы» предпринимателей происходили из старейших купеческих семей, уходивших своими корнями в старообрядчество, и одновременно принадлежали к наиболее прозападно настроенным, космополитическим, современно выглядевшим и мыслящим группировкам в России. Богатство и частная собственность сформировали их мировоззрение; но, по мнению Уэста, важно то, что экономическую основу их богатства составляла текстильная промышленность – отрасль, относительно свободная как от государственного контроля, так и от иностранных капиталовложений; это делало их одними из «наиболее независимых – в истинном смысле этого слова – людей, когда-либо живших в России».

Все эти факторы способствовали формированию определенного политического стиля (здесь я использую понятие, предложенное в статье Тодеса), который включал в себя такие черты, как смелость и пренебрежение к авторитетам, патриотизм и ощущение связи с народом, приверженность делу создания новой социальной структуры и непримиримая оппозиция царизму, наконец, твердая уверенность в том, что «молодая группа» возглавляет новый класс буржуазии, который вот-вот возьмет власть в свои руки. Этот стиль, истоки и последствия применения которого ярко описываются в статье Уэста, противопоставляется умеренности «октябризма». Действительно, наиболее поразительной чертой деятельности кружка Рябушинского была последовательное и агрессивное классовое самоутверждение его членов, для которых не пролетариат, а новая буржуазия являлась истинно «универсальным классом». Уэст называет эту особенность «классовым мессианством» и описывает веру промышленников в обладающую классовым сознанием

буржуазию, которая должна будет спасти Россию не только в экономическом и политическом, но и в историческом отношении. Интересно, что наибольшим влиянием в кругу знаменитых «экономических бесед» (которые после 1909 года группа Рябушинского использовала как форму вовлечения либеральной интеллигенции и профессуры в дело составления своей программы) пользовался правый кадет – и бывший марксист – П.Б.Струве, который способствовал укоренению в умах молодых промышленников уверенности в том, что они вполне способны выступать от лица всей буржуазии. Ирония заключалась в том, что в той самой группе, которая для Ленина и для многих других стала наиболее ярким символом крупной буржуазии, можно различить ряд черт, связывающих ее с «пролетарскими политическими тенденциями» и со столь презираемой ею «неделовой» интеллигенцией. В мировоззрении членов группы Рябушинского присутствовали сильный элемент утопизма, всепроникающая вера в действенность социальных объяснений и классовых обобщений, склонность к торжеству по поводу неудач существовавшего тогда порядка и к преувеличению значения этих неудач, и даже (хотя Уэст и не говорит об этом прямо) ожидание того, что в результате желаемых социально-экономических перемен сформируется некий «новый человек». Уэст подчеркивает, что «прогрессисты» не только были загнаны в угол активно действовавшими вокруг них силами распада, но и сами, в предшествующие революции годы, в значительной мере являлись дестабилизирующей силой.

Ирония и парадокс ненавязчиво пронизывают всю работу Уэста: в конце концов не буржуазия породила новых лидеров-промышленников, а состоящий из таких лидеров кружок сам ринулся на поиски буржуазии. Хотя поиски эти во многом закончились неудачей, согласно Уэсту, уже сами их усилия явились вкладом в те классовые конфликты, которые составляли неприменную часть политических движений революционной эпохи. Такое необычное и поразительное сочетание (обладающие классовым сознанием лидеры буржуазии, ищущие социальный объект своего сознания) может рассматриваться как очередное звено в цепи знаменитых русских причинно-следственных перестановок: критика капитализма и буржуазной культуры появилась в России раньше, чем сами эти явления, революционная интеллигенция появилась раньше рабочего класса, а марксизм и антилиберальные левые силы закрепились на русской почве до появления сильного и организованного либерального политического движения.

Историку не обязательно занимать общие позиции в отношении проблемы «Россия и Запад», не обязательно использовать или, наоборот, откладывать в сторону призму «истоков революции» для того, чтобы оценить всю иронию и парадоксальность общественного развития.

*Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской Рос-
сии*

Необходимо лишь понимание того, как конкретные исследовательские направления, цели и задачи отдельных историков, а также влияние более широкого историографического контекста определяют выбор того или иного подхода к изучению ключевых вопросов истории императорской России. Мы надеемся, что переведенные для данной антологии статьи помогут в этом непростом выборе.

Пер. С.Каптерева

РЕГУЛЯРНОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ПОНЯТИЕ МОДЕРНИЗМА
В ЕВРОПЕ XVII-XVIII ВЕКОВ: ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ**

Западная историография традиционно ведет происхождение так называемого «современного» «нового» мира от эпохи Просвещения и революционных потрясений – политического и экономического характера – конца XVIII столетия. Все это связывается с появлением нового общественного класса и его победой над старым порядком как предпосылкой возникновения и развития двух важнейших аспектов современной цивилизации – капитализма и этатизма. Но не является ли такой взгляд излишне упрощенным? Нам, историкам, слишком хорошо известно (и знание это постоянно подкрепляется ведущимися сегодня научными исследованиями), что прошлое цепляется за жизнь с намного большим упорством, чем это представляется общественному мнению. Лишь малая его толика исчезает безвозвратно – хотя, конечно, динамика его роли в историческом процессе и его формы могут подвергаться изменениям.

Когда речь идет о проблемах государственной политики и государственного администрирования, возникает вопрос: какое влияние новые идеи Просвещения и интересы все более заявлявшего о себе среднего класса оказывали на действия правителей и правительств в период, предшествовавший Французской революции 1789 года? Не был ли просвещенный деспотизм (или «абсолютизм», как я предпочел бы его называть) именно такой реакцией на интеллектуальные и социальные проблемы той эпохи? Но уже само противоречие, заложенное в понятии просвещенного абсолютизма, обрекало все эти усилия на неудачу и открывало дорогу буре революции¹. Мы можем, следовательно, задаться вопросом: не играли ли старые формы административной практики,

* © Раев Марк, 2000

** Окончательные итоги моей работы на эту тему вошли в книгу *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600 – 1800* (New Haven, 1983). Некоторые выводы, сделанные мною в этой книге, расходятся с заключениями данной статьи.

¹ Проницательный и детальный анализ диалектики просвещенного абсолютизма содержится в книге: Leonard Krieger, *An Essay on the Theory of Enlightened Despotism* (Chicago, 1975).

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

старые внутренние установки и политические традиции большую роль, чем требования нового класса и риторика новой идеологии?

В центре любого обсуждения проблемы значения европейского исторического наследия стоит вопрос о происхождении феномена «современности», то есть вопрос о корнях процесса «модернизации» как важнейшего элемента социальной, экономической и политической динамики последних полутора столетий, сначала на Западе, а затем в других местах земного шара. Не претендуя на четкое, всеохватывающее и неопровержимое объяснение столь многогранного феномена, необходимо по крайней мере попытаться дать рабочее определение описательного характера – с тем, чтобы придать некоторую ясность и связность нашей дискуссии и нашему анализу. Но в эвристических целях я хотел бы предложить следующее объяснение того, что мы характеризуем как «современное» (в противоположность более ранним, «традиционным» европейским и неевропейским культурным моделям): во второй половине XVII столетия различается, а в XVIII веке становится явным в большинстве стран Западной и Центральной Европы сознательное стремление общества в максимальной степени выявить все имеющиеся в его распоряжении ресурсы и динамично использовать возникающий в результате этого новый потенциал в целях улучшения своего образа жизни. Потенциал этот включает не только материальные продукты и богатства, но и плоды интеллектуальной и культурной деятельности². Но сознательное действие подразумевает наличие цели, и цель эта должна соотноситься с более или менее ясным пониманием природы человеческого поведения и общественных отношений, а также шкалы этических норм. Я надеюсь продемонстрировать, что процесс этот начался во второй половине XVII века и полностью реализовался к середине XVIII столетия. Абсолютистское государство стало основой общественной и политической деятельности; а философское обоснование этому явлению было дано идеями рационализма. Если правильность такой хронологии подтвердится, то революционные конвульсии последней четверти XVIII столетия представляли собой лишь последствия данного процесса, а не предшествовавшие ему по времени его побудительные причины.

Уже стало историографическим клише то мнение, что с начала XVI столетия выполнявший централизующую функцию абсолютизм являлся в Европе господствующей политической системой, черты которой уже

² Всесторонний обзор процесса трансформации материального потенциала общества содержится в работе: Fernand Braudel, *Civilisation matérielle et capitalisme (XVe-XVIIIe siècles)* (Paris, 1967); особенностям этого процесса во Франции посвящена работа: Ernest Labrousse et al., *Histoire économique et sociale de la France*, 2 (Paris, 1970). Крайне интересные идеи можно также найти в труде: Douglass C. North and Robert Paul Thomas, *The Rise of the Western World: A New Economic History* (Cambridge, 1973).

можно было найти в Бургундии, тюдоровской Англии и Франции эпохи последних Валуа и которая достигла своего апогея при Людовике XIV. В контексте нашего исследования, однако, более важно отметить, что система эта уже полностью реализовалась (хотя и в достаточно скромном масштабе) в германских государствах в период после Тридцатилетней войны. Важным фактором здесь стали успехи Реформации, которая, устранив церковь как основного соперника в борьбе за власть, позволила светскому правителю превратиться в единственный источник всей регулирующей власти на территории его владений. Может показаться ироничным тот факт, что «средневековая» по своей сущности забота о духовном открыла князю путь к новым вершинам светской власти. Действительно, устранив в протестантских странах традиционные церковные институты (и одновременно придав особое значение этическим аспектам веры), Реформация воодушевила светскую власть на то, чтобы в полной мере использовать данные ей полномочия во всех сферах общественной и частной жизни. Поскольку церковь (например, институт папства) не была больше в состоянии обеспечить религиозное руководство паствой и моральный контроль над ней, светский правитель должен был действовать таким образом, чтобы моральная цель, поставленная перед обществом христианством, сохранялась и получала дальнейшее развитие. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что первые значительные примеры интервенционистского, выполняющего регулирующие задачи полицейского государства (*Polizeistaat*) мы находим в протестантских государствах Германии, таких, как Саксония и Гессен, второй половины XVI столетия³. Данная политическая схема, основанная на модели средневекового города и контроля посредством системы гильдий, прививалась несколько дольше в католических государствах – и не только в таких больших странах, как Франция и Испания, но и в более мелких княжествах Италии и Германии, где светская власть разделяла контроль над общественной жизнью с наднациональной системой католической церкви и с ее местными институтами.

Тридцатилетняя война придала новую силу динамике, присущей данной системе. Помимо устранения опустошительных последствий

³ Kurt Zielenziger, *Die alten deutschen Kameralisten: Ein Beitrag zur Geschichte der Nationalökonomie und zum Problem des Merkantilismus* (Jena, 1914). Обзор большого количества интересной информации содержится в книге: Erhard Dittich, *Die deutschen und österreichischen Kameralisten* (Darmstadt, 1974). Прямая связь данного явления с протестантизмом обсуждается в работе: Franz Lütge, «Luthers Eingreifen in den Bauernkrieg in seinen sozialgeschichtlichen Voraussetzungen und Auswirkungen» – в его книге *Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte: Gesammelte Abhandlungen* (Stuttgart, 1963). P.112-144; и более конкретно – в работе: Ludwig Zimmerman, *Der hessische Territorialstaat im Jahrhundert der Reformation*, I (Marburg, 1933-1934).

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

войны необходимо было удовлетворять требования, возникшие как результат революции, произошедшей в военной области в середине XVII столетия⁴: необходимость широкомасштабного строительства фортификаций и стратегических дорог, а также необходимость содержания постоянных, регулярных армий, которое теперь являлось обязанностью правителя (то есть государства), а не феодальных служб и частных лиц (как это было в прошлом)⁵. Кроме того, «дух барокко», который до некоторой степени трудно описать конкретно, но который охватил в середине XVI столетия Испанию, а затем и большую часть Европы (и даже более пуританские дворы протестантских правителей), включал в себя проведение грандиозных публичных мероприятий, которые, в свою очередь, требовали как увеличения внутреннего производства, так и расширения международной торговли.⁶ Последнему, конечно, способствовали новые формы и стиль жизни, ставшие возможными благодаря заокеанской колониальной экспансии.⁷ Несмотря на попытки ограничить масштабы и последствия потребительских импульсов, стремление потреблять – и потреблять активно – росло в Европе XVII столетия быстрыми темпами.

Все эти обстоятельства заставляли государство (т.е. светского правителя и его администрацию) выступать в качестве главного источника средств, направлявшихся на увеличение и защиту продуктивного обще-

⁴ По поводу многократно дискутировавшегося вопроса о разрушительных последствиях Тридцатилетней войны см.: Wilhelm Abel, *Die Wüstungen des ausgehenden Mittelalters: Ein Beitrag zur Siedlungs- und Agrargeschichte Deutschlands* (2d ed.; Stuttgart, 1955); Günther Franz, *Der Dreissigjährige Krieg und das deutsche Volk (Untersuchungen zur Bevölkerungs- und Agrargeschichte)* (3d ed.; Stuttgart, 1961); Franz Lütge, «Die wirtschaftliche Lage Deutschlands vor Ausbruch des 30 jährigen Krieges», *Jahrbuch für Nationalökonomie*, 170 (1958). P. 43-99; Lütge, «Strukturelle und konjunkturelle Wandlungen in der Deutschen Wirtschaft vor Ausbruch des 30 jährigen Krieges», *Bayerische Akademie, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte*, 5 (1958). Несколько поверхностное краткое изложение проблемы содержится в работе: Henry Kamen, «The Economic Consequences of the Thirty Years' War», *Past and Present*, 39 (1968). P. 44-61.

⁵ Michael Roberts, «The Military Revolution, 1560-1660», *Michael Roberts, Essays in Swedish History* (Minneapolis, 1967). P. 195-225; Gerhard Östreich, «Zur Heeresverfassung der deutschen Territorien von 1500 bis 1800», *Gerhard Östreich, Geist und Gestalt des frühmodernen Staates: Ausgewählte Aufsätze* (Berlin, 1969). P.290-310.

⁶ Walter Hubatsch, «“Barock” als Epochenbezeichnung?», *Walter Hubatsch, ed., Absolutismus* (Darmstadt, 1973). P. 268-287; см. также соответствующие комментарии, содержащиеся в работе: Carl Hinrichs, *Friedrich Wilhelm I, König in Preussen: Eine Biographie*, 1 (Hamburg, 1941; новое издание - Darmstadt, 1968): bk. 2, ch.3.

⁷ См., например: J.H.Parry, «Transport and Trade Routes»; и G.B. Masfield, «Crops and Livestock», *The Cambridge Economic History of Europe*, 4, ed. E.E. Rich and C.H. Wilson (Cambridge, 1967), ch.3, 5.

ственного потенциала. Нет необходимости также подчеркивать тот факт, что это динамичное усиление роли государства в экономической, социальной и культурной сферах происходило в условиях Европы, разделенной политическими и религиозными противоречиями. Каждое государство, большое или маленькое, старалось как можно больше полагаться на свои собственные ресурсы – с тем, чтобы обеспечить свою военную и политическую систему и свой двор необходимыми средствами с целью максимального усиления своей собственной власти и устранения или ограничения соответствующих возможностей своих соседей⁸. Результатом всего этого стала совокупность политических мер, известных под названием камералистики и меркантилизма – мер, направленных на аккумуляцию денежных ресурсов с целью достижения самообеспеченности посредством государственных субсидий, контроля и протекционистских мер⁹.

Теоретическое обоснование данной концепции деятельности правительства представляет собой интересный гибрид духовного и материального (или светского) – гибрид, вполне подходящий протестантизму. Отправной точкой здесь является понятие долга правителя в отношении обеспечения и защиты духовной жизни его подданных, обеспечения для них жизни, подобающей истинным христианам, и подготовки их душ к

⁸ Otto Hintze, «Machtpolitik und Regierungsverfassung», Otto Hintze, Staat und Verfassung: Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte, ed. Gerhard Östreich (2d ed., Göttingen, 1962). P.424-456.

⁹ Похоже, что дискуссия о природе меркантилизма и его отношении к камералистике закончится не скоро. Я склоняюсь к тому мнению, что в применении к XVII столетию меркантилизм лучше всего рассматривать как торговую и тарифную политику, вызванную камералистикой, которая, в свою очередь, представляет собой более всеобъемлющую систему национальной экономики. О меркантилизме – помимо классического труда Elie Heckscher'a – см. полезный сборник: D.C.Coleman, ed., Revisions in Mercantilism (London, 1969); а также Hermann Kellenbenz, «Probleme der Merkantilismusforschung», XIIe Congrès des sciences historiques – Vienne 1965, IV Rapports – Méthodologie et histoire contemporaine (Wien, 1965). P. 171-190. По поводу активно обсуждаемой проблемы связи экономической политики начального периода современной эпохи и образования территориальной экономической системы см.: Georg von Below, «Der Untergang der mittelalterlichen Stadtwirtschaft: Über den Begriff der Territorialwirtschaft», Georg von Below, Probleme der Wirtschaftsgeschichte (Tübingen, 1920). P. 501-620; Hans Spangenberg, Territorialwirtschaft und Stadtwirtschaft (München, 1932); и Franz Lütge, «Das 14/15 Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Franz Lütge, Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. P. 281-335. Конкретный случай России рассматривается в работе: Alexander Gerschenkron, Europe in the Russian Mirror (Cambridge, 1970). Касательно камералистики как экономической системы см. по-прежнему сохранившую свое значение работу: Albion W. Small, The Cameralists (Chicago, 1909); Anton Tautscher, Staatswirtschaftslehre des Kameralismus (Bern, 1947); и собрание библиографических сведений в работе: Magdalene Humpert, Bibliographie der Kameralwissenschaften (Köln, 1937).

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

спасению. Все это представляет собой не более чем средневековую концепцию жизни в обществе; то есть в данном отношении Реформация означала возвращение к духовным традициям средневековья.¹⁰ В другом смысле, однако, сосредоточение внимания на духовных вопросах также подразумевало активную заботу о материальных аспектах жизни как необходимых предпосылках духовного развития; в этом и заключался современный характер Реформации – *vita activa* полностью заменила пассивный, аскетический идеал, связанный с *vita contemplativa* в качестве наиболее совершенной, приносящей наилучшие результаты формы христианского образа жизни¹¹.

Акцентирование моральных и материальных целей администрирования было совершенно естественным для правителя и его правительства, вынужденных бороться за свое существование на международной арене и одновременно пытавшихся извлечь выгоду из процесса расширения экспансионистско-политических, культурных и экономических горизонтов. Считалось, что сильное независимое правительство и могущественный правитель являются необходимыми предпосылками для духовного и материального благосостояния подданных; подразумевалось, что счастье последних равнозначно максимальному использованию творческого потенциала государства богоугодным образом. Поэтому не следует ставить под сомнение искренность выдвигавшихся правителями и публицистами XVII столетия эвдемонистических аргументов в защиту абсолютизма и интервенционистского государства типа *Polizeistaat*. Но не менее важно помнить, что для живших в XVII веке авторов эвдемонизм был не целью (во что он превратился позже), а всего лишь средством¹². Благосостояние и процветание подданных должно

¹⁰ Касательно Ренессанса как «натуралистического» эпизода истории см. интересные замечания, содержащиеся в работе: Robert Lenoble, *Mersenne ou la naissance du mécanisme* (Paris, 1943), introd., ch.3.

¹¹ Новая концепция того, что представляет собой правильная *vita activa*, также связана с изменениями в отношении к нищим и попрошайкам. См.: Wilbur K. Jordan, *Philanthropy in England, 1480-1660: A Study in the Changing Pattern of English Social Aspirations* (New York, 1959; rpt., New York, 1964); Jean-Pierre Gutton, *La Société et les pauvres: L'exemple de la généralité de Lyon, 1534-1789* (Paris, 1971); а также более поздний краткий обзор данной проблемы во всеевропейском масштабе – *La société et les pauvres en Europe (XVIe-XVIIIe siècles)* (Paris, 1974).

¹² Kurt Wolzendorff, *Der Polizeibegriff des modernen Staates* (Breslau, 1918). Ludwig Zimmermann находит подтверждение предположению о том, что корни данного явления находятся в XVI столетии, в идеях Меланхтона: «Die „Ordnung“ ist daher Verwirklichung des gemeinen Nutzens. Für Melanchthon ist der *ordo politicus* geradezu gleichbedeutend mit *salus publica*. Er sieht die Geschichte im Sinne optimistischen Fortschritts»; в заключение он пишет следующее: «Der *gemeine* nutzt wird das Bildungsideal religiös-sittlicher Erziehung, welche Kirche und Staat zu

было повысить производительность их труда и способствовать повышению их творческой энергии и развитию в них трудолюбия; в свою очередь, это должно было обернуться выгодой для государства, укрепить могущество правителя и должным образом обеспечить основу для христианского образа жизни¹³. Полностью логическое и практическое значение данного мировоззрения выявилось в пиетизме (особенно в деятельности образовательных и филантропических учреждений, созданных А.Х.Франке в городе Галле), который подчеркивал значение материального мира как средства достижения духовных целей. Влияние этого течения на административную и экономическую политику Пруссии, Саксонии и других государств хорошо известно¹⁴.

К началу XVIII века ответственность за достижение данной цели была возложена на одного человека (т.е. правителя) или на один светский институт (т.е. государство); произошло это путем фактической ликвидации всех других институтов, созданных для этого в эпоху средневековья, – церкви, монашеских орденов и братств¹⁵. В результате изменились традиционные полномочия правительства (т.е. органа управления): на смену пассивной обязанности поддержания законности пришла активная, динамичная задача развития производительной энергии общества и создания для этого надлежащей институциональной основы¹⁶.

vollziehen haben. Der Staat ist ein *paedagogicum virtutis*, seine Politik richtet sich auf *foelicitatis progressum*, ihr letztes Ziel ist die ewige Seligkeit». – Der hessische Territorialstaat, Vol.1. P. 384, 386 (курсив в оригинале). Общий обзор эвдемнического смысла германского

законодательства содержится в работе: Walther Merk, Der gedanke des gemeinen Besten in der deutschen Staats- und Rechtsentwicklung (Darmstadt, 1968).

¹³ Bernhard von Rohr, юрист-практик и публицист, живший в XVIII столетии, суммирует все это таким образом: «Wenn man erwäget, wie das Interesse des Herrn und die Glückseligkeit des Landes und seiner Untertanen genau miteinander vereint ... so dass dem Lendesherrn unmöglich wohl sein kann, wenn nicht den Untertanen auch mit zugleich wohl ist». – Einleitung zur Staats-Klugheit, oder Vorstellung wie christliche und weise Regenten zur Beförderung ihrer eigenen und ihres Landes Glückseligkeit ihre Untertanen zu beherrschen pflegen (Leipzig, 1717). P.838 (написание и пунктуация – современные).

¹⁴ Carl Hinrichs, Preussentum und Pietismus: Der pietismus in Brandenburg-Preussen als religiös-soziale Reformbewegung (Göttingen, 1971); Eduard Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert (Berlin, 1953); Józef A. Gierowski, «Pietyzm na ziemiach Polskich do połowy XVIII wieku» («Пиетизм в польских землях до середины XVIII столетия»), Sobótka («Канун Ивана Купалы»), 1972. № 2. P.237-261.

¹⁵ С соответствующими изменениями это также относилось и к католическим государствам. Любопытные последствия данного процесса, в конце XVIII столетия имевшие место, например, во Франции, рассматриваются в интереснейшей работе: Maurice Agulhon, Pénitents et Frangs-Maçons de l'ancienne Provence (Paris, 1968).

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

Очевидно, что уже с самого начала данный подход заключал в себе некую двусмысленность, ибо он представлял собой колебания между репрессивным контролем и поощрением предприимчивости и инициативы.

Подход этот был фактически нелегким компромиссом между пассивностью традиционализма и динамизмом современности. Обязанностью правителя было, сохраняя гармонию и поддерживая принцип справедливости (*suum cuique tribuere*), осуществлять необходимые меры и принимать надлежащие нормативные постановления – в особенности с учетом того, что обязанность эта совпадала с доминировавшим в ту эпоху философским рационализмом. Подобно тому, как Божественный Творец привел в движение хорошо отлаженный механизм природы и обеспечивал его работу посредством рациональных законов, правитель должен был вводить в действие законы и правила, которые придавали бы обществу определенную форму и направляли бы его по правильному пути¹⁷. Именно эта концепция лежала в основе стремления к централизации и единообразию, а также того чрезмерного, маниакального увлечения административным регулированием, которое мы наблюдаем в абсолютных монархиях конца XVII столетия. Естественно, что в узких рамках средних и мелких германских государств этот централизм и эта склонность к регулирующим мерам легко приводила к тираническому контролю над всеми аспектами общественной и экономической жизни и к тотальному наблюдению за подданными; это можно увидеть, изучая

¹⁶ Помимо классических исторических исследований средневековой политической мысли (Otto von Guericke, R.W. and A.J. Carlyle, Walter Ullmann), см. пронизательные и интеллектуально стимулирующие комментарии, содержащиеся в работе: Michel Villey, *La formation de la pensée juridique moderne* (Paris, 1968).

¹⁷ «Wie die Welt und das Naturgeschehen einem Vernunftschema eingegliedert wird, so bricht sich auch die Vorstellung Bahn, dass die wirtschaftlichen und sozialen Beziehungen des Menschen zu einander mit ihren Zielen und Zwecken restlos durch die Verstandeskraft begriffen und deshalb auch nach menschlichem Ermessen und Vernunftserwägungen gemeistert werden, menschlichen Willensäußerungen unbedingt dienstbar gemacht werden und untergeordnet werden können. Denn dies ist die stillschweigend angenommene Basis der merkantilistischen Wirtschaftspolitik: auch auf das Wirtschaftsleben wird das Geltungsgebiet der menschlichen Gesetzgebung ausgedehnt, wie auch der Kosmos Gesetzen gehorcht ... Das Postulat jener Geistesrichtung, das Weltbild und seine Gestaltung durch die Vernunft lückenlos zu begreifen, *führt auch zwingend* zur logischen Konsequenz, diesen Ablauf durch vernunftmässige Willensäußerungen zu bezwingen und willkürlich zu verändern ... Die ganze Wirtschaftspolitik des Zeitalters ist durchtränkt vom Glauben an die Allmacht eines staatlichen Willens». – Luise Sommer, *Die österreichischen Kameralisten*, vol. I. (Wien, 1920). P. 90-92 (курсив – в оригинале).

законодательные источники того периода – *Landes- und Polizeiordnungen*. Но особенно важно подчеркнуть, что так же, как и в случае с эвдемонизмом, детальные и мелочные законы и правила были не более чем средствами для выполнения основной задачи – максимального использования всей творческой энергии и потенциальных ресурсов стабильного и гармоничного общества с целью осуществления духовных и политических целей, поставленных Богом перед человечеством посредством естественных законов.

Нет необходимости останавливаться здесь на подробно исследованной проблеме взаимоотношений между правителями-абсолютистами и управляемыми ими сословиями¹⁸. Конфликт между ними, конечно же, с XVI века доминировал в политической жизни германских государств (как и других стран). Факты, как я полагаю, позволяют прийти к заключению, что в конце концов победу одержали правители – даже если во многих случаях сословия сохранили некоторую власть или же впоследствии возвращали себе власть в кризисные моменты. В нашем случае более важным является то, что во многих отношениях правители сотрудничали – или вынуждены были сотрудничать – с представителями сословий и представлявшими их должностными лицами, которые, таким образом, вносили значительный вклад в осуществлявшийся князьями процесс регулирующего и бюрократического администрирования. Полицейские предписания второй половины XVII века заслуживают особого внимания в связи с тем, что в деле осуществления соответствующего контроля и нормативного регулирования они в значительной степени опирались на существовавшие тогда сословные и корпоративные институты и механизмы. Число новых должностей, созданных для проведения в жизнь данных мер контроля и регулирования, или назначений на такие должности, было крайне небольшим. В общем и целом выполнение этой задачи было поручено уже занимавшим соответствующие посты должностным лицам; где это было возможно, ее реализация осуществлялась с помощью корпораций и других уже учрежденных органов¹⁹. Новым явлением было то, что усилился контроль и на-

¹⁸ По данному вопросу имеется обширнейшая литература. Непосредственно германские государства являются объектом следующих работ: F.L.Carsten, *Princes and Parliaments in Germany from the Fifteenth to the Eighteenth Century* (Oxford, 1959); Dietrich Gerhard, ed., *Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert* (Göttingen, 1969); Gerhard, «Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte», *Historische Zeitschrift*, 174 (1952). P. 303-337; Helmut G. Königsberger, *Estates and Revolutions: Essays in Early Modern European History* (Ithaca, 1971).

¹⁹ Carl-August Agena, *Der Amtmann im 17. und 18. Jahrhundert: Ein Beitrag zur Geschichte des Richter- und Beamtentums* (Göttingen, 1972); Roland Mousnier, «État

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

блюдене в отношении деятельности этих должностных лиц и институтов со стороны княжеских советов и центральных органов. Должностные лица все больше становились простыми исполнителями распоряжений и приказов, исходивших из центра, который осуществлял рациональное и всестороннее руководство процессом их претворения в жизнь. Опять же в этом случае старые институционные формы и средства использовались для достижения новых, направленных на модернизацию общества целей.

Совершенно очевидно, что основной заботой правительств была защита и поощрение интересов тех корпораций и учреждений, чье усердие и продуктивный потенциал приносили наибольшую пользу. Все это отнюдь не означало, что уничтожались традиционные социальные иерархии и структуры; дело обстоит совсем наоборот. Однако результатом этого стало стремление того или иного правительства стимулировать и поощрять тех членов общества, чья деятельность отвечала главным государственным интересам, понимавшимся с описанной мною выше точки зрения. Государство выступало в качестве арбитра, то есть защитника традиционно полезных учреждений и в качестве покровителя новых интересов. Камералистские меры по поддержанию порядка и меркантилистская экономическая политика преследовали совершенно одинаковые цели. То, что крестьянство от всего этого только страдало, имело своей причиной не столько стремление правителя защитить и умиротворить «феодалные интересы», сколько основанное на обширном опыте убеждение, что производственный потенциал крестьянина крайне ограничен и что ограниченность эта в первую очередь зависела не от его положения²⁰. Считалось, что достаточно было обеспечивать его безопасность и оказывать ему помощь в случаях крайней нужды.

et commissaire: Recherches sur la création des intendants de province», Roland Mousnier, *La plume, la faucille et le marteau* (Paris, 1970).

Р. 179-200 и классические очерки Otto Hintze, «Die Wurzeln der Kreisverfassung in den Ländern des nordöstlichen Deutschlands» и «Der Commissarius und seine Bedeutung in der allgemeinen Verwaltungsgeschichte», Otto Hintze, *Staat und Verfassung*. P.186-215; а также «Der Ursprung des preussischen Landratamts in der Mark Brandenburg», Otto Hintze, *Regierung und Verwaltung: Gesammelte Abhandlungen zur Staats-, Rechts- und Sozialgeschichte Preussens*, ed. Gerhard Östreich (Göttingen, 1967). P.164-203.

²⁰ Пример одного из первых сельских вариантов Polizeiordnung'a можно найти в работе: «Landesordnung des Fürsten Christian I vom Jahre 1607», *Mittheilungen des Vereins für anhaltische Geschichte und Alterthumskunde*, vol.2, pt.7 (1880). P.527-538. Об ограниченном потенциале развития в аграрной сфере см. превосходную короткую обзорную работу: Wilhelm Abel, *Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Deutschland* (Göttingen, 1972).

Именно поэтому на раннем этапе регламентировавшие сельскохозяйственную деятельность и сельскую жизнь законы и предписания носили ограниченный масштаб. Лишь во второй половине XVIII столетия, когда стало ясно, что сельское хозяйство также имеет потенциал для динамичного роста, было разработано более активное законодательство, направленное на ускорение процесса модернизации сельской жизни и сельского хозяйства²¹. Мы можем сделать парадоксальный вывод, что возникновение классов (в марксистском смысле этого слова: как групп, определяемых не их социальным статусом и общественной функцией, а их ролью и интересами их членов по отношению к господствующему способу производства) было результатом процесса поощрения и стимулирования, который осуществлялся посредством инициатив со стороны высокоорганизованного полицейского государства (*Polizeistaat*). Вмешиваясь в ежедневную деятельность своих подданных и стимулируя максимальное использование всех ресурсов и всех видов творческой энергии, абсолютистское государство подрывало сословную систему, на которую оно на практике часто опиралось, и способствовало динамике модернизации и образованию классов.

В центре этой системы лежало глубокое противоречие между ее фундаментальными целями и задачами, с одной стороны, и используемыми ею средствами – с другой. Во-первых, двусмысленно было соотношение между тем местом, которое занимал индивидуум, и тем местом, которое занимала общественная группа. Совершенно очевидно, что рационалистическое и механистическое мировоззрение предполагало, что руководство должно быть сосредоточено в руках одной личности – правителя-индивидуала²². То, что предпочтение отдавалось индиви-

²¹ André J. Bourde, *Agronomie et agronomes en France au XVIIIe siècle* (Paris, 1970); Guy Ferry, Jacques Mulliez, *L'état et la rénovation de l'agriculture au XVIIIe siècle* (Paris, 1970); Ambroise Jobert, *Magnats polonais et physiocrates français, 1767-1774* (Paris, 1941); Helen P. Liebel, *Enlightened Bureaucracy versus Enlightened Despotism in Baden, 1750-1792* (Philadelphia, 1965). Как показывают эти и многие другие исследования, импульс здесь исходил из Англии (хотя некоторые законы и постановления XVII столетия основывались на голландских образцах), но прогресс в этой сфере сильно замедлялся из-за ограниченности капитала и ресурсов.

²² Кристиан Вольф, теоретик такого подхода, писал следующее: «On verra ainsi que la République ne sera heureuse que lorsque les affaires publiques seront dirigées par une *théorie certaine* ... Cette théorie se trouve dans le *monde rationnel* qui comprend toutes les vérités universelles dont la philosophie, traitée avec une méthode scientifique, est la Description». – Christian Wolff, *Le Philosophe-roi et le Roi-philosophe*, pt.2: *La théorie des affaires publiques* (Berlin, 1740). P. 113, 121 (курсив – в оригинале). А несколько позже его прагматичный последователь, Фридрих II, выразил эту же мысль еще более эффектно: «Un corps de lois

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

дууму, подразумевал и сам принцип максимального использования всех форм творческого потенциала, ибо формы эти являлись результатом творческих усилий индивидуумов в соответствующих сферах деятельности. С другой стороны, опора на уже существовавшие корпорации, сословия и институты, на обеспечивавших их деятельность должностных лиц, а также вера в гармоничное взаимодействие и функционирование нескольких сословий в рамках совокупной общественной экономики подразумевает подчинение интересов и целей индивидуума групповым интересам. Это означает, что упор делается на обязанности индивидуума, а не на его права; как следствие, индивидуум ставится на более низкую ступень по отношению к обществу, олицетворяемому правителем или реализованному в виде государства²³. С легкостью оправдывая самопожертвования ради общего блага, такая точка зрения также может подавлять тех индивидуалов и те эгоистичные устремления, которые зачастую стоят у истоков многих творческих нововведений и вносят важный вклад в дело умножения материального и духовного богатства общества.

Во-вторых, существует неотъемлемое противоречие в самом феномене поощрения и развития индивидуального творчества посредством централизованных и направленных мер контроля. Считалось, что такой *dirigisme* должен помочь достичь высшей точки творческой активности и в то же самое время поставить ее на службу новаторства и динамичного общественного прогресса. Но этого не могло произойти – особенно ввиду настойчивого требования всеобщего следования религиозным нормам и социокультурного конформизма. Опять же данный подход оказался особенно ограничивающим возможности людей в мелких германских государствах, хотя его катастрофические последствия стали совершенно очевидны и во Франции, когда Людовик XIV установил

parfaites ferait le chef d'oeuvre de l'esprit humain, dans ce qui regarde la politique du gouvernement; on y remarquerait une unité de dessein et des règles si exactes et si proportionnées, qu'un état conduit par ces lois ressemblerait à une montre dont tous les ressorts ont été faits pour un même but ... tout serait prévu, tout serait combiné, et rien ne serait sujet à des inconvénients; mais les choses parfaites ne sont pas du ressort de l'humanité». – «Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois» – Oeuvres complètes de Frédéric II roi de Prusse (место издания не указано; 1790), vol. 7. P. 109 (текст дан в современном написании).

²³ Fritz Valjavec, *Geschichte der abendländischen Aufklärung* (Wien, 1961); Hans M. Wolff, *Die Weltanschauung der deutschen Aufklärung in geschichtlicher Entwicklung* (Bern, 1963).

режим религиозного единообразия, отменив Нантский эдикт, и в России, где практиковались преследования старообрядцев²⁴.

Применение механистического мировоззрения к сфере управления и вера в волюнтаристский государственный контроль над процессом максимального использования общественного потенциала влекли за собой активное вмешательство в общественные дела и соответствующий надзор со стороны князя и его администраторов. Если правительство или правитель хотели быть инициаторами данного процесса, они должны были располагать надлежащим аппаратом помощников и сводом новых административных методов и приемов. Чиновник традиционного типа был, по всей очевидности, плохо приспособлен для выполнения вышеуказанных задач, поскольку он действовал на основе обычаев, традиций и конкретных решений скорее в целях негативного сдерживания, чем в целях конструктивного характера.

Заслуживают внимания две особенности новой административной практики. Рутинизация (в том смысле, в котором употребляет этот термин Макс Вебер) подразумевала отделение деятельности правительства от других общественных и частных интересов, что должно было придать официальным актам больший авторитет и максимально освободить их от личных отношений и влияний, сделав их более «объективными» и регулярными. Короче говоря, ее целью было создание вокруг администрации волшебной ауры определенности и объективности – и, следовательно, превосходства²⁵. Рутинизация также способствовала внедрению в умы населения представления о государстве как об отдельном, автономном организме с его собственными целями, интересами и нуждами (которые представляли собой нечто большее, чем цели, интересы и нужды правителя). Ввиду того, что администрация направляла, поддерживала и контролировала все формы потенциальной энергии общества, она также выполняла дидактическую функцию – функцию разъяснения населению своих намерений и целей. Подробные и мелкие предписания, касающиеся деятельности различных ведомств и канцелярий и встречающиеся во многих *Polizeiordnungen* и ученых трактатах авторов-камералистов, могут сегодня показаться нам наивными и даже несколько смешными. Но эти предписания являются наглядной иллюстрацией новых аспектов деятельности правительства и его новых интересов:

²⁴ Erich Haase, *Einführung in die Literatur des Refuge* (Berlin, 1959). Касательно старообрядцев см.: Gerschenkron, *Europe in the Russian Mirror*; и Robert E. Crumme, *The Old Believers and the World of Antichrist* (Madison, 1970).

²⁵ Volker Press, *Calvinismus und Territorialstaat: Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz, 1559-1619* (Stuttgart, 1970). Российский вариант данной проблемы рассматривается в следующей интересной работе: Michael Cherniavsky, «The Old Believers and the New Religion», *Slavic Review*, 15 (1966). P. 1-39.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

орудия администрирования становились столь же важными, как и те цели, достижению которых они прямо или косвенно служили; орудия эти как бы начинали жить своею жизнью, сами превращаясь в свои собственные цели. Носившая рутинный характер деятельность правительства угрожала поглотить ту самую цель, для достижения которой она велась, а занимавшиеся администрированием должностные лица – бюрократия – превращались в особый класс со своими собственными конкретными интересами, отождествлявшимися с интересами всего государства, а не какого-то сословия. Высокомерие и самоуверенность административной власти, достигшие той крайней степени, которую мы наблюдаем в России эпохи Петра Великого или в Австрии во времена царствования Иосифа II, уходят корнями именно в этот феномен.

То, что часто считалось особым проявлением жестокого дидактизма русского царя Петра I, проявлением его стремления одним ударом цивилизовать русское общество и установить жесткий и всеобъемлющий государственный контроль над всеми аспектами общественной и частной жизни, в действительности являлось ни чем иным как прямым копированием и переводом более ранних немецких административных правил (*Kanzleiordnungen*).²⁶ А грубый и прямой стиль Петра имеет свой эквивалент в «приземленном» языке «короля-сержанта». Вывод о дидактическом успехе *Kanzleiordnungen* в деле внедрения нового административного мировоззрения и новой практики администрирования можно сделать на основе того факта, что полстолетия спустя авторам стандартных трактатов по вопросам администрирования не нужно было так вдаваться в детали, как это приходилось делать Секендорфу, ибо надлежащая процедурная практика стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся²⁷. Процесс ассимиляции новых принципов проходил в России медленнее; такой вывод можно сделать на основе того, что в конце XVIII столетия имперская администрация все еще предписыва-

²⁶ См., например, *Kanzleiordnung* от 15 декабря 1684 года, приведенный в работе: C.G.Appel, ed., *Sammlung Fürstlich-hessischer Landesordnungen und Ausschreiben*, pt.3: 1671-1729 (Kassel, 1770), № 409. См. также: Veit Ludwig von Seckendorff, *Teutsher Fürstenstaat* (1656; rev. ed., Jena, 1737; rpt., Aalen, 1972), pt.2, ch.6. А также работу: Horst Kraemer, *Der deutsche Kleinstaat des 17. Jahrhunderts im Spiegel von Seckendorffs «Teutscher Fürstenstaat»* (Darmstadt, 1974).

²⁷ См., например: Christian A. Beck, *Versuch einer Staatspraxis oder Canzleiübung aus der Politik, dem Staat- und Völkerrechte* (Wien, 1754). Для сопоставления с трудом Секендорфа см. известные труды по *Polizeiwissenschaft* таких авторов, как Johann Heinrich Gottlob von Justi, Joachim Georg Darjes, Joseph von Sonnenfels.

ла пользование подробными уставами и формами²⁸. Кроме того, те же самые формулы и правила повторно использовались всякий раз, когда создавалось то или иное новое учреждение (хотя и предполагалось, что базовая модель раз и навсегда была установлена в «Генеральном регламенте» Петра Великого)²⁹. «Просвещенный» абсолютизм Фридриха II или Иосифа II, который столь зависел от административного руководства и практики, был бы просто немыслим без произошедшей в конце XVII столетия «рационализации» канцелярских процедур. Даже тот факт, что абстрактные интересы государства приобрели большую важность, чем частные интересы правителя (факт этот получил выражение в известной формулировке, приписываемой Фридриху II и гласившей, что «король – это первый слуга государства»), имел более ранний эквивалент в канцелярских и камералистских текстах конца XVII столетия³⁰. Сходные заявления Петра I представляют собой лишь более откровенное, более светское выражение тех настроений, которые восходят своими корнями к протестантскому пониманию призвания светского князя и его христианских обязательств по обеспечению благосостояния своих подданных. Конечно, во всей этой риторике было много своекорыстия, но к ее пафосу необходимо относиться самым серьезным образом. Фраза «Государство – это я» означала не только «Я – это и есть государство», но и «Государство – во мне», – т.е. правитель являлся наиболее полным воплощением государства и его основным органом³¹.

Все большее значение, уделявшееся светской стороне общественной жизни, часто отмечается как характерная черта камералистики и абсолютизма. «Регулярное» полицейское государство было заинтересовано в рациональной организации всей общественной деятельности, включая церковную сферу. Интересное свидетельство этому мы находим в самом начале XVIII века – задолго до того, как стало ощущаться влияние философских трудов – в форме пересмотренного церковного статута княжества Гессен, в котором впервые с XVI столетия затрагиваются вопросы надлежащего обеспечения публичного отправления церковных

²⁸ См., например, приказ А.А. Вяземского от 13 сентября 1784 г. – РГАДА, ф.248, оп.6570, дд.8-12.

²⁹ «Генеральный регламент» от 28 февраля 1720 года // Полное собрание законов Российской Империи, серия 1 (далее – ПСЗ). Т.6. № 3534.

³⁰ Конечно же, религиозная мотивация этого явления уходит своими корнями в Реформацию. Seckendorff (Teutscher Fürstenstaat), von Rohr (Einleitung zur Staats-Klugheit) дают хорошие формулировки в отношении этого вопроса. Их приблизительный современник Jacob Döppler облакает религиозную мотивацию в почти средневековую терминологию в своем труде Treuer Herr / Treuer Knecht (Leipzig, 1694).

³¹ Fritz Hartung, «L'état c'est moi», Historische Zeitschrift, 169 (1949). P. 1-30.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

обрядов. Конкретизируя порядок допуска верующих к святому причастию, статут подчеркивает, что при этом общественное и официальное положение верующего во внимание не принимается. Как причина такого невнимания приводится стремление предотвратить возникновение споров и конфликтов по поводу первоочередности выполнения обряда. Но в то же самое время статут констатирует веру правительства в равенство всех подданных перед Богом и приоритетное значение общественного порядка: первоочередность выполнения обряда должна определяться исключительно близостью того или иного индивидуума к алтарю и не должна сколько-нибудь учитывать его статус или ранг³². Данная деталь – хотя она и кажется незначительной – заслуживает внимания потому, что мы можем сделать следующий вывод: в предыдущих сводах правил и нормативов считалось самим собой разумеющимся, что первоочередность определяется традиционным статусом индивидуума. На ум тут же приходит законодательство Петра I, сходное с данным статутом тем, что в нем традиционные иерархии заменялись более механической и рациональной «Табелью о рангах»³³.

Точно так же считалось, что государство должно заниматься образованием своих будущих граждан, особенно будущих административных работников³⁴. Не случайно, что нужда в новых приходских священниках заставила протестантских князей взять в свои руки инициативу по созданию в германских землях университетов. В результате всего этого в XVI-XVII столетиях получивший университетское образование чиновник все чаще становился основным советником светского правителя³⁵. В то время как в католических странах общественная роль универ-

³² Церковный статут от 24 ноября 1702 г. – Appel, Sammlung Fürstlich-hessischer Landesordnungen, № 571. Идеи религиозной терпимости и невмешательства в основные церковные дела даже со стороны набожного правителя были подробно разработаны в труде: von Rohr, Einleitung zur Staats-Klugheit. P.260-263.

³³ «Табель о рангах» от 24 января 1722 г. // ПСЗ. Т.6. № 3890.

³⁴ Примером здесь может служить создание таких учреждений, как collegium illustre в Тюбингене, Марбурге и Касселе. О менее известной академической гимназии в Цербсте см.: Franz Kindscher, «Das hochfürstliche anhaltische akademische Gesamtgymnasium zu Zerbst unter Kannengiesser (1662-1680)», Mittheilungen des Vereins für anhaltische Geschichte und Alterthumskunde, vol.6, pt.2 (1892). P. 284-301.

³⁵ Интересные данные можно найти в ряде очерков, собранных в книгах: Günther Franz, ed., Beamtentum und Pfarrertum, 1400-1800 (Limburg an der Lahn, 1972); Helmut Rössler and Günther Franz, eds., Universität und Gelehrtenstand (Limburg an der Lahn, 1970). По поводу юридического университетского образования в первую очередь см. истории всех крупнейших университетов; также см.: Erich Döhring, Geschichte der deutschen

ситетов шла на убыль, протестантские университеты модернизировали свои учебные программы (для обозначения этого процесса подошло бы итальянское слово «*aggiornamento*») для того, чтобы обеспечить подготовку не только пасторов, но и юристов, врачей и ученых. Благодаря этому к концу XVII века многие ведущие университеты стали важнейшими учреждениями, вносящими вклад в модернизацию общественной жизни³⁶. Высшей точкой этого развития событий стало основание университета в г. Галле – в особенности создание кафедры камералистских исследований. Целью этого учебного заведения была подготовка студентов к *vita activa* в общественной сфере и в то же время привитие им этических и духовных ценностей пиетизма, а также чувства ответственности, подобающего их будущей роли общественных вожаков и преподавателей. Создание этого пиетистского учреждения в Галле стимулировало реформы других университетов, особенно в Лейпциге и во Франкфурте-на-Одере, и подготовило почву для создания университета в Геттингене. Все вышеперечисленные университеты стали важными центрами разработки доктрин естественного права в том виде, в котором они получили развитие в трудах Кристиана Томазия, Кристиана Вольфа, а впоследствии – немецкого Просвещения (*Aufklärung*)³⁷.

Итак, мы отмечаем, что данное явление немецкой интеллектуальной жизни уходит корнями в XVII столетие; университетские статуты Марбурга, например, демонстрируют понимание необходимости профессиональной подготовки студентов для государственной службы³⁸. Если мы сравним язык университетских статутов этого Гессенского университета с языком более поздних русских указов, то мы можем безошибочно заметить сходство в их тоне. Да, в русских документах ударение делается на необходимость воспитания «полезных» подданных благородного происхождения, а также подготовки необходимого персонала, в то время как в Марбурге по-прежнему подчеркивается необходимость подготовки пасторов. Но мы не должны забывать о светских функциях протестантского священнослужителя, особенно в сельской местности. И мы снова оказываемся на знакомой территории, когда мы проводим срав-

Rechtspflege (Berlin, 1953); Alfred de Curzon, L'enseignement du droit français dans les universités de France aux XVIIe et XVIIIe siècles (Paris, 1920).

³⁶ О положении в Гессене см.: Wolfgang Metz, «Das Eindringen des Bürgertums in die hessische Zentralverwaltung» – машинописная работа (Göttingen, 1947).

³⁷ Hans Maier, Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre (Polizeiwissenschaft): Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Wissenschaft in Deutschland (Neuwied, 1966); Notker Hammerstein, Jus und Historie: Ein Beitrag zur Geschichte des historischen Denkens an deutschen Universitäten im späten 17. und im 18. Jahrhundert (Göttingen, 1972).

³⁸ Университетский статут 1684 г. – Appel, Sammlung Fürstlich-hessischer Landesordnungen.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

нение между гессенскими статутами и некоторыми из предложений эпохи царствования Екатерины II, направленных на реформу церковных школ и подготовку священников³⁹. Тот факт, что российские документы относятся к несколько другому временному периоду, не должен нас смущать, — мы должны учитывать здесь российские условия. Совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело с явлениями, связанными между собой непрерывным развитием на протяжении более столетия (несмотря на то, что действие перенесено с Рейна на Волгу), а не с теми специфическими периодами и регионами, природа которых связана с распространением идей Французской революции 1789 года.

Даже поверхностное знакомство со сборниками полицейских статутов показывает, что основные элементы тех идей, которые мы обычно относим к идеям Просвещения, прагматично вводились в обиход в последние десятилетия XVII столетия; они вступали в соперничество с более ранними подходами к проблемам регулирования и руководства. Так, например, мы отмечаем момент рационального убеждения и призыв к индивидуальной инициативе и защите личных интересов в гессенских нормативных документах, касающихся возобновления лесонасаждений и посадки фруктовых садов⁴⁰. Сходные элементы свободы индивидуальной деятельности как предпосылки саморазвития индивидуума могут быть обнаружены в законодательстве, затрагивающем такие области, как здравоохранение, вербовка в вооруженные силы и регулирование торговли и ремесел. Конечно, во всех этих случаях политический элемент крайне ограничен; он все еще рассматривается как часть системы отдельных, дискретных элементов, а не как часть общеевропейского политического устройства — и даже не как часть всего человечества, что стало характерным для второй половины XVIII столетия⁴¹.

³⁹ О российском образовании в XVIII столетии см., в частности: Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Paris, 1930. Конкретно о церковных школах см.: Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. Краткий анализ представлений Екатерины о том, каким должно быть образование и какую роль должно играть приходское духовенство, можно найти в моей работе: «The Empress and the Vinerian Professor», Oxford Slavonic Papers, n.s.7 (Oxford, 1974). P. 18-41.

⁴⁰ См., в особенности, указы о посадке деревьев, датированные 1707, 1713, 1721, 1722 и 1724 годами — Hessische Polizey Verordnungen die Hude, Gärten und Plantagen betreffend, 1647-1745 (без указания места и даты публикации; без нумерации страниц — частично рукописный сборник дидактического характера).

⁴¹ Примерно в 1790 году некий Август Витцман (August Witzman) писал следующее: «Il faut pour ainsi dire considérer toute l'Europe comme une grande ville commerçante et les différents états comme autant de magasins de marchan-

Как правило, претворение в жизнь тех германских статутов, которые касались деятельности полиции (конечно же, в том смысле слова «полиция», как оно понималось в XVII и XVIII веках), опиралось на уже существовавшие корпоративные органы и на представлявших их должностных лиц, или на уже занимавших соответствующие посты чиновников. А если создавалась новая должность, то она обычно отдавалась тому, кто представлял корпорацию или учреждение, наиболее непосредственно затрагивавшиеся новыми нормативными постановлениями. Например, в случае с гессенскими статутами, касавшимися беженцев из числа французских гугенотов: полицейские и судебные функции в отношении этих беженцев частично передавались в ведомство уже функционировавших гессенских чиновников, а частично – должностным лицам, отбравшимся из числа самих французских гугенотов⁴². Совершенно иная ситуация сложилась в России – особенно в том, что касалось регулярных полицейских функций, уже получивших развитие в западно-европейских и центральноевропейских государствах. Вводя отвечавшие современным требованиям администрацию и полицию, петровское государство должно было «создавать» для этой цели новых чиновников. Действительно, зачастую они привлекались из рядов той социальной группы, которая самым непосредственным образом была затронута новыми законодательными мерами⁴³; однако речь шла об обязательной повинности, трансформировавшей их в настоящих слуг государства и делавшей их ответственными за поступки коллег. Все это имело два парадоксальных последствия: одновременную задержку в процессе формирования профессиональной бюрократии для местных учреждений, а также помехи на пути реорганизации социальных групп на основе корпоративных принципов самоуправления.

В сущности, Петр I и его преемники близко следовали модели, предложенной им в полицейских статутах германских государств. Но средства, имевшиеся в распоряжении российских правителей, вносили в последствия применения этой модели и в ее последующую эволюцию интересные особенности. Они объяснялись не той импульсивностью, прямотой, принудительностью и жестокостью, которые приписывались

dises». Меморандум (без даты) – Ленинградская секция Института истории Академии наук СССР, Ленинград, ф.36, оп.451, д.160.

⁴² Гессенские статуты в отношении беженцев-гугенотов, датированные 1688 г. и 13 октября 1700 г. – Appel, Sammlung Fürstlich-hessischer Landesordnungen, № 437, 439, 531. Их можно сравнить с бюрократическим подходом Екатерины к созданию канцелярии по опекунству иностранных колонистов. – «Канцелярия по опекунству иностранных колонистов» от 22 июня 1763 г. // ПСЗ. Т.16, № 11881.

⁴³ Например, купцы отбирались для того, чтобы стать членами Главного Магистрата, который был чем-то вроде городского совета. См.: «Регламент или устав Главного Магистрата» от 16 января 1721 г. // ПСЗ, Т.6, № 3708.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

населению России. Главным было то, что российские правители не могли полагаться на те общественные ресурсы, которые имелись в случае служивших им примером европейских моделей – в основном как результат осуществлявшейся в XVI веке политики и имевшего место тогда общественного развития.⁴⁴ Они должны были создать «матрицы» для будущего общества, аналогичные уже имевшимся на Западе, а также те орудия, которые ставшие для них моделями европейские деятели использовали для того, чтобы их собственные реформы «привились». Но, преследуя обе цели, российские правители подрывали процесс их эффективного достижения. В Центральной Европе старые сословия занимали твердое место в обществе и могли быть использованы государством – даже если, в конечном итоге, новая политика и новое развитие событий угрожали самой их природе и ставили под вопрос само их существование. Но в России старые «сословия» в той мере, в которой они вообще там имелись⁴⁵, не могли быть использованы для этих целей, и поэтому необходимо было создавать общественную среду, из которой можно было вербовать лиц, способных стать чиновниками в новом административном аппарате. Если проблема эта не была еще полностью понятна Петру, то позже она стала вполне очевидна его преемникам.

Полное практическое определение основных стремлений и пафоса того института, который мы обычно называем регулярным полицейским государством, можно найти не только в словах и делах таких энергичных правителей, как прусский король Фридрих Вильгельм I⁴⁶, но и в трактате, который активно читали и использовали администраторы на протяжении всего XVIII столетия. Речь идет о первом трактате, посвя-

⁴⁴ Herman Rehm, «Die rechtliche Natur des Staatsdienstes», Georg Hirth and Max Seydel, eds., *Annalen des deutschen Reiches*. V.17, № 10-12 (München, 1884). P. 565-792; Georg von Below, «Die Neuorganisation der Verwaltung in den deutschen Territorien des 16. Jahrhunderts», Georg von Below, *Territorium und Stadt* (2d ed.; München, 1923). P.194-208; Heinz Dollinger, *Studien zur Finanzreform Maximilians I von Bayern in den Jahren 1598-1618: Ein Beitrag zur Geschichte des Frühabsolutismus* (Göttingen, 1968).

⁴⁵ По поводу многократно дискутировавшегося вопроса о российских сословиях см., например: J.L.Keep, «The Moscovite Elite and the Approach to Pluralism», *Slavonic and East European Review*, 47 (1970). P. 201-231; Günther Stökl, «Gab es im Moskauer Staat Stände?», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 11 (1963). P. 321-342. Наиболее впечатляющая работа по этому вопросу: Hans-Joachim Torke, *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613-1689* (Leiden, 1974).

⁴⁶ R.A. Dorwart, *The Administrative Reforms of Frederick William I of Prussia* (Cambridge, Mass., 1953); Dorwart, *The Prussian Welfare State before 1740* (Cambridge, Mass., 1971). Более широкий контекст барочного мира обсуждается в работе: Hinrichs, Friedrich Wilhelm I.

щенном полиции (в том значении, в котором этот термин понимался в начале XVIII века) и написанном Никола де Ламаром⁴⁷. Во-первых, необходимо отметить, что де Ламар полностью признает тот факт, что современные ему концепция полиции и полицейская практика многое заимствовали у средневековых институтов подобного рода. Он видит прямую линию развития полицейского законодательства, идущую от первых правителей династии Валуа к Людовику XIV; в каком-то смысле для него регулярное полицейское государство – это не более чем средневековое городское общество, значительно увеличенное в территориальном масштабе. Де Ламар правильно подчеркивает раздробленный характер современной ему системы государств, где каждое государство представляет собой изолированную единицу, основанную на автаркии. Но он также выражает более современную, динамичную точку зрения на деятельность правительства, введенную в обиход в XVII столетии (прагматично – во Франции, более систематично – в германских государствах). Назначение любого правительства – максимальное использование имеющихся ресурсов и раскрытие творческого потенциала нации; с учетом этого правительство должно проявлять заботу о всеобщем благосостоянии населения – как о духовном, так и о материальном. Полиция – наилучшее средство для достижения этой цели⁴⁸. Но в данном случае явно подразумевается, что там, где система традиционных общественных институтов частично или полностью разрушилась, функция полиции – ее воссоздать или создать на ее месте новую систему; именно к такому волонтаристскому, современному по духу выводу приводил читателя трактат *Traité de police*.

Среди читателей трактата была и русская императрица Екатерина II⁴⁹. Заслуживает внимания то, как она подходила к проблеме регуляр-

⁴⁷ Nicolas de La Mare, *Traité de police* (Paris, 1722; 2 ed., Amsterdam, 1729).

⁴⁸ «J'ay ensuite montré que son [police] unique objet consiste à conduire l'homme à sa plus parfaite félicité dont il puisse jouir en cette vie. ... On y découvre en même temps combien cette Police que nous suivons a de conformité avec les Loix du Droit naturel et qui ont commencé d'être suivies dès le premier âge du monde. ... Les Loix ... ont la droite raison pour cause efficiente, le bonheur des Peuples, le bien et le repos des Etats pour fin. Les Loix n'ont pas seulement pour objet de punir les vices, mais encore d'exciter à la pratique de toutes les vertus». – De LaMare, *Traité de police* (2d ed.). Introduction. P.4, 240. Интересно также более позднее по времени заявление, развивающее идеи де Ламара и имеющее более широкий смысл: «La police ... renferme l'universalité des soins relatifs à l'administration du bien public, le choix et l'emploi des moyens propres à la procurer, à l'accroître, à le perfectionner. Elle est, on peut le dire, la science de gouverner les hommes et de leur faire du bien, la manière de les rendre, autant qu'il est possible, ce qu'ils doivent être pour l'intérêt général de la société». –

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

ного полицейского государства, и в чем ее подход отличался от подхода ее царственного предшественника Петра I. Екатерину II часто рассматривают в качестве правительницы, воплощающей в себе принципы просвещенного абсолютизма; элементы «просвещенности» обычно находят в ее знаменитом «Наказе законодательной комиссии» (1767 г.), а также в ее переписке с Вольтером и бароном Гриммом. Но столь же правильно было бы, по-моему, относить ее к числу великих правителей-камералистов. Именно такими правителями были и германские князья конца XVII – начала XVIII веков, от которых прослеживается ее духовная родословная (правда, с некоторыми интересными оговорками)⁵⁰. Законодательство Екатерины – это естественное продолжение общественной политики, открывающей дорогу для модернизации и в то же время демонстрирующей все противоречия концепции «полицейского государства» (*Polizeistaat*).

Хорошо известный, но все же недостаточно изученный «Устав благочиния» (1782 г.) подражает выработанной в предыдущем столетии концепции и одновременно использует более поздние немецкие модели⁵¹. Подобно предшествовавшим ему немецким документам XVI столетия, он характеризуется склонностью к морализированию, что указывает на осознание русской императрицей своей ответственности за духовное благосостояние и прогресс своих подданных. Указ Екатерины представляет собой сочетание сделанных как бы мимоходом моральных замечаний и современных западноевропейских, а также библейских предписаний; именно такое сочетание мы находим в статутах протестантских князей эпохи Реформации. Вполне возможно, что язык дидактического раздела екатерининского указа – так называемого «Зеркала» – действительно был частично заимствован у де Ламара; но и формули-

J.B. Ch. LeMaire, «La police de Paris en 1770: Mémoire rédigé par les ordres de Mr. De Sartine», A.Gazier, ed., Mémoires de la société de l'histoire de Paris et de l'Ile de France, 5 (Paris, 1879). P. 27-28.

⁴⁹ Григорьев В. Зерцало управы благочиния (эпизод из истории «Устава благочиния» 1782 г.) // Русский исторический журнал. 1917. № 3-4. – С.73-103.

⁵⁰ Касательно источников, которыми Екатерина пользовалась при составлении своего наказа, см.: Екатерина II. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н.Д.Чечулина. Спб., 1907; Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф.Владимирскому-Буданову / Под ред. М.Н.Ясинского. Киев, 1904. - С.44-86.

⁵¹ «Устав благочиния» от 8 апреля 1782 г. // ПСЗ, Т.216. №.15379.

ровки последнего также являются отражением более ранней традиции⁵². В сущности, «Зерцало» Екатерины характеризует ее как достойную преемницу Петра I, чье законодательство содержит подобные моральные и дидактические преамбулы и рассуждения; оно также, по всей видимости, указывает на то, что ни правительница России, ни ее подданные не проделали какого-либо заметного прогресса по сравнению с началом XVIII столетия.

В достаточно обстоятельных статьях «Устава благочиния», касающихся поддержания порядка в городах при помощи полиции, Екатерина следует камералистским идеям и практическим нормам германских статуты XVII столетия⁵³. «Устав благочиния», представляющий собой попытку упорядочить все стороны городской жизни и поставить их под контроль, носит такой же обстоятельный и подробный характер; он также демонстрирует то же самое стремление обеспечить городскому населению безопасность и максимально задействовать его творческий потенциал – с тем, чтобы оно могло играть роль, отведенную ему в государственной экономике. С другой стороны, русский статут содержит чрезмерно большой раздел (включающий в себя почти половину всех статей), в котором подробно описываются наказания, полагающиеся за каждое нарушение соответствующих правил. Для того, чтобы городское население могло играть действительно конструктивную роль, Екатерина сделала попытку заложить основы системы гильдий⁵⁴. В этой попытке она следовала немецким образцам – в особенности тогда, когда в подражание административному статуту Берлина, принятому при Фридрихе II, гильдиям были приданы полицейские функции. Малые и большие города подразделялись на районы и кварталы, в каждом из которых имела своя иерархия полицейских чиновников, а вспомога-

⁵² Статья 41 «Устава благочиния» (входящая в раздел Д, имеющий название «Наказ управе благочиния») обычно известна как «Зерцало»; название это подражает морально-дидактическому жанру Fürstenspiegel. Она содержит общие предписания морального толка и правила цивилизованного поведения. Источники, использовавшиеся в данном случае Екатериной, обсуждаются Григорьевым в его работе «Зерцало управы благочиния». С моей точки зрения, Григорьев слишком узко подходит к проблеме, концентрируя свое внимание на возможных дословных заимствованиях из трактата де Ламара «Traité de police».

⁵³ Екатерина также намеревалась издать указ относительно сельской местности (т.е. относительно государевых крестьян). Указ этот не был осуществлен в полной мере, хотя его идеи и повлияли на отдельные законодательные акты, принятые на Украине. См.: Проект императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей // Сборник императорского русского исторического общества / Под ред. В.И.Вешнякова. Т. 20. Спб., 1877. - С. 447-498.

⁵⁴ «Жалованная грамота городам» от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ, Т.22, №16188.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

тельный персонал набирался из числа местного населения. Но именно здесь мы сталкиваемся с коренным различием: в то время как в Берлине Фридриха II соответствующая система имела свою основу в лице чиновников уже имевшихся в наличии гильдий, а также в виде традиционной системы корпоративного участия в работе полиции, в России подобных институтов не существовало⁵⁵. В российской полиции на официальные посты чиновников приходилось набирать из числа населения по системе, сильно напоминавшей практику набора на службу, существовавшую в Московском государстве и в России Петровской эпохи, где насильно завербованные занимали места в жесткой системе государственной службы, не получая за это никаких дополнительных преимуществ⁵⁶. Все это также делало полицию очень дорогостоящим мероприятием и объектом чрезмерной бюрократизации и централизованного контроля со стороны государства⁵⁷.

Причину такого подхода к решению проблемы не надо искать слишком далеко; все это подводит нас ко второй важнейшей черте екатерининского законодательства. Именно корпоративные образования и автономные общественные институты – знаменитые *corps intermédiaires* Монтескье – лежали в основе камералистской системы и полиции в Центральной и Западной Европе, и именно они наиболее явно отсутствовали в России. Российские правители (как Петр I, так и Екатерина II) прекрасно осознавали факт их отсутствия. Неуклюжие попытки Петра I насильно подтолкнуть купцов к созданию корпоративных органов (например, Главного магистрата), которые осуществляли бы те многочисленные функции, выполнения которых требовало от купечества государство, закончились неудачей. Наиболее энергичные и прогрессивные элементы городского населения отказались участвовать в этих мероприятиях и всячески избегали новых учреждений, в то время как городские административные органы стали вынужденными агентами бюрократической системы, потеряв присущий им дух предпринимательства и социальной автономии⁵⁸. Таким образом, Екатерина II была вынуждена вновь вернуться к выполнению этой задачи; для претворения в жизнь

⁵⁵ «О сочинении регламента полиции» от 23 октября 1763 г. – РГАДА, ф.248, кн.3411, оп.45, д.936-942. См. также: Тарасов И.Т. История русской полиции и отношения ее к юстиции // Юридический Вестник. Год 16 (1884). № 2-4. – С.177-212, 383-411, 551-574.

⁵⁶ «Устав благочиния», раздел Б.

⁵⁷ Например, создание «управы благочиния» (полицейской администрации) в Туле и Калуге обошлось в 27728 рублей 80 коп., что представляло для административных расходов тех времен очень большую сумму. См. «Отчет генерал-губернатора Михаила Кречетникова по поводу Калужской, Тульской и Рязанской губерний, 1774-1791; отчет о создании управ благочиния в Туле и Калуге» (без даты) – РГАДА, разр.16, оп.729, ч.2, д.10-11.

⁵⁸ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.

своего «Устава благочиния», а также с целью создания социо-институциональной основы для планировавшейся ею модернизации русской экономической и культурной жизни она должна была развивать систему сословий. Именно это направление определяло характер двух грамот, пожалованных ею дворянству и городам в 1785 году, а также третьей грамоты, предназначавшейся для государственных крестьян, но так и оставшейся в стадии проекта⁵⁹. Все эти законодательные акты были направлены на поощрение участия в административной деятельности и повышение административной ответственности путем создания системы защиты и необходимой корпоративной структуры для таких секторов российского общества, как городское население и дворянство⁶⁰.

В течение короткого периода времени законодательство Екатерины имело некоторый успех (в том аспекте, который я здесь рассматриваю). Оно способствовало организации сословий и их участию в административной деятельности на местном уровне, а также сделало возможным установление полицейского порядка (*Polizeiordnung*) во всех центральных городах и распространение его на некоторые важные стороны сельской жизни. Но скоро стала очевидна двусмысленность данного предприятия: попытки создать, при помощи авторитарных решений царственной правительницы и исходящего от нее законодательства, способную осуществлять автономную деятельность систему сословий, потерпели неудачу, столкнувшись с государственной системой управления и контроля⁶¹. Это, в свою очередь, вело к возникновению препятствий на пути развития индивидуальной инициативы и автономных действий сословных учреждений. И если дело обстояло именно таким образом, то тогда под вопрос ставилась вся концепция камералистики и просвещенного абсолютизма, то есть концепция поощрения государством прогресса и модернизации общества. Двусмысленные последствия этой концепции в полной мере ощущались в государстве Иосифа II, ибо наильно внедренная им единообразная, рациональная система вызвала

⁵⁹ «Жалованная грамота дворянству» от 21 апреля 1785 г. // ПСЗ, Т.22, № 16187; «Жалованная грамота городам»; «Проект императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей». Детальный анализ структуры и источников «Жалованной грамоты городам» был сделан А.А.Кизеветтером в его работе «Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария» (М., 1909). Оригинальное истолкование социального законодательства Екатерины содержится в работе: Dietrich Geyer, «Gesellschaft als staatliche Veranstaltung», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 14 (1966). P. 21-50. Я следую аргументам профессора Гейера и поясняю их в своей работе «The Empress and the Vinerian Professor».

⁶⁰ Robert E. Jones, *The Emancipation of the Russian Nobility, 1762-1785* (Princeton, 1973).

⁶¹ О том, каким образом это затронуло дворянство, говорится в работе С.А.Корфа «Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1885 гг.» (Спб., 1906).

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

сопротивление тех самых учрежденных органов, чью творческую энергию он хотел развивать. В любом случае – и это, возможно, парадоксально – интервенционистская, активная политика, которую проводили камералистское «полицейское государство» и просвещенный абсолютизм, породила (независимо от того, опиралась ли эта политика на уже существовавшие сословные структуры или пыталась их развивать дальше) среди членов общества большее осознание желательности максимального использования их собственной творческой энергии. Это привело к постепенной трансформации традиционных форм солидарности лиц, обладающих одинаковым общественным статусом, в классовое сознание, определяемое личными интересами индивидуумов и их активным участием в экономической и культурной жизни. В свою очередь, все это способствовало тому, что под вопрос ставилась сама законность абсолютизма и камералистской системы власти; в то же время общество и его активные члены все больше вовлекались в процесс модернизации и утверждения мировоззрения индивидуализма⁶².

Из предыдущих замечаний становится очевидным тот факт, что хитросплетение административной истории с трудом поддается расчленению на обособленные друг от друга, четко обозначенные периоды: на ткани этой истории нет швов, и конкретные модели возникают как результаты имманентной динамики задолго до этого поставленных целей и средств для их достижения. Некоторые из тех ключевых идей, которые мы связываем с понятием современности и приписываем эпохе Просвещения, появились на свет и достигли уровня практической значимости задолго до того, как стало ощущаться влияние трудов ассоциируемых с этими идеями философов. Одной из таких идей является, например, понятие счастья. Эвдемонизм камералистики XVII столетия и существовавшая тогда концепция полиции содержали в себе *in nuce* это понятие всеобщего благоденствия и счастья, но в то время и благосостояние, и счастье считались средствами для достижения главной цели любой системы государственного правления – максимального использования всех видов потенциальной энергии для усиления государства, для повышения степени его независимости и влияния. «Просветительской поправкой», внесенной в эту концепцию, стала трансформация понятия счастья как простого орудия трансцендентальной политической цели в саму цель, которую необходимо достичь ради нее самой. Более того, акцент делался (особенно во Франции, и меньше – в Германии, где *Aufklärung* сохранил много черт более раннего общинного мировоззрения) на счастье индивидуума, что вело к утилитаристскому призыву к обеспечению наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Такой акцент на индивидуализм способствовал развитию феномена «собственнического индивидуализма», где первостепенное значение прида-

⁶² Косвенной моделью здесь являлась Англия. Но то, что в Англии носило характер автономного общественного развития, в странах континентальной Европы было результатом государственной политики.

валось удовлетворению личных материальных интересов, а не благоденствию всего общества. С политической точки зрения, такой подход узаконивал сопротивление претензиям, выдвигаемым государством (или правителем), и способствовал переходу к использованию новой риторики. Риторика эта, в свою очередь, порождала динамику, которая в конце концов вела к одобрению процесса модернизации и, далее, к преобразованию этого процесса в трансцендентный абсолютизм, становившийся нормативным стандартом – подобно абстрактным понятиям права, воплощенным в современных законодательных кодексах.

По крайней мере в одном отношении просвещенные деспоты завершили работу, начатую их предшественниками-камералистами. Количество указов выросло до такой степени, что они ставили под серьезную угрозу регулируемую ими деятельность общественных институтов и учреждений. Передел государственных границ и расширение экономических единиц породили насущную необходимость в регулярных и единообразных процедурах, которые могли бы способствовать более свободному передвижению товаров и обеспечению надлежащей защиты личности и собственности⁶³. Последнее, но тем не менее важное: необходимо было обеспечить защиту и закрепление потенциальных возможностей индивидуума в сфере максимального использования – посредством изобретений, искусства и торговли – культурных и материальных ресурсов⁶⁴. Такая защита должна была опираться не на личную власть, а на взаимодействие социальных и экономических отношений, а также обязательств, принятых на себя членами общества (или их организованными сообществами) путем свободного волеизъявления. Цель эта предполагала усилия по реализации тех интеллектуальных предпосылок, на основе которых осуществлялась рассматриваемая нами политика: предположения касательно рациональной регулярности и единообразия, вытекающих из единообразия человеческой натуры, а также признания наличия разнообразных природных факторов (таких, как климат) и дидактического первенства, принадлежащего политической

⁶³ Также имели место сложности и недоразумения, порождаемые фактом существования нескольких различных систем права, например, римского права, германского обычного права и феодальных законов. Сходной была и ситуация во Франции, где существовали два основных вида права: *droit de coutume et droit écrit*, а также различные местные варианты. См. увлекательный, тонкий анализ данной проблемы в работе: John P. Dawson, *The Oracles of the Law* (Ann Arbor, 1968). Наличие подобных разновидностей, обеспеченных правовыми санкциями, могло быть причиной требования исчерпать обычные юридические процедуры одной системы и лишь затем обращаться к правителю, а также причиной недоверия к «прецедентному праву» и к решениям, принятым на основе моральных суждений магистрата. Относительно последних см., например, предисловие к работе: Johann Friedrich Schram, *Richterlicher Gewissenspiegel...* (Erfurt, 1729).

⁶⁴ Интересные замечания по поводу защиты денежных поступлений от использования изобретений и патентов содержатся в работе: North and Thomas, *Rise of the Western World*.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

власти. Эти усилия приняли форму кодификации права, что должно было привести к созданию гармоничной, регулярной, единообразной и стабильной юридической системы, в рамках которой динамичные силы современности, которым дало жизнь «полицейское государство», могли бы получить полное выражение и развернуться в полном масштабе. Вторая половина XVIII столетия в континентальной Европе была периодом классических попыток кодификации; попытки эти служили наилучшей иллюстрацией стремлений как камералистов, так и просвещенного абсолютизма⁶⁵. Целью кодификации была также рутинизация общественных концепций доктрины естественного права, составлявших ядро абсолютистско-камералистской системы и полиции XVII столетия. Кодификация означала, что особое значение придавалось обязанностям индивидуума – в ущерб его правам⁶⁶. Кроме того, процесс кодификации можно рассматривать как пример руководящей роли государства – т.е. политической власти.

Нет необходимости углубляться здесь в историю процесса кодификации в различных странах – в историю, которая указывает на то, что в наших знаниях по-прежнему есть многочисленные пробелы, особенно в отношении законодательных документов, похожих на кодексы XVIII столетия и предшествовавших им по времени, а также в отношении влияния на эти кодексы более ранней юридической практики и более ранних концепций права⁶⁷. В любом случае, неоспорим тот факт, что

⁶⁵ Нельзя забывать и ранних попыток, предпринятых во Франции Кольбером. См.: Joseph van Kan, *Les efforts de codification en France* (Paris, 1929); André-Jean Arnaud, *Les origines doctrinales du Code civil français* (Paris, 1969) и специальный номер «Le droit au XVIIe siècle» журнала *XVIIe siècle*, 1963. № 58-59. Во имя избежания недоразумений необходимо заметить, что с конца XVII столетия кодификация означала не просто сбор старинных, уже существующих законов (в *coutumiers*, например), но и систематическую их переработку с целью создания новых систем юридических норм. Во Франции частью этого процесса были также усилия, предпринимавшиеся канцлером д'Агессо в середине XVIII века. См.: Henri Regnault, *Les ordonnances civiles du chancelier Daguesseau* (Paris, 1929-1938); см. также: Dawson, *Oracles of the Law*.

⁶⁶ Именно здесь берут свое начало различия между тем, какое значение имело влияние естественного права в Германии, и его развитием в Англии и Франции. Интересную иллюстрацию этих различий можно найти в недавно опубликованных лекциях главных инициаторов усилий в сфере кодификации, предпринимавшихся в Пруссии и Австрии. См.: Hermann Conrad, Gerd Kleinheyer, eds., *Vorträge über Recht und Staat von Carl Gottlieb Svarez, 1746-1798* (Köln, 1960); Hermann Conrad, ed., *Recht und Verfassung des Reiches in der Zeit Maria Theresias* (Die Vorträge zum Unterricht des Erzherzogs Joseph) (Köln, 1964).

⁶⁷ См.: Villey, *La formation de la pensée juridique moderne*; Arnaud, *Les origines doctrinales du Code civil français*; van Kan, *Les efforts de codification en France*; Dawson, *Oracles of the Law*; а также: Franz Wieacker, *Privatrechtsgeschichte der*

успех процесса кодификации в Баварии, Пруссии и Австрии (и, в конечном итоге, Французский гражданский кодекс) сыграли значительную роль в процессе модернизации в начале его наиболее динамичного периода. Франц Виакер совершенно правильно отметил, что кодификация являлась уникальным достижением Западной Европы, а точнее – континентальной Европы⁶⁸. В составные элементы данного достижения, на которые ссылается Виакер, следует включить ту роль предшественника, которую сыграло здесь камералистское «полицейское государство», и тот изначальный вклад, который внесло в процесс кодификации *Polizeistaat*; все это означает, что данный вид кодификации был не просто пассивной реакцией на возникшую необходимость, но и творческим актом и, следовательно, фундаментальным вкладом в окончательную победу духа современности, духа Нового времени в послереволюционную эпоху.

В то время как профессора, преподававшие в немецких университетах юриспруденцию с точки зрения естественного права, провозглашали ответственность индивидуума и его обязательства перед общественной группой, осуществлявшаяся их правителями практика вела к под-

Neuzeit (2 ed.; Göttingen, 1967). Литература по кодификации в Пруссии, например, практически безгранична; среди последних интересных интерпретаций данной проблемы: Reinhart Kosellek, *Preussen zwischen Reform und Revolution* (Stuttgart, 1967); Hans-Uwe Heuer, *Allgemeines Landrecht und Klassenkampf* (Berlin, 1960); Günter Birtsch, «Zum konstitutionellen Charakter des preussischen Allgemeinen Landrechts von 1794», Kurt Kluxen, W.J. Mommsen, eds. *Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung: Festschrift für Theodor Schieder* (Munich, 1968).

P. 97-115; Birtsch, «Gesetzgebung und Repräsentation im späten Absolutismus», *Historische Zeitschrift*, 208 (1969). P. 265-294; Hermann Conrad, *Die geistigen Grundlagen des Allgemeinen Landrechts für die preussischen Staaten von 1794* (Köln, 1958); Conrad, *Rechtstaatliche Bestrebungen im Absolutismus Preussens und Österreichs am Ende des 18. Jahrhunderts* (Köln, 1961). Несомненно заслуживает внимания работа Вильгельма Дильтея: Wilhelm Dilthey, «Das allgemeine Landrecht», *Gesammelte Schriften*, 12 (Stuttgart, 1960). P. 131-207.

⁶⁸ Кодификация – это «die Unterwerfung des Richters und der Rechtsgenossen unter die Herrschaft eines lückenlosen Normensystems, das in widerspruchsfreier Folge vom einzelnen Rechtssatz, vom einzelnen Rechtsinstitut zu den obersten Begriffen und Grundsätzen aufsteigt. In diesem Sinne ist Kodifikation eine einzigartige, schwer errungene und schwer zu verteidigende Schoepfung der Rechtsgesittung auf dem west- und mitteleuropäischen Festland, und zunächst nur auf ihm: eine der charakteristischsten Bildungen des europäischen Geistes, an dem seine gesellschaftliche und ideengeschichtliche Eigenart mit besonderer Schärfe erscheint». – Franz Wieacker, «Aufstieg, Blüte und Krisis der Kodifikationsidee», *Festschrift für Gustav Böhmer* (Bonn, 1954). P. 34.

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

рыву групповой солидарности и к появлению эгоистичной, преследующей свои собственные интересы личности. Конечно, стремление исключительно к получению личной выгоды укрепляло дух индивидуализма; но оно также приводило к большему отчуждению индивидуума от коллектива. Индивидуальная творческая предприимчивость становилась самоцелью, и поэтому ее единственным ограничением была конфронтация с другим индивидуумом; в результате этого возникало отчуждение – в том смысле, что другой индивидуум воспринимался в качестве соперника. Все это заставляло государство принять на себя новую функцию и, ввиду распада сословий, способствовало прямому участию правительства в деле удержания эгоистичных требований индивидуумов в надлежащих, социально приемлемых рамках⁶⁹. Эта возникающая перед правительством необходимость вмешательства с целью защиты общественной солидарности, которой угрожали именно те силы, развитие которых оно поощряло, закончилось формированием директивного, активно задействованного в общественных делах государства. Такое государство не могло быть просто «ночным сторожем» английского либерализма XIX столетия или оставаться высшим судьей согласно средневековой традиции; вскоре оно должно было превратиться в то директивное, интервенционистское государство, которое сформировалось к концу XIX века. И стоит ли удивляться, что само государство, которое перестало являться истинным правителем общества, из простого средства организации необходимой системы безопасности и благосостояния превратилось в самоцель? Не только сам правитель стал его слугой, но и каждый гражданин был поставлен на службу требованиям, предъявлявшимся государству происходившим процессом модернизации. Был сделан последний шаг на пути превращения индивидуума из творческой силы в орудие удовлетворения запросов современности на благо государства.

То явление, которое назвали «государственным социализмом» и инициатором которого считали Фридриха II, на самом деле уходило корнями в камералистскую и полицейскую административную систему развитого абсолютизма XVII столетия. Как указывал в своей важной, но, к сожалению, забытой книге Жорж Гурвич, то значение, которое в XVII веке придавали в Германии общинному компоненту теорий естественного права, стало основой той доктрины социальных прав, которая побудила германские государства, а также бонапартистскую Францию и Россию взять на себя инициативу по введению соответствующего современного законодательства в социальной области⁷⁰. Несомненно,

⁶⁹ Mack Walker, *German Home Towns* (Ithaca, 1971).

⁷⁰ Georges Gurvitch, *L'idée du droit social* (Paris, 1932).

что это сделало страны континентальной Европы еще более восприимчивыми к идее вмешательства государства во все сферы общественной жизни (идея, обозначаемой французским словом *dirigisme*). И если все обстоит действительно так, не имеет ли смысла считать английскую идеологию собственнического индивидуализма и ее политический триумф в XIX столетии в форме “манчестерства” исключением из западной модели модернизации⁷¹? Как бы то ни было, свойственная континентальной Европе модель развития может служить объяснением сопровождающих модернизацию специфических трудностей, поскольку в рамках этой модели политическому и интеллектуальному руководству отводится двусмысленная роль – роль, унаследованная от камералистского абсолютизма, но больше не укладывающаяся в современную индустриальную структуру.

Из всего вышесказанного можно сделать одно простое общее заключение: мы снова убеждаемся, что ткань истории человеческого общества ткется из противоречий и парадоксов, порождаемых несоответствиями целей и средств их достижения; средства, придуманные конкретной эпохой для решения специфических проблем, сами становятся целями и, таким образом, создают проблемы, возможности решения которых ограничены условиями, заданными первоначальной интеллектуальной структурой. Более конкретное же заключение может иметь следующий вид: если проведенный анализ имеет какую-либо научную силу, мы должны будем прийти к выводу, что, как оказалось, практика и интеллектуальные предположения характерной для XVII века формы абсолютизма, выразившиеся в камералистском и полицейском законодательстве, сделали более важный (и более ранний по времени) вклад в дело придания динамичного импульса процессу модернизации общества, чем идеи философов XVIII столетия. Придав этим более ранним стимулам новую риторическую форму, Просвещение, как представляется, было лишь реакцией на вступление Европы на современный путь развития, а не предпосылкой этого процесса⁷². Верно, что риторика

⁷¹ С.В. Macpherson, *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke* (Oxford, 1962); Hans Medick, *Naturzustand und Naturgeschichte der bürgerlichen Gesellschaft: Die Ursprünge der bürgerlichen Sozialtheorie als Geschichtsphilosophie und Sozialwissenschaft bei Samuel Pufendorf, John Locke und Adam Smith* (Göttingen, 1973). Если принять это противопоставление как верное, его необходимо было бы распространить на Соединенные Штаты и страны Британского Содружества наций (или на предшествовавшие им территориальные образования) в том виде, в каком они существовали в XIX столетии.

⁷² Доминирующая роль французской литературы и психологический эффект, вызванный Великой французской революцией, обыкновенно делают менее замет-

*Регулярное полицейское государство и понятие модернизма
в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме*

Просвещения сама по себе превратилась в мощную силу – но превращение это произошло позже и представляет тему для особого разговора.

Пер. С.Каптерева

ной ту формирующую роль, которую сыграли более ранние, восходящие еще к XVI веку этические и философские концепции. Эти два фактора также отодвинули на второй план факт влияния на более поздние явления традиционных политических идей и институтов, а также ту модель, которую являли собой небольшие республиканские государства, сохранявшие свое значение и в XVIII столетии. Помимо богатейшего материала, содержащегося в работе Arnaud Les origines doctrinales du Code civil français, см., в частности: Franco Venturi, Utopia and Reform in the Enlightenment (Cambridge, 1971); Venturi, Settecento-riformatore: Da Muratori a Beccaria (Torino, 1969), дающий пищу для размышлений анализ данного вопроса в американском контексте – с точки зрения традиционных политических идей и установок – содержится в следующей работе: Bernard Bailyn, The Ideological Origins of the American Revolution (Cambridge, Mass., 1971).

*Пол Бушкович**

ИСТОРИК И ВЛАСТЬ:
ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ (1716-1718)
И Н.Г.УСТРЯЛОВ (1845-1859)**

Конфликт между царем Петром Великим и царевичем Алексеем, его сыном и наследником, является одним из классических сюжетов российской истории. Считается, что он ярко иллюстрирует борьбу между обновлением и стариной, между новой европеизированной Россией и старым московским консерватизмом, между культурой и обскурантизмом. Общепринятая трактовка данного сюжета кажется вполне однозначной, однако на деле она представляет собой целую сеть ложных умозаключений, фальсифицированных свидетельств, значительных лакун и нерешенных загадок. Более того, эта трактовка почти полностью является детищем одного человека, ныне совершенно неизвестного историка Н.Г.Устрялова (1805-1870), опубликовавшего почти все документы, ставшие основой для различных последующих интерпретаций.

Ныне Устрялов полностью забыт и упоминается лишь нескольких строк даже в наиболее подробных обзорах российской историографии. В некотором отношении он и не заслуживает большего, поскольку его шеститомная история царствования Петра, опубликованная в 1858-1863 годах, скучна, напыщена и лишена каких-либо отчетливых идей. К тому же этот профессор петербургского университета был придворным историком деспотичного Николая I и в качестве такового не мог восприниматься всерьез русской интеллигенцией ни в свое время, ни позднее. Тем не менее Устрялову в некотором смысле принадлежало последнее слово, поскольку он более чем кто-либо другой сформировал наше представление о Петре, особенно в отношении дела царевича. Устрялов сделал одну простую вещь: каждый из обширных томов своего исследования он сопроводил столь же обширным приложением исторических документов, и именно эти приложения остаются основой наших знаний как о деле царевича, так и о многих других сторонах царствования Петра.

Единственным сопоставимым опубликованным корпусом источников было собрание материалов, изданное в 1861 году М.П.Погодиным и

* © Бушкович Пол, 2000

** Прочитано 20 апреля 1995 года. Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 141, № 2, June 1996.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

Г.В.Есиповым, которое лишь подтверждало созданную Устряловым картину¹.

Начнем с рассмотрения истории царевича в общепринятой трактовке, т. е. в той, которая была выдвинута Устряловым. В 1690 году, вскоре после того как Петр занял российский трон, его жена Евдокия родила сына, названного при крещении Алексеем. Тем временем Петр учился мореплаванию, пировал с немецкими и шотландскими наемными офицерами, завоевал турецкую крепость Азов и в 1697 году отправился в Западную Европу, дабы увидеть прославленные виды, которых до него не лицезрел ни один русский царь. Супруга его оставалась на стороне старых традиций, поэтому Петр развелся и сослал ее в монастырь, оставив Алексея на попечение часто сменявшихся воспитателей. Мальчик достиг совершеннолетия, стал исполнять простые административные и военные поручения и в 1711 году женился на принцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Этот брак не был счастливым, а в 1715 году Шарлотта умерла при родах, произведя на свет сына.

Петр и Алексей не ладили между собой. Алексей был глубоко привержен православию, читал Жития Святых и другую благочестивую литературу, составлявшую основное содержание русской культуры на протяжении семи предыдущих столетий. Его отец был уже человеком западноевропейским. Петр изучал фортификацию и судостроение, командовал собственными парусниками, реорганизовал административное управление страной, основываясь на принципах рационализма, и игнорировал церковь. После смерти Шарлотты отец и сын обменялись серией писем, в которых царь требовал послушания своим приказам и, прежде всего, требованию изучать военное дело. Алексей ответил предложением отказаться от наследования престола. В конце концов, в октябре 1716 года Алексей последовал совету Александра Кикина, являвшегося чиновником Адмиралтейства и опальным фаворитом Петра. Царевич ускользнул из Санкт-Петербурга и тайно добрался до Вены. В Вене император Карл VI, приходившийся несчастной Шарлотте зятем, предоставил ему убежище. Алексей был поручен заботам император-

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1-4 и 6. Спб., 1858-1863; Погодин М.П., Есипов Г.В. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича // Чтения императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн.3, отд. 2.

Об Устрялове существует мало информации. См.: Василенко Н.П. Устрялов Николай Герасимович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т.69. – С.50; Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и Новая Россия. 1880. № 8. – С.603-686; Список сочинений покойного академика Н.Г.Устрялова // Записки императорской Академии наук. 1871. – С.138-148. Его бумаги находятся в Российской Академии наук, в Институте русской литературы (Пушкинский дом), архив, фонд 14 (Устрялов).

ского вице-канцлера Фридриха Карла графа фон Шенборна, который прятал царевича сначала в собственном поместье, затем в замке в Тироле и, наконец, в Неаполе, временно находившемся под австрийским владычеством. В момент исчезновения Алексея Петр находился в Германии, но он быстро установил направление побега и послал в Австрию Петра Андреевича Толстого, гвардейского офицера и дипломата, дабы вернуть царевича. Толстой выполнил это поручение, тем самым заложив основы богатства и влиятельности своего рода на последующие два столетия. По возвращении в Россию Алексей был подвергнут допросу и под пыткой сознался в предательских намерениях. На основании его показаний были арестованы многие офицеры и дворяне, но большинство из них вскоре освободили, поскольку утверждения царевича о поддержке с их стороны не подтвердились. Александр Кикин и два человека из домашней прислуги царевича были казнены (несколькими месяцами позже их участь разделил Аврам Лопухин, дядя Алексея по матери). В конечном итоге Алексей был осужден и приговорен к смерти, но умер в Петропавловской крепости в Петербурге еще до утверждения приговора. Ходили слухи, что он был убит².

Такова общепринятая версия. В той или иной форме она воспроизводилась столь часто, что стала казаться истинной, однако внимательный взгляд может вскрыть целую цепочку недоказанных предположений и предполагаемых, но ясно не продемонстрированных связей. Начнем с мировоззрения царевича Алексея. Ни один из многочисленных авторов, описавших данный эпизод, не сообщает подробно, каков же был образ мыслей царевича, хотя почти все предполагают, что Алексей имел «консервативные» религиозные убеждения. Н.И.Павленко, основной современный российский специалист по данному вопросу, просто говорит, что царевич был против реформ, проводившихся его отцом. Современный немецкий историк Райнхард Виттрам более осторожен. Он отмечает, что довольно трудно установить в точности, какое значе-

² Устрялов Н.Г. История... Т.6. 1859. Этот том полностью посвящен делу Алексея. Наилучшее изложение данных событий принадлежит Reinhard Wittram, Peter I: Czar und Kaiser. 2 vols. (Göttingen, 1964). P. 346-405. Более ранние классические труды по данному делу включают: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.; Л., 1960-1966. Т.9. – С.105-191 и Aleksandr Brikner (Brükner), Der Zarewitsch Alexei (Heidelberg, 1880). Книга Н.И.Павленко является стандартной работой советского периода, в значительной степени опирающейся на дореволюционных предшественников, писавших по данному вопросу (Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. – С.381-410). Книга Евгения Анисимова «Время петровских реформ» (Л., 1989) является в высшей степени спорной, поскольку в некоторых моментах опирается на сомнительные источники – как, например, на поддельное «завещание» Петра Великого. См. также Nicholas V. Riasanovsky, The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. (New York, 1985).

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

ние религия и церковь имели для царевича в действительности, а большинство описаний, оставленных его современниками, скользят в этом отношении по поверхности, мало сообщая о внутреннем мире Алексея³. Русские историки прошлого века (Н.Г.Устрялов, М.П.Погодин и С.М.Соловьев) довольствовались общими словами о том, что царевич был набожен и являлся типичным представителем старой Руси⁴. Аналогичным образом история побега Алексея в Вену изобилует логическими неувязками. Чего конкретно хотел он добиться? Найти в Вене убежище и спрятаться? Петр утверждал, что у Алексея имелись более далеко идущие планы, но любопытно, что историки высказываются о целях царевича весьма неопределенно. Они хотят убедить нас, что Алексей проделал весь путь лишь для того, чтобы спрятаться со своей любовницей от отцовского гнева.

Общепринятая версия обстоятельств следствия и суда особенно запутана. Историки лишь пересказывают известные факты, но их интерпретации резко отличаются, что вполне объяснимо, поскольку эти известные факты плохо увязываются между собой. Только Соловьев принимал всерьез версию о поддержке Алексея частью знати, – по его мнению, это было вызвано недовольством аристократии всемоутием низкородного Меншикова и неприязнью к иностранцам. Таким образом, по схеме Соловьева аристократы также выступают в роли консерваторов, что, очевидно, является отражением взглядов эпохи реформ 60-х годов XIX века, когда С.М.Соловьев писал свои труды. И Павленко, и Виттрам, напротив, относятся крайне скептически к идее о какой-либо под-

³ Павленко Н.И. - С. 409; Wittram, V.2. P. 348-353.

⁴ Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем // Русская Беседа. 1860. № 1, «Науки». - С.1-86.

Главу о деле царевича Алексея Соловьев открывает тяжеловесными рассуждениями о борьбе старого и нового в историческом процессе, наполненными ссылками на императора Константина и Фридриха Великого. Он отмечает, что на Алексея повлияли польская и украинская культуры, но рассматривает это влияние как преимущественно поверхностное. Ни доступные Соловьеву источники, ни его собственное повествование не свидетельствуют о том, что в основе конфликта лежали культурные или религиозные противоречия. Основание для такого понимания природы конфликта Соловьев создает с помощью случайных свидетельств и допущений о предполагаемом влиянии на царевича его окружения и особенно его духовника Якова Игнатьева. Поскольку Игнатьев был священником, его относили к консерваторам. В действительности же мы знаем крайне мало о взглядах Игнатьева и практически ничего о его мировоззрении в целом. Внимательное прочтение текста Соловьева показывает, что автор и сам осознавал непрочность своей позиции: «Духовник по своей энергии и влиянию на царевича *должен был* занимать первое место среди людей, окружавших Алексея» (курсив мой). – Соловьев С.М. История... Т.9. – С.114.

держке царевича, но Павленко заключает, что Алексей был виновен в попытке создания некоей оппозиции царю, в то время как Виттрам склоняется к точке зрения, что царевич был просто неспособен на столь сложные и серьезные планы⁵. Во всех этих концепциях единственной связующей субстанцией, удерживающей вместе плохо подходящие друг к другу элементы, является представление о том, что царевич был слабovolен и нерешителен. Поэтому он мог быть и «консерватором», настроенным против планов отца, но был неспособен не только что-либо сделать, но даже привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительное число сторонников. Осторожность Виттрама привела к созданию наиболее последовательного образа Алексея. Его Алексей слабovolен, мировоззрение его смутно, поддержка в обществе незначительна, однако в результате все связанные с делом царевича события остаются в основном необъясненными.

Благодаря поэтам, романистам, историческим живописцам, многочисленным популярным книгам, фильмам и телепередачам общепринятая версия событий и является той единственной, которая нам известна. Она помогла оформить ту концепцию петровского преобразования России, которую восприняли как сами россияне, так и другие народы⁶. Само по себе наличие противоречий в сюжете естественно - ведь противоречива сама жизнь; существующие интерпретации также не являются полностью невероятными, но проблема гораздо более проста. Правдива ли вообще эта история?

Есть много оснований подозревать, что общепринятая версия ложна по крайней мере в своих основных моментах. Начнем с того, что в Вене имеются австрийские архивы данного периода. Петр публично заявлял, что Карл VI обещал Алексею военную помощь против отца и государя⁷. Общепринятая версия не придает данному заявлению особого значения, однако изучение австрийских архивов помогло бы пролить свет на некоторые неясности. Архивы прекрасно сохранились, они были приведены в порядок и каталогизированы в XIX столетии. В записях, касающихся России, все в порядке вплоть до 1716 года. Затем годичная после-

⁵ Соловьев С.М. История... Т.9. – С.128-132; Павленко Н.И... С.406-407, 409-410; Wittram, vol. 2. P. 369, 372, 384-385, 387.

⁶ Наиболее важные литературные произведения: Александр Пушкин. Полтава (1829), Медный всадник (1833-1837); Дмитрий Мережковский, Петр и Алексей (1905); Алексей Толстой, Петр I (1929-1945). Столь же важны живописные полотна и графические работы Николая Ге, Валентина Серова, Александра Бенуа, Евгения Лансере. См. Xenia Gasiorowska, The Image of Peter the Great in Russian Fiction, Madison, Wisconsin, 1979.

⁷ Устрялов Н.Г. История... Т.6. - С.532, где воспроизводится официально опубликованный отчет 1718 года о суде и приговоре.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

довательность прерывается, но имеется специальная папка (Russland I, Karton 24, Konvolut II), помеченная чьей-то рукой в XIX веке: *flucht des Czarewicz Alexius* («побег царевича Алексея»). Однако эта тонкая папка содержит в основном документацию по обеспечению быта Алексея во время его пребывания на землях Габсбургов, как то: его просительные письма к императору, переписка с австрийским вице-королем в Неаполе и множество обыденных мелочей. Устрялов опубликовал большое количество этих документов. Папка не содержит записей о каких-либо обсуждениях или решениях со стороны Австрии по поводу того, что ответить Алексею или что с ним делать, несмотря на то, что это дело стало предметом важнейшего политического значения немедленно по его прибытии⁸. Такое отсутствие записи необычно, поскольку практически всегда постановления Императорского Тайного Совета, т. е. «кабинета» императора, хранятся вместе с другими документами, касающимися имперской внешней политики в отношении той или иной страны. Они находятся среди донесений императорских послов, королевской переписки и записей бесед с эмиссарами, прибывавшими в Вену. Можно обнаружить три записи дискуссий в Тайном Совете относительно необходимых ответов на запросы и упреки Петра Карлу по поводу предоставления убежища Алексею, но ни в одной из них не содержится даже косвенного намека на то, как Вена собиралась поступить в отношении царевича. Отсутствие каких-либо записей выглядит особенно важным в свете того, что Алексей сказал позже Петру: Тайный Совет, собравшийся после его прибытия в Вену, решил обещать ему вооруженную поддержку для захвата трона⁹. Либо решающие обсуждения 1716-

⁸ В 1719 году Шенборн составил пропагандистский памфлет (в двух вариантах) в ответ на российские обвинения против императорского двора по поводу дела царевича. Тщательно написанный первый вариант в деталях повествует о прибытии царевича в Вену 21 ноября 1716 года и созыве на следующий день Тайного Совета, который, как утверждается, решил объявить Алексею, что император желает примирить его с отцом и предоставит ему убежище (во втором варианте опущено даже это сообщение). В австрийских архивах отсутствуют какие-либо записи о созыве Тайного Совета в упомянутых обстоятельствах. Памфлет никогда не был опубликован, очевидно, по причине заявления Петра Иосифа Долберга, императорского референдариуса (личного секретаря), в котором доказывалось, что в нем дан настолько нелестный образ Алексея, что он может в будущем помешать сохранению у русских молодых людей достойной памяти о царевиче и его детях. - Устрялов Н.Г. История... Т.6. - С.579-580 (Dolberg = HHStA (Haus-Hof-und Staatsarchiv, Wien), Russland I, K.24, ff 303-307v) 580-595 (Schönborn = HHStA Russland I, K.24, ff.1-26).

⁹ HHStA, Russland I, Karton 24, Konvolut I содержит материалы, относящиеся к России за 1716 год, Konvolut III - за 1717 год. Обсуждения писем

1717 годов никогда не записывались, либо таковые записи были изъяты из архивов после осложнения отношений с Россией.

Имеется только одно весьма важное исключение. Когда Толстой доставлял царевича обратно в Россию через земли Габсбургов, губернатор Моравии граф Иеронимус Коллоредо задержал их. Вена хотела получить еще один шанс для принятия решения, и сохранились мнения (вотумы) двух важных министров, поданные императору Карлу 21 декабря 1717 года. Устрялов опубликовал текст, представленный им как русский перевод этих мнений, принадлежавших Шенборну и канцлеру двора Филиппу Людвигу, графу фон Зинцендорфу. По версии Устрялова, Шенборн сказал, что, учитывая характер Алексея, на него нельзя возлагать «никаких надежд» и от него нельзя получить «никакой пользы», поэтому более раннее решение о его выдаче должно оставаться в силе. Таким образом, путешествие Алексея продолжалось.¹⁰ Та версия, которую опубликовал Устрялов, содержала только это непонятное замечание, но в действительности Шенборн мог сказать еще многое. Проблема состоит в том, что Устрялов не перевел документ, а фальсифицировал его.

Вотум Шенборна занимает три с четвертью листа и весьма подробен. Однако Устрялов опубликовал лишь подборку коротких отрывков,

Петра, в которых он протестует против действий императора, содержатся: HHStA Russland I, K.24/III, f.33-38 (11 июля 1717 года), 77-81v (25 июня 1717 года), K.24/II, 112-15 (август 1717 года). В своих первых же ответах следствию 8 февраля 1718 года Алексей заявил, что Шенборн сказал ему, что совещание по его вопросу было созвано сразу же, как он появился в Вене. Факт созыва такого совещания подтверждается более поздним отчетом вице-канцлера (см. предыдущую сноску), но царевич сообщает также об обещании оказать ему военную поддержку. В более позднем отчете Шенборна упоминается только предложение о защите, но в то же время специально не отрицается существование других аспектов решения (Устрялов Н.Г. История... Т.6. – С.454, 583-584). В отчете также описывается длинная беседа с Алексеем 5 декабря 1716 года, которая (если отчет достаточно точен), кажется, была предназначена для того, чтобы узнать, каковы причины недовольства царевича и каковы масштабы его поддержки внутри страны. После этой беседы не упоминаются какие бы то ни было австрийские решения, но было бы логичным предположить, что какие-либо серьезные обещания могли быть сделаны после получения этой новой информации, а не немедленно после прибытия Алексея в Вену (Указ. соч. – С.585-587). Более позднее сообщение Алексея о времени австрийских обещаний было неточным. Он только сказал, что они появились позже первого созыва Тайного Совета по его делу, но не указал подробно, сколько прошло времени.

¹⁰ HHStA, Russland I, 24 (1716-1718), «Flucht des Czarowitz Alexius», ff. 210-213. Ср.: Wittram, vol. 2. P. 381-382 и выдержки из Устрялова Н.Г. История... Т.6. – С.428-429.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

собранных в единый абзац, дабы произвести впечатление, что они представляют собой полный текст. Он также опустил нумерацию пунктов, скрыв тем самым произведенную над текстом вивисекцию. В действительности вотум Шенборна содержит гораздо более четкое мнение, чем то, в которое нас пытается заставить поверить Устрялов (см. приложение, документ 1).

1). [210v]... как известно Вашему Императорскому Величеству: (1) для царевича, бежавшего к Вашему Величеству, было сделано все, как того и требовали Ваши Императорские достоинство и могущество, как и Христианская любовь и близкое семейное родство, но все это было им самим (2) отвергнуто и поставлено под угрозу, и потому (3) услуга не может быть навязана человеку, ее не желающему, осуществление ее (4) в ситуации с неустойчивым принцем сопряжено с величайшей опасностью и не принесет стране в итоге ровно ничего, кроме prostituirования и преступлений. (5) Русская держава уже почти готова захватить наши земли [211], но между тем для нас не является невозможным добиться определенных успехов в землях самого Царя, т.е. поддерживать любые восстания, но нам в действительности известно, что (6) этот царевич не имеет ни достаточной храбрости, ни достаточного ума, чтобы извлечь какую-либо реальную выгоду или пользу из этих [восстаний].

Из этого отрывка Устрялов перевел и опубликовал лишь выделенные курсивом фрагменты, выбросив все остальное и вставив от себя некоторые фразы для связки различных частей. В его тексте почти нет частей, которые являлись бы буквальным переводом. Более невинные фрагменты (например, пункт 1) обобщены, при этом отдельные фразы опущены безо всяких на то очевидных причин. Важнейшим изменением было изъятие блока информации в пункте 5, который в сочетании с пунктом 6 проясняет, что более ранний императорский план как раз и состоял в том, чтобы поддержать какого-то рода восстание (*motus*) против Петра, возглавленное царевичем. К концу 1717 года подобные планы перестали быть сколько-нибудь реалистическими и обоснованными, особенно если учитывать характер Алексея, которому недоставало отваги и рассудка¹¹.

Эти обстоятельства сами по себе достаточно ясны, но имеется к тому же еще один свидетель – Швеция. С 1700 года Россия и Швеция сцепились в смертельной схватке за господство в Северной и Восточной Европе, а в 1709 году шведский король-завоеватель Карл XII потерпел от Петра сокрушительное поражение в сражении под Полтавой. Петр и его союз-

¹¹ Слово *motus* к тому времени широко использовалось в классической латыни для обозначения восстания.

ники – Дания, Польша и Пруссия – приступили к разделу некогда великой Шведской империи. Сама Швеция, окруженная врагами, задавленная налогами и страдающая от голода, была на грани бунта, но Карл XII продолжал вынашивать планы завоевания Норвегии остатками своей некогда великой армии. В этот отчаянный момент, в августе 1717 года, французский офицер по имени Дюре вступил в контакт со шведским эмиссаром в Голландии Георгом Хайнрихом, бароном Герцем, являвшимся фактически премьер-министром Карла XII. Офицер доставил письмо на русском языке от царевича за собственноручной подписью последнего, в котором Алексей просил защиты у Швеции. Барон Герц сразу ухватился за этот шанс. Его цель состояла в том, чтобы «перекрыть» любое предложение, какое могла бы сделать царевичу Австрия, и этой цели он добился: он обязался от имени Швеции предоставить Алексею армию для вторжения в Россию и возведения царевича на престол, убеждая при этом, что Швеция гораздо более выгодно географически расположена для осуществления такого предприятия, нежели Австрия. Герц детально все описал в инструкциях, данных Станиславу Понятовскому (1676-1762, см. приложения, документ 3), польскому агенту Швеции, которого он избрал для установления связи с Алексеем. Карл XII поддержал этот проект¹². Однако Понятовский опоздал, и несколькими неделями позже Алексей сдался и начал путь домой. Шведы, между тем, не оставляли надежд на то, что соглашение с царевичем позволит им вернуть былое величие. Шведский министр иностранных дел барон фон Мюллерн той же весной, когда Алексей уже находился в камере пыток, писал барону Герцу: «Я верю, что то, что, как Вы сообщали, было сделано в отношении царевича, останется выгодным для нас до тех пор, пока он

¹² Svenska riksarkivet, Görtzka sammling E3794 (инструкции Герца Станиславу Понятовскому, f. 1-4, проект, декабрь 1717 г.). См. также f. 5-6 (Герц Карлу XII, проект, октябрь 1717 г.) и Kunliga koncepter/ utrikesexpeditioners koncepter 43, 1717-18, 26 ноября 1717 г., Lund (обещание Карла Алексею и письмо с инструкциями Понятовскому). Первым и последним ученым, который полностью их изучил, был Stig Jägerskiöld, *Sverige och Europa 1716-1718: Studier i Karl XII's och Görtz' utrikespolitik*, (Ekenäs, 1937). P.230-233. Даже в такой обстоятельной работе, как K.J.Hartman, *Ålandska kongressen och dess förhistoria*, vols. 1-5/2, *Acta academiae Aboensis, Humaniora* 2-5, 7-8, 1921-1932, оставлено без внимания желание Швеции использовать Алексея в 1717-1718 годах.

Понятовский, отец будущего польского короля Станислава Августа Понятовского (1764-1795), часто выступал в качестве шведского агента в деликатных дипломатических случаях: Andrzej Link-Lenczowski, «Poniatowski, Stanisław», *Polski Słownik Biograficzny*, T. 27. (Wrocław-Warsawa, etc., 1982-1983). P. 471-481.

***Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)***

жив»¹³. Хотя какая-то часть этих событий и была известна шведским историкам с середины XIX века, они никак не отражены в российской историографии. Об этих обстоятельствах не узнал и Петр¹⁴.

Косвенным образом шведские договоренности с Алексеем подтверждают и наличие у него планов в отношении австрийской поддержки, поскольку в сообщении барона Герца своему королю подразумевается, что Швеция предлагает лишь улучшенную версию австрийского плана. Оба этих проекта вызывают вопрос: неужели австрийцы и шведы были безумны? Согласно общепринятой трактовке, у самого Алексея не было никакого плана действий; относительно степени серьезности сил, под-

¹³ Svenska riksarkivet, Görtzska sammling, e 3800, Мюллерн Герцу, Лунд, 17 марта 1718 г.: «Vous scavés Monsieur, que l'on s'estoit bien attendu ici a la nouvelle de quelque mauvai traitement à essayer pour le Czarowitz apres son arrivée en Russie; Je crois pourtant, que celui, que vous avez fait mention de lui être fait, ne pougta que nous être favorable, pourvu qu'il demeure en vie».

¹⁴ Данный инцидент игнорируется в современной российской историографии несмотря на то, что историки дипломатии цитировали книгу Jägerskiöld. В шведской историографии он впервые упомянут в работе Андерса Фрикселла (1795-1881), который упоминает о данном эпизоде в томе, посвященном последним годам правления Карла XII: Anders Fryxell, *Berattelser ur svenska historien* (10th ed, Stockholm, 1866-1873), vol. 29. P. 85-86. К сожалению, Фрикселл использует только часть материала и лишь намекает на данный инцидент. Его текст был опубликован в 1840-е годы и вскоре после того стал широко известен в немецком переводе части его более крупной работы: Anders Fryxell, *Lebensgeschichte Karls des Zwölften* (Braunschweig, 1861). С.М.Соловьев использовал этот материал в 17-м томе своей истории, опубликованном в 1866 г., где он упоминает об инциденте в версии Фрикселла и утверждает, что абзац из письма Петра своей жене Екатерине от 1 августа 1718 г. касается предложений, сделанных Алексеем Швеции. На самом же деле абзац имеет слишком общий характер, чтобы придавать ему такой смысл, но даже если Соловьев был прав, это означает, что Петр узнал о данных обстоятельствах уже после смерти сына. В материалах следствия и суда отсутствуют какие-либо свидетельства о том, что Петр знал об этом плане. См. Соловьев С.М. *История...* Т.9 [первоначальные тома 17 и 18]. - С.191. С.А.Фейгина рассматривала дело Алексея, но, кажется, не заметила данных о шведских планах царевича в работе Jägerskiöld, хотя она ее и цитирует. В качестве источника она использовала Соловьева и выражала большие сомнения по поводу возможности таковых планов: Фейгина С.А. *Аландский Конгресс*. М., 1959. – С.242-260, 538. Другие советские историки также использовали материалы Jägerskiöld: Никифоров Л.А. *Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир*. М., 1959. – С.24-25, 56-57. Виттрам пользовался материалами Jägerskiöld в отношении дипломатической истории, но он также не заметил сообщения о переговорах Дюре с Герцем: Wittram, vol.2. P. 585, 588-597.

держивавших его внутри страны, мало что сообщается. Виттрам утверждал, что австро-турецкая война, начавшаяся летом 1716 года, исключала возможность оказания Алексею сколь-либо серьезной военной помощи. Применительно к данным обстоятельствам это звучит убедительно, но Виттрам не только никогда не видел шведских документов, но и не заметил важных абзацев в вотуме Шенборна. Виттрам также недооценил степень озабоченности австрийского правительства российской политикой в Северной Германии именно зимой 1716-1717 годов. Эта тревога в отношении России восходила к переговорам Петра с лидером венгерских повстанцев Ференцем Ракоши в 1707 году, но она значительно возросла после заключения договора между Петром и герцогом Карлом Леопольдом Мекленбург-Шверинским в апреле 1716 года. Петр не только выдал замуж за герцога свою племянницу, но и пообещал в заключенном договоре оказать военную помощь в случае угрозы его праву наследования, которая возникла вследствие конфликта герцога с мекленбургскими сословиями. Император Карл, хотя и не особо благосклонно относился к притязаниям благородных сословий на власть (например, в Венгрии), усмотрел в данном договоре угрозу потенциального российского вмешательства в имперские дела и реагировал довольно энергично¹⁵.

Принц Евгений, вернувшийся в столицу после побед над турками при Петервардейне и Темишваре, полностью его поддержал. Он беседовал с английским посланником о своих опасениях в отношении возрастающей мощи российской державы и в мае 1717 года сказал императору

¹⁵ Об отношениях Петра с Ракоши и их влиянии на русско-австрийские отношения см: Флоровский В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого // *Acta Universitatis Carolinae, Historica* 2, (1955), Prague; Флоровский В. От Полтавы до Прута: из истории русско-австрийских отношений в 1708-1711 гг., Прага, 1971; и Gabor Kiss, «Franz Rakoczi II, Peter der Grosse und der polnische Thron (um 1707)», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF, B. 13, Heft 3 (September 1965). P. 345-360.

Запутанная история Мекленбургского дела дополнительно усложняется некоторой неясностью мотивов Петра. Инициатива брака и заключения договора исходила от Карла-Леопольда, и, кажется, Петру быстро надоели его просьбы о помощи. Неясно, до какой степени Петр желал усилить свое положение в северной Германии, но важно, что Вена и Лондон-Ганновер считали, что он этого желал, что привело к серьезным осложнениям в российской внешней политике. См. Wittram, vol. 2. P. 273-279; W. Mediger, *Mecklenburg, Russland und England-Hannover 1706-1721: Ein Beitrag zur Geschichte des nordischen Krieges, Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens* 70, 2 vol. (Hildesheim, 1967); и Michael Hughes, *Law and Politics in Eighteenth Century Germany* (Woodbridge, Suffolk, 1988).

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

Карлу, что в делах империи России следует опасаться больше, чем какой-либо другой державы, больше, чем Пруссии или Англии-Ганновера. Имперский вице-канцлер Шенборн вполне разделял такой взгляд на русскую угрозу, поэтому нет оснований заключать, что Шенборн или кто-то другой действовал на свой страх и риск, оставляя императора и принца в неведении¹⁶. Возможно, что планы, обсуждавшиеся с Алексеем, формулировались самым общим образом, дабы позволить Австрии при необходимости легко выйти из игры, но источники по таким дополнительным деталям событий отсутствуют. Единственное, что можно утверждать с уверенностью – какого-то рода планы существовали и разрабатывались.

Виттрам также предполагает, что Карл XII и его советники считали, что им придется предоставить в распоряжение царевича крупные военные силы, но оснований делать подобное заключение нет. В 1715 году Петр был серьезно болен и в 1716 году посетил в поисках излечения различные европейские курорты на водах. В некоторых сообщениях болезнь царя преувеличивалась, и даже выдвигались мысли о его близкой кончине. Иностранцы писали о непопулярности Петра в России и нестабильности его правления. Например, Ла Ви, французский эмиссар в России, был уверен, что деятельность Петра в народе крайне непопулярна и потому его правительство неустойчиво. Он писал в Париж, что недовольство среди дворянства делает положение еще более нестабильным и что вполне обоснованы ожидания «великой революции». Ганноверский посол Ф.Х.Вебер придерживался такого же мнения. Но более важным обстоятельством для принятия решения в Вене являлись сообщения имперского посла Плейера, который передавал слухи о недовольстве в русской армии, преимущественно в гвардейских полках, уже с начала 1715 года. В январе 1717 года, докладывая о том, как побег царевича воспринимался в Санкт-Петербурге, он сообщает больше подробностей. По некоторым слухам, заговор против Петра существовал в гвардейских полках, расквартированных в Мекленбурге. Циркулировали также слухи, что Петр послал гвардию в Мекленбург, дабы она не объединилась с российским духовенством и не подняла бы совместно с ним восстания, о близости которого, по мне-

¹⁶ Max Braubach, *Prinz Eugen von Savoyen*, 5 vol. (München, 1963-1965), vol. 3. P. 333-334; vol. 4. P. 16-17. Браубах рассматривал разногласия, возникавшие иногда между Шенборном и принцем Евгением, как второстепенные и иногда преувеличенные дипломатами того времени. – Max Braubach, «Friedrich Karl von Schönborn und Prinz Eugen», *Diplomatie und geistiges Leben im 17. und 18. Jahrhundert* (Bonner historische Forschungen 33) (Bonn, 1969). P. 301-320 и в целом Hugo Hantsch, *Reichsvizekanzler Friedrich Karl Graf von Schönborn (1674-1746)* (Salzburger Abhandlungen und Texte aus Wissenschaft und Kunst 2), 1929.

нию Плейера, свидетельствовало все происходящее в стране («worzu alles alhier sehr geneigt ist»). По мнению императорского посла, последнее замечание отражает уже не слухи, а факты. В такой, якобы нестабильной, ситуации от Карла XII требовалось употребить сравнительно незначительные силы для получения значительного выигрыша. В описываемую эпоху такая практика была обычна. В 1708 году Людовик XIV послал в Британию всего пятидесятичное войско для поддержки Иакова Эдуарда Стюарта. Малочисленность экспедиционного корпуса была обоснована ожиданием того, что Шотландия, а также, возможно, Англия и Ирландия готовы восстать против королевы Анны¹⁷.

Основным источником по вопросу о степени поддержки царевича Алексея в среде российской аристократии являются документы следствия, сохранившиеся в Москве¹⁸. И снова мы сталкиваемся с тем, что Устрялов направил читателей и исследователей по ложному следу. В

¹⁷ Wittram, vol. 2. P. 394-395; Сборник Российского исторического общества. Т. 34. - С. 225-226, 320-321; Ernst Herrmann, *Zeitgenoessische Berichte zur Geschichte Russlands*, 2 vols., Leipzig, 1872-1880, vol. 2. P. 117-119 (Weber); ННStA Russland I, K. 23, 18 января / 18 февраля 1715 г.; K. 24, 11 января 1717 г. (получено в Вене 14 февраля 1717 года). Алексей утверждал, что Кикин советовал ему обратиться к Франции по той причине, что она поддерживала Иакова Эдуарда Стюарта, «старого претендента». Кикин отрицал это обвинение и говорил, что «сотни» людей упоминали Иакова Стюарта в разговорах с царевичем. (Устрялов Н.Г. История... Т. 6. С.449, 470-471). Высадке Иакова помешал британский флот и, возможно, отсутствие энтузиазма в отношении данного проекта со стороны французского флотоводца. Военно-морские силы, выделенные Иакову, были довольно велики (5 линейных кораблей и почти 40 фрегатов), но это было вызвано трудностью операций по высадке десанта с использованием технологий XVIII века. Требовалось много кораблей для доставки сравнительно небольшого количества войск. См. John S. Gibson, *Playing the Scottish Card: the Franco-Jacobite Invasion of 1708* (Edinburg, 1988). Этот пример не так уж далек от русского и австрийского опыта: большое восстание 1715 года было еще свежо в памяти, и как Россия, так и Швеция вели переговоры с изгнанниками-якобитами как раз в 1716-1717 гг.

¹⁸ РГАДА, фонд 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности), дела 18-105. Фактически в то время велось два взаимосвязанных дела: царевича Алексея и его матери, бывшей царицы Евдокии, суздальской монахини. Она состояла в связи с офицером по имени Степан Глебов, и ее сторонники и друзья из среды церковников были обвинены в различных злонамеренных речах и действиях. Они почти не имели контактов с окружением Алексея, и этот факт был признан следствием, но они были наказаны более сурово, чем сподвижники Алексея, возможно, по той причине, что последние принадлежали к крупной знати, в то время как любовник Евдокии и другие ее сторонники были провинциальными дворянами и священниками: см. РГАДА, фонд 5, дела 106-148 и Устрялов Н.Г. История... Т. 6. С. 327-334, 469-470.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

данном случае он не фальсифицировал документы, изменяя их содержание; кажется, он понадеялся на самую надежную форму сокрытия фактов, просто скрыв существование определенных документов. Он проделал отличную работу, воспроизведя большинство допросов царевича и его прислуги, тексты которых занимают почти сто страниц. В результате создается впечатление внушительной полноты материала, но в действительности Устрялов опубликовал лишь около пяти процентов материалов следствия, опустив все записи, подтверждающие наличие широкой поддержки царевича аристократией. Устрялов опубликовал только тексты допросов самого царевича Алексея, Александра Кикина и некоторых слуг царевича, оставив все остальные за пределами своего исследования. Это означает, что он опубликовал значительную часть четырех или пяти архивных дел, игнорируя остальные, а всего по делу царевича имеется 87 архивных дел и еще 43 по связанному с ним делу бывшей царицы Евдокии.¹⁹

В неопубликованных документах из архива мы обнаруживаем данные о причастности к делу царевича самого цвета русской аристократии – князей Долгоруких, Нарышкиных и Апраксиных. Эти данные подтверждают и дополняют собственное признание Алексея, датированное 16 мая 1718 года, и другие его показания, в которых он перечисляет своих сторонников. Устрялов не опубликовал допрос князя Василия Владимировича Долгорукого, хотя последний являлся одной из главных фигур в правительстве Петра Первого и наиболее знатным лицом из подозревавшихся по делу. 21 июня следователи провели очную ставку Алексея с Василием Долгоруким, и последний подтвердил все, что Алексей сказал 8 февраля и в другие дни. Он отрицал только утверждение Алексея на заседании Сената 17 июня о том, что якобы Долгорукий говорил, что Петр не любит умных людей. Кажется, Долгорукий не был подвергнут пытке²⁰. Другой хороший пример – расследование по делу Аврама Лопухина, шурина Петра, казненного 8 декабря 1718 года. Расследование, продолжавшееся до ноября 1718 года, подтвердило, что Лопухин вступал в контакт с Плейером и непосредственно, и через Василия Алексеевича, царевича Сибирского. Следствием было установлено, что Лопухин был оппозиционно настроен по отношению к Петру, как и князья Иван Львов, Яков и Михаил Долгорукие, Семен Щербатов и царевич Сибирский. По различным поводам Лопухин неоднократно

¹⁹ Устрялову отлично удалось создать впечатление полноты материала. Когда я говорил различным коллегам в России и Америке в 1989 году, что собираюсь просмотреть документы по делу, все без исключения говорили мне, что я напрасно теряю время, поскольку «все уже было опубликовано».

²⁰ РГАДА, ф. 6, д. 55 (В.В.Долгорукий), л. 10 об., Устрялов Н.Г. История... Т. 6. - С. 446-447, 445-456, 509-512, 518.

заявлял, что в России нет порядка, что он рад отъезду царевича к австрийскому императору, а Плейеру он говорил, что в России скоро произойдет восстание²¹.

Неопубликованные документы свидетельствуют о том, что Петру удалось выяснить весь круг сторонников царевича, скорее всего в основном из признаний последнего от 16 мая. Плейеру и де Би было известно об изменении в настроении следствия в мае. Они сообщали, что расследование выяснило причастность к делу столь многих лиц, что Петр задумывался о его приостановке²². Действительно, Петр не наказал всех, кого мог, а те, кто были виновны лишь в непочтительных по отношению к царю высказываниях, были освобождены. Князь Василий Долгорукий отделался ссылкой в Соликамск, а основания для последующей казни Лопухина вполне соответствовали тогдашним законам. Простив и освободив виновных, Петр предотвратил возможный политический кризис. Алексей или другие подследственные сообщали об оппозиционных заявлениях и настроениях князя Якова Долгорукого, графа Ивана Мусина-Пушкина, Тихона Стрешнева и князей Дмитрия и Петра Голицыных, однако все эти лица подписали впоследствии смертный приговор царевичу²³.

²¹ РГАДА, ф. 6, д. 47 (Аврам Лопухин), д. 68 (Василий Алексеевич, Сибирский царевич), д. 62 (князь Михаил Долгорукий). Материалы по делу Сибирского царевича вскрывают его связи с Плейером, для которого он, должно быть, являлся важнейшим источником информации, а также его связи с представителями крупной знати – Аврамом Лопухиным, князем Алексеем Одоевским и сенатором М.М.Самариным.

Сибирский царевич происходил от сибирских ханов-Чингизидов, покоренных русским казаком Ермаком в 1580-х годах. Впоследствии ханы переехали в Москву, приняли православие и служили при дворе русских князей с почетным титулом царевичей. Этот титул обычно присваивался татарским князьям-Чингизидам, служившим русскому царю. В результате участия Василия Алексеевича в деле царевича Алексея они потеряли этот титул и в XIX веке были известны просто под фамилией Сибирские. См. Сибирские князья // Русский биографический словарь. Т.18 (Сабанеев – Смыслов). Спб., 1904. – С.393-394.

²² Algemeen Rijksarchieef, Гаара (далее - AR) I, Staaten-General 7397, Rusland, Secreta 1718, 3 июня 1718 г. NHStA, Russland I, K. 25, 10 июня 1718 г. Плейер получил данную информацию от де Би.

²³ РГАДА, ф. 5, д. 47, лл. 65-68. Смертный приговор Лопухину был основан на двух статьях: Соборное уложение, гл.2, ст.1 (намерения против здоровья царя) и Военный устав, гл.20 (неподобающие высказывания против царя). Обе этих статьи цитировались в документе, лл. 65-66 об. Было заявлено, что эти статьи применимы к делу Лопухина, поскольку он был связан с ростовским епископом Досифеем (что указывало на то, что он желал смерти Петру, как в том признался последний). Также было доказано, что Лопухин знал о том, что Алексей находится в Тироле.

***Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)***

Записи следствия являются источником и других загадок, не имеющих отношения к редакторской работе Устрялова. В деле фигурировал еще один важный персонаж, в отношении которого не сохранилось записи, хотя известно, что его допрашивали. Речь идет о сводном шурине Петра графе Петре Матвеевиче Апраксине²⁴. Петр приказал Меншикову арестовать его 17 февраля, когда сам царь все еще находился в Преображенском, допрашивая Алексея и других. Плейер также сообщает об аресте Апраксина и о том, что последний был доставлен в Москву в кандалах. Из-за отсутствия каких-либо записей довольно трудно установить, что произошло далее. В сокрытии дела Апраксина также участвовал и Устрялов, поскольку показания против Апраксина 17 февраля дал камердинер и ключник царевича Афанасьев. Устрялов опубликовал записи допросов Афанасьева от 11 февраля, 3-4 марта и 11 марта, но опустил запись от 17 февраля, где арестованный признается, что в присутствии Василия Алексеевича, царевича Сибирского, Апраксин говорил Афанасьеву, что сыновьям злых отцов следует просто бежать. Василий Алексеевич уже дал показания и против Апраксина, и против сенатора Самарина, но он отрицал, что слышал или передавал какие-либо слова о «злом отце». 1 и 3 марта Василий Алексеевич подтвер-

Относительно подписи см. Устрялов Н.Г. История... Т. 6. - С. 533.

²⁴ Апраксины происходили из дьяков, но уже Матвей Апраксин закончил свою жизнь в 1668 году на посту воеводы. Его сыновья Петр Апраксин (1659-1728) и адмирал Федор Апраксин (1661-1728) приходились Петру I шуринами, поскольку их сестра Марфа вышла замуж за сводного брата Петра царя Федора (1676-1682) за несколько недель до смерти последнего. К 1686 году оба брата служили комнатными стольниками Петра и, таким образом, входили в ближайшее окружение молодого царя (но не в окружение его сводного брата Ивана из рода Милославских). Петр Апраксин получил чин окольничьего 3 августа 1689 года, незадолго до того, как Петр Алексеевич отстранил от власти свою сводную сестру царевну Софью. Оба брата были щедро вознаграждены за поддержку Петра в этих событиях: РГАДА, ф. 210 (Разряд), Боярская книга, 10 (7194=1685-1686), 35 об., 86 об., 87 об. Федор сделал более яркую карьеру, став архангельским губернатором (1693-1696), а с 1700 года до своей смерти возглавляя российское Адмиралтейство. Петр успешно действовал на посту генерала в начале Северной войны, затем служил астраханским губернатором с 1705 года и казанским в 1708-1713 годах, возглавляя, таким образом, одну из восьми тогдашних российских «больших губерний». В 1717 году он стал сенатором, а с 1722 года до конца жизни возглавлял юстиц-коллегию. См. [статья анонимна] Апраксины // Русский биографический словарь. Т.2 (Алексинский – Бестужев-Рюмин). Спб., 1900. – С.239-240; Коргуев И. Апраксин, граф Петр Матвеевич // Указ. соч. – С.256-258; и John P. Ledonne, «Ruling Families in the Russian Political Order 1689-1825», Cahiers du Monde russe et soviétique 28, 3-4 (июль-декабрь 1987 г.). P. 233-322 (особенно 241-242, 248).

дил, что Петр Апраксин с самого начала знал о замысле побега, что уже само по себе являлось серьезным обвинением. Затем в записи следственного дела царевича Сибирского под тем же числом содержится решение освободить Апраксина и Самарина, а 16 марта датировано формальное распоряжение об их освобождении. Никаких объяснений не прилагается. А 24 марта несчастный потомок сибирских ханов Чингизидов был сослан в Архангельск, где и умер в 1724 году. Во время допросов 3-4 и 11 марта Ивану Афанасьеву не задавали вопросов, касающихся его более ранних заявлений в отношении Самарина и Апраксина. Его собственная судьба была еще трагичнее: 28 июля 1718 года он был приговорен к смертной казни, при этом одно из обвинений состояло в том, что он знал о готовящемся побеге Алексея. Смертный приговор подписали и Петр Апраксин, и Михаил Самарин²⁵. Тем самым они помогли убрать с дороги опасного свидетеля против себя самих. Таким образом, существуют веские косвенные свидетельства того, что Петр Апраксин (и, возможно, Михаил Самарин) были освобождены, несмотря на имевшиеся свидетельские показания о том, что Апраксин по крайней мере знал о готовящемся побеге Алексея и не сообщил об этом царю. Имеется также другое свидетельство его виновности – переписка между его братом, адмиралом Федором Апраксиным, и Меншиковым. Обмен письмами по данному делу начинается 17 декабря 1717 года, т. е. примерно в тот момент, когда Алексей выезжал из Брюнна. Адмирал Апраксин писал: «Прошу Вашу Светлость не остави печального моего брата как я видел при своем отъезде в горестной печали что так оставлен. Однакож по моему мнению лучше благовременно уступить нежели безвременно умереть».

Какую «печаль» он имел в виду? «Уступить» кому или чему? 4-го января он сообщал зашифрованным посланием из Москвы, что получил записку от Петра Толстого о том, что «некое лицо» (т.е. Алексей) находится в пути домой. Пять дней спустя он писал уже несколько менее загадочно: «Вашей Светлости письмо от 1 января из Питербурха писанное с приложною цидулкой вчерашнего числа получил со мною печалью и о несогласном ответе брата моего зело удивляюсь и мною бес чувственной причины сие пройти не может. Однакож в надежде непрменной Вашей к себе милости прошу не позволя ево в том оставить здравыми рассуждениями в общую ползу, и что будет чиниться впредь прошу не изволите оставлять меня без вести...».

Очевидно, что у Петра Апраксина были затруднения какого-то рода, и Меншиков старался заставить его уступить в каком-то пункте, действуя совместно с его братом-адмиралом и используя «здравые рассужде-

²⁵ РГАДА, ф. 6, д. 48 (Иван Афанасьев), лл. 1-2 об. (запись от 17 февраля 1718 года), 43-46 (смертный приговор); д. 68 (Василий Алексеевич), 1-10 (Погодин М.П. Собрание... - С.312), HHStA Russland I, K. 25, Pleyer, 28 (=17) марта 1718.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

ния ради общей пользы». К февралю положение дел ухудшилось. 2-го февраля адмирал Апраксин писал Меншикову: «подай ему здрав совет по своему высокому рассуждению понеже пишет к мне что от жестоких и непрестанных трудностей сокрушается и боюсь что безвременно не умре». Как нам известно, приказ об аресте Петра Апраксина был подписан 17 февраля. Четырьмя днями позже адмирал Апраксин снова писал Меншикову в отчаянии, не называя причины своего отчаяния, но возлагая свои надежды на справедливость Меншикова, на Бога и на «высокое милосердие всемилостивого нашего монарха». Генерал Петр Апраксин писал Меншикову 4 марта, выражая надежду, что будет оправдан и, в конце концов, в письме от 8-го марта адмирал Апраксин сообщает Меншикову добрую весть об освобождении своего брата Петра. Это письмо было доставлено «светлейшему князю» самим Петром Апраксиным 17 мая 1718 года²⁶. Очевидно, Апраксин был действительно виновен, иначе с чего бы ему пребывать в «великой печали» уже с декабря? В декабре еще не было выдвинуто никаких обвинений в отношении кого бы то ни было. Предложение адмирала Апраксина воззвать к соображениям «общей пользы» косвенно указывает на то, что проблема имела политический характер. Кажется, именно вмешательство Меншикова и адмирала Апраксина способствовало освобождению Петра Апраксина, хотя он был столь же виновен, сколь и многие другие лица, подвергшиеся ссылке и даже более жестокому наказанию. Царь Петр действовал именно так, как предполагали иностранные дипломаты, и точно таким же образом, каким действовали и другие европейские монархи, сталкивавшиеся с оппозицией в среде аристократии²⁷.

Таким образом, в деле царевича была замешана значительная часть

²⁶ РГАДА, ф. 198 (Меншиков), д. 352 (генерал-адмирал Федор Апраксин), лл. 139-54 об.; д. 353 (Петр Апраксин), лл. 2-2 об., 6. Павленко использовал только последние, менее компрометирующие письма, то есть письмо Петра Апраксина от 4 марта и письмо адмирала Апраксина от 8 марта: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. – С.88-89, 194. Опускание более ранних писем создает впечатление невинности Петра Апраксина.

²⁷ Ла Рейни посоветовал Кольберу (и, таким образом, косвенно Людовику XIV) принять аналогичное решение в отношении заговора шевалье де Рогана 1674 года: Klaus Malettke, «Opposition und Konspiration unter Ludwig XIV.», Veröffentlichungen der Max-Planck-Institut für Geschichte 49, (Göttingen, 1976). P. 203-204. Ла Рейни опасался, что если расследование продолжится, то тюрьмы будут заполнены узниками, которые будут казаться менее виновными просто из-за их количества. Только четверо из заговорщиков были казнены, и это имело своей целью скрыть масштабы поддержки заговора.

аристократии, а отнюдь не только наказанные публично лица. Но замешана в чем? Отсутствуют свидетельства, что Алексей перед побегом советовался с кем-либо, кроме Александра Кикина. Оставшиеся в России дворяне никоим образом не могли знать о договоренностях царевича относительно оказания ему военной помощи ни с австрийским императором, ни со Швецией. Наиболее серьезные обвинения, выдвинутые против осужденных, состояли в том, что они знали о готовящемся побеге и не сообщили о нем царю. Кроме того, многие из них ожидали какого-то восстания против Петра и, очевидно, могли желать воспользоваться ситуацией в своих целях. Но они не планировали такого восстания и конкретно на него не рассчитывали. Все это дело вскрывает не жестко организованный заговор, а скорее наличие атмосферы оппозиционности по отношению к Петру и его деятельности. Такие настроения распространялись на Сенат (Яков и Михаил Долгорукие, Стрешнев, Самарин), высшее армейское командование (Василий Долгорукий, Петр Апраксин), высшее правительственное чиновничество (князя Дмитрий и Петр Голицыны), царскую семью (Лопухины и Апраксины) и церковь (митрополит рязанский Стефан Яворский и митрополит киевский Иоасаф). Сторонники же Петра были немногочисленны – Меншиков и его окружение, а также менее знатные люди вроде Шафирова, Головкина и Ягужинского.

Каково же было мировоззрение антипетровской оппозиции? Традиционная версия гласит, что царевич был крайне консервативен в своей религиозности и выступал последним оплотом старой православной Москвы; при этом подразумевается, что именно эта сторона его взглядов являлась причиной конфликтов²⁸. В ходе следствия и судебного процесса бумаги царевича подверглись конфискации; в них были списки книг его личной библиотеки и письма с просьбами прислать те или иные издания. Он обращался к киевскому митрополиту Иоасафу Кроковскому (1707-1718) и к князю Дмитрию Голицыну, киевскому губернатору, а также к киевскому архимандриту Иоанникию Сеньютовичу с просьбами прислать «латинские книги» (т.е. книги католические или светские) и благодарно-

²⁸ Соловьев С.М. История... Т. 9. - С. 114-115, Врикнер, 42-43. На этот раз следы запутал Погодин. Он опубликовал список рукописных книг, принадлежавших Алексею, которые до сих пор хранятся в библиотеке Российской Академии Наук. На первый взгляд, все выглядит очень убедительно: многие книги являются традиционными религиозными текстами. Однако существуют две проблемы. Одна из них состоит в том, что не все из этих текстов являются традиционными, а другая – в том, что эти книги были завещаны царевичу Алексею новгородским епископом Иовом после его смерти в 1716 году. Таким образом, выбор книг принадлежал не Алексею. Погодин М.П. Собрание... – С.170-172; Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание Рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук. Т.2. Пг., 1915. – С. 3, 70, 107, 109-110, 112, 126, 177, 425, 431-432, 494.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

стью за их доставку. Одна из этих книг сохранилась: сделанный украинскими монахами славянский перевод труда папы Григория Великого, очевидно, его «Moralia» на книгу Иова. Кроме того, в библиотеке Университета Хельсинки хранятся печатные издания, принадлежавшие Алексею Петровичу. Это католические катехизисы, лютеранская литература и латинские наставления по добродетельному и благочестивому поведению²⁹. Как показывают пометы, сделанные рукой царевича, его воспитатели обучили его немецкому, латыни и польскому, возможно и не в совершенстве, но в достаточной степени для того, чтобы пользоваться книгами, приобретенными в Киеве, Варшаве, Дрездене, Карлсбаде и Лейпциге. Речь идет скорее о благочестии в духе позднebarочной Европы, чем о традиционно-православном миропонимании в духе старой Московии. Вступали ли подобные взгляды в конфронтацию со взглядами Петра? Да, в целом противоречия существовали. Петр не был человеком безрелигиозным, но излишняя благочестивость любого рода его утомляла. Он не ощущал духовного и культурного родства с барочной Европой, ориентируясь на протестантскую северную Европу, родину моряков, инженеров и воинов, которыми он восхищался. Это различие между отцом и сыном хоть и было существенным, но не настолько, насколько это преподносится в традиционной версии данного дела – и Петр, и Алексей в культурном отношении являлись «европейцами»³⁰. Битва велась не за веру.

²⁹ Лебедева И.Н. Библиотека царевича Алексея Петровича // Книга и книго-торговля в России / Под ред. С.И.Луппова. Л., 1984. – С.54-56 и РГАДА, фонд 6, дело 75 (Киевский митрополит Иоасаф), фонд 5 (Письма высочайших особ к частным лицам), дело 34, лл.1-2; письмо от 29 апреля 1710 года от Алексея Петровича князю Д.М.Голицыну в Киев с поздравлениями «отцу моему духовному» игумену Михайловского монастыря Иоанникию Сенютовичу, дело 35 (переписка Алексея Петровича и Сенютовича), лл.16-17; Алексей Сенютовичу, 2 августа 1716 года с благодарностью за присланные латинские книги, которые он предпочитал бы получить на славянском языке. Перевод труда Св. Григория описан у Срежневского и Покровского: Описание. Т.1. Спб., 1910. – С.77-78. Труд этот был переведен в 1700 году за счет гетмана Мазепы и послан Алексею Иоасафом в 1715 году.

По поводу митрополита Иоасафа см. Титов Ф. Иоасаф Кроковский // Православная богословская энциклопедия. Т.7. Спб., 1906. – С.177-180. Иоанникий Сенютович является сравнительно малоизвестной фигурой, хотя после того, как он оставил Михайловский монастырь, в 1715 году он стал архимандритом Киево-Печерской Лавры, главного монастыря Украины, и умер в 1729 году. В момент его назначения на пост главы Лавры он поехал в Москву и подарил большое количество книг различным (непоименованным) членам царской семьи: Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Т.1. (более не переиздавался). Казань, 1914. – С. 515, 716, 788; и Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря // Сборник Российского исторического общества. Т. 60, 62. Спб., 1887-1888. Т.60. – С.314.

³⁰ Алексей был сформирован украинской православной культурой

Ближе всего к определению своего политического идеала Алексей подошел в своем загадочном высказывании на заседании Сената (17 июня 1718 года) о том, что он рассчитывал на тех, кто любит «старину так, как Тихон Никитич» (т.е. Стрешнев). Его сообщение о конкретных целях действий весьма неопределенны, но любовница царевича Евфросинья говорила, что он собирался оставить Петербург и вернуть столицу в Москву, отказаться от флота, сократить армию и заключить мир. Голландский и австрийский послы сообщают о тех же планах, а они достоверно знали, о чем идет речь, поскольку следствие установило, что оба были серьезно замешаны в деле царевича. Они сообщают, что сторонники Алексея ставили перед собой четыре основные цели: (1) мир со Швецией; (2) уход из Санкт-Петербурга; (3) снижение налогов и (4) отказ от регулярной армии европейского образца в пользу традиционной русской дворянской конницы. Послы также сообщают о некоторой враждебности сторонников Алексея по отношению к иностранцам³¹. Отдельные комментарии, разбросанные в материалах следствия, подтверждают эту общую картину. Цели, судя по всему, были не новы. Алексей и его сторонники вынашивали такие планы еще осенью 1709

Киева, которая была несомненно православной по догматам, но включала многое из католической (и вообще западноевропейской) культуры и духовности. См. Paul Bushkovitch, *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*, New York and Oxford, 1992, ch. 6-7. Личные предпочтения Петра относились скорее к северной европейской культуре, но в течение большей части его царствования он поддерживал украинское духовенство, получившее образование в Киеве, как, например, в случае Стефана Яворского (впоследствии являвшегося сподвижником Алексея). В 1700 году Петр назначил его митрополитом рязанским и местоблюстителем патриаршего престола, фактически главой церкви. Украинские прелаты пришли к руководству российской церкви: Харлампович К.В. Малороссийское влияние. – С.505-550. Разница между Петром и Алексеем в религиозных вопросах была относительной, а отнюдь не абсолютной.

³¹ Устрялов Н.Г. История... Т. 6. - С. 500, 518. A.R., Gaaga, I, Staaten generaal, 7397 (Rusland, Secreta, 1718), 29 апреля 1718 г.: целью было «wel omby syn [=Peters] afsterven syn ondersden outsten Prins op den thron te setten, alle de vreemdelingen, als oorsaken van 't invooren van vremde zaaken, van kant te helpen, de vrede mit Sweeden te maaken en de opgrerechte militie af te dancken», и навлечь немилость на царицу Екатерину и тогдашних фаворитов (очевидно, речь идет о Меншикове). NHStA, Russland I, 25, 10 июня 1718 г.: (Плейер сообщает о широком недовольстве в армии; сообщает также, что целью недовольных было восстановить Алексея в правах на престол, вновь приблизить ко двору его сторонников из «больших домов», и вернуть столицу в Москву по причине тяжелых налогов, взимаемых на строительство Санкт-Петербурга); 8 июля 1718 г.: (Шереметев желал сменить правительство, восстановить «seiner vorältern religion und reichs gesäze», восстановить (старые?) аристократические фамилии и облегчить налоговое бремя. Взгляды фельдмаршала Шереметева якобы излагаются по собственным признаниям Алексея, хотя они и не обнаруживаются в ныне

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

года, вскоре после битвы под Полтавой³². Следует отметить, что эти политические задачи имели вполне практический характер. Они предполагают не установление конституционной монархии, опирающейся на аристократию, а скорее некоторые изменения в практике правления, отвечающие интересам и взглядам крупных семейств знати. И дипломаты, и Алексей, и другие арестованные часто упоминают крупные аристократические фамилии, но речь здесь не идет об аристократической партии как таковой. Значительные персоны упоминались просто потому, что они занимали важное положение и, таким образом, их отношение к делу Алексея могло иметь политическое значение. Современники рассматривали аристократов просто в качестве наиболее влиятельных возможных противников Петра в момент всеобщей смуты.

Смерть Алексея стала финалом этой истории. Он скончался 26 июня 1718 года в рavelине Петропавловской крепости. Официальное сообщение гласило, что он умер от удара. Устрялов представил две другие «документированные» версии данного события. Один документ указывает на убийство и предположительно является письмом участвовавшего в расследовании офицера Александра Румянцева некоему Д.И.Титову. Оригинал этого документа, впервые опубликованного в 1858 году в «Полярной звезде» Герцена, неизвестен. Устрялов, несомненно разбиравшийся в фальсификации документов, среди прочих неувязок отмечает, что в письме, датированном 27 июля 1718 года, описывается казнь Аврама Лопухина, которая состоялась только в декабре. Натан Эйдельман доказывает, что письмо, скорее всего, было подделано в XIX веке. Возможным изготовителем фальшивки был некий князь

существующих рукописях. Это единственный абзац, который мог бы выглядеть как «политический консерватизм», хотя мы снова видим, что это не аристократический конституционализм.

³² Грунд Г. Доклад о России в 1705-1710 годах / Под ред. Ю.Н.Беспярых. М.; Спб., 1992. Датский посол Грунд уехал из России в январе 1710 года после пятилетнего пребывания и сообщал, что духовенство, окружавшее Алексея, убеждало его в том, что «Russland, schon an sich selbst mehr dan zu gross und keine Conquesten bedarf, auch keine Flotte zu seiner Defension von nöthen habe, und das die Frömbden zwar einige Reglen von Krieges Disciplin mögen in die Observantz gebracht haben, aber in übrigem dem lande sehr schädlich sein...» Вред, вызванный иностранцами, состоял в том, что они вызывали у знатных людей желание свободы, а у простых людей желание роскоши, что привело бы к восстаниям, поскольку Россия была слишком бедна, чтобы позволить себе такие излишества: Грунд Г. Указ. соч. С. 64. Как замечает Беспярых, Грунд очень положительно отзывался о Меншикове; указ. соч. - С. 66-68, 210. Таким образом, аналогичное описание взглядов Алексея исходит как от послов, которые были близки к сподвижникам царевича (де Би, Плейер), так и от тех послов, которые были близки к его противникам (Грунд).

Кавкасидзев, мелкий журналист, опубликовавший в 1844 году статью о Петре с подборкой документов, якобы относящихся к тому времени. В действительности же большая часть этих документов была заимствована из русского перевода биографии Петра Великого, написанной Катифоро и содержащей некоторые переводы официально опубликованных российских документов³³. Кавкасидзев просто опубликовал обратный перевод этих документов на русский язык и представил их в качестве оригиналов. Более того, он добавил еще два документа по делу царевича, один из которых тоже якобы написан Румянцевым. Оригиналы этих писем неизвестны, как неизвестен и оригинал письма от 27 июля 1718 года, якобы принадлежащего перу Румянцева. Кроме того, возникает вопрос, с какой стати Румянцев стал бы разглашать государственные тайны в содержащем светскую болтовню письме приятелю? Устрялов опубликовал еще один документ – дневник коменданта Петропавловской крепости, в котором просто зафиксирована смерть Алексея после записи о нескольких сеансах пыток, без каких-либо официальных заключений. Здесь мы можем, казалось бы, опираться на более твердую почву, имея дело с реальным документом. Устрялов был менее критичен по отношению к данному отчету о событиях, поскольку эта версия ему нравилась больше, чем изложенная в «письме Румянцева». К несчастью, он никогда не видел оригинала комендантского дневника: копию же ему показывал К.И.Арсеньев, воспитатель царевича Александра Николаевича - будущего царя Александра II. Как отмечает сам Устрялов, Арсеньев также никогда не держал в руках оригинала, а копия относилась к XIX веку. Она содержит столь же серьезные ошибки, как и письмо Румянцева: например, Петр Толстой упоминается как граф, однако он получил этот титул лишь в 1724 году. Наконец, внимательное прочтение текста показывает, что упомянутые в нем сеансы пыток не обязательно касались царевича, так как в крепости содержались и другие заключенные, например Яков Игнатьев. К тому же датировка в дневнике не совпадает с датировкой записей следствия. В последних отмечены допросы царевича 22 и 25 июня (допрос 25 июня, по всей видимости, пыткой не сопровождался), а в комендантском дневнике ничего не зафиксировано. В дневнике отмечен допрос 14 июня, но в бумагах следствия он не зафиксирован³⁴. Мы снова сталкиваемся с сомнительным

³³ Антонио Катифоро был греком-католиком с Ионийских островов, опубликовавшим в Венеции в 1736 году биографию Петра Великого (*Vita Di Pietro il Grande* и т.д.), фактически являющуюся компиляцией текстов, беззастенчиво заимствованных у различных европейских авторов. В. Minzloff, *Pierre le Grand dans la littérature étrangère* (St.Petersburg, 1872). P. 44-46.

³⁴ Устрялов Н.Г. История... Т. 6. - С. 523-537, 595-628; он же. Воспоминания. - С.680; Эйдельман Н.Я. Розыскное дело // Эйдельман Н.Я. Из потаенной

***Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)***

источником, и единственное объективное заключение, которое можно сделать, состоит в том, что нам неизвестно, как и почему царевич Алексей умер. Слишком много ложных следов.

Обобщая сказанное, можно отметить, что борьба между Петром и его сыном происходила не на почве хрестоматийного конфликта между русской стариной и Европой. Оба они являлись «европейцами», но разными европейцами. Сын восхищался барочным благочестием, в то время как отец предпочитал встречаться с Вильямом Пенном и восхищался моряками. Борьба между ними возникла по той причине, что значительная часть аристократии возлагала надежды на царевича Алексея, а не на его отца, и разделяла недовольство сына строительством Санкт-Петербурга и продолжавшейся войной со Швецией. Именно поддержка царевича со стороны аристократов делала эту историю опасной для царя. В 1718 году, но не позже, все это представляло собой серьезнейший конфликт³⁵.

* * *

Почему же Устрялов был заинтересован в фальсификации истории царствования Петра Первого? По воспоминаниям современников, это

истории XVIII – XIX веков. М., 1993. – С.50-81 (первоначальная публикация – в журнале «Наука и жизнь», 1971, № 9-10). Из современных историков только Анисимов допускает вероятность подлинности письма Румянцева; он нападает на Эйдельмана, не называя его имени, но не предлагает никаких новых аргументов: Анисимов Е.В. Время... С. 453-457. Большинство историков принимает версию комендантского дневника, как, например, Соловьев С.М. История... Т. 9. - С. 188, или Wittram, vol. 2. P. 400.

³⁵ Имела ли эта борьба между отцом и сыном какое-либо отношение к европеизации России? Здесь необходимо определить, что мы называем Европой. Несомненно, речь должна идти о чем-то большем, чем манера одеваться и отсутствие бороды. Историки усматривали решающие аспекты европеизации в рационалистической, протопросвещенческой культуре Петра и особенно в его рационалистических политических идеях и отношении к государственному устройству. Эти вопросы не затрагиваются в деле царевича Алексея по вполне понятной причине: они, скорее всего, возникли после смерти Алексея и, как я утверждаю, в качестве реакции на нее со стороны Петра и его сподвижников. Например, после смерти Алексея для управления церковью вместо патриаршества был учрежден Святейший Синод. Написанная архиепископом Феофаном Прокоповичем и опиравшаяся на Гоббса, Гроция и Пуфендорфа «Правда воли монаршей» появилась в 1722 году. Петр читал и одобрил книгу Пуфендорфа «De officio hominis et civis» (1673), содержащую рассуждения о естественных законах, гоббсовском индивидуализме и теории общественного договора, но прочитал он ее только в сентябре 1724 года, менее, чем за полгода до своей смерти: Законодательные акты Петра Первого / Под ред. Н.А.Воскресенского. Т.1. М.; Л., 1945. – С.148.

был скучный маленький человек, любитель профессорских острот и что-то вроде обжоры. Его университетский коллега, критик и литератор П.А.Плетнев, после пяти лет знакомства решил, что Устрялов «...человек без малейшего поэтического восприятия: это какой-то дубовик»³⁶.

Устрялов был сыном управляющего орловским имением князей Куракиных и пробил себе путь в Петербургский университет упорством и трудолюбием. Его карьера началась с редактирования источников по русской истории и использования связей в академических кругах для проникновения в ученый мир. Уже в 1835 году на него обратил внимание тогдашний министр просвещения С.С.Уваров, в основном благодаря националистическим взглядам Устрялова на историю Великого княжества Литовского в период позднего средневековья. Именно знакомство с Уваровым привело к успешной публикации устряловского учебника по российской истории и обеспечило ему хорошую репутацию в глазах властей³⁷. Как и многие образованные русские из низов, он был ревностным монархистом, а потому был явно неимоверно польщен вниманием Уварова и других министров правительства, а впоследствии и самого царя.

Трудно поверить, что фальсификация Устряловым исторических свидетельств являлась непреднамеренной. При публикации третьего тома своей истории петровского правления он последовательно исключал из сообщений имперского посла в России за 1698 год любые упоминания о конфликте между Петром и боярами³⁸. В результате создавалась принципиально неполная картина стрелецкого бунта, одного из самых знаменитых и часто описывавшихся событий из царствования Петра. В случае с царевичем Алексеем отбор документов Устряловым и их переделка имели тот же эффект. Можно сделать вывод, что, по мнению Устрялова, любое упоминание оппозиции Петру могло бы умалить славу царя-преобразователя и подрывало саму идею самодержавия.

Однако такое объяснение уязвимо по той причине, что в более ран-

³⁶ Переписка И.А.Грота с П.А.Плетневым. В 3 т. Спб., 1896. Т.1. – С.100; Т.2. – С.113, 425.

³⁷ Устрялов Н.Г. Воспоминания... – С.625-628. Великое княжество Литовское возникло в XIV веке как преимущественно восточнославянское государство, управлявшееся литовской династией. В 1397 г. оно объединилось с Польшей, а в 1569 г. было поглощено Люблинской Унией. До Устрялова большинство русских историков рассматривало его просто как часть исторической Польши, но с началом Польского восстания 1830 г. политика русификации, проводившаяся российским правительством, привела к переоценке роли западных провинций империи и их истории.

³⁸ Paul Bushkovitch, «Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690s», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* B. 50, 1995. P. 80-120.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

них трудах он не всегда скрывал факты. Ранее он предпочитал описывать аристократическую оппозицию тому или иному монарху и затем провозглашать ее политически вредной и не отвечающей потребностям России. В 1833 году Устрялов предпринял первую попытку научного издания сочинений князя Андрея Курбского, являвшегося в XVI веке классическим образцом боярина, выступавшего против царского трона. В длинном предисловии Устрялов рассматривает жизнь и взгляды Курбского довольно подробно, признавая прегрешения Ивана Грозного, но заключая, что противостояние Курбского царю, сколь бы высокие мотивы за ним не стояли, в конце концов привело князя к предательству и поставило на вредный для России политический путь. Неофициально Устрялов относился к Курбскому еще более позитивно. В 1832 году он писал консервативному историку М.П.Погодину: «Чем больше я читаю Курбского, тем более уважаю его». По сообщению Погодина, устряловская публикация работ Курбского получила одобрение самого царя Николая I³⁹.

После этих ранних работ по публикации источников Устрялов представил на соискание докторской степени длинный труд «О системе прагматической Русской истории» (1836), явившийся расширенной критикой предшественников, Н.М.Карамзина и Н.И.Полевого, в основном за отсутствие у них пристального внимания к источникам. В определенном смысле кульминацией его карьеры стала публикация в 1837-1841 годах учебника и многотомной истории России, ставшей на два последующих десятилетия хрестоматийным трудом. В данной работе заметно некоторое изменение отношения к аристократической оппозиции. Во втором томе (1837) он значительно преуменьшает роль оппозиции при Иване Грозном, утверждая, что она сводилась почти к одному только Курбскому, которого он упоминает лишь бегло. Ни о какой аристократической оппозиции Петру вообще не упоминается, а все выше-названные аристократы относятся к категории «сподвижников Петра» и выглядят в тексте скорее как знатные сановники XIX века, нежели как именитые должностные лица петровской эпохи. И, конечно же, при описании дела верховников 1730 года Устрялов с легкостью представил его как неудачную попытку заменить самодержавие аристократической олигархией, но этот эпизод был столь широко известен публике, что о нем трудно было бы умолчать. Вероятно, образ мыслей Устрялова в 30-

³⁹ Сказания князя Курбского / Под ред. Н.Г.Устрялова. Т.1-2. Спб., 1833; Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. В 22 т. Спб., 1888-1900. Т.4 (1891). - С.163-164. Погодин опубликовал заявление об одобрении труда царем в его обзоре работ Устрялова в журнале «Телескоп» (1832. № 13. - С.115-120). Это сообщение, вероятно, является точным, поскольку российская цензура не допустила бы неточных заявлений о мнении царя по таким вопросам.

е годы XIX начал эволюционировать в сторону убежденности в том, что наличие в прошлом какой бы то ни было аристократической оппозиции престолу следует скрывать как можно тщательнее⁴⁰.

Последующие события эти убеждения укрепили. В период между публикацией последнего тома российской истории и работой о царствовании Петра вышла напоминавшая панегирик истории правления Николая I, также принадлежавшая перу Устрялова, по воспоминаниям которого, идея написания таковой принадлежала ему самому, правда, через некоторое время он забросил частично уже написанный текст. В 1846 году он случайно упомянул об этой работе в беседе с М.Н.Мусиным-Пушкиным, куратором Санкт-Петербургского университета. Последний попросил у Устрялова рукопись для ознакомления. Впечатление Мусина-Пушкина было настолько благоприятным, что он передал ее графу В.Ф.Адлербергу, администратору Министерства двора и личноному другу царя. Адлерберг вручил рукопись самому Николаю, и вскоре Устрялов получил полное энтузиазма одобрение своего государя и длинный список исправлений, сделанных собственной рукой монарха⁴¹. Николай внес множество поправок и изменений в описание Устряловым событий, связанных с восстанием декабристов; но наиболее важным для последующей работы историка представляется дело генерала А.П.Ермолова. Ермолов успешно действовал в качестве полководца в ходе наполеоновских войн, а затем был назначен командующим русскими силами на Кавказе. В самый разгар русско-персидской войны 1826-1828 годов Николай заменил его генералом И.Ф.Паскевичем. Хотя Ермолов и не потерпел никаких очевидных военных поражений, впо-

⁴⁰ Устрялов Н.Г. Русская история: В 5 т. Спб., 1837-1841. Т.2 (1837). – С.45-86 (особенно 76); Т.3 (1838). – С.52, 57-60, 143-149, 174-184, 209-215; Т.5. – С.155-209 («О системе прагматической Русской истории»); Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. Спб., 1847. – С.9-19.

В 1730 году члены Верховного тайного совета (верховники), преимущественно аристократы, пытались ограничить императорскую власть. Императрица Анна с легкостью одержала над ними победу. Среди современных историков нет согласия в вопросе о том, было ли это попыткой установить аристократическую конституцию или просто попыткой двух семейств (Долгоруких и Голицыных) захватить власть в свои руки, оттеснив других крупных аристократов. - Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1888.

⁴¹ Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. Спб., 1847; он же. Воспоминания. – С.641-652; и архив Пушкинского Дома, ф.14 (Устрялов), дело 19, 1-2 об., письмо Устрялова Адлербергу с просьбой одобрить третью часть истории царствования Николая. Адлерберг возглавлял Министерство двора, замещая престарелого князя П.М.Волконского.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

следствии его никогда уже не назначали на важные посты. Русское общественное мнение в то время в большинстве своем склонялось к тому, что Николай не доверял Ермолову по политическим причинам, поскольку генерал, хотя он и не являлся либералом и сторонником конституционного строя, оказывал покровительство декабристам, сосланным на Кавказ. В своем тексте Устрялов отмечал храбрость и удачливость Ермолова, но царь распорядился убрать эти слова, заменив их фразой о том, что в 1827 году Ермолов сам попросил сменить его на посту, поскольку не чувствовал в себе более сил для командования. После публикации Ермолов написал историку письмо, упрекая его в неточности и клевете. Это письмо в копиях ходило по рукам в обеих столицах. Очевидно, Устрялов не мог ответить Ермолову открыто, хотя он пытался объяснить с министром Уваровым, надеясь спасти свою репутацию⁴². Из этого инцидента он вынес вполне четкое представление о том, как Николай относился к инакомыслящим и фрондерам из среды аристократии, и мы далее увидим, что урок этот не прошел даром.

Устряловская история Петра, как и другие его работы, писалась под непосредственным наблюдением царя и правительства. Когда он начал исследование, то обратился за разрешением пользоваться секретными архивами петровского времени, и таковое было им получено: 2 декабря 1842 года министр просвещения граф Уваров передал историку личное разрешение царя на пользование указанными архивами. Доступ к архивам в Вене был получен благодаря обращению российского министра иностранных дел графа К.В.Нессельроде к самому Меттерниху, и в 1845 году Устрялов впервые столкнулся с обширными материалами по делу царевича Алексея, содержащимися в австрийских хранилищах. Позднее он получил специальное разрешение на пользование российским архивом по делу царевича Алексея.⁴³ Таковы обстоятельства, в которых пи-

⁴² Устрялов Н.Г. Воспоминания... – С.645-646, 653-654. Даже по прошествии многих лет сын Устрялова все еще считал, что он должен объяснить по поводу инцидента с Ермоловым; указ. соч. - С.685-686. По поводу Ермолова см. W. Bruce Lincoln, *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias* (Bloomington, 1978). P. 112-114, 127-128.

⁴³ Архив Пушкинского Дома, ф. 14 (Устрялов), дело 112, лл. 4-4 об., письмо Уварова Устрялову 4-4 об. Эти новости стали известны в течение недели: Плетнев П.А. Переписка. Т.1. – С.645 (Плетнев Гроту, 18 ноября 1842 года). По поводу переговоров Нессельроде с Меттернихом см.

Устрялов Н.Г. Воспоминания... - С.630-632. Нессельроде имел личную беседу с Устряловым и перед тем, как выдать ему разрешение на пользование материалами по делу Алексея в Санкт-Петербурге (они все еще находились в архиве Министерства иностранных дел), а по поводу использования

салась работа. Но ключ к фальсификациям Устрялова обнаруживается прежде всего в эпизоде с цензурой. Как и все сочинения того времени, его история Петра должна была быть представлена цензуре, а цензурное дело оказалось долгим и весьма показательным в отношении образа мыслей государственных чиновников. Проблема возникла с первым томом, представленным в 1849 году. Цензурными вопросами занималось Главное управление цензуры, подчинявшееся Министерству просвещения. К несчастью для Устрялова, консервативный и националистически настроенный граф Уваров, покровительствовавший историку, в октябре впал в немилость. Его сменил еще более консервативный князь П.А.Ширинский-Шихматов, оставшийся на посту министра до своей смерти в 1853 году. Устрялов оказался достаточно сообразителен, дабы сразу же послать князю рукопись своего труда, сопроводив ее списком пяти возможных возражений против текста: (1) он пользовался источниками из государственных архивов, являвшимися в то время секретными (очевидно, князь не знал о царском разрешении); (2) он перечислял в тексте причины недовольства России политикой Польши в 1690-х годах, что также, в принципе, являлось государственной тайной; (3) подробности стрелецкого бунта 1682 года заимствованы из труда старообрядца Саввы Романова, современника событий; (4) он собирался опубликовать два любовных (более или менее) письма царевны Софьи князю Василию Голицыну; (5) в тексте сообщаются подробности заговора Софьи, Шакловитого и стрельцов 1689 года. Первые два пункта выглядят придуманными специально для того, чтобы напомнить новому министру о ранее оказанных Устрялову милостях, особенно – о царском разрешении пользоваться государственными архивами. Последние три пункта показывают, что в 1849 году историк уже знал, что подробности аристократических заговоров являются скользкой и нежелательной темой. Ширинский-Шихматов переслал письмо Устрялова с перечислением возможных возражений графу Д.Н.Блудову, возглавлявшему Второе отделение Собственной Е.И.В. канцелярии и являвшемуся также императорским фаворитом. Блудов посчитал возможные возражения достаточно тривиальными, указав, что Устрялов не сказал в своей книге ничего такого, что не было бы уже известно образованной публике: «Все, в них означенное, давно уже составляет принадлежность истории и более или менее известно. Они не могут произвести никакого неблагоприятного впечатления на общество между прочим и потому, что, будучи помещены в обширном ученом сочинении, обратят на себя внимание только про-

московских материалов Министерства юстиции он говорил с самим министром графом В.Н.Паниным: Устрялов Н.Г. Воспоминания... - С.635-653.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

свещеннейшего, а следственно, по крайней мере большею частью, благо-разумнейшего класса читателей»⁴⁴.

В 1850 году сам Николай одобрил мнение Блудова, однако министр считал, что следует подождать с публикацией отдельных томов до тех пор, пока не будет завершена вся работа; поэтому Устрялов не мог ничего сделать, нуждаясь в субсидии для продолжения своего труда. В 1854 году, после смерти Ширина-Шихматова, Устрялов решил снова попытать счастья. Новый министр просвещения А.С.Норов опять обратился к Блудову и получил тот же ответ, снова одобренный царем. Однако дело не сдвинулось с места до 1855 года, когда Устрялов обратился к Блудову за субсидией для публикации своих томов. Блудов подробно отредактировал устряловский текст и в конце концов согласился изыскать возможность субсидировать издание, но настаивал на том, чтобы текст, составлявший к тому времени три объемистых фолианта, снова прошел все надлежащие инстанции, т.е. цензуру. Видимо, одобрения самого царя и его доверенного слуги было недостаточно. Комедия продолжалась, и комитету по цензуре понадобился еще целый год, чтобы принять решение (лето 1855 – лето 1856 гг.). К августу 1855 года двое из цензоров были уже глубоко встревожены. Цензор Пейкер считал, что описание попок и любовных походов Петра Первого, а также его явного равнодушия к казни стрельцов нельзя допустить в печати. Его коллега Бекетов возражал против описания Устряловым положения крепостных крестьян в XVII веке как «тягостного» и соглашался со всеми замечаниями Пейкера. В ноябре комиссия получила длинный отчет о предыстории дела, включавший одобрение книги Блудовым и царем Николаем. Это известие произвело радикальную перемену в настроении цензоров. Генерал Л.В.Дубельт, возглавлявший Третье отделение (политическую полицию), а также заседавший в Цензурном комитете, заявил, что он полностью согласен с Блудовым и что книги следует опубликовать. Остальные цензоры поспешили к ним присоединиться, а представитель Синода К.Сербинович возражал лишь против использования Устряловым термина «старовер». Он настаивал на использовании официального и более уничижительного названия «раскольники» в отношении приверженцев старообрядчества. Поэт князь П.А.Вяземский (в то время заместитель министра просвещения) поддержал Дубельта и Сербиновича. Единственным, кто попытался им возразить, был некто Пршитславский, который считал, что симпатии Устрялова к старинным русским одежам импонируют славянофилам, но и он в конце концов согласился с коллегами. Таким образом, 28 июля 1856 года Норов направил заместителю куратора Санкт-Петербургского учебного округа официальное письменное разрешение печатать первые три тома устряловской истории, заменив во всем тексте слово «старовер» на слово

⁴⁴ Устрялов Н.Г. Воспоминания... – С.655-658; РГИА, ф.772, оп. 1, д. 36-69, ф. 14-19.

«раскольник»⁴⁵.

Важнейший же шестой том, содержащий дело царевича Алексея, проходил через цензуру почти по инерции. К разрешению печатать первые три тома Норов приложил благоприятный отзыв о шестом томе от обычно привередливого Бекетова. Однако дело с публикацией этого тома никак не продвигалось, и через два года Цензурный Комитет был вынужден напомнить своему начальству, что данный том заслуживает публикации, поскольку в нем наглядно показана любовь Петра Первого к России (как якобы превосходящая даже его любовь к родному сыну). Преемник Норова на посту министра просвещения Е.П.Ковалевский 22 и 27 января выразил свое одобрение в отношении шестого тома, и в том же году книга была в конце концов опубликована⁴⁶. Ответ Блудова на возражения, которых Устрялов опасался в 1849 году, и одобрение Николаем I отчета Блудова дают ключ к решению вопроса, почему Устрялов пошел на фальсификацию истории царевича Алексея.

Замечание Блудова о том, что все сообщаемые в труде Устрялова факты давно известны, не относится к первым двум возражениям, ответом на которые послужило предшествующее решение Николая разрешить историку доступ к архивам. Мнение Блудова должно было относиться к последним двум пунктам, касавшимся придворных фракций, интриг и заговоров против Петра. В тексте Саввы Романова описывается роль матери Петра и его сводной сестры Софьи в мятеже 1682 года, а письма адресованы фавориту Софьи князю Голицыну, еще одному из противников Петра в ранний период царствования (циркулировали также упорные слухи, что Софья и Голицын были любовниками). Пятое возражение, относящееся к публикации материалов о предполагаемом «заговоре» Софьи, Голицына и дьяка Шакловитого с целью свержения и убийства молодого Петра, опять-таки касалось вопроса о заговорах против царской власти. Устрялов опасался, что Ширинский-Шихматов посчитает, что просто не следует печатать какую бы то ни было информацию о заговоре. Ответ Блудова заключался в том, что данная информация уже хорошо известна образованной публике. Следовательно, можно заключить, что если бы она не была известна, то возражения были бы обоснованы. Сведения о заговорах против царя, будь то со стороны знатных бояр или со стороны простолудинов-стрельцов, не следовало популяризировать.

⁴⁵ Устрялов Н.Г. Воспоминания... - С.657-658, 667-673. Устрялов не имел никакого понятия о цензурных разбирательствах, но см. РГИА, ф.772, опись 1, д. 3669, лл. 1-10 об., 20-36. Пршитславский был редактором консервативной польской газеты Tygodnik petersburski с 1830 г., работал в цензуре с 1853 г. См. Mieczyslaw Inglot, «Przeclawski, Jozef Emanuel (1799-1871)», Polski slownik biograficzny 28, Wrocław-Warszawa, 1985. P. 691-693.

⁴⁶ РГИА, ф.777, опись 2, д.92-1855 и ф.772, опись 1, д.3669, лл.35-36. Брат Ковалевского был автором биографии Блудова: Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. Спб., 1866.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

вать. Такой урок Устрялов вынес из инцидента с генералом Ермоловым. Он был знаком с документами, хранившимися и в Вене, и в Москве, но не мог опубликовать в третьем томе полные тексты дипломатических отчетов австрийскому императору, поскольку в них упоминались многие бояре, находившиеся осенью 1698 года в оппозиции Петру. Тем более он не мог опубликовать в шестом томе то, что он узнал в Москве и в Вене по поводу царевича Алексея. Поэтому он оставил за пределами рассмотрения большую часть московских документов и «подчистил» венские документы, фальсифицировав их содержание.

Тайна Устрялова сохранялась полтора столетия, вводя в заблуждение последующих исследователей и создавая искаженную и приукрашенную картину петровского царствования, основанную на фальсифицированных данных. С тех пор многие историки ощущали неудовлетворенность, несомненно, способствовала появлению различных взглядов на дело царевича Алексея. Однако это не привело к возникновению подозрений, что Устрялов совершил подлог. Мнение, что борьба Петра и Алексея являлась по большей части личным конфликтом между отцом и сыном, разделяли в среде интеллигенции и консерваторы, и либералы, и западники, и славянофилы. С.М.Соловьев постарался извлечь из устряловских документов сведения о более широком противодействии Петру, но не пошел дальше утверждений самого общего характера.

Кажется, только один человек догадывался об истине, и этим человеком был не кто иной, как Федор Михайлович Достоевский. Одним из первых отреагировал на выход из печати устряловского тома, содержащего сведения по делу царевича Алексея, умеренный либерал М.И.Семевский, сделавший своего рода карьеру на мрачных историях о злодеяниях царизма в XVIII веке. В своем обзоре Семевский безоговорочно принимает на веру устряловскую трактовку сюжета, однако использует ее для целей, о которых Устрялов не мог даже помыслить. Если не существовало никакой широкой оппозиции Петру, а имела место только борьба двух личностей, то, следовательно, не существовало никакой угрозы престолу, а весь эпизод ярко демонстрирует лишь антигуманность и жестокость царя-реформатора. Достоевский прочитал отзыв Семевского, но он увидел историю царевича совершенно в ином свете, оставив ряд рукописных заметок, которые свидетельствуют не только о его антипатии по отношению к Семевскому (которого он справедливо упрекал в полном отсутствии объективности), но и о его подозрениях в отношении версии событий по Устрялову-Семевскому. Семевский отмечал, что некоторые видные церковные деятели высказывались в поддержку Алексея, а в этом случае, как добавляет Достоевский, они должны были на что-то опираться: «На что же? На силу царевича, на партию его, но Семевский прямо говорит, что не было партии никакой». Позднее романист затронул и вопрос о возможном восстании: «Семевский говорит, что не было ни одного факта, говорящего о том, чтобы царевич хотел

вооруженною рукою похитить корону у отца. Положим, так. Но сношения с матерью, Досифей, Глебов, видения, предсказания, бегство к Цесарю, надежды на будущее и на Цесаря показывают, что если б только была хоть малейшая возможность, он восстал бы на отца»⁴⁷.

Кажется, Достоевский осознал, что же происходило в действительности в 1716-1718 годах, осознал, что оппозиционная партия должна была существовать и что она надеялась воспользоваться любой возможностью для открытых действий. Он понял, что прочитанное им изложение событий служило сокрытию истины, и единственная ошибка писателя состояла в том, что он посчитал виновным в подлоге не Устрялова, а Семевского, всего лишь интерпретировавшего определенным образом данные устряловского труда.

Можно сделать вывод, что Плетнев был целиком и полностью прав в своем суждении. Устрялов был действительно скучным маленьким человеком, не знавшим жизни, но знавшим, как перехитрить других ученых. Однако ему не удалось перехитрить создателя образа Раскольникова.

Пер. И.Пагавы
ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.Г.Устрялов. История... Т.6.

Мнения цесарских министров, по письму графа Колоредо 21-го (10-го) декабря 1717 года (Тайный государственный архив в Вене. Оба мнения собственноручные).

Граф Зинцендорф (Sinzenдорff), Австрийский гофканцлер:

Из письма графа Колоредо я вижу, что он принял намерение поговорить с царевичем, но в том от Толстого нагло (hautement) отказано. Я вижу в том великую дерзость (impertinenz) Толстого, и ясно, что они боятся, чтобы царевич не изменил своего намерения. Следовательно возникают два вопроса: 1. должен ли граф Колоредо употребить силу, чтобы говорить с царевичем? 2. должно ли удерживать царевича, если бы он захотел продолжать свое путешествие? (Ибо если он захочет остаться, граф Колоредо уже имеет инструкцию). Мое мнение: надобно

⁴⁷ Достоевский Ф.М. Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович» // Русское слово. 1860. № 1;
Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1972-1990. Т.18. – С.104-107, 296-300. Кажется, именно Семевский послал Герцену письмо Румянцева для публикации, но Достоевский этого не знал (указ. соч. - С.297).

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

стараться поговорить с царевичем *mit guter manier*. Если же Толстой не согласится, не прибегать к силе, а объявить ему, что об его неприятном поступке будет немедленно донесено Царю; между тем позволить им ехать. Насильное домогательство приведет к крайности; между тем, не лъзя много полагаться на принца.

Граф Шенборн, вице-канцлер: Как скоро донес мне мой секретарь, что принц Евгений и князь Траутзон признают за лучшее избавиться от пребывания здесь царевича, я также того же мнения, если бы только это возможно сделать без оскорбления государственной власти. Дай только Боже, чтоб царевич не изменил своего намерения возвратиться к своему отцу: со стороны его величества сделано все, что предписывали великодушные, честь, родство. Царевич все это устранил и отвергнул. Продолжать покровительство царевичу, при непостоянстве его и угрожающей государству от силы царя опасности было бы безрассудно: царевич не имеет довольно ума, чтобы надеяться извлечь из него какую-либо надежду или пользу. Тем не менее я думаю однакож, что граф Колоредо непременно должен видеть царевича и объявить ему комплимент его величества; Толстому же сказать, что он не смеет предписывать законов его величеству в собственном государстве. Колоредо может даже употребить к тому силу и под предлогом свиты (*corteggio*), может придти с значительным отрядом. Толстой может при том быть или не быть: ибо комплимент будет *in generalibus*. Если при этом случае царевич вновь будет просить покровительство, сказать, что он свободен делать, что угодно; впрочем предоставить ему ехать с Толстым.

APPENDIX

No. 1

[Haus- Hof- und Staatsarchiv, Russland I, K. 24/II]
/210/Ihr. Exc. des Rhvcantzlern H. gr. v. Schönborn
Votum de 21 Decembris 1717

Wegen des Czaroviz arrestirung zu Brünn in Mähren

Gleichwie mein Secretarius mir referiret, daß Ihre Dht. Printz Eugenius und Ihre Fürst. gnaden von Trautsohn dafür halten, daß man sich dieses auffenthalts des Czarowiz entledigen solle, so bin auch ich der meynung, daß wan annoch eine gute arth übrig ist, wodurch solches ohne verletzung der Kay. und landsherrlichen authorität nach der sachen dermahligen umbständen vollzogen werden könne, daß solches ohne allen verzug geschehen möge, dahero wäre meines wenigsten ermessens das 1. mum Membrum quaestionis secundae als ein glück und gnad von Gott anzusehen, wan sich zeit deme die sache nicht dahin geändert hat, daß der Czarowitz etwan selbst nicht mehr fort wolle, folgsam wäre das Membrum secundum annoch gegen den Graff Coloredo und dessen instruction dahin zu ändern, daß er quovis modo alles /210v/ beytragen solle, umb diese gesellschaft in haubt und gliederen darumben fort zu bringen, weilen Ihro Kay. May. bekannter massen

1o. gegen den zu Ihro geflüchteten Czarowitz alles vollzogen, was die Kay. ehr und großmuth nebst der Christlichen lieb und naher anverwandtschaft immer erforderen mag, alle dieses aber von jenem

2o. selbst gleichsamb heimgesagt [*sic*], und gefährdet worden, und da

3tio. invito beneficium obrudi non possit, dessen vollziehung zumahlen

4. bey denen umbständen eines wanckelhafften Printzens nebst der grösesten gefahr der länder im schluss nichts als prostitution und torto auff unß zu ziehen vermag, in deme

5. die russische gewalt und überziehung unserer landen beynahe gantz gegenwärtig /211/ in denen Czarischen aber wir etwas zu gewinnen, immo einige motus zu unterstützen neque perimpossibile im stand, wohl aber informiret seyn, daß

6. dieser Czarowiz weder petto weder vernunft genug habe umb von demselben einige reale hoffnung oder nutz schöpfen zu können, und dan

7. diesem nach weder decorum noch utile, weder in publico noch in privato zu erhalten zu seyn scheint, folgsamb und schließlichen

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

8. entweder ehender zu einigem auffenthalt zu schreiten gewesen wäre, oder es nunmehr gar nicht mehr gerathen seyn mag, angesehen

9. bey unseren der mahligen umständen und verschiedenen widrigen nachrichten von dem Czar haubtsächlich allerdings dahin anzukommen scheint, daß man demselben die ware /211v/ gelegenheit nehme sich an unß auff einige weiß zu reiben odern hencken zu dörfen, absonderlich da der Czar dermahlen vielleicht eben so sehr einige ursach seinen sohn zu enterben, als die gelegenheit verlangen dörfte allenfahls seiner loß zu seyn, und zu bleiben. Dieses so viel quaestionem secundam betrifft.

Ad quaestionem primam aber wäre ich der ohnvorgreiflichen meynung, daß bey nun gestalten dingen der Graff Coloredo den Czarowiz zu sehen, und ihme einige persönliche Complimenten abzulegen absolute beharren, mithin namens Ihro Kay. May. dem Tolstoi dero mißfallen des hiesigen heimblichen zwischen Hohen Potentaten und in landsherrschaften ohngearteten vorbegehens halben bezeichnen und melden möge Ihro Kay. May. würde /212/ sich in ihren landen nicht vorschreiben lassen, wie und auff was arth sie frembde anverwandte und freye Printzen zu beehren, oder besprechen zu lassen hätten, wolten daher den Czarowiz durch ihn Graffen Coloredo complimentiren lassen, welcher dan auch solcher massen endlich mit gewalt es zu thun verbunden seyn würde, und dahin zu instruiren wäre, daß er unter praetext des corteggio mit genugsamer hand und gesellschaft dorthin sich erheben und es de facto zu thun in stand seye, ihme Tolstoi aber frey stellte mit darbey zu seyn; gleichwie nun das compliment in generalibus, also wäre herentgegen, in casu daß der Czarowiz hac occasione novam protectionem implorirte, ihme Czarowiz zwar alles frey zu stellen, daß weil er /212v/ zu seinem herrn vatter verlanget, also auch ihn dorthintern zu lassen er graff Coloredo instruirt seyn, mithin hätte er deme nach dem Tolstoi alles lediglich zu überlassen. Durch eigenen Courier wäre dem Czar von allem parte zu geben, und das Kay. verfahren zu sehr grosem freundstück auff zu putzen, zugleich aber gegen den Tolstoi hart zu doliren, so wohl wegen dessen ohngestimmer grobheit in Brün als jener, welche wegen der ohnartigen durchreiß allhier sich nicht ohne empfindlichkeit ansehen und erinnern lassen; und duncket mich, daß solcher massen Ihro Kay. May. factum in genere et in specie mit authorität behauptet, bey dem Czaren aber noch danck und in der ehrbahren welt approbation könnte erworben /213/ werden.

In simile wäre mit dem Weselowski dahier also gleich zu verfahren, und ihme zu zureden die ansprach des Czarowiz namens Ihro Kay. May. absolute zu begehren, anbey zu contestiren, daß man jedannoch, wenn sie wolte, dabey seyn lassen würde.

Salvo meliore.

Пол Бушкович

No. 2

/214/Opinio des Gr. v. Sinzendorfs österr. Hoffcanzlers
de 21 decembris 1717: Wien.

Auß des graffen v. Coloredo schreiben, und was Ihro Excell. H. Reichshoffviceanzleren Secretari Kail refereiret hat, sehe ich, daß von seithen I. K. M. durch den graffen Coroedo [sic] das impeno genomen ist, mit dem Czarowiz zureden, hingegen von dem Tolstoi solches hautement widersprochen worden. Dises considerire ich als eine grosse impertinenz von gedachten Tolstoi, und scheineth clar, daß sie sich fürchten, den Zarowiz könnte seyne genohmene resolution reun, kommet also die frag an

1mo. ob der graff Coloredo solle mit gewaldt trachten den Czarowiz zu sprechen?

2do. ob der Czarowiz so er weiters gehen wolle aufzuhalten seye? dan wan er bleiben wolte, so ist der graff Coloredo schon instruiert.

Ich vermeine mann solle trachten mit /214v/ guter manier aus der sach zu kommen, also wan der Tolstoi unterdessen nicht hat zugelassen, daß der graff Coloredo mit den Czarowiz reden solle, so hätte er ihnen zu bedeuten, mann wurde dieses unfreundliche verfahren den Czarn auff das eylfertigste vortragen, und sich dessen beklagen etc. Indessen aber sie lassen fortgehen, und weiters nicht mit gewaldt suchen den Czarowiz zu sehen, dan sonst müeste man gleich in die extrema verfallen, umb einen Printzen auf dessen unternehmen, standt- und herzhaftigkeit nicht viel zu bauen etc. Übrigens fallet zu lang, dermahlen die particularia und modum anzuziehen, wie sich, der g. Coloredo hoc posito principio zuverhalten hätte.

Sinzendorf.

No. 3

[Svenska riksarkivet, Görtzska sammling, E 3794]

Til Gen. Poniatowski⁴⁸

/1/ Monsieur,

Vous recevrés avec celle-ci un paquet qui renferme pour vous une commission du Roi sans doute tres inopinée,

48. Archivist's comment; undated draft, in packet of November, 1718. The correct date is October-December 1717, since it refers to Charles XII's commission to Poniatowski of December 1717 in E3794, as well as the letter of Görtz to Poniatowski, 6 January 1718, from Lund (Görtzska sammling E 3791). Words in { } crossed out in MS.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

Pour vous mettre au fait je vous dois expliquer ce qu'il y a donné lieu. Pendant mon séjour de Zutphen il m'est venu voir un certain francais nommé Durés, qui {après} etoit depeché {avec} du Czarovitz pour chercher quelque ministre de Suède réputé d'avoir du credit à la Cour. Il a trouvé à propos de fixer son choix sur moi, ainsi qu'il ne manquât pas de me communiquer sa commission. Elle consistoit à me declarer que le Czarovitz etoit intentionné de se mettre sous la protection du Roi, et qu'ils tacheroit de se rendre en Suède, des qu'il {pourroit} auroit en form due {la premiere, et} avec les assurances que Sa Mjte prendroit ses droits et ses interets à coeur {lorsque} quand le cas existeroit. J'ai tout pris ad referendum. Vous ne trouverez pas mauvais, mon cher ami, ma reserve envers vous sur ce sujet, ce n'a pas été pas une defiance de votre discretion, c'est plutot pas une mauvaise habitude qu j'ai pris de ne pas me souvenir avec mes amis ses choses {que ne} dont le conoissance leur doit etre indifferente, ou pour parler plus juste pas le repugnance que j'ai de tracter les affaires en gazetier.

A mon arrivé {an} près du Roi je n'ai pas manqué de lui en rendre compte. Sa Mjte a {trouv} fort goûté cette proposition. Et comme Elle continue toujours monsieur dans cette grande confiance dans votre discretion et et vote habitude /1v/ ce n'est qu'à vous qu'elle voulu confier cette grande et importante affaire.

Vous trouverez donc 1mo. Un plein pouvoir général suffisamment ample pour entrer en negotiation et pour vous donner la creance qu'il faut. 2do. Un act de protection en forme due pour le Czarovitz. 3tio. votre instructions. Amis commes nous sommes {jespir} je crois ne pas vous deplaire, quand je prends la liberté de vous communiquer quelques reflexions qui me sont venus là dessus.

Je ne vous parleroi pas de l'importance du secret et des avantages {qu'on doit tacher de stipuler} qui en peuvent ressembler, de quelle maniere les choses pourroient tourner. Je vous dirai seulement {qu'il ny a que dans} que je ne vois que deux {obstacles} choses qui puissent produire quelque changement dans les bonnes dispositions de ce prince. L'une est que l'Empereur {s'empar} nous est prevenu. {a emparer prop la confiance de ce prince} L'autre les difficultes de sortir d'entre ses mains, et de passer chez nous. Quant à la premiere il n'y a qu'une exposition claire et noble de l'utilité [?] et de la [illegible] qu'il y a [illegible] de l'un et l'autre cote par [illegible] on puisse ramener ce prince. {et par un juste balance} Celle-ci fera voir que le Czarovits ne peut au monde trouver un appui plus {solide} sur et plus convenable de la Suède. Car pour en juger solidement il faut examiner {à} qui les deux peut etre le plus interessé dans le maintien du Czarovitz, et {qui} lequel est le plus à portir de l'executer, le Roi de Suede ou l'Empereur.

La Situation des Etats de celui-ci et de la Moscovie ôte au Czarovitz tous les moiens d'interesser par l'aquisition de quelques provinces. Ils sont trop éloigné l'un de /2/ l'autre, ainsi que si le Czarovitz vouloit même

ceder quelques provinces à l'Empereur, elles lui seroient plutôt à charge. {Il} Le Czarovitz n'aura apparemment l'argent à donner, outre qu'il en faudroit du sommes immenses pour fournir aux frais {des armées} d'une armée qui doit {faire} marcher plus de deux cent lieux pour arriver seulement d'une frontière à l'autre; le Czarovitz aura grandement besoin lui même du peu qu'il pourra tirer de ses sujets bien intentionnés.

L'Empereur est encore continuellement impliqué dans toutes les affaires de l'Europe ce que rend son assistance fort casuelle et incertaine.

{Et après tout, il y a apparence que pler que le Czaar voudroit opposer au Czarovitz tachera d'interrer Allemagne la Suede}

Si l'on croiroit qu'on pourroit faire entrer la Pologne en meme tems, qui fournissoit les moiens de faire à l'Empereur sa conveniencce par un trou en donnant à l'Empereur du sien et en prenant du Czarovitz un equivalent, vous serez, monsieur, plus en état que personne de faire voir les difficultés et les incertitudes qu'il y a dans ce plan.

Puisque donc l'Empereur ne peut pas être suffisamment intéressé par le Czarovitz dans un assistencce réelle, tout ce qu'il pourra permettre la dessus doit être fort sujet à caution. Et il y a bien plus de raisons de craindre que lorsqu' {il a ce} pendant la vie du Czaar il existera une conjoncture, ou celui-ci pourroit rendre un service important à l'Empereur, le Czarovitz n'en soit le prix et le sacrifice, et que ce ne soit {la} là la véritable vue dans laquelle le premier accorde sa protection au dernier.

Au contraire les Etats de Suede {confirment} étant contigu avec ceux de la Moscovie il est aisé au Czarovitz de faire à cette couronne sa conveniencce et de la dedomager des depenses qu'elle sera obligé de faire. Et comme à l'ordinaire les plus grandes forces d'une puissance se trouvent meme en tems de paix sur la frontière, celles de Suede n'auroit qu'un pas à faire pour entrer dans les Etats de Moscovie, de sorte qu'on seroit {avec une armée considerable dans} le maître de meilleures provinces de la Moscovie, avant que le parti opposé /2v/ ai seulement le tems de se former. {L'on sait que rien n'ebouffe mieux les troubles internes L'on sait que rien ne decouvre plus que d'être}

L'on sait que rien ne découvre mieux les esprits et étouffe plus facilement un soulèvement, que de gagner la superiorité avant la {naissance} formation. Après tout il y auroit à craindre que, si le Czarovitz negligoit les bonnes dispositions presentes du Roi, le Czaar n'engagera Sa Mjté en faveur de ses enfants de second lit, et quand le Czaar ne le feroit pas pendant la vie, il est aisé à prévoir que ceux-ci s'adresseront à la Suede et ne manqueront pas d'accepter son assistance à quelque prix que ce fait, ou en sera après le Czarovitz avec sa protection de l'Empereur. Pourroit il croire que l'Empereur qui est toujours épuisé et embarrassé des guerres continuelles ou il se trouve engagé, {ses} entreprendra pour l'amour du Czarovitz une guerre aussi pénible et aussi dépensiére que cell-ci. Qu'on mette donc ces considerations différentes dans son juste balance la Suede l'importera certainement d'abord.

*Историк и власть: дело царевича Алексея (1716-1718)
и Н.Г.Устрялов (1845-1859)*

Pour ce qui est des difficultés de sortir d'entre les mains de l'Empereur et de venir dans ce pais-ci, l'est à vous, monsieur, qui serez sur les lieux de lever les obstacles qui se pourront presenter.

{Mais⁴⁹ je serois du sentiment que vous devez vous bien garder de l'estender aucun acte avant d'avoir rendre la chose tout a fait practicable, et qu'en ce cas lá avant vous ne quitties point la personne du Czarovitz.

S'il est absolument impossible pour le present de le faire venir, j'extimerois que vous ne pourriez laisser aucun acte entre les mains, et il faudroit se contenter. Que le Czarovitz donne un acte par le quel il promessoit de rectibus à l'evenement de la couronne Czarienne tout ce que le Roi pourroit laisser au Czaar par la paix prochaine, et de le dedomager de tous les frais qu'Elle sera obligé de faire pour le maintient de la succession du Czarovitz.

Vous pourriez de votre coté donner de /3/ bouche la promesse que quand il voudroit et pourroit se rendre en Suede, vous {lui donnerez la} feriez l'etourdir de de l'acte du protection du Roi et de son promesse du traité que vous concluriez.

La raison pourquoi il faudroit prendre cette precaution, c'est que la partie n'est par egalle. Le Czarovitz pourroit n'estre pas en état d'exécuter sa promesse pendant qu'il est entre les mains d'autrui, et le Roi n'en etant pas moins engagé {on} perdroit l'occasion de pouvoir veiller à ses interets sur ce cas-la.}

Il n'y a au reste apparence qu le Czarovitz ne sera pas fort paressi-eux? das la situation ou il se troube, de sorte qu'il faut encore songer lui faire avoir le necessaire {tout} pour son voiage {que pour sa subsistance}. Vous pouvoir disposer, monsieur. pour {le premier} cela de 50/m ecus sur les assignations que je joins ici.

Et pour ce qui est de la Subsistence {le Roi accorde 20 à 30/m ècus par an, tant quand le Czarovitz} sera dans les pais estranger et} quand il viendra en Suède, il peut compter qu'il sera traité aussi honorablement qu'il le pourra desirer. Je dois vous dire {encore} aussi que ce prince tient dans le voisinage de Naples, que sa cour consiste en 5 seigneurs de son pais un pretre et qu'il s'est fait une maitresse dans ce pais-là. En cas que l'amour se voulut meler de cette affaire et mettre empedement à son depart, il voudra mieux de lui permettre d'emmener l'objet cheri. Je vous permets encore, monsieur, d'en faire autant pour vous si le bien de l'affaire le demande, ce sera sans doute une violence tres douce que vous feriez.

/4/ Je ferai des remises pour 50/m ecus au Sr. Tietzen[?] dont vous pouver disposer lorsque notre negotiation succedera.

Apostille

49. The four paragraphs starting {Mais je serois... through sur ce cas-la.} were crossed out by the author, including earlier corrections (crossouts).

Je ne saurois vous laisser ignorer que quoique ce françois m'ait montré une lettre de creance écrite en langue Russienne et signé du nom du Czarovitz avec la translation en françois au revers, je ne laissois pas de me defier, parce qu'au bout de son compliment, il me demandat de l'argent pour attendre ma reponse en Hollande, sous pretexte que le Czarovitz n'etoit pas en etat d'en fournir. En cas que j'eusse en un pressentiment juste, il ne vous sera pas difficile d'engager sans cela l'affaire, Le Roy s'y prend si genereusement que naturellement elle doit etre tres agreable au Czarovitz, ne demandant rien de lui et lui promettant la liberte de restes ou de s'en elles, quand il n'auroit besoin de son assistance, et qu'il eut meme l'intention de devenir ennemi de Sa Mjté. Je n'ai pas trouvé à propos de faire part à Sa Mjté de cette meme defiance.

*Грегори Л. Фриз**

СОСЛОВНАЯ ПАРАДИГМА И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ*

В прочитанном почти сто лет назад цикле лекций Василий Осипович Ключевский, крупнейший дореволюционный русский историк, сожалел о том, что исследователи изучали лишь отдельные группы российского общества, а не социальную структуру в целом¹. С той поры историками написано еще больше исследований по отдельным общественным группам, но перед ними по-прежнему стоит задача пересмотра традиционных исходных посылок и взглядов в отношении дореволюционного российского общества, все еще преобладающих в историографии. Это сохранение устаревших социологических взглядов, сформулированных преимущественно во второй половине XIX столетия, резко контрастирует с положением в других областях европейской историографии, где проблемы социальной стратификации, терминологии и моделей социальных изменений постоянно находились в центре продолжительных и остро необходимых дискуссий. Однако в российской историографии, даже в наиболее основательных исследованиях, посвященных отдельным общественным группам, некритично воспроизводились основные концепции дореволюционных историков; более того, историки часто использовали такие основополагающие термины, как «класс» и «сословие», в качестве взаимозаменяемых понятий².

В основе дореволюционной историографии лежал ряд идей относи-

* © Фриз Грегори Л., 2000

* Я хотел бы выразить признательность за помощь и поддержку при проведении данного исследования Фонду имени Александра фон Гумбольдта, Международному Совету по обменов и исследованиям и Американскому Совету Научных Обществ.

¹ Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: В 6 т. Т.6. М., 1956-1959. – С.303. «История сословий в России» была впервые представлена в виде цикла лекций в 1886 г. и опубликована в 1887 г.

² В отношении советской историографии вопроса см. пример, процитированный в Gary M. Hamburg, *Politics of the Russian Nobility, 1881-1905* (New Brunswick, N.J., 1984). P. 5. Но западные исследования в этом отношении мало отличаются. См., например, Terence Emmons, *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861* (Cambridge, 1968). P. 3-4, 339-341, 359.

тельно уникальности российской сословной системы и ее развития в XVIII-XIX веках. Традиционная концепция социальной структуры признавала наличие четырех основных сословий (дворянство, духовенство, мещанство и крестьянство), что не слишком отличалось от формального строения общества в средневековой Европе. Такая простая система, казавшаяся вполне логичной для аграрной России, была общепринятой как в работах исследователей-специалистов, так и в популярной литературе. Пр процитируем одного журналиста-историка, писавшего в 1859 году: «У всякого сословия в государстве есть свое дело: духовенство молится, дворянство служит на войне и в мире, крестьяне пахут землю и кормят народ, купцы – это посредники, которые доставляют всякому то, что ему нужно»³. Более того, идея четырех сословий недвусмысленно признавалась российским законодательством и, что наиболее важно, была отражена в «Своде законов», изданном в 1832 году, – первом собрании российских законов, вышедшем после почти двухсотлетнего перерыва⁴. Однако более широкая популяризация концепции четырех сословий началась несколько позже, преимущественно благодаря «государственной школе» российской историографии, возникшей в середине XIX века и сформулировавшей немало концепций, которые и впоследствии преобладали в российской исторической науке⁵. Здесь наиболее важно то утверждение представителей «государственной школы», что российские сословия развивались в значительной степени по-другому, чем их аналоги на Западе. Они возникли значительно позже (в XVIII веке, т.е. как раз в тот период, когда сословия в Западной Европе уже распадались) и представляли собой не наследие средних веков, но сознательно установленный всемогущим государством социальный порядок. Либеральные историки конца XIX века, настроенные враждебно по отношению к самодержавию, увековечили высказанную ранее точку зрения, состоявшую в том, что государство сыграло важнейшую роль в

³ Высказывание М.П.Погодина цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Т.16. Спб., 1902. – С.591.

⁴ В первом издании «Свода законов» население на основании «различий в правах» разделялось на четыре группы: дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели. - Свод законов Российской Империи. Т.9. Кн.1. Спб., 1832. - Ст.2.

⁵ В отношении происхождения концепции четырех сословий у ведущих представителей государственной школы (прежде всего гегельянцев К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и С.М.Соловьева) см. Ключевский В.О. Сочинения. Т.6. - С.301. Наиболее раннее выражение этой концепции можно найти в магистерской диссертации Кавелина середины 1840-х годов: Кавелин К.Д. Основные начала судостроительства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях // Кавелин К.Д. Сочинения: В 4 т. Т.1. М., 1859. - С.39-304.

формировании сословий; однако они отрицали положительную роль государства, утверждая, что в силу своего деспотического характера именно оно несло ответственность за «противоестественное» и замедленное развитие российского общества⁶.

Такие представления до сих пор влияют на современных западных исследователей дореволюционной России. Принято считать, что, в отличие от сословий Западной Европы, русские сословия возникли не ранее XVIII века, что они представляли собой порождение «абсолютистского государства» (а не наследия феодального прошлого) и что им недоставало корпоративной жизнеспособности, характерной для европейских сословий⁷. Возникновение сословий было преждевременным, поскольку они не являлись «подлинными» сословиями, способными ограничить произвол самодержавия; однако, согласно традиционной запад-

⁶ В качестве классических примеров дореволюционной либеральной школы см. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII века. Спб., 1903; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Изд. 6. Т.1. М., 1918. - С. 219, 248-249.

⁷ Наиболее типичные высказывания о происхождении сословий см. в Jerome Blum, «Russia», *European Landed Elites in the Nineteenth Century* (Baltimore, Md., 1977). P. 71; Marc Raeff, *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800* (New Haven, Conn., 1983). P. 238-39, и Dietrich Geyer, «“Gesellschaft” als staatliche Veranstaltung», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, новая серия 14 (1966). P. 22. Примеры из дореволюционной российской историографии см. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Спб., 1900. - С.250; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. М., 1875; опубликовано также в: Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т.7. Спб., 1901. - С.200-254. Также см. специальные монографии по отдельным сословиям. Наиболее ярким исключением является Ключевский, который использовал термин «сословие» в довольно растяжимом значении «социальная группа» и прилагал его ко всем периодам русской истории от Киевской Руси до XIX века. См. его Сочинения. Т.6. - С.276-466.

Относительно сословий как созданий абсолютистского государства см. Raeff, *Well-Ordered Police State*. P. 238-39; Blum, «Russia». P. 72; Neil Weissman, *Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government, 1900-1914* (New Brunswick, N.J., 1981). P. 7; Милюков П.Н. Очерки... - С.219; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 7. Т.1. Спб., 1909. - С.274-275; Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т.7. - С.187. По поводу недостаточной жизнеспособности российских сословий см.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор... - С. 250; Милюков П.Н. Очерки... - С.248-249; Коркунов Н.М. Русское государственное право. - С.275; Raeff, *Well-Ordered Police State*. P. 238-239; Manfred Hildermeier, *Bürgertum und Stadt in Russland, 1760-1860: Rechtliche Lage und soziale Struktur* (Habilitationsschrift, Berliner Freie-Universität, 1983). P. 660-679; D.Geyer, «Staatsausbau und Sozialverfassung: Probleme des Russischen Absolutismus», *Cahiers du monde russe et soviétique*, 7 (1966). P. 366-377.

ной точке зрения, их существование значительно тормозило социально-экономическое развитие, поскольку оно препятствовало естественным процессам роста и изменения. Только постепенная «эмансипация» общества – освобождение от бюрократического контроля и отжившей сословной системы – смогла обеспечить более динамичное развитие во второй половине XIX века. Этот процесс неуклонно нарастал со времени Великих реформ 1860-х годов, когда начался демонтаж сословной системы и превращение российских сословий в классы, – такая парадигма развития хорошо знакома европейским исследователям социальной истории⁸.

Подобные интерпретации встречаются и в советской историографии, хотя, конечно, между советским и западным подходами к проблеме существуют некоторые различия. В частности, советские историки считают сословия неотъемлемой чертой «феодального общества» допетровской Руси и определяют период их существования с IX по XIX вв. Согласно этой схеме, однако, XVIII столетие являлось не просто очередной эпохой в истории сословий, но было «кульминацией» развития сословной системы в России⁹. К тому же, учитывая исходные посылки марксистской историографии, естественно, что советские историки находили неправильным использование юридического термина для описания общественно-экономических групп населения и были склонны употреблять гибридное название «класс-сословие», пытаясь выделить «экономическую подоснову» традиционной сословной модели¹⁰. Тем

⁸ Типичные примеры данной концепции см. в Jerome Blum, *The End of the Old Order in Europe* (Princeton, N.J., 1978). P. 440-441, «Russia». P. 79-80, 92; Leopold Haimson, «Conclusion: Observations on the Politics of the Russian Countryside (1905-1914)», Haimson, ed., *The Politics of Rural Russia, 1905-1914* (Bloomington, Ind., 1979). P. 276; Weissman, *Reform in Tsarist Russia*. P. 7-8; Thomas C. Owens, *Capitalism and Politics in Russia* (Cambridge, 1981). P. 174. Западная модель здесь уходит корнями к Марксу, Веберу и Зомбарту и все еще составляет основу европейской социальной истории. См., например, Roland Mousnier, *Social Hierarchies* (New York, 1973); Jürgen Kocka, «Stand - Klasse-Organisation: Strukturen sozialer Ungleichheit in Deutschland vom späten 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert im Aufriss», Hans-Ulrich Wehler, ed., *Klassen in der europäischen Sozialgeschichte* (Göttingen, 1979). P. 140; Werner Conze, «Das Spannungsfeld von Staat und Gesellschaft im Vormärz», Conze, ed., *Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz* (Stuttgart, 1962). P. 207-269.

⁹ Беглое обсуждение данного вопроса дается в статье: Сословие // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т.13. - С.347-351.

¹⁰ Примеры подобного употребления термина см.: Ерощкин Н.П. Крепостное самодержавие и его политические институты. М., 1981. - С.25-26; Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII-XVIII вв. //

Сословная парадигма и социальная история России

не менее советские историки по существу принимают общие положения дореволюционной и западной историографии сословий: они приписывают государству основную, если не решающую, роль в придании направления общественному развитию; они считают, что средневековые категории населения были сведены воедино и преобразованы в систему сословий в XVIII веке; они рассматривают период с 1861 по 1917 годы как эпоху неизбежной эволюции от сословий к классам¹¹.

Задача данной статьи – заново рассмотреть сословную парадигму, исследовав для этого сначала само понятие «сословие» и его историческое развитие, а затем изучив его применение в социальной истории России. Ниже будут приведены доводы в пользу того, что современное понимание термина «сословие» возникло только в начале XIX века, что сословная система была динамичной и продолжала активно развиваться (а не распадаться) в XIX столетии, и что устойчивость такового общественного порядка противоречит общепринятому мнению о неизбежности перехода от сословия к классу в пореформенной и революционной России.

Вопросы генезиса капитализма в России: Сборник статей. Л., 1960. - С.54; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904. М., 1979. - С.54. Относительно «ленинского» происхождения термина см. Белявский М.Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Московского государственного университета. Сер. История. 1970. № 2. - С.68.

¹¹ Например, см. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. - С.5; Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. - С.135; Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.) // Труды Томского государственного университета. 1964. №177. - С.44-55; Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство в феодальной России. М., 1975. - С.86; Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800-1861 гг. // Исторические записки. Т.102. 1978. - С.153-182; Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX века // Исторические записки. Т.54. 1955. - С.241; Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства. - С.54. Более тщательное обоснование тезиса об «укрупнении» см. Преображенский А.А. Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство в феодальной России. - С. 69.

Отсутствие исследования самого термина «сословие» представляет собой значительную лакуну в существующей историографии¹². Допетровская Россия не знала ни этого термина, ни какого-либо его эквивалента, так как ее общественная структура включала множество групп, а для юридических совокупностей существовало крайне мало названий. Сложная социальная терминология Московского царства во многом отражала сложность и неоднородность самого общества. В одном из терминологических словарей, посвященных лексике того периода, зафиксировано около пятисот отдельных социальных категорий, обозначавших различные ранги и статусы¹³. Хотя в редких случаях источники намекают на наличие неких более крупных общностей, отдаленно напоминающих сословия, в целом подобные термины настолько необычны, что они лишь подчеркивают причудливость и фрагментарность структуры средневекового русского общества. Наиболее известной и отчетливой социальной категорией являлся «чин», но этот термин относился только к привилегированным служилым классам, а не ко всему остальному обществу, и, что достаточно важно, даже у привилегированных классов не было коллективного названия¹⁴.

¹² Этот недостаток историографии отмечен Дитрихом Гейером. См. прим. 35 к его работе «*„Gesellschaft“ als staatliche Veranstaltung*». Изучение терминологии, как неоднократно было показано, имеет важное значение для исторической науки. Ценное обсуждение теоретических аспектов проблемы содержится в: Reinhart Koselleck, ed., *Historische Semantik und Begriffsgeschichte* (Stuttgart, 1979). Многочисленные примеры таких исследований содержит многотомник *Geschichtliche Grundbegriffe* (к настоящему моменту выпущено 5 томов).

¹³ Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М., 1937. - С.436-439.

¹⁴ Например, в коллективной петиции дворянства, датированной 1660 г., говорится о четырех рангах: духовном, служилом, торговом и сельскохозяйственном. – Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды Института истории РАН ИОН. Т.1. М., 1926. - С.352. Идентичная формулировка появилась в другом коллективном обращении 1657 года: Сторожев В.Н. Два челобития (к библиографии материалов для истории русского дворянства) // Библиографические записки. 1892. № 1. - С.14. Гюнтер Штокл утверждал, что по крайней мере в начале XVII века значение термина «чин» приблизительно соответствовало «сословию», что некоторые авторы обозначали чин польским словом «стан» (что означало «сословие») и что отсутствие у термина «чин» дополнительного значения «сословие» в более позднее время не обязательно означает, что такого смыслового оттенка не было никогда. - Stökl, «*Gab es im Moskauer Staat Stände?*», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, новая серия, 11 (1963). P. 321-342. Н.-J.Torke верно отметил, между тем, что случайным наблюдениям иностранцев не следует придавать большого значения (а Штокл в основном и полагался на такие свидетельства),

Разделенные на целый спектр категорий, иерархически ранжированные согласно системе местничества, военные и служилые классы едва ли представляли собой единый и сплоченный социальный слой. Напротив, они включали не только владельных бояр и титулованных аристократов, московскую и провинциальную (городовую) знать, но и значительное количество периферийных групп, таких, например, как однодворцы и стрельцы.

Этот «беспорядочный порядок» претерпевал существенные изменения с конца XVII по начало XIX вв., что вызывало значительные перемены и в терминологии, и в осмыслении терминов. Конечно, традиционный «чин» исчез не сразу. Напротив, вначале этот термин приобрел более широкое значение (стал использоваться в отношении большего числа общественных категорий), и вплоть до 1760-х гг. он оставался наиболее употребительным термином, а периодически возрождался и позднее. Но термин «чин» явно не подходил для обозначения больших общественных групп: отчасти потому, что его традиционно применяли только к духовным и светским служилым классам, отчасти - из-за использования его в новом значении в петровской «Табели о рангах», а отчасти - по той причине, что термин «чин» относился только к мужчи-

особенно в силу того, что категория «чин» была несколько не похожа на европейское «сословие». См. Torke, *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613-1689* (Leiden, 1974). P. 271-283. Более того, по контрасту с традиционной сословной парадигмой в европейской истории логика социальной стратификации в России подчинялась совершенно другому принципу – важны были не привилегии или места постоянного проживания подданных, но форма исполнения обязанностей по отношению к государству, которая определяла основное разделение общества на категории служилых, освященных, тяглых (платящих подать) и нетяглых (не платящих подать) людей. Документы XVII века обычно применяют термин «чин» только по отношению к привилегированной элите, состоявшей из 23 духовных и гражданских рангов. В отношении всего остального общества указания либо полностью отсутствуют, либо сводятся к широким неопределенным формулировкам типа «Русская земля». См. Torke, *Staatsbedingte Gesellschaft*. P. 273; Werner Philipp, «Zur Frage nach der Existenz altrussischer Stände», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 27 (1980). P. 64-76.

Согласно Ключевскому, термин «служилые люди», встречающийся в историографии, неизвестен по московским источникам: см. Ключевский В.О. *Терминология русской истории // Сочинения*. Т.6. - С.157. Еще более анахроничным в отношении общественного порядка допетровской Руси является термин «служилое сословие». См., например, Павлов-Сильванский Н.П. *Государевы служилые люди*. Изд. 2-е. Спб., 1909; Richard Pipes, *Russia under the Old Regime* (London, 1974). P. 86.

не, состоявшему на службе, но не к его семье и зависимым от него лицам¹⁵. Потребность в новой социальной терминологии стала особенно очевидной в 1760-е годы, когда правительственные чиновники стали придавать значение развитию «третьего сословия» (*tiers état*). Хотя писатель Д.И.Фонвизин и пытался перевести «*tiers état*» с помощью модификации традиционного термина «чин» (как «третий чин»), большинство советников ощущало необходимость в новом, более выразительном названии. Один из екатерининских придворных, Г.Н.Теплов, пытался по-разному переводить «*tiers état*», используя то вульгаризацию немецкого термина – «средний штат людей», то заимствование из польского – «третий стан людей». Термин, возобладавший на практике – «средний род людей», – был настолько лишен социальной специфики, что вряд ли годился для обозначения сословия; однако именно он был использован Уложенной Комиссией 1767-1768 гг. В последующие десятилетия появился целый ряд терминов, что отражало потребность в более выразительном социальном лексико-

¹⁵ См. Н.А.Беннетт, «Evaluation of the Meanings of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Bolshevik Revolution», *California Slavic Studies*, 10 (1977). Д. 1-43. Примеры употребления термина «чин» в 1760-х гг. см.: Новиков Н.И. Трутень (1769) // Сатирические журналы Н.И.Новикова / Под ред. П.Н.Беркова. М., 1951. - С.164; Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века / Под ред. И.Я.Щипанова: В 2 т. Т.1. М., 1952. - С.299. Признание более широкого значения слова «чин» все еще отмечается в словаре середины XIX века; Словарь церковнославянского и русского языка: В 4 т. Т.4. Спб., 1847. - С.440. Типичный пример ограниченного значения слова «чин» – в отношении социальных групп, не платящих подать, где ответственное учреждение (ведомство) подразумевается наряду с самой социальной группой см: Наказ 1767 года Сената Законодательной Комиссии // Сборник Императорского русского исторического общества (далее СИРИО): В 148 т. Т.43. Спб., 1867-1916. - С.16. Говоря вкратце, петровская «Табель о рангах» предшествовала трансформации значения слова «чин» от обозначения должности к обозначению личного титула. Например, Д.И.Фонвизин различал термины «звание» (как «должность») и «чин» (как «степень чести, на которую государь достойных людей возводит»). См. Фонвизин Д.И. Опыт российского словника // Русская литература XVIII века / Под ред. Г.П.Макогоненко. Л., 1970. – С.352. Ценный анализ этого изменения см. в Н.-J.Torke, «Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 13 (1967). P. 51-53. Десницкий использовал термин «звание» для описания дворян, купцов и т.д., но как индивидов, а не в качестве членов той или иной социальной общности: Десницкий С.Е. Представление о учреждении... - С.297.

не¹⁶.

¹⁶ Об общей заинтересованности в учреждении третьего сословия в России см. Hildermeier, «Bürgertum und Stadt in Russland», pt. 1; David M. Griffiths, «Eighteenth-Century Perception of Backwardness: Projects for the Creation of a “Third Estate” in Catherinean Russia», *Canadian-American Slavic Studies*, 13 (1979). P. 452-472; Robert E. Jones, «Jacob Sievers, Enlightened Reform, and the Development of “Third Estate” in Russia», *Russian Review*, 36 (1977). P. 424-437; Троицкий С.М. Дворянские проекты создания «третьего чина» // *Общество и государство в феодальной России*. - С.226-236. Фонвизин предложил свой термин при переводе книги М. de Boulard «Précis de la liberté de la noblesse française et sur l'utilité d'un tiers état»; см. Фонвизин Д.И.

Краткое изложение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина // *Архив кн. Воронцова*. Т.26. М., 1882. - С.315-324. В отношении очерка Теплова, который был ошибочно приписан М.В.Ломоносову, см. Неизвестное сочинение Ломоносова «О коммерции» // *Беседа*. 1872. № 1. - С.167. Теплов использовал польский термин «стан» в своей фразе «третий стан людей, т.е. мещанский». Термин «стан» спорадически появлялся в XVIII столетии. См., например, утверждение В.Н.Татищева, что дворянство представляет собой «главный и честнейший стан государства»: Татищев В.Н. *Лексикон*. Ч.2. Спб., 1793. - С.120, а также Алефиренко П.К. *Социально-политические воззрения В.Н.Татищева* // *Вопросы истории*. 1951. № 10. - С.106. Официальное предложение создать новую городскую общность носило название «Проект законов о правах среднего рода жителей»; СИРИО. Т.36. - С.179-232. Кроме того, некоторые современники пользовались названием «нижний род» для определения более низких социальных слоев; Десницкий С.Е. Представление о учреждении... - С.318. Относительно использования термина Г.Коробиним в ходе работы Уложенной Комиссии 1767 г. см. Избранные произведения русских мыслителей... Т.2. - С.63. Интересным переходным результатом этого поиска был гибридный термин «чиносостояние», который предназначался для обозначения как официального ранга, так и общественного статуса. Пример использования этого термина см. в реформаторском предложении, относящемся к 1801 г.: Радищев А.Н. *Проект для разделения уложения российского* // Радищев А.Н. *Полн. собр. соч.*: В 3 т. Т.3. М., 1952. - С.167. Слово «класс» также появляется примерно к этому времени; этот термин был заимствован из классической литературы, где использовался в нейтральном значении «категория». См., например, обращение депутата Уложенной Комиссии 1767 г.: СИРИО. Т.4. - С.180. Относительно предложенного М.Сперанским термина «класс людей рабочих» см. его «Введение к уложению государственных законов» (1809 г.): Сперанский М.М. *План государственного преобразования*. М., 1905. - С.65. О развитии этого термина на Западе, где он впервые появляется в XVII столетии в значении «категория», см. Peter Calvert, *The Concept of Class: An Historical Introduction* (London, 1982). Конкретные примеры см. R.Mousnier, «D'Aguessau et le tournant des Ordres aux classes sociales», *Revue d'histoire économique et sociale*, 49 (1971). P. 449-464; и R.J.Morris, *Class and Class Consciousness in the Industrial Revolution, 1780-1850* (London, 1979). Имеет важное значение то обстоятельство, что в то время, когда западно-европейское общество переходило от «сословного» понятийного аппарата к «классовому», Россия все еще искала отечественный эквивалент понятиям «état» и «Stand».

Как бы то ни было, к последней четверти XVIII века как традиционный «чин», так и различные нововведения были в основном вытеснены двумя терминами, использовавшимися в официальном законодательстве до самого конца императорского правления в России: «состояние» и «звание»¹⁷. Хотя оба этих слова использовались одновременно и могли даже употребляться как взаимозаменяемые, «состояние» стало преобладающим термином. Первоначально имелась тенденция обозначать данным термином не более чем «статус» или «положение» без специального указания на какую-либо определенную общественную группу, но постепенно он стал обозначать «группу с определенным законом статусом» и относиться к любой социальной категории, привилегированной или нет. Преобладание этого слова сохранялось долгое время, особенно в официальном правительственном употреблении, где оно оставалось основным юридическим термином вплоть до конца царского режима¹⁸.

Однако, хотя термин «состояние» и преобладал в официальном законодательстве, ему приходилось конкурировать с термином «сосло-

¹⁷ Термин «звание» получил довольно широкое распространение, но он преимущественно ассоциировался со специфическими группами, выделенными по роду занятий; он являлся более растяжимой версией термина «чин» и мог применяться как к непривилегированным, так и к элитным группам, как к широким статусным группам, подобным духовенству (духовное звание), так и к отдельным родам занятий внутри более широкой группы. Например, закон 1760 года говорит о различных «званиях» крепостных; Полное собрание законов Российской Империи. Изд. 1-е. (далее ПСЗ 1): В 45 т. Спб., 1830. Т.15. - С.11166. В отношении дополнительных свидетельств использования термина см. Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Л., 1964. - С.118; Пискарев И. Древние грамоты и акты Рязанского края. Спб., 1854. - С.170; Речь Государыни Императрицы Екатерины II // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. Отд. 5. - С.187-188; СИРИО. Т.36. - С.179; Новиков Н.И. Трутень (1769) // Сатирические журналы... - С. 164.

¹⁸ Отметим, например, упоминание П.А.Третьяковым «людей высшего и низшего состояния» в его произведении «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1763) // Избранные произведения русских мыслителей... Т.1. - С.338. В 1760-х годах А.И.Поленов писал, что в России не было «среднего состояния» (Поленов А.И. О крепостном состоянии крестьян в России // Русский архив. - 1865. - № 3. - С.297-316. О термине «состояние» см., например, Новиков Н.И. Трутень (1770) // Сатирические журналы. - С.212. Использование термина в государственном указе от 20 февраля 1803 см. ПСЗ 1. Т.27. - С.20620.

О проектах политических реформ, относящихся к 1818 г., см. Шильдер Н.К. Император Александр I. Изд.2-е. Т.4. Спб., 1905. - С.522. Комиссия 6 декабря 1826 г., разработавшая проект манифеста о различных общественных категориях и их нуждах, использовала слово «состояние» для обозначения четырех основных сословий империи. В подготовленном комиссией «Проекте дополнительного закона о состояниях с принадлежащим к нему приложением» утверждалось: «Коренными государства Нашего законами издревле установлены в нем четыре главных состояния: дворянство, духовенство,

вие», гораздо более насыщенным по значению и семантическому потенциалу. Этимология и лексическая история слова «сословие» содержат важную информацию по истории общественной структуры и социального мышления в дореволюционной России. Хотя смысловое значение его корня было предметом некоторых разногласий, первоначально данное слово обозначало нечто вроде «скопления, собрания» или «сборища» людей, то есть некую общность людей без какого-либо указания на наличие формальной организации. Именно в таком широком смысле – «собрание» – данный термин встречается до последней трети XVIII века. Однако к концу XVIII века он приобретает более абстрактный дополнительный оттенок и начинает обозначать не только «собрание» в узком смысле, но также «организованное общество» или «общину». В течение нескольких последующих десятилетий понятие «общества» стало более широким, и, таким образом, слово «сословие» приобрело дополнительное значение: «официальная общественная организация с четко установленным членством»¹⁹.

Это дополнительное значение привело к резкому изменению семантики этого слова в первом десятилетии XIX века, когда оно стало также обозначать «правительственный орган» и «корпоративную группу, на-

гражданство и крестьянство»; СИРИО. Т.90. - С.363. Этот аморфный, но достаточно гибкий термин также появляется в Своде законов Российской Империи: Свод законов... Т.9. Кн.1. - Ст. 2.

¹⁹ По поводу более ранней этимологии слова см. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. М., 1956. - С.822; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3. М., 1973. - С.726; Preobrazhenskii A.G., *Etymological Dictionary of the Russian Language*, 3 (New York, 1951). P. 360. Определение собрания как социальной общности появляется в словаре П.А.Алексеева, впервые опубликованном в конце XVIII века и часто переиздававшемся впоследствии: Алексеев П.А. Церковный словарь: В 5 ч. Изд.4-е. Спб., 1817-1819. Термин «сословие» в этом смысле появляется в работах Феофана Прокоповича, церковного писателя начала XVIII века:

Русская литература... - С.49. М.М.Щербатов использовал термин «сословие» в смысле «общество» в 1767 г. в своей речи в Уложенной Комиссии: он утверждал, что низшие городские слои («мещане») не образуют подлинное сословие или общину, несмотря на то обстоятельство, что многие горожане называют себя мещанами. Он предлагал предпринять определенные меры, чтобы создать такое сословие на городском уровне, имея в виду, очевидно, организованную общину в городе (а не группу с наследственным юридическим статусом, то есть не «сословие» в более позднем смысле слова). См. СИРИО. Т.8. - С.66-67.

Аналогично этому в книге, опубликованной в 1763 году, архиепископ Рязани Палладий (Раев) выразил надежду, что его сборник молитв хорошо послужит всему «сословию христианскому». См. Палладий (Раев). Собрание разных поучительных слов, сказываемых в высокотожественные дни, в некоторые господские и богородичные праздники. Т.1. Спб., 1763. - С.2. В обоих случаях термин употребляется в переносном смысле, а его значение несколько шире и носит

деленную юридическими правами». Слово «сословие» в значении «правительственный орган» употреблялось непосредственно в отношении официальных государственных учреждений, например, в отношении Сената или даже тех квазипарламентских учреждений, которые предлагал создать М.М.Сперанский (сам он при описании своих реформаторских проектов использовал термин «сословие» и в значении «собрание», и в значении «правительственный орган»)²⁰. Одновременно слово «сословие» появилось также в неформальном употреблении в значении «корпоративная группа, обладающая официально закрепленными в законе правами и обязанностями». Екатерина II использовала слово «общество» для обозначения корпоративных организаций, учрежденных ею в 1785 году для дворян и горожан, поэтому дополнительное значение слова «сословие» («сословие-общество») делало его подходящим для описания этих новых общностей, особенно учитывая то обстоятельство, что «сословие» также обозначало «правительственный орган» и

более обобщающий характер, чем значение традиционного слова «собрание». Еще более широким было значение термина «сословие», приведенное во втором издании Академического словаря, где сословие трактовалось не только как «собрание», но также как и «общество, состоящее из известного числа членов». - См. Словарь Академии Российской: В 6 т. 2-е изд. Т.6. М., 1822. - С.395. Важно, что первое издание словаря содержало только традиционное значение - «собрание» - и опускало более новое и более формальное определение. См. Словарь Академии Российской: В 6 т. Т.5. Спб., 1793. - С.544. Яркой иллюстрацией использования термина в новом значении стало эссе, написанное в 1802 г. В.В.Попугаевым, который использовал «сословие» как синоним «общества», описывая литературное общество, к которому он принадлежал. См. Попугаев В.В. Речь на день чрезвычайного собрания июня 15 дня 1802 года // Русские просветители (от Радищева до декабристов) / Под ред. И.Я.Щипанова: В 2 т. Т.1. М., 1966. - С.389.

²⁰ В отношении Сената см. ПСЗ 1. Т.27. - С.20405. В реформаторском проекте Сперанского, созданном в 1809 г., термин «сословие» используется для описания «законодательного сословия» и «судебного сословия» Здесь, таким образом, «сословие» примерно соответствует понятию «учреждение». Сперанский М.М. План государственного преобразования. М., 1905. - С.32-33, а также Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н.Валк. М., 1961. - С.178-189. Сходное употребление появляется в книге А.П.Куницына «Право естественное», написанной в 1818-1820 гг., где «сословие» обозначает «официальное учреждение»; Русские просветители. Т.2. - С.330. Аналогичное употребление термина встречается в 1832 году в «Своде законов», в разделе, посвященном духовенству, в котором слово «сословие» используется не для обозначения духовенства в целом, но в отношении церковных институтов - монастырей, церквей и епископальных резиденций как юридических лиц. - Свод законов. Т.9. Кн.1. - Ст. 2. Разд. 4.

«учреждение»²¹. Такое лексическое развитие позволяет провести поучительное сравнение с европейскими моделями: подобно французскому *état* и немецкому *Stand*, русское слово «сословие» сочетало этимологические идеи «госу-дарственного института» и «общественной группы» с тем только значительным отличием, что в России процесс развития термина завершился столетиями позже и принимал гораздо более сложные и динамичные формы²².

Слово «сословие» в этом значении наиболее адекватно подходило для обозначения дворян и горожан, которые со времен екатерининских реформ 1785 года фактически имели определенный корпоративный статус и организацию²³. Но употребление данного термина постепенно расширялось, и к 1820-м годам слово «сословие» могло использоваться в отношении всех социальных групп: не только в отношении четырех основных сословий, но и в отношении других общественных категорий²⁴. В 1847 году термин «сословие» в значении корпоративной груп-

²¹ ПСЗ 1. Т.22. - С.16187 (законодательный акт от 21 апреля, 1785).

Термин «общество» также использовался для описания купечества как группы в 1-м издании Академического словаря. См. Словарь Академии Российской. Изд. 1-е. Т.3. - С.1072. Любопытный случай употребления термина в двойном значении встречается в работах И.П.Пнина, который использовал термин «сословие» для обозначения государственных институтов, а также в своем педагогическом «Руководстве к просвещению» для обозначения «главнейших государственных сословий в России, кои суть земельческое, городское, дворянское и духовное». - Русские просветители. Т.1. - С.197, 205, 213.

²² Хотя значение слова *état* самоочевидно, следует отметить, что немецкое *Stand* возникло в XV веке и производится от слова, обозначающего «государство». См. Н.Л.Mikoletzky, *Grundbegriffe der Geschichte* (Gütersloh, 1964). P.371-377.

²³ Хотя исключения и существовали (например, использование термина «сословие» у Пнина), в 1800-1810 гг. данный термин скорее применялся только по отношению к мещанству и – особенно - к дворянству. В указе от 1807 года упоминаются дворянство и мещанство как «два сословия», а во 2-м издании Академического словаря слово «сословие» появляется только в качестве определения дворянства и мещанства, но не применяется к крестьянству и духовенству (в отношении которых использовалось слово «состояние»). См. ПСЗ 1. Т.19. - С.22148 и Словарь Академии российской. Т.2. - С.39, 284; Т.3. - С.405, 951. Особенно часто слово «сословие» использовалось для описания дворянства; см., например, разнообразные циркуляры Министерства просвещения. – Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 9. - С.90-91. Об использовании термина в произведениях А.С.Пушкина см.: Словарь языка Пушкина. Т.4. М., 1961. - С.244.

²⁴ И анонимный автор петиции, датированной 1825 годом, и глава Третьего отделения в 1827 году использовали слово «сословие» по отношению к крестьянст-

пы, наделенной юридическими правами, появился в словаре Императорской Академии наук, где он трактовался как «разряд людей какого-либо звания, отличающийся от прочих особыми правами и обязанностями»²⁵. Хотя слово «сословие» редко использовалось в официальной юриспруденции, оно, тем не менее, вошло в лексикон образованной публики 1840-1850-х годов, преимущественно под влиянием «государственной школы» в исторической науке, которая внесла в концепцию сословия свои специфические идеи о природе государства и общественного развития²⁶.

Однако термин продолжал приобретать дополнительные смысловые оттенки, в частности, оттенок «каста», что подчеркивало эндогамный характер и культурную обособленность сословий, значительно углубляющую различия в их правовом статусе²⁷. Действительно, когда в нача-

ву. Текст петиции см.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. - С.130. Высказывание Бенкендорфа см.: Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827-1830 гг. // Красный архив. 1929.

№ 37. - С.152. Более гибкое употребление термина мы встречаем у Н.С.Мордвинова, который увеличил число сословий с четырех до пяти; он писал, что наилучшим разделением людей является деление на сословия: дворянство, духовенство, купечество, горожане и крестьянство; Архив графов Мордвиновых. Т.9. Спб., 1903. - С.54. Гораздо более интересно использование слова «сословие» применительно к таким группам, как врачи и чиновники. Само правительство прибегало к слову «сословие», говоря о врачах, так как юридическая врачебная клятва называла их сословием - в значении корпоративной группы; Nancy M. Frieden, *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905* (Princeton, N.J., 1981). P. 327.

Чиновники (государственные служащие) фигурируют как «сословие» в отчете Третьего отделения за 1827 год и в более поздних работах таких представителей интеллигенции, как В.Г.Белинский, А.И.Герцен и Н.Г.Чернышевский. См.: Граф А.Х.Бенкендорф. - С.150; Белинский В.Г. Собр. соч. Т.2. М., 1948. - С.834-835; Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Соч. Т.4. М., 1956. - С.252 и Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.10. М., 1951. - С.101.

²⁵ Словарь церковнославянского и русского языка. Т.4. - С.190.

²⁶ Слово «состояние» оставалось основным термином в Своде законов. «Сословие» появлялось нечасто; если же оно использовалось, то только в значении официального института. Вкратце об этом см. Сословие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т.60. Спб., 1900. - С.911.

Достаточно показателен тот факт, что в четырехтомном указателе ко второму изданию Полного собрания законов Российской Империи за период 1825-1881 гг. слово «сословие» даже не указано.

²⁷ О критике в адрес духовенства за организацию, подобную кастовой, в конце 1850-х, см. G.L.Freeze, *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform* (Princeton, N.-J., 1981), chap. 5. Также см. сожаления П.А.Валуева, высказанные в 1859 г. по поводу того, что русское дворянство должно подвергнуться преобразованию «из касты в

ле 1860-х годов В.И.Даль составлял свой классический словарь русского языка, он посчитал необходимым включить слово «каста» в качестве одного из определений в словарную статью «сословие»²⁸. Это дополнительное значение, явно уничижительное, возникло в самый разгар Великих реформ, когда и государство, и общество искали пути возрождения России и устранения всего того, что препятствовало ее росту и развитию. Поскольку реформаторы постоянно сравнивали Россию с Западной Европой, не удивительно, что они критически смотрели на наследственные сословия. Реформаторы стремились к постепенному демонтажу этого общественного порядка, поэтому слово «сословие» достигло последней фазы своего семантического развития, став основным термином для описания социального устройства поздней императорской России.

Этот экскурс в *Begriffsgeschichte* позволяет сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, использование термина «сословие» (по крайней мере использование его без каких-либо уточнений) в отношении периода до начала XIX века является явным анахронизмом. Конечно, запоздалое появление данного термина не обязательно означает, что его нельзя применять при изучении предшествующего исторического периода. Общественное явление может возникнуть ранее, чем термин для его описания, как это случилось, например, со словом «интеллигенция»²⁹. Однако появление термина «сословие» внесло решительное изменение в существовавшее положение, поскольку оно не только свидетельствовало о восприятии современниками нового порядка, но также устанавливало определенные барьеры, отделявшие одну социальную группу от другой. Новый термин, таким образом, формировал и структурировал важную часть социальной реальности: к категориям родства, рода занятий и правового статуса введение термина «сословие» добавляло корпоративность и особую культуру. Если термин «сословие» применять ретроспективно в отношении наследственных общественных слоев конца XVIII века, то он должен использоваться только в таком узком смысле и его следует четко отличать от более позднего общественного

государственное сословие в рациональном смысле»; Валуев П.А. Дневник // Русская старина. 1891. № 10. - С.146.

²⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е. Т.4. Спб., 1909. - С.409.

²⁹ Исчерпывающее исследование этимологии понятия «интеллигенция» мы находим у Otto W. Müller, «Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes», Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, № 17 (Frankfurt, 1971); Alan Pollard, «The Russian Intelligentsia», California Slavic Studies, 3 (1964). P. 8-19.

явления – корпоративной группы с определенной культурой, правовым статусом и социальной идентичностью.

Во-вторых, лексическая история термина наводит на мысль, что некоторые традиционные представления относительно роли российского государства в создании сословий должны быть пересмотрены. Аморфное и неуверенное развитие правовой терминологии указывает на то, что государственная социальная политика и государственное мышление до начала XIX века были, по существу, бессистемными. На то было много оснований – от внеправового статуса крепостных до груза традиционных представлений; но главное заключается в том, что государство в XVIII веке не сформулировало и не пыталось создать «четырёхсословную модель». Уложенная Комиссия 1767-1768 гг. игнорировала целые социальные категории (не только крепостных, но и духовенство), а екатерининские Жалованные грамоты 1785 г. затрагивали только две особо выделенные социальные группы – дворянство и горожан, причем оставляли простор для двусмысленных толкований³⁰. Причиной двусмысленности были не просто капризы и пристрастия императрицы: ключевые фигуры того времени, и «прогрессивные», и «реакционные», и входившие в правительство, и не входившие в него, были склонны мыслить в рамках традиционных общностей и не упоминать целые социальные группы при перечислении категорий населения³¹. Дело было не просто в словах, поскольку в конкретных случаях государство обращалось с каждой социальной группой на особых основаниях. Оно формулировало свою политику, изменяло правовой статус этих групп и даже применяло термин «сословие», не пытаясь охватить все социальные слои рамками четырёхсословной системы. Хотя некоторые меры

³⁰ Верно, что в 1765 г. Екатерина в частном порядке писала о своем намерении установить «toutes [sic] sortes d'état dans mon Empire», но ни в ее более поздних письменных высказываниях, ни в законодательстве не просматривается какая-либо систематическая концепция общественного устройства. - Письма имп. Екатерины II к г-же Жоффрей // СИРИО. Т.1. – С.276.

³¹ Сочинение А.Н.Радищева конца XVIII века «Опыт о законодательстве» наводит на размышления. Радищев отмечал, что «в России народ разделяется на три главных состояния: духовенство, воинство и гражданство». Две первые категории представляют собой узнаваемые версии традиционных понятий «духовный чин» и «служилые люди», а «гражданство» у Радищева обозначало не «бюргерство», а различные сословия: дворянство, купечество и мещанство, дворцовых и государственных крестьян, крепостных и «вольных людей»; Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т.3. – С.9. К 1801-1802 гг. Радищев изменил свою модель в лучшую сторону. В «Проекте для разделения уложения российского» он выделил пять «сословий или чиновостояний», что свидетельствует об эволюции его мысли от чинов к сословиям. Его пять сословий включали общепринятые четыре

(от введения подушной подати до создания корпоративных органов самоуправления) и привели к упорядочению социальных категорий, данное обстоятельство не стоит переоценивать, как это традиционно делали историки, создавая представление о якобы продуманной и последовательной политике государства, направленной на создание в России сословного порядка по западным образцам.

В-третьих, изменения в терминологии позволяют предложить иную концепцию развития социальной структуры дореформенной России (то есть России до периода Великих реформ 1860-х годов). Сословная система, рассматривать ли ее со стороны правовой, социальной или культурно-психологической, в первой половине XIX века обретала зрелость, а вовсе не приходила в упадок и не распадалась. Как показывает лексическая история, понимание и осмысление социальных категорий существенным образом изменилось с 1775 по 1850 гг. – от личной идентификации (чин) к групповой (сословие), от строго юридических определений до масштабов касты и культуры. Какова бы ни была жизнеспособность созданных Екатериной корпоративных сообществ, впоследствии социальные группы обретали все более четкие правовые и культурные формы, и, таким образом, ко времени Великих реформ сословия становились все более, а не менее различимыми в обществе³². В этом смысле в первой половине XIX века наблюдался процесс формирования сословий, а не их упадок, как считали историки ранее. Моя концепция представляет собой радикальный разрыв с традиционной периодизацией социальной истории России, – я датирую ее важнейший переломный этап не 1700-ми, а 1800-ми годами. Но такой радикальный пересмотр необходим, если исследователи социальной истории России хотят освободиться от мертвого груза идей «государственной школы», если мы

сословия; пятое же было всеобъемлющим: «роды людей, к первым четырем отделениям не принадлежащие, имеющие особые права, временно или всегда». И, по контрасту с более ранним своим предложением, Радищев теперь заявлял, что военные «не составляют истинного государственного сословия» (Указ. соч. – С.167). Подобным же образом при перечислении различных государственных сословий два писателя начала девятнадцатого века – М.М.Сперанский и Н.М.Карамзин - исключили духовенство из своих списков: не из чувства антипатии, а по причине недостаточного опыта систематичного социального мышления. См. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. Спб., 1914. - С.127; Сперанский М.М. План государственного преобразования. - С. 63.

³² Вслед за бароном С.А.Корфом большинство историков подчеркивало нежизнеспособность екатерининских реформ, как и то, что корпоративные органы дворянства были безнадежно бюрократизированы. См. Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. Спб., 1906.

считаем, что историю общества следует описывать скорее «снизу», нежели «сверху».

Перейдем теперь от вопросов терминологии к собственно общественному устройству дореформенной России. По данному вопросу в историографии существует два традиционных утверждения: о существовании в России четырехсословной парадигмы и о главенствующей роли государства в создании «искусственных» сословий.

В качестве описательной модели четырехсословная парадигма явно несовершенна. Исходное юридическое деление в дореформенной России производилось не по сословиям, а по другим социальным и юридическим признакам – население делилось на тех, кто облагался подушной податью, и тех, кто ею не облагался. При всех усовершенствованиях в Своде законов, касавшихся статуса различных групп, именно система подушной подати создавала величайший разрыв между привилегированными и непривилегированными россиянами. В прямом смысле социальная политика государства была направлена не на формирование сословий, а на определение того, какая группа населения будет внесена в реестр облагаемых подушной податью («подушный оклад»), а какая будет из него исключена. Сама по себе уплата подати была не так важна, как запись в подушный оклад, так как она влекла за собой понижение юридического статуса (включая подверженность физическим наказаниям), важные ограничения в правах (например, ограничение права передвижения) и тягостные обязанности (в особенности обязанность поставлять рекрутов). Статус плательщика подати также лишал человека неограниченного права на мобильность как в социальном, так и в географическом смысле³³. Неудивительно, что запись в подушный оклад – по праву рождения, в результате наказания по закону или в результате социального или экономического банкротства – была одновременно и статусом, и клеймом; естественно, что не состоящие в нем лица всячески этого избегали³⁴. Разделение общества по признаку уплаты

³³ Облагаемые подушной податью члены общества должны были получить у своего сборщика податей разрешение уехать или изменить свой статус, что представляло собой важнейшее препятствие для увеличения социальной мобильности, как это видно из истории духовенства. См. Ден Ф.Е. Податные элементы среди духовенства России в XVIII в. // Известия Российской Академии наук. 1918. № 5. – С.267-292; № 6. – С.413-444; № 7. – С.679-708; № 13. – С.1357-1379; № 14. – С.1517-1548.

³⁴ Значимость разделения общества на платящих подушную подать и не платящих ее была отмечена, например, в ходе открытых дискуссий о реформе духовного сословия в 1860-х гг. См. Freeze, Parish Clergy. P. 313-314. Аналогичным образом большая часть дискуссий о городской реформе,

или неуплаты подушной подати, сохранявшееся вплоть до военных и налоговых реформ 1874-1887 гг., заложило основу для существования двух глубоко различных иерархических социальных групп. Еще более важно то обстоятельство, что традиционная историография, подчеркивая процесс объединения «чинов» в сословия, не обращала внимания на фундаментальную преемственность социальной структуры Московской Руси и императорской России, поскольку податное деление было в своей основе усовершенствованной версией более раннего разделения населения Московского царства на «служилые» и «податные» сословия. Хотя статус отдельных групп, например церковнослужителей или однодворцев, и менялся, в целом общественная структура в XVIII веке (как и социальный лексикон) оставалась ближе к системе XVII, чем XIX века.

Существует и еще более фундаментальная проблема в отношении четырехсословной парадигмы: ни в XVIII, ни в XIX вв. «сословия» в восприятии общества не были простой иерархией четырех социальных групп, даже на уровне чисто юридических терминов. Напротив, они представляли собой неизмеримо сложные скопления социальных категорий с многочисленными и отчетливыми внутренними подразделениями. Несомненно, что степень консолидации социальных групп в четкую систему больших статусных категорий была значительно преувеличена. Свод законов намекает на эту глубинную сложность общества в тех случаях, когда его составителям приходится прибегать к выражениям типа «городские обыватели» или «сельские обыватели» для обозначения горожан и крестьян, которые и в юридическом, и в общественном смысле представляли собой скопление многообразных, четко выделяемых наследственных сословий со своим особым правовым статусом. Например, категория «сельские обыватели» включала государственных крестьян, удельных крестьян, крепостных, экономических крестьян (то есть крестьян, находившихся в ведении государственного учреждения – Экономической коллегии) и ряд иных, меньших по численности наследственных групп: ~~однодворцев, приписных, посессионных и~~ проходивших между 1785 и 1830 гг., касалась статуса купечества, представители которого освобождались от подушной подати лишь до тех пор, пока у них имелся капитал, достаточный для регистрации в одной из трех гильдий; тем не менее в случае финансовых осложнений они вновь «записывались в податные сословия» со всеми вытекающими из такого положения ограничениями и тяготами. Как отметил Комитет 6 декабря 1826 года, по вполне понятным причинам купцы делали все, что было в их силах, чтобы добиться для себя или для своих детей дворянского звания; процесс этот не только увеличил ряды дворянства, но также лишил городское население самых динамичных его элементов; СИРИО. Т.90. – С.364-365. Именно осознание этой проблемы заставило государство в 1832 году создать новую статусную группу - «почетное гражданство».

ственных групп: однодворцев, приписных, посессионных и ясачных крестьян. Поэтому несомненно, что (по крайней мере, в некоторых случаях) «сословие» – понятие, которым обозначались наследственные социальные группы, – предстает как подразделение внутри определенного «состояния», то есть группы, положение которой в обществе определялось исключительно ее правовым статусом³⁵. Таким образом, даже на уровне юридической терминологии государство не учреждало системы четырех сословий, – скорее оно учредило четыре юридических состояния, включавших в себя целый мир из многих различных сословий.

Более того, эти группы отличались друг от друга не только статусом, но также принципами определения принадлежности к группе и социальным обликом. Поэтому некоторые группы, обозначенные и в законе, и в расхожем словоупотреблении как «сословия», не были даже наследственными: принадлежность к ним достигалась путем личного выбора, индивидуальных заслуг или официально признанных экономических успехов³⁶. Еще более своеобразными были профессиональные группы, сформировавшиеся в первой половине XIX века, получившие корпоративный статус, но лишь в слабой степени связанные наследственным происхождением. Наконец, в то время как по всем сословиям наблюдалась значительная внутрисословная вариация экономического положения и рода занятий их членов, более мелкие группы, например, казачество, солдаты, евреи и другие меньшинства, фактически представляли собой скорее «подгруппы», нежели социальные слои³⁷.

³⁵ О примере такого употребления см. «Проект дополнительного закона о состоянии», где крестьянское «состояние» подразделялось на два «сословия» – казенных крестьян и крестьян помещичьих; СИРИО. Т.90. - С.366. Как свидетельство неизбежно возникающих здесь сложностей см. рассуждения Преображенского в его эссе «Об эволюции». Он также подчеркивал необходимость большего внимания к этой проблеме: Преображенский А.А. Изучение в десятой пятилетке социально-экономической и политической истории СССР периода феодализма // История СССР. 1981. № 6. - С.82.

³⁶ Это наиболее очевидно проявлялось в купеческом сословии: купцы вступали в гильдии – объединения с соответствующими привилегиями и корпоративной организацией – просто при наличии у них определенного минимального «объявленного» капитала. Как было сказано выше, такой статус было легко потерять в случае финансовых неудач и, более того, его следовало ежегодно подтверждать. Примеры других своеобразных сословий см. в исследовании Коркунова о личном дворянстве, духовенстве и почетных гражданах; Коркунов Н.М. Русское государственное право. – С. 279, 307.

³⁷ Наследственность профессий, несомненно, приветствовалась, но этого было недостаточно для удовлетворения потребности в тех или иных специальностях. См., например, работу Л.А.Булгаковой о государственной политике в отношении землемеров, агрономов, лесничих, врачей и так далее; Булгакова Л.А. Сословная политика в области образования во второй чет-

Как показывает этот краткий очерк, в XVIII и XIX веках происходил не просто процесс объединения средневековых чинов в сословия, как это утверждают приверженцы традиционной точки зрения. Несомненно, существовала тенденция к слиянию многочисленных социальных категорий в более крупные группы³⁸. Этот процесс особенно очевиден в отношении привилегированной знати, получившей более ясное определение, общественный статус и коллективное название³⁹. Но государство ни в каком смысле не «завершило» данный процесс объединения и унификации. До 1800 г. ему недоставало идеологических и семантических категорий для проведения последовательной и систематической социальной политики, поэтому оно не только мирилось с разнородностью элементов внутри установленных им широких социальных категорий, но также само порождало и юридически оформляло новые наследственные группы внутри данной системы. Так, государство признавало аморфную и неустойчивую категорию «разночинцев» (в нее входили те, кто не принадлежал ни к одной из традиционных групп), а также и мно-

верти XIX в. // Вопросы политической истории СССР. М., 1974. - С.116 -117. Безусловно, анализ экономической дифференциации - обычная составная часть исторических монографий, как, например, в трудах советских историков, усердно стремившихся продемонстрировать стратификацию среди городских жителей и крестьян. Типичные примеры такого анализа: К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII -XVIII вв. М., 1958; Города феодальной России. М., 1966. О формировании казачества как особого сословия см.: Пронштейн А.И. Земля донская в XVIII в. Ростов-н/Д., 1961. - С.107-117; Пронштейн А.И. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. - С.158-173. Об армии см.: Elise Kimerling, «Soldiers' Children, 1719-1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia», Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 30 (1982). P. 61-136. О статусе евреев см. Michael Stanislawski, Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825-1855 (Philadelphia, Pa., 1983). P. 8, 14, 47-48, 125, 184.

³⁸ Общий процесс слияния социальных групп начался в значительной степени в XVII в. и представлял собой попытку упростить систему социальных категорий в фискальных и судебных целях. См., например, Важинский В.М. Введение подушного обложения на юге России в 90-х годах XVII в. // Вопросы социально-экономической истории России XVIII-XIX вв.: Известия Воронежского государственного университета. Вып.127. Воронеж, 1975. - С.88-103.

³⁹ О появлении понятия «шляхетство» в 1712 г. и замене его во второй половине века собирательным термином «дворянство» см.: Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Спб., 1870. - С.503-504.

гие другие подгруппы⁴⁰. Как заметил в середине 1820-х годов один проницательный наблюдатель, «много существует различных Сословий, Состояний или Классов Людей в России»⁴¹.

Несомненно, именно такая социальная динамичность, терпимая и даже поощряемая государством, привела к аморфности, гибкости и усложненности сословной системы. В этом смысле историкам не стоит преувеличивать отсталость дореформенного общественного устройства; хотя оно поверхностно напоминало западную систему сословий, российская сословная структура была намного более дифференцированной и текучей, чем могла бы позволить жесткая «четырёхсословная» парадигма. Хотя исследования уже давно показали возможность социальной мобильности внутри сословий (и противоречивость политики государства, стоявшей за этим явлением), важно также отметить, что и сама сословная система была весьма гибкой, что позволяло создавать новые категории для удовлетворения различных нужд и потребностей государства и общества⁴². Проще говоря, сословная система оказалась вполне адаптируемой к потребностям экономического и социального развития; многовариантная система допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий. Доказательством этой способности к адаптации служило наличие в обществе социальных групп, выделяемых по профессиональному статусу или ремесленной специальности. Таким образом, в первой половине XIX века происходит не только качественный рывок в сфере

⁴⁰ Относительно сложной эволюции термина «разночинцы» см.: Christopher Becker, «Raznochintsy: The Development of the Word and the Concept», *American Slavic and East European Review*, 18 (1959). P. 63-74;

Сидорова И.В. Положение разночинцев в русском обществе (XVIII-первая половина XIX в.). Дис. ...канд. ист. наук. Казанский гос. ун-т, 1982; Вульфсон Г.Н. Понятие «разночинец» в XVIII-первой половине XIX в. // *Очерки истории народов Поволжья и Приуралья*. Вып.1. Казань, 1967. - С.107-124.

⁴¹ Пестель П.И. *Русская Правда // Восстание декабристов*. Т. 7. 1958. - С.150.

⁴² О согласии государства терпеть определенную степень социальной мобильности свидетельствовали дискуссии в Комитете 6 декабря 1826 г., который определил предпочтительным, «чтоб не были закрыты никому пути перехода из одного сословия в другое, но чтоб переход сей совершался в пределах, законом определенных». Заслуживает внимания тот факт, что категория «сословие» используется здесь как подкатегория «состояния», подразумевалось, что движение может происходить внутри четырех «главных состояний», но не между ними; СИРИО. Т.90. - С.367.

Противоречивость государственной политики в данном вопросе - предмет интересного исследования В.Р.Лейкиной-Свирской «Формирование разночинской интеллигенции в России» (*История СССР*. 1958. № 1. - С.83-104). Очевидно, что именно эта социальная мобильность вызвала подъем

терминологии, но также и своеобразная «модернизация» сословий – образование в их рамках более узких статусных групп, выделяемых по роду занятий. Этот процесс был, несомненно, менее динамичным, чем в классовом обществе, но в то же время гораздо менее строгим и негибким, чем считалось ранее.

Второй традиционный аргумент – сословия являлись искусственными созданиями государства и потому были обречены на бессилие – также требует переоценки. Прежде всего, формирование специфических социальных категорий не зависело исключительно от государства; как бы ни была важна его политика в отношении юридического закрепления или установления общественных порядков, царский режим с его пресловутой «недоразвитой бюрократией» был просто не способен конструировать социальную систему, законодательно оформлять ее и управлять ею⁴³. Еще более важно, что отдельные социальные группы (по крайней мере те, которые имели хоть какое-то подобие юридических или экономических привилегий) стремились подчеркнуть или усилить свою обособленность. Так было, например, в случае с духовным сословием: приходское духовенство непосредственно играло важную роль в установлении социальных барьеров, поскольку оно стремилось сохранить ограниченное количество церковных должностей для своего собственного потомства⁴⁴. Так могли действовать и другие группы, защищая свои экономические привилегии (требование купцов о предоставлении им торговой монополии) или же отстаивая свою религиозную и национальную обособленность (еврейский сепаратизм). Характерно, что зачастую именно правительство, – обычно изображавшееся как консервативная социальная сила и как главный создатель сословной системы, – вмешивалось в ситуацию, дабы отвергнуть подобные узкоэгоистические претензии и смягчить общественные порядки. Ведь, в конечном итоге, именно такую цель преследовали жалование дворянского звания людям незнатного происхождения согласно Табели о рангах, государственные меры по изъятию из духовного звания излишнего потомства духовенст-

недовольства в высших кругах в конце николаевского правления, что нашло свое выражение в ужесточении политики Министерства просвещения и в таких предназначенных для внутреннего пользования меморандумах, как записка А.Каминского «О народном просвещении и о главных сословиях в России» (Русская старина. 1903. № 115. - С.177-189).

⁴³ О давнем, но убедительном утверждении о «недостаточной институционализации» дореформенной государственной администрации см.: S. Frederick Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830-1870* (Princeton, N.J., 1972). P. 44-50.

⁴⁴ G. L. Freeze, *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century* (Cambridge, Mass., 1977), chap. 6.

ва, а также государственное решение предоставить крестьянам и помещикам право заниматься торговлей. Наконец, во многих случаях государство просто обеспечивало юридическое признание того, что уже существовало, например, традиционных общественных подгрупп (евреев и казаков), или новых общественных категорий («торгующих крестьян»). Что касается торгующих крестьян, то и само это социальное явление, и появление соответствующего термина в языке предшествовали реформе Канкрин 1824 года, целью которой было не создание новой статусной группы, а лишь определение места этой группы в устоявшемся общественном порядке⁴⁵.

Необходимо также пересмотреть положение о том, что сословия являлись «слабыми» образованиями без какой-либо собственной власти, сплоченности или самосознания, поскольку они были созданы по прихоти государства. Такое убеждение, обязанное своим происхождением императору Николаю I с его критическим отношением к екатерининским корпоративным сообществам и стремлением восстановить бюрократический абсолютизм, проникло в государственную школу историографии и с тех пор стало характерной чертой исследований по социальной истории дореволюционной России. Однако, как это стало ясно в ходе Великих реформ, нежелание отдельных общественных групп добровольно сотрудничать с государством было не вопросом их дееспособности, а скорее проявлением неуступчивости⁴⁶. Но даже ту структуру отношений сословий с государством, которая сложилась еще до противостояния государства и сословий в 1860-х гг., вряд ли следует сводить к простой схеме «бюрократического удушения живых сил народа» – такое политически окрашенное представление возникло в дореволюционной либеральной историографии и с тех пор получило широкое распространение. Как часто отмечали историки, государство обычно стремилось к установлению тесных связей между конкретной общественной группой и конкретным государственным органом. Но взаимодействие между государственным органом и сословием шло в обоих

⁴⁵ Относительно данной важной промежуточной категории см. Hildermeier, «Bürgertum und Stadt in Russland»; D. Morrison, ««Trading Peasants» and Urbanization in Eighteenth-Century Russia: The Central Industrial Region» (Ph.D. dissertation, Columbia University, 1981). Имеется также значительный корпус советской литературы. См., например, Вартаков Г.Л. Купечество и торговое крестьянство центральной России во второй половине XVIII в. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена. Вып.229. Л., 1962. - С.161-192.

⁴⁶ Очевидная ситуация с дворянством представлена в работе: Daniel Field, *The End of Serfdom* (Cambridge, 1976). Для сравнения оппозиции духовенства реформам в 1860-1870-х см. Freeze, *Parish Clergy*, chaps. 7-8.

Сословная парадигма и социальная история России

направлениях: учреждение не только осуществляло влияние на свою «подопечную» группу, но и выражало ее специфические интересы. По сравнению с западными, российским сословиям не доставало автономной общественной организации, однако их тесные связи с государством создавали работоспособную правовую замену таковой автономии, и данная модель прекрасно вписывалась в бюрократическую структуру традиционной власти. Ответственное ведомство, в конце концов, было напрямую заинтересовано в процветании и благосостоянии своих подопечных, к тому же иногда, как в случае с дворянством и духовенством, существовали даже прямые родственные связи между чиновниками соответствующего учреждения и представителями сословия. Неудивительно, что в дореформенной России (а еще более отчетливо это проявилось в России пореформенной) определенные министерства были склонны выражать интересы подчиненной им или тесно связанной с ними социальной группы: Военное министерство отстаивало интересы солдат, церковь – духовенства, Министерство внутренних дел – дворян, а Министерство финансов – интересы финансово-промышленных кругов. Если верно то, что общество в России было излишне «бюрократизировано» государством, то и наоборот, государство было «обобществлено» через взаимопроникновение сословий и государственных органов.

Третий фундаментальный постулат традиционной историографии, состоящий в том, что, начиная со времени Великих реформ, сословия постепенно трансформировались в современные классы, также нуждается в пересмотре. На деле сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима. Несомненно, они не остались полностью невосприимчивыми к тем важнейшим социальным и экономическим переменам, которые вторгались в жизнь царской России сначала медленно, а затем с все возрастающей силой и все большими результатами. В то же время, как на уровне закона, так и в массовом сознании, сословная структура оставалась поразительно живучей, обеспечивая основные способы коллективной идентификации и создавая основу социальной стратификации в последний период существования императорской России. Это важнейшее открытие было сделано в ходе недавних исследований истории отдельных социальных групп⁴⁷, но полный анализ развития сословий с учетом динамики государственной политики и общественной структуры еще предстоит произвести. Историки в лучшем случае ощутили

⁴⁷ См., например, Freeze, *Parish Clergy*, chaps. 8-10; Alfred J. Rieber, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill, N.C., 1982); Robert J. McNeal, *Tsar and Cossack, 1855-1914* (London, 1984); Hamburg, *Politics of the Russian Nobility*.

определенную «усложненность» социального порядка, но не соотнесли ее с фундаментальными структурными проблемами социальной стратификации пореформенной России⁴⁸. Поэтому представляется необходимым обратить внимание на те мощные силы, которые придавали такую невероятную прочность и жизнеспособность «устаревшей» сословной системе в обществе, уже вступившем на путь индустриализации.

Корни уходили значительно глубже, чем в Свод законов. Например, наследственность статуса и сильно выраженная тенденция к внутригрупповой эндогамии базировались не только на установлениях закона, но также на отношениях собственности, обычае и соображениях престижа. Даже когда уже стали распадаться юридические основы данного общественного устройства, невидимые социальные связи помогали сохранять систему, состоящую как бы из отдельных орденов. Обособленность социальных групп, характерная для сословной системы, усиливалась значительными культурными различиями – в образе жизни, системе ценностей, в религиозной практике и в образовании. Особенно сильно это сказывалось в период до 1890 года, пока народное образование оставалось малоэффективным и слишком косным, а школа еще сделала крайне мало для устранения традиционных различий между групповыми субкультурами и для создания единой культурной общности.

Более того, российское самодержавие стремилось всячески укрепить, а не ослабить сословный порядок, хотя историки обычно утверждают, что Великие реформы 1860-х гг. представляли собой решительный удар по данной системе. Однако, учитывая то, что нам известно о самом Александре II и ведущих «реформаторах» его эпохи, трудно представить себе, что они намеревались перестроить всю социальную систему⁴⁹. Несомненно, что некоторые реформы – в сфере земского и городского самоуправления, налогообложения и всеобщей воинской повинности – действительно позволили преодолеть «сословные» границы, но цель их заключалась в оптимальном использовании ресурсов системы и в повышении ее эффективности, а не в преодолении обособленности и взаимной отчужденности конкретных социальных групп. Используя дореволюционную терминологию, можно сказать, что Великие реформы носили «всословный», а не «бессословный» характер: они затрагивали все сословия, но намеренно сохраняли правовые гра-

⁴⁸ Описание общего характера, касающееся обеспокоенности по поводу сложности и неясности в социальной стратификации, содержится в работе Terence Emmons, *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia* (Cambridge, Mass, 1983), vol. 1.

⁴⁹ Об Александре II см. Герасимова Ю.Г. Кризис правительственной политики в годы революционной ситуации и Александр II // *Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.* Т.2. М., 1962. - С.93-106. Относительно историографии Великих реформ и сословной политики см. Коркунов М.Н. *Русское государственное право.* - С. 275; Emmons, *Formation of Political Parties*, vol. 1; Blum, «Russia». P. 79-80.

ницы и социальную рознь между ними⁵⁰. Общая направленность политики государства особенно ярко проявилась в реформах административной и социальной инфраструктуры, сохранивших основы сословной сегрегации общества, а также во всех реформах, касавшихся крестьянства, которое рассматривалось как особая общественная группа: ему были предоставлены особые судебные органы, особая административная система, и в отношении него сохранялись нормы «обычного права». Примечательно, что даже те реформы, которые нарушали интересы и внутреннее единство «сословий», в конечном итоге укрепили, а не разрушили групповое самосознание и сплоченность. Так было в случае с православным духовенством, когда государство предприняло попытку свести к минимуму практику наследования церковных должностей, которая повсеместно считалась негативным явлением: проводимые им реформы были нацелены на медленные, постепенные перемены, однако вызвали яростное сопротивление со стороны приходского духовенства – именно того слоя, который потенциально должен был выиграть в результате этих реформ⁵¹. Подобное же разочарование преобладало и в среде дворян-землевладельцев, глубоко недовольных и самим освобождением крестьян, и его конкретными условиями. Действительно, само то обстоятельство, что значительные слои дворянства оказались в оппозиции власти и использовали свою корпоративную организацию для выражения протеста и требования предоставить им большие политические полномочия, более чем когда-либо усилило намерение режима сохранить обособленность и стабильность традиционных сословий.

Более того, преданность государства сословной системе становилась все более сильной и все более идеологизированной после 1870 г. Догматизированное подтверждение важности существования сословий исходило, в первую очередь, от самого государства. Разочарованные результатами реформ 1860-х годов и встревоженное нарастанием общественного недовольства, государство пыталось восстановить основы дореформенного общественного устройства. Дополнительный импульс этому процессу придавало консервативное дворянство, заявлявшее, что сословная система является фундаментом самодержавной власти, и считывавшее таким путем добиться выгодного для себя законодатель-

⁵⁰ Это важное разграничение, которое постепенно обострилось в 1860-1870-е гг., было кратко сформулировано в 1873 г. одним из ведущих государственных чиновников, П.А.Шуваловым: «Я выражу [свою программу] в двух словах: всесословность, но не бессословность, – дружное соединение сословий в видах общей пользы, но никак не поглощение их в одну безличную народную массу». – Оржеховский И.В. Третье Отделение // Вопросы истории. 1972. № 2. – С.114.

⁵¹ Freeze, *Parish Clergy*. P. 308-315, 319-329, 383-388.

ства⁵². Наиболее примечательная формулировка этой идеи содержалась в очерке «Современное состояние России и сословный вопрос» провинциального дворянина А.Д.Пазухина, который утверждал, что Великие реформы ослабили сословную систему империи и что государство должно принять неотложные и твердые контрмеры⁵³. В результате возникла целая лавина законодательных актов, нацеленных на укрепление экономического положения отдельных групп (например, создание специальных банков для крестьянства и дворянства), усиление системы сословного голосования на местных выборах (земская контрреформа 1890 г.), ограничение притока «выскочек» из непривилегированных слоев в органы управления и на подчинение образования интересам конкретных общественных групп⁵⁴.

Однако в то время как государство пыталось укрепить сословную систему, социальная стратификация и социальная идентификация постепенно изменялись. Политика индустриализации, которую проводило само государство, вызвала серьезные социальные и экономические перемены – формировались новые общественные группы, а различия между прежними группами стирались. Нельзя сказать, что подобных перемен Россия не знала прежде. Однако то, что происходило в конце XIX века, имело совсем иные масштабы и, что еще более важно, противоречило догматическому стремлению государства сохранить прежнюю систему сословий и его нежеланию обеспечить правовое признание и предоставить юридический статус новым общественным группам.

Одну из наиболее важных новых социальных категорий составляли рабочие. Их ряды значительно возросли в результате быстрой индустриализации, начавшейся с 1885 г. Несмотря на большую численность данной социальной группы, ее мобильность и заметность на политической сцене, государство отказывалось юридически признать рабочих как «класс», рассматривая их вместо этого как особую подгруппу обыч-

⁵² Конкретный анализ феномена «возвращения» сословности содержится в работе: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. - С.199-243. О дворянстве см. Hamburg, Politics of the Russian Nobility. P. 107-110, 122; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861-1904 гг. М., 1979. - С.270-284.

⁵³ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. Спб., 1885. О Пазухине и его роли в контрреформах конца 1880-х гг. см.: Т. Taranovsky, «The Politics of Counter-Reform: Autocracy and Bureaucracy in the Reign of Alexander III, 1881-1894» (Ph.D. Dissertation, Harvard University, 1976). P. 373-441.

⁵⁴ Подробный обзор сословного законодательства в отношении дворянства содержится в работе: Thomas S. Hause, «State and Gentry in Russia, 1861-1917» (Ph.D. Dissertation, Stanford University, 1973). P. 80-163.

ного крестьянства⁵⁵. Но рабочие явно отличались от крестьян. Если они и не обладали «классовым самосознанием», как это постулировалось советской историографией, то, во всяком случае, они имели отчетливый социальный облик, что было обусловлено социальной психологией, формировавшейся под влиянием их географической концентрации, наличием сложившихся моделей поведения аналогичного общественного слоя на Западе, даже самым отказом государства предоставить им особый социальный статус. Термин «рабочий класс» появился достаточно быстро после проведения реформ, и современники рано заметили уникальность этой новой и важной социальной категории⁵⁶.

Еще более аномальной была ситуация с такой социальной группой, как лица свободных профессий. Хотя она возникла еще до реформ, с 1860-х гг. она стала быстро расти, причем возрастала не только ее общая численность, но также число категорий и статусных групп внутри нее⁵⁷. Некоторые профессиональные группы, особенно те, которые были официально признаны в качестве профессиональных сословий (*Berufsstand*) еще в дореформенный период (например, врачи), создали собственные корпоративные организации и имели особый юридический статус. За некоторыми исключениями (наиболее ярким из которых является положение адвокатов) другие новые профессиональные и полупрофессиональные группы не имели ясно сформулированного юридического статуса и пользовались весьма ограниченными привилегиями либо вообще не имели таковых⁵⁸. Эта неопределенность или двусмыс-

⁵⁵ Классическим примером отношения государства к рабочим является правительственный циркуляр от 1895 года, в котором откровенно заявлялось, что «в России, к счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе». – См. Озеров И.К. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. Спб., 1906. - С.24-25.

⁵⁶ Любопытно, что идиома «сословие» нашла себе применение даже в случае с рабочими, поскольку информированные и сочувствующие им обозреватели невольно упоминали «рабочее сословие». См. Пирумова Н.И. Земская интеллигенция в 70-80-е годы XIX в. // Исторические записки. Вып. 106. 1981. - С.137.

⁵⁷ Общий анализ вопроса дан в работе В.Р.Лейкиной-Свирской «Интеллигенция в России во второй половине XIX в.» (М., 1971). Интересные примеры анализа отдельных профессиональных и полупрофессиональных групп (врачей, юристов-пенологов, учителей, статистиков и землемеров) содержатся в следующих работах: Frieden, *Russian Physicians*; Bruce Adams, «Criminology, Penology, and Prison Administration in Russia, 1863 -1917» (Ph.D. Dissertation, University of Maryland, 1981); Scott J. Seregny, «Professionalism and Political Activism: The Russian Teachers' Movement, 1864-1908» (Ph.D. Dissertation, University of Michigan, 1982); Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т. Т.3. Спб., 1909-1911. - С.469-471; Bernhard Schalthorn, «Verwaltung und technische Intelligenz: Das

ленность правового статуса имела важное значение, поскольку такой статус, прежде всего, предполагал как право на автономную корпоративную организацию, так и на периодическое проведение съездов для обсуждения профессиональных проблем. Лишь с большими трудностями новым профессиональным группам удавалось добиться официально признания в какой-либо форме. Но даже после этого их корпоративные права, в частности право группы оценивать профессиональную компетентность своих членов или определять территориальные масштабы своей деятельности, были жестко ограничены. Новые профессиональные группы, рекрутировавшиеся из различных слоев общества, получившие полупрофессиональное образование и лишённые автономной профессиональной организации, не вписывались в существовавшую сословную иерархию. Отсутствие корпоративного статуса было наиболее заметным в случае с представителями самых новых профессий – народными учителями, статистиками, агрономами, лесничими, которые не получили юридического признания в дореформенной России, а после 1864 г. работали преимущественно в земствах – органах самоуправления, существовавших обособленно от обычного бюрократического аппарата. В результате эти группы остались за рамками традиционной сословной системы, и их недовольство отсутствием собственных организационных структур, прав и прерогатив постоянно возрастало. Вполне понятно, что этим сообществам требовалась новая терминология для самоидентификации: сначала возник обобщающий термин «интеллигенция», а затем более специфическое название – «третий элемент»⁵⁹.

Ausbildungswesen für den zivilen Vermessungsdienst in Russland» (доклад, представленный на симпозиуме «Die russischen Intellektuellen und die intelligenzija um die Jahrhundertwende», проходившем 8-10 февраля 1978 в Берлине).

⁵⁸ Важным предшественником профессиональных организаций было Санкт-Петербургское Общество российских врачей, основанное в 1836 г., вслед за которым в период Великих реформ было создано множество аналогичных губернских обществ. Общий обзор деятельности двадцати таких обществ см.: Губернские медицинские общества // Медицинский вестник. 1864. № 48. - С.457. О развитии общероссийской медицинской организации – Общества Пирогова, которое провело свой первый конгресс в 1885 г., – см. Frieden, Russian Physicians. До 1860-х гг. в России не было профессии адвоката (предполагающей наличие профессиональной подготовки и корпоративной профессиональной организации). Как заявил Государственный Совет в 1857 г., «у нас нет адвокатского сословия». Однако реформа 1864 г. учредила новую профессию – присяжного поверенного – и особо предусмотрела корпоративную организацию для ее представителей. – Гессен И.В., Гернет М.Н. История русской адвокатуры. Т.1. М., 1914. - С.37.

⁵⁹ Термин «интеллигенция» появился в 1860-х гг. и, как и термин «общество», обозначал различные слои образованного общества, которые не имели от-

Как на уровне словоупотребления, так и на правовом уровне эти новые социальные слои выработали терминологию, которая совершенно не вписывалась в сословную систему.

Внесословный статус интеллигенции был неразрывно связан с ее самосознанием и политической стратегией. Профессиональные группы гордились своей «всословностью», и в результате у них развилось стремление претендовать на выражение интересов всех общественных групп⁶⁰. Но в действительности сословная система глубоко повлияла на язык и социальное мышление интеллигенции. Хотя «классовая» терминология постепенно завоевывала все более прочные позиции, особенно после появления в России марксизма, не столь революционно настроенные образованные либеральные круги предпочитали употреблять термин «сословие» и выражать беспокойство по поводу неравенства, порожденного сословной системой. Попытки государства укрепить сословную систему только усилили оппозицию по отношению к ней. Все критичнее воспринимая гражданское неравноправие и сегрегацию, свойственные сословному порядку, образованные представители общества требовали реформ, например, создания внесословной системы местного самоуправления на уездном уровне (создания «мелкой земской единицы»)⁶¹. Такие «бессословные» идеи стояли в центре большинства политических программ того времени, и прежде всего тех, которые исходили из среды либерального дворянства и интеллигенции накануне революции 1905 г.⁶² Примечательно, что антисословные идеи составля-

ношения к бюрократии и самодержавной власти. Термин «третий элемент», впервые появившийся в 1899 г. и быстро завоевавший популярность, использовался применительно к профессиональным наемным служащим земств, которые вместе с выборными земцами («второй элемент») и бюрократией («первый элемент») составляли три главных политических силы российского государства и общества.

⁶⁰ Выражение «всословная интеллигенция» в дореволюционной русской печати встречается очень часто. См., например, высказывания представителя политически умеренного дворянства Д.Н.Шипова: Белоконский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // Былое. 1907. № 9. – С.235.

⁶¹ Краткий обзор содержится в труде Веселовского «История земства» (Т.3. – С.656-665).

⁶² В типичном программном заявлении, опубликованном в подпольной либеральной газете «Освобождение», либеральные деятели призывали к уравнению крестьян в правах со всеми другими сословиями, а также к упразднению привилегий дворянства в сфере управления, в земском представительстве и в сословных ограничениях на землевладение; см. От русских конституционалистов // Освобождение. 18 июня 1902 г. – С.9. Эта же цель позднее стала основной в программе либеральной конституционно -

ли основу не только программ, но и политической стратегии либералов и даже левых оппозиционеров, выступавших против самодержавия в период до 1905 года. Эта тенденция была особенно характерна для русского либерализма: данное общественное движение, организационным центром которого являлся Союз «Освобождение», претендовало на то, чтобы оставаться «выше» интересов какой-либо отдельной группы, выражать исключительно бессословное общественное мнение и опираться на него⁶³.

Как видно на примерах рабочих и интеллигенции, социальная структура значительно усложнилась и более не соответствовала законодательным разграничениям. Противоречия между официальной стратификацией и социальной реальностью были особенно острыми, когда речь шла о наиболее политизированных и в наибольшей степени обладавших социальным самосознанием группах – об образованных специалистах и беспокойном рабочем классе. В то же время сословная система оставалась прочно укорененной в мировоззрении традиционных групп, особенно дворянства и в еще большей степени крестьянства⁶⁴. Это легко объяснимо: ведь профессиональная карьера большинства дворян не была связана с сельским хозяйством, а крестьянство оставалось во многом наиболее неподвижным, косным и социально изолированным элементом всего общественного порядка, что в значительной степени было обусловлено жесткой административной, судебной и экономической отделенностью крестьян от всего остального общества. Прочие сословия также оставались четко обособленными друг от друга, но внутри них проявлялся все больший разрыв между социальным происхождением и общественным статусом, особенно в тех случаях, когда новые поколения отрывались от традиционного сословия в поисках каких-либо новых видов деятельности. Хотя государство по-прежнему подтверждало незыблемость основ сословной системы (например, «Свод законов» был переиздан в 1899 г. без каких-либо изменений), реально существовавшая общественная структура теперь включала значительные статусные группы, не признанные официально. К тому же существуют свидетельства того, что социальная идентификация становилась все более аморфной и запутанной. Историк права Коркунов утверждал, что к началу XX века большинство его современников не имело ясного пред-

демократической («кадетской») партии. См.: Конституционно - демократическая партия. Постановления III съезда 21-25 апреля 1906 г. Спб., 1906. – С.3.

⁶³ От русских конституционалистов // Освобождение. 18 июня 1902 г. – С.7.

⁶⁴ Такое наблюдение часто делалось современниками. См., например, высказывания А.С.Стишинского: Петергофское совещание о проекте Государственной Думы: Секретные протоколы. Берлин, без даты. – С.103.

ставления о своем сословном положении. Хотя такое мнение является очевидным преувеличением, в целом оно верно указывает на определенные важные социальные перемены⁶⁵. Неопределенность социальной идентичности (по крайней мере, в отношении сословной принадлежности) прослеживается и в популярной литературе, и, что еще более важно, в попытках самоопределения представителей различных общественных групп⁶⁶. Как показывают данные, собранные в 1905 году, большинство членов общества в качестве своего основного социального признака по-прежнему указывали сословную принадлежность, но многие указывали национальность, род занятий или имущественное положение⁶⁷. Правительству пришлось непосредственно столкнуться с возросшей сложностью социального устройства в 1905 г., когда оно открыто признало существующее положение и ввело несколько критериев (имущественное положение, сословие и род занятий) для расширения избирательного права граждан после публикации Манифеста 17 октября⁶⁸.

⁶⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. - С. 275. Государство все еще издавало документы и собирало статистические сведения, используя преимущественно признак сословной принадлежности, а не рода занятий своих подданных; так было и при наиважнейшей переписи 1897 г. Подобным же образом физические лица обозначали свой статус на основе традиционных сословных категорий, как, например, в авторизованных биографиях членов Думы. См.: Альбом портретов членов Государственной Думы первого созыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. Спб., 1906. Несомненно, именно из-за подобных документов историки продолжают систематизировать данные по сословным категориям, даже описывая последние годы режима царской власти. О сословном составе различных партий см., например, Robert Edelman, «The Election to the Third Duma: The Roots of the National Party», Haimson, *Politics of Rural Russia*. P. 100. Использование сословных категорий применительно к началу XX века проникло даже в советскую историографию, несмотря на то, что она (по крайней мере, теоретически) занимается анализом классов, а не сословий. См., например, Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. - С.9.

⁶⁶ Касательно темы успеха и сопутствующей социальной мобильности см. Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read* (Princeton, N.J., 1985). P. 269-294.

⁶⁷ См., в частности, Emmons, *Formation of Political Parties*. P. 173-174. Согласно данным, собранным Эммонсом, респонденты при описании своего социального статуса («звания», что можно было интерпретировать и как род занятий, и как социальное положение) смешивали категории профессии, класса и сословия.

⁶⁸ Даже до опубликования осторожного предложения Булыгина,

Революция 1905 года вскрыла, что в обществе существует широкая оппозиция по отношению к сословной системе, но не привела к полной отмене этой системы. С одной стороны, революция выдвинула требования установления гражданского равенства и особенно вовлечения крестьянства в политическую жизнь. Примечательно, что такие требования появлялись не только в программных заявлениях либеральных партий, но и в высказываниях наиболее способных сформулировать свои позиции крестьян, требовавших «равенства всех граждан» и «отмены всех сословий и званий»⁶⁹. Оппозиция сословной системе со стороны непривлекательных слоев легко объяснима, но такое отношение широко разделяли также имущие и политически умеренные слои, включая правоцентристскую партию октябристов. Как объяснял один из октябристов, «сословия отжили свой век», по крайней мере в политическом смысле, поскольку «сознание этого равенства существует во всем народе»⁷⁰. Государственная Дума после ее созыва в 1906 году также настаивала

составленного в начале 1905 года, Совет Министров надлежащим образом указал на перемены, которые постигли сословный порядок. Мнение Совета Министров гласило: «хотя по закону он [общественный строй современной России] и покоится на началах сословности, но общий всем народам экономический процесс, в связи с целым рядом государственных преобразований последних десятилетий, давно уже расшатал, а во многом и уничтожил те сословные подразделения, которые начертаны в законе». - См. Материалы по учреждению Государственной Думы. Спб., 1905. - С.129. Когда же в конце 1905 года Совет Министров попытался расширить рамки булыгинского проекта и охватить избирательным правом интеллигенцию и рабочих, то он обнаружил, какой нелегкой задачей была разработка различных критериев - имущественных, сословных и профессиональных, которые позволили бы правительству добиться осуществления хотя и не всеобщего, но все-таки более широкого избирательного права, сохранив при этом контроль над пропорциями и взаимодействием различных категорий населения. Особое значение Совет придавал тому, чтобы избирательное право охватило те группы, которые обычно считались наиболее склонными к участию в общественных волнениях (лиц свободных профессий, рабочих и т.д.) и которые не соответствовали ни традиционному понятию сословия, ни новым имущественным критериям. См.: Мемория Совета Министров о способах осуществления Высочайших предубаждений, вознесенных в пункте 2-м Манифеста 17 октября 1905 г. - Российский государственный исторический архив (РГИА), Спб., фонд 1276. (Совет Министров), оп.1, д.39, лл.29-39.

⁶⁹ О коллективных крестьянских заявлениях см. Дубровский С., Граве Б. 1905: Аграрное движение в 1905-1907 гг. Т.1. М., 1925. - С.8, 39, 85; Калинычев Ф.И. Государственная Дума в России. М., 1957. - С.161-162, 230, 267-269.

⁷⁰ Слова Н.Н.Опочинина. - См. Государственная Дума, второй созыв. Стенографический отчет. Т.2. Спб., 1907. - С.109.

вала на отмене сословий, затронув этот вопрос уже в первом обращении к престолу в начале своей работы⁷¹. Этот вопрос возникал в ходе всех дебатов в Первой и Второй Думах 1906-1907 гг., и, наконец, 2 июня 1907 г., за день до государственного переворота 3 июня, либеральная фракция составила предложение о юридической отмене сословной системы⁷².

Несмотря на все шумные выступления против сословий, особенно со стороны умеренных и радикальных партий, а также способных сформулировать свою позицию представителей непривилегированных групп, в годы революционной смуты сохранялись и формальная структура, и социальные признаки сословий. Это прежде всего относилось к привилегированным группам – дворянству, духовенству, промышленной и торговой элите, а также к таким традиционным подгруппам, как казачество. Особенно поддерживало сословную систему дворянство, создавшее Совет Объединенного Дворянства с четкой целью защитить существовавший порядок в целом и свой привилегированный статус в частности. То же самое относилось и к духовенству, купечеству и промышленникам, воспользовавшимся неразберихой революционного периода для создания корпоративных сословных организаций и, по большей части, соблюдавшим традиционные сословные различия. Сами дебаты в Думе свидетельствуют о том, что ощущение различий между сословиями оставалось глубоко укорененным в сознании депутатов (от дворян до крестьян), которые по-прежнему чаще рассматривали социальные вопросы в категориях сословий, чем классов⁷³.

Хотя революции 1905-1907 гг. и не удалось трансформировать сословия в классы, она послужила политизации концепции сословия, поскольку государство и его противники вынуждены были пересмотреть свои представления о политической «благонадежности» тех или иных сословий. Эта перемена особенно разительна в политике государства, ранее преданного идее защиты всей сословной системы. Революция

⁷¹ Государственная Дума, первый созыв. Стенографический отчет: В 2 т. Т.1. Спб., 1906. - С.175.

⁷² В одном законопроекте говорилось: «Для полного развития принципа равноправия и свободы личности в государстве необходимо упразднение сословного строя, т.е. группировки населения лишь по началу единообразия происхождения, в силу чего члены сословных корпораций обладают установленными в законе и получаемыми наследственно политическими и иными правами, неравными для отдельных групп». Полное содержание законопроекта см.: Государственная Дума, второй созыв: Законодательные материалы. Спб., 1907. - С.265.

⁷³ Выступления умеренных представителей дворян, крестьян и казаков на первой сессии Думы в 1906 г. см. Государственная Дума, первый созыв. Стенографический отчет. Т.1. – С.79, 87, 130; Т.2. – С.1101.

1905 года пошатнула эту преданность; оппозиционные настроения в среде образованной элиты (и даже в дворянской среде) принудили государство к поиску новых принципов и новой политики для выявления и институционального оформления надежной социальной основы самодержавия. Такой сдвиг в политике стал наблюдаться уже к лету 1905 года, когда государство пыталось выполнить свое обещание предоставить населению более широкие избирательные права и созвать законосовещательную Думу. Как показывают материалы тайного совещания в Петергофе, у сословной системы нашлись защитники, но они оказались в меньшинстве. Было решено, что избирательные права будут предоставляться на основании имущественного ценза, а не сословной принадлежности. Как объяснял один из участников петергофского совещания, необходимость такой фундаментальной перемены была отчасти обусловлена возросшей сложностью общественного устройства того времени; Совет Министров, – утверждал он, – принял решение отказаться от проведения выборов на сословной основе по той причине, что не все слои населения Российской Империи вписывались в рамки сословной системы⁷⁴. Хотя государство действительно было несколько обеспокоено возросшей сложностью общественного устройства, еще более его тревожила сложность положения внутри отдельных сословий. Государство вынуждено было переступить через критерий сословной принадлежности в таком важнейшем вопросе, как избирательная система, поскольку даже дворянство включало в себя не только консервативно настроенных помещиков, но также либеральных представителей свободных профессий и революционно настроенных польских аристократов. Только в отношении крестьянства, казавшегося прочной опорой самодержавия, было сделано исключение, и было решено предоставить ему как «сословию» особое представительство⁷⁵.

Однако вспышка радикального крестьянского движения поколебала и эти иллюзии и заставила режим еще более последовательно добиваться, чтобы основой нового общественного порядка стали классы, границы которых определяются экономическими критериями. Центральной фигурой здесь был граф Сергей Юльевич Витте. Впервые он выступил против сословной системы и столкнулся с ее защитниками и идеологами еще в 1890-х гг., когда дворянство пыталось использовать давнюю

⁷⁴ Петергофское совещание. – С.110-111.

⁷⁵ Об избирательной системе и правительственных дебатах вокруг нее см. Gilbert S. Doctorow, «The Introduction of Parliamentary Institutions in Russia during the Revolution of 1905-1907» (Ph.D. Dissertation, Columbia University, 1975), chaps. 1-4; Andrew V. Verner, «Nicholas II and the Role of the Autocrat during the First Russian Revolution» (Ph.D. Dissertation, Columbia University, 1985), chaps. 5-6.

преданность государства сословным принципам к своей собственной материальной выгоде – для блокирования государственной программы индустриализации. Однако враждебность Витте по отношению к сословной системе постепенно крепла в критические годы, предшествовавшие революции 1905 года, – по мере того, как он развивал свою экономическую концепцию, включив в число предпосылок экономического роста не только привлечение иностранного капитала, но и необходимость изменений в социокультурной структуре общества⁷⁶. Во время своего недолгого пребывания на посту премьер-министра (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.) Витте энергично пытался сокрушить юридические барьеры, разделявшие различные сословия. Это проявилось, например, в его планах изменения системы общинного землевладения и создания всесословной администрации и судебных органов начиная с самого нижнего уровня. Его фактический преемник П.А.Столыпин еще более последовательно проводил эту политику⁷⁷. Наиболее известна его аграрная программа, предусматривавшая консолидацию земельных наделов и переход от общинного землевладения к частной собственности на землю. Столыпин стремился заручиться поддержкой имущих классов, а не сословий. Но еще более ярким симптомом поворота к новой социальной политике стал закон от 5 октября 1906 г., резко противоречивший сословной системе и гласивший, что всем российским подданным, независимо от их семейного происхождения, предоставляются такие же права в отношении к государственной службе, какие ранее были пожалованы дворянству⁷⁸. Особенно важное значение имели планы Столыпина реформировать местное управление и судебные органы, в результате чего было бы фактически покончено с привилегированным положением дворянства и, в особенности, с неравноправным и изолированным положением крестьян. Следует, однако, подчеркнуть, что цель Столыпина состояла не в полном устранении сословий, а в том, чтобы

⁷⁶ Развитие идей Витте можно отчетливо проследить по двум его запискам 1900 и 1904 гг. См. его «О положении нашей промышленности»: Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2-3. (42-43). - С.130-139; Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. Спб., 1904.

⁷⁷ Цели Витте достаточно ясны из его заявления Совету Министров в январе 1906 г.; цитируется в Geoffrey Hoskings, *Russia's Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907-1914* (Cambridge, 1973). P. 18; Weissman, *Reform in Tsarist Russia*. P. 101-104. О Столыпине см. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. - С.38-39; Hoskings, *Russia's Constitutional Experiment*. P. 155-156.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Изд. 3-е. Т.28. Спб., 1907. № 28392. Ст. 1. Более подробно об этом см. Weissman, *Reform in Tsarist Russia*. P. 124-147; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство... - С.38-44.

сделать общественные учреждения более открытыми, распространить принцип «всословности» на административную инфраструктуру и, таким образом, создать более прочную основу самодержавной власти.

Во всословной (е даже в значительной мере бессословной) политике было много привлекательного. Прежде всего, она была привлекательна политически: за официальное юридическое равенство всех социальных групп выступали как умеренные, так и либералы, как октябристы, так и кадеты. Для Столыпина, как и для многих других, подлинная проблема заключалась в крестьянстве. Было широко распространено мнение, что единственный путь решения «крестьянского вопроса» (т.е. преодоления отсталости крестьян, их отчаянного экономического положения и обусловленной этими обстоятельствами их политической неустойчивости) - сделать крестьян полноправными участниками общественной жизни. К тому же становилось все более очевидно, что ни социальная идентификация, ни структура занятости населения не были сколько-нибудь значительно связаны с традиционными сословными категориями. Даже наиболее рьяные защитники старого порядка признавали, что к текущему моменту в России существовала смешанная система сословий и классов⁷⁹. Это явление, вероятно, давно уже было очевидно в связи с возникновением таких новых социальных категорий, как рабочие и лица свободных профессий, однако лишь после 1905 года современники осознали, что разложение сословной системы затронуло уже (по крайней мере, частично) даже крестьянство, дворянство и духовенство. Возможно, наиболее важное свидетельство о существовании новой общественной реальности исходило от Совета Объединенного Дворянства, ультраконсервативной организации, ревностно преданной идее сохранения сословий вообще и дворянского сословия в особенности. Тем не менее даже эта группа признала на своем съезде в 1907 году, что общество на тот момент состояло из «сословных групп», а не из подлинных сословий⁸⁰. В отчете организационного комитета съезда Совету в 1906 году разъяснялось: «Сословная связь ослабевает, уступая постепенно место естественной связи между людьми, порожденной общностью как культурного быта, так и имущественных условий жизни, рода занятий и т.п.»⁸¹

Однако, хотя сословные связи и были ослаблены, они не исчезли полностью, и большинство представителей привилегированных слоев полагало, что сословная система должна сохраниться. Один из ультра-

⁷⁹ Речь Ф.Д.Самарина на Совете Объединенного Дворянства // Труды IV съезда уполномоченных от дворянских обществ. Спб., 1908. - С.18, 99-102.

⁸⁰ Труды III съезда уполномоченных от дворянских обществ. Спб., 1907. - С.78-79, 301.

⁸¹ Доклад об избирательном законе. Спб., 1906. - С.11.

консерваторов в 1906 году писал, что выживание России зависит от возрождения сословной системы. «Вообще, я понемногу вижу, что на революцию должен быть один ответ у правительства и у народа: сословность... Православие, самодержавие, народность и сословность. Это четыре устоя»⁸². Как внутри земств, так и в Совете Объединенного Дворянства помещики энергично противостояли всесословным реформам Столыпина, решительно выступали в защиту сословной системы и предупреждали о недопустимости полной отмены сословных принципов⁸³. Как показывают материалы съездов Совета, его участники не закрывали глаза на процесс разложения сословной системы, однако они полагали, что, по крайней мере в сельской части России, «сословие» по-прежнему оставалось основной формой социальной идентификации. По этой причине Совет Объединенного Дворянства, так же как и консервативные фракции Думы и Государственного Совета, твердо противостоял различным элементам столыпинской программы реформ, включая его предложения о введении всесословной местной администрации и судебной власти. Весьма показательной чертой кризиса, назревавшего в период между двумя революциями, было то, что самодержавие не находило поддержки ни среди остатков прежних сословий, ни среди новых классов, находившихся еще в стадии формирования.

Ситуация несколько походила на положение во Франции XVIII века: в России развилась разнородная социальная структура, включавшая несколько различных иерархических пирамид, соперничавших между собой и основанных не только на юридическом статусе, но и на ряде других характеристик⁸⁴. Проблема состоит не в том, было ли дореволюционное российское общество «бесклассовым и бессословным» или же оно было «и сословным, и классовым» (пожалуй, последняя формулировка более соответствует сложному состоянию царской России на позднем этапе ее развития), а в том, что социальная идентификация оставалась в значительной степени неоднозначной и нестабильной, колеблясь между категориями сословной принадлежности, экономического статуса и рода занятий⁸⁵. Хотя сословная система и была во многом подорвана событиями и преобразованиями революции 1905-1907 годов,

⁸² Дневник Бориса Никольского // Красный архив. 1934. №63. - С.66.

⁸³ Труды IV съезда... - С. 67, 88, 267. См. также: Положения, выработанные съездом «Кружка дворян» 22-25 апреля // Кружок дворян верных присяге: Отчет съезда 22-25 апреля 1906 года с приложениями. М., 1906. - С.2.

⁸⁴ Анализ «смешанной системы стратификации» во Франции см.: Elinor G. Barber, *The Bourgeoisie in Eighteenth-Century France* (Princeton, N.J., 1955). P. 9-11.

⁸⁵ Интересные комментарии по этому поводу мы находим у Rieber, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. P. 416.

она в значительной степени сохранялась как на уровне законодательства, так и в массовом сознании, даже если «сословия» были теперь переосмыслены как «культурно-бытовые группы» – общественные группы, выделяемые по их особой субкультуре и образу жизни⁸⁶.

Сохранение «сословности», даже в ее ослабленной форме, препятствовало политической перестройке самодержавия, о чем свидетельствует печальная судьба такого энергичного государственного деятеля, как Столыпин⁸⁷. Действительно, сословность (и как юридическая категория, и как форма менталитета) была важнейшей преградой на пути политической модернизации царского режима, поскольку она была полностью несовместима с созданием современного гражданского общества – неотъемлемого условия демократии. Таким образом, если не сами сословия, то принцип сословности сохранялся не только до самого конца царского режима, но, во многих важных аспектах, и при Советской власти⁸⁸. Формально, по крайней мере, сословная система существовала до ноября 1917 года, когда она была официально отменена новым большевистским правительством. Наряду с более известными Декретами о мире, земле и хлебе, это было одно из первых законодательных мероприятий большевиков⁸⁹.

Я привел аргументы в пользу фундаментального пересмотра концепции социальной истории дореволюционной России. Как позволяет предположить развитие самого термина «сословие», сословная система сложилась в России значительно позже, чем предполагалось ранее. Еще более важно, что весь этот процесс был значительно более динамичен, чем это представляет себе большинство историков. В действительности в период, предшествовавший Великим реформам, сословная система все еще находилась в процессе развития. К тому же изменчивый и путанный характер официальной терминологии заставляет осторожнее относиться к утверждениям о ведущей роли государства в «законодательном

⁸⁶ О новом восприятии сословий см. Haimson, «Conclusion». P. 276-78.

⁸⁷ Об оппозиции дворянства по отношению к Столыпину см. Weissman, *Reform in Tsarist Russia*. P. 148-220; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. - С.101-104.

⁸⁸ Обостренное внимание к «социальному происхождению» на заре Советской власти, особенно лишение права голоса целых категорий населения на основании их происхождения (феномен «лишенцев»), было чем-то вроде перевернутой сословной политики; формальный отказ от этого принципа состоялся в 1936 году. Как было упомянуто выше, в этом и в некоторых других важных аспектах советская социальная политика обнаруживает свое внутреннее родство – если не на практике, то в принципе – с царским режимом.

⁸⁹ Декреты советской власти. Т.1. М., 1958. - С.71.

регулировании» процессов общественного развития. Как бы велико ни было влияние государства, не меньшую, если не большую, роль играли другие факторы – культурные, экономические и социальные. И, что наиболее важно, понятие «сословие» нельзя бездумно распространять на XVIII век. До начала XIX века власти все еще рассматривали социальные группы как состоящие из отдельных лиц мужского пола (например, военнослужащих или налогоплательщиков). Лишь постепенно власти вырабатывали концептуальный аппарат для обозначения больших социальных общностей, и лишь к началу XIX века они пришли к представлению об упорядоченной иерархии сословий.

Несмотря на определенные тенденции к укрупнению и консолидации (преимущественно среди привилегированных слоев), социальная структура не сводилась к четырем основным сословиям. Напротив, она оставалась исключительно сложной и разнообразной, составленной из многих четко выделяемых и (зачастую) наследственных общественных групп, каждая из которых обладала особым статусом и представляла собой отдельное «сословие». Хотя многие из традиционных групп сформировались еще в средневековом Московском царстве, другие возникали для удовлетворения общественных или личных потребностей, а некоторые, как, например врачи, возникли в процессе развития общества и его институтов. Подобно профессиональным сословиям (*Berufsstände*) в государствах Центральной Европы, эти новые социальные слои приспособлялись к существующему порядку, принимая форму традиционных наследственных сословий (*Geburtsstände*). В этом процессе формирования сословий движущей силой служила не только воля государства, но и взаимодействие отдельных социальных групп. Действительно, как показывает образовательная и социальная политика государства, оно пыталось преодолеть чрезмерное влияние наследственного принципа и обеспечить большую социальную мобильность.

И, наконец, сословия не растворились бесследно в классах в пореформенный период, как это традиционно утверждают приверженцы «классово-сословной» парадигмы. Хотя некоторые новые группы (например, рабочие) действительно тяготели к обретению «классовой» идентичности, а другие (например, лица свободных профессий) пользовались неопределенным «надсословным» статусом, большая часть общества продолжала мыслить в категориях дореформенной сословной системы. Сильные наследственные традиции, сохранявшиеся юридические различия, сегрегация различных социальных групп в административной и судебной сфере, глубоко укоренившиеся культурные различия между разными социальными группами, сознательные попытки государства сохранить сословное деление – все это содействовало сохранению старой общественной структуры даже перед лицом далеко зашед-

Грегори Л. Фриз

ших социальных и экономических изменений. Поэтому сословная система оказывала глубокое влияние на жизнь предреволюционной России, где социальные отношения (и социальные антагонизмы) основывались не только на экономических конфликтах, но и на культурно-юридическом разделении общества на сословия. Сложная, разнородная структура общества – «смешанная система» сословий и классов – значительно затрудняла планы как самого царского режима, так и его политических противников: планы объединения общества и осуществления контроля над ним в условиях разворачивавшегося в начале XX века революционного кризиса.

Пер. И. Пагавы

*Томас М. Барретт**

ЛИНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ «ФРОНТИР» РОССИИ**

Кавказ можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями, обороняемой многочисленным гарнизоном». Эти часто цитируемые слова из воспоминаний генерала А.А.Вельяминова, в которых он призывал к применению крупной военной силы для подавления народов Северного Кавказа, были написаны еще в 1828 году. Чтобы завоевать эту крепость, мудрый полководец «заложит параллели, станет подвигаться вперед сапою, призовет на помощь мины и овладеет местностью». Важнейшая стратегия покорения для Вельяминова состояла в перемещении укрепленной линии все дальше и дальше в направлении гор и в использовании ее в качестве базы для проведения атак¹.

«Линия», как часто ее просто называли, была заложена в середине XVIII века и представляла собой защитную полосу крепостей, казачьих станиц и дозорных башен. Существовали даже скрытые казачьи военные посты, где казаки скрывались по ночам; заслышав приближение воинственных горцев, они посылали сигнал ближайшей башне или казачьей станице. Тогда звонили в колокола, стреляли из ружей, поджигали дрова, перевязанные просмоленной паклей, давая сигнал дымом, и казаки с другими подразделениями устремлялись к бреши в линии.

Кавказская военная линия против горных «крепостей» – именно эти образы, эти линии разделения обычно оживали под пером западных и досоветских специалистов, изучавших историю Северного Кавказа и проникновения туда русских; линии, которые также включали в себя российские берега Терека и Кубани, и фронт сражений с Персией и Османской империей. Как гласит история, Российское государство начало

* © Барретт Томас М., 2000

** Первоначальный вариант данной статьи был представлен на конференции, организованной Советом Социальных Научных Исследований / Social Science Research Council, «Представления, институты и опыт имперской России» / «Visions, Institutions, and Experiences of Imperial Russia», Центр Вудро Вильсона / Woodrow Wilson Center, Washington, D.C., September 1993.

¹ Климан Ф., фон. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Вып.15. 1894. – С.524.

продвижение на юг с завоевания Казани и Астрахани в XVI веке; вскоре после этого были воздвигнуты первые укрепления на Северном Кавказе. Крупномасштабные военные действия начались во время Персидской кампании Петра I (1722 г.), за которой последовал ряд войн с Персией и Османской империей на кавказских землях на протяжении XVIII и XIX веков. Военная линия поползла в южном направлении к северу Кавказа, начиная с Кизляро-Моздокской линии (1769 г.), и – крепость за крепостью – российские силы продвигались дальше в горы. После завершения Кавказской военной линии в 1832 году на западе была воздвигнута Черноморская береговая линия, отрезавшая народы Кавказа от Черного моря и Турции. Местные народы, оказывая сопротивление российскому вторжению, вели партизанские действия и поднимали крупные восстания, кульминацией которых стала священная война под руководством Шамиля (1834-1859 гг.). Когда черкесское восстание было в конце концов подавлено в 1864 году, завоевание Северного Кавказа завершилось, и этот регион стал мирной колонией Российской Империи.

Западная историография покорения этого региона, начало которой положила работа Джона Бэддели «Покорение Кавказа Россией» (1908 г.), активно развивалась в нашем столетии. Недавно опубликованные сборник статей «Северокавказский барьер» и работа Моше Гэммера «Мусульманское сопротивление царю: Шамиль и покорение Чечни и Дагестана» представляют собой первые значительные попытки описать сопротивление горцев продвижению России. Тем не менее история взаимоотношений между Россией и Северным Кавказом до сих пор описывается как военная: историки по-прежнему изображают разделительные линии совершенно непроницаемыми, поменяв лишь угол зрения: в центре их внимания сейчас не российский натиск, а сопротивление «кавказского барьера»².

² John F. Baddeley, *The Russian Conquest of the Caucasus* (London: Longmans, Green and Co., 1908); Marie Bennigsen Broxup, ed., *The North Caucasus Barrier* (New York: St. Martin's Press, 1992); Moshe Gammer, *Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan* (Portland: Frank Cass, 1994). См. также W.E. D. Allen and Paul Muratoff, *Caucasian Battlefields* (New York: Cambridge University Press, 1953). О видении Кавказа в русской литературе и русском обществе см. следующие работы, темой которых скорее является центр, чем периферия: Uwe Halbach, «Die Bergvölker (gorcy) als Gegner und Opfer: Der Kaukasus in der Wahrnehmung Russlands», *Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas*, eds., Manfred Alexander, Frank Kampfler and Andreas Kappeler (Stuttgart: Franz Steiner, 1991). P. 52-65; Thomas M. Barrett, «The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity», *Russian Review* 53 (July 1994). P. 353-366; Susan Layton, «The Creation of an Imaginative Caucasian Geography», *Slavic Review* 45 (Fall 1986). P. 470-485.

Я попытаюсь доказать, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых. И так же, как и в любой другой зоне «фронта», границы оказывались зыбкими: русские и украинцы, горские народы, армяне и грузины постоянно меняли своих союзников³. Чтобы понять, что стояло за присоединением Северного Кавказа к России, нам следует заглянуть за военные линии и посмотреть на передвижения народов, на их поселения и сообщества, изменения ландшафта, взаимоотношения соседей, причем не только во время военных действий, но и в повседневной жизни.

Дореволюционная российская историография уделяла основное внимание военному покорению данного региона и при обсуждении вопросов управления, политики переселения и практики использования местного населения во благо российской экспансии⁴. Советские историки изучали историю народов Северного Кавказа обособленно от истории России в целом, стараясь охватить при этом как можно больше этнических групп данного региона. Здесь могли наблюдаться различные тенденции: либо преуменьшать разрушительные последствия русских военных операций; либо представлять русскую армию как защитников, давших отпор настоящим врагам Кавказа (т.е. Персии, Османской империи, Крымскому ханству); либо изображать завоевание как часть угнетательской, но в конечном итоге прогрессивной царской «колониальной политики», которая привела Кавказ в соответствие с генеральной

³ Я использую слово «горцы» в том же значении, что и русские того времени – для обозначения населения, живущего в горах и у подножий гор Северного Кавказа. Этот термин охватывал поразительное множество этносов – от адыгов на западе до бесчисленных народов Дагестана на востоке. При каждой возможности я буду прибегать к наиболее точному определению этнической принадлежности. Безусловно, народы Северного Кавказа были также степными кочевниками – например, ногайцы. Далее, многие украинцы на Северном Кавказе классифицировались как русские; я вынужден прибегать к слову «русский» для обозначения преимущественно русских и украинцев.

⁴ Ведущим военным историком, занимавшимся отношениями России с Кавказом, по-видимому, был В.А.Потто. См.: Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. Спб., 1885-1891; Утверждение русского владычества на Кавказе: В 3 т. Тифлис, 1901-1904.

линией исторического прогресса⁵. В советских исследованиях, посвященных миграции и этническому смешению на Северном Кавказе, развитию региональной экономики, городов и казачества, зачастую звучали широкие заявления о близости и взаимовлиянии русских и горцев, однако там вовсе не исследовалась жизнь пограничья со всеми ее сложностями, напряженностью и насилием. Выбирались только отдельные факты и детали, неизбежно свидетельствовавшие о «сближении» и «дружбе народов»⁶.

Но если советские историки стремились рассматривать пограничные районы России как сферы «сближения», то западные историки рассматривали их либо как колонии, либо как обычные границы, либо не рассматривали вовсе. Немногочисленные попытки представить историю России как историю постоянного расширения ее «фронта» основывались на излишне метаисторическом, тернеровском подходе, где большее внимание уделялось духу государственности, чем жизни «на окраине» государства, а обобщения опирались на незначительный объем исследовательской работы. Всю российскую историю рассматривали на Западе как историю «фронта» – начиная с Киева и заканчивая Сибирью (с небольшими различиями между историческими периодами российской миграции), но всегда опуская Кавказ (равно как и Нижнее и Среднее Поволжье). Или же российский «фронт» просто сопоставлялся с американским: Казань становилась Сент-Луисом, покорение Новгорода сравнивалось с приобретением Огайо, а присоединение Украины рассматривалось как российская «покупка Луизианы»⁷. Некото-

⁵ Например, История Северо-Осетинской АССР / Под ред. С.К.Бушуева. М., 1959; История Дагестана: В 5 т. / Под ред. Г.Д.Даниялова. М., 1967-1969; История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до наших дней: В 2 т. / Под ред. Т.Х.Кумыкова. М., 1967; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XVII вв. М., 1958; Киняпина Н.С.,

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII-80-е годы XIX в. М., 1984.

⁶ Лучшими обобщающими трудами по данной теме советского периода являются: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Б.Пиотровского. М., 1988 и История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.) / Под ред. Н.Л.Нарочницкого. М., 1988. Две библиографии: Мясаров М.М. *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*. Спб., 1874-1876; Moshe Ganner, «Shamil and the Murid Movement, 1830-1859: An Attempt at a Comprehensive Bibliography», *Central Asian Survey* 10, № 1/2 (1991). P. 189-247.

⁷ Joseph L. Wiczyński, *The Russian Frontier* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1976); George V. Lantzeff and Richard A. Pierce, *Eastward to Empire*:

Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России

рые ученые более осторожны в своих подходах; но, тем не менее, от Казани они сразу переходят к Сибири, игнорируя тот факт, что колонизация сначала двигалась по направлению на юг, а уже после этого на восток, и что Нижняя Волга до конца XVIII столетия была столь же нерусской, сколь и Сибирь⁸. Подобно этому главные работы о миграции, колонизации и жизни «фронта» больше внимания уделяют Сибири или степным границам и заселению Украины и Крыма. Обычно забывается тот факт, что эти миграции являлись частью более крупного и многогранного процесса (и что степь тянется до подножия Кавказских гор)⁹.

Недавно были проведены крайне важные исследования по нерусской окраине расширяющегося «фронта», и частично благодаря им историки России больше уже не заигрывают с концепцией Тернера о «фрон-

Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750 (Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973); Roger Dow, «Prostor: A Geopolitical Study of Russia and the United States», *Russian Review* 1, N. 1 (November 1941). P. 7-8. Даже в недавней работе Дениса Шоу используется тернеровское понятие «фронта». См. Judith Pallot and Denis J. P. Shaw, *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613-1917* (Oxford: Clarendon Press, 1990). P. 13-32.

⁸ Donald W. Treadgold, «The Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier», *Agricultural History* 26, № 4 (October 1952). P. 147-152; A. Lobanov-Rostovsky, «Russian Expansion in the Far East in the Light of the Turner Hypothesis», *The Frontier in Perspective*, eds. Walker D. Wyman and Clifton B. Kröber (Madison: University of Wisconsin Press, 1957). P. 79-94. Интенсивный процесс заселения района нижнего Поволжья не начинался вплоть до 1780-х годов. См. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990. - С.90.

⁹ Donald W. Treadgold, *The Great Siberian Migration* (Princeton: Princeton University Press, 1957); Raymond Fisher, *The Russian Fur Trade, 1550-1700* (Berkeley: University of California Press, 1943); Terrence E. Armstrong, *Russian Settlement in the North* (New York: Cambridge University Press, 1965); William H. McNeill, *Europe's Steppe Frontier, 1500-1800* (Chicago: University of Chicago Press, 1964); Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1780 гг. М., 1959; N.D. Polons'ka-Vasylenko, «The Settlement of the Southern Ukraine (1750-1775)», *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* 4-5 (Summer-Fall, 1953); Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI-XVII столетии: В 2 т. Харьков, 1890. Одной из редких работ по не-сибирской границе является Michael Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771* (Ithaca: Cornell University Press, 1992). Будучи наиболее заинтересованным в калмыцком обществе и его взаимоотношениях с Российским государством, Ходарковский дает краткий обзор (с.308-335) российской колонизации вдоль Волги и столкновений с калмыками как ее следствия. Двумя другими исключениями являются Boris Nolde, *La Formation de l'Empire russe*, 2 vols. (Paris: Institut d'Etudes slaves, 1952-1953) и Andreas Kappler, *Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19 Jahrhundert* (Köln: Böhlau, 1982).

тире» как двигателе прогресса.¹⁰ Однако они также изображают превращение Украины, Крыма, Поволжья и Сибири в регионы России скорее как политический, а не социальный процесс. Границы наших представлений охватывают лишь историю самого покорения (военных действий и управления), в то время как «конструктивные» аспекты российской колонизации (рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры) еще предстоит исследовать. Иногда же социальная история уделяет внимание исключительно «потерпевшим» – проводившимся по отношению к ним репрессиям, их сопротивлению, вымиранию и эмиграции.

Подход к истории пограничья, необходимый для изучения Северного Кавказа (впрочем, как и для других российских рубежей), можно почерпнуть из историографии американского «фронттира» за последние двадцать лет. Теперь наконец отвергнут тернеровский тип пограничной истории вместе с его белыми поселенцами, двигавшимися на запад к «свободным» землям и вдохновенно создававшими на ходу американский индивидуализм и демократию. Вместо этого историки пишут о более сложном процессе, в который были вовлечены люди с разным цветом кожи и разных национальностей, где переплелись воздействие на окружающую среду, культурное смешение, социальная стратификация и грандиозное мифотворчество¹¹. В американской историографии «фронттира» имеются три направления, которые представляются особенно перспективными для русских историков; они обычно подпадают под следующие три рубрики: история окружающей среды, социальная история и этническая история. Данная работа ставит своей целью не углубленное изучение какой-либо одной из этих тем, а доказательство продуктивности использования концепции «фронттира» применительно к одному из приграничных регионов России; целью ее было также обрисовать в общих чертах, на какие темы могло бы нас вывести такое историческое исследование.

¹⁰ Alan Fisher, *The Crimean Tatars* (Stanford: Hoover Institution Press, 1978); Azade-Ayse Rorlich, *The Volga Tatars* (Stanford: Hoover Institution Press, 1986); Zenon H. Kohut, *Russian Centralization and Ukrainian Autonomy* (Cambridge: Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1988); James Forsyth, *A History the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990* (New York: Cambridge University Press, 1992).

¹¹ Относительно последних работ американских исследователей границ см. William Cronon, George Miles and Jay Gitlin, eds., *Under an Open Sky: Rethinking America's Western Past* (New York: W.W.Norton, 1992); Patricia Nelson Limerick, Clyde A. Milner II and Charles E. Rankin, eds., *Trails: Towards a New Western History* (Lawrence: University of Kansas Press, 1991).

Воздействие на окружающую среду и «перемещение видов»

Экономическое завоевание американского Запада заключалось не только в штурмовом натиске на природу, разрушительном и созидательном, но также в перемещении чужеродных организмов (зерновых, трав, животных, микроорганизмов) в новые экосистемы. Существовавшее прежде отношение туземцев к земле было вытеснено европейским подходом к земле как к товару. Экстенсивные методы культивации, ориентированные на более энергичное использование ресурсов, взяли верх над более компактными, более экологически целесообразными методами. Как писали Вильям Кроунон, Джордж Майлз и Джей Гитлин, «известное “пограничное” напряженное состояние между воспроизведением старого и усвоением нового воплотилось в ландшафте новых поселений, которые все более и более напоминали европейские и в новых политико-экономических условиях все лучше адаптировались к экосистемам Нового Света»¹².

История окружающей среды особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронта», где переселенцы пытались построить новое сообщество в незнакомой экологической обстановке. То, каким образом переселенцы преобразуют ландшафт и каким образом ландшафт преобразует их самих, является неотъемлемой частью их борьбы и их возможностей¹³. История окружающей среды Северного Кавказа особенно сложна; в мире насчитывается лишь несколько регионов с такой контрастной и разнообразной природой: бесчисленные микроклиматические зоны вершин и подножий гор, смена циклов наводнений и засух в долинах, контрастные сочетания гор со степью – почти что пустыней вдоль Каспийского моря – и болотистыми низинами Терека. Здесь рядом с быком можно увидеть верблюда, а рядом с горным козлом – буйвола.

В такой разнообразной и жестокой среде колонисты, по контрасту с американским опытом, были скорее не разносчиками болезней, а их жертвами. Одна из причин, по которой присоединение Черноморского побережья Кавказа было чревато бедствиями, состояла в том, что эта местность медленно и тяжело покорялась и плугу, и иммунной системе

¹² Cronon, Miles and Gitlin, *Under an Open Sky*. P. 12. Авторы этой статьи используют термин «перемещение особей».

¹³ Не случайно многие классики истории окружающей среды писали о зонах фронта. См. Carl Ortwin Sauer, *The Early Spanish Main* (Berkeley: University of California Press, 1966); Alfred W. Crosby, *The Columbian Exchange* (Westport: Greenwood, 1972); William Cronon, *Changes in the Land* (New York: Hill and Wang, 1983).

русских. Особенности расселения русских на новых землях были полностью противоположны традиционным местным, экологически грамотным схемам; именно поэтому среди русских имели место столь многочисленные случаи со смертельным исходом. Черкесы селились в предгорьях и горах, избегая малярийной болотистой местности вдоль морского побережья и частых туманов, пагубных для садовых культур; напротив, русские начинали селиться на прибрежной полосе и у низинных рек. Продукты сюда необходимо было доставлять через Черное море или добывать путем торговли с черкесами. И в крепостях вдоль Черного моря, и в Кубанском районе, населенном черноморскими казаками, смертность была огромной, так как большое число переселенцев и солдат умирало от чумы, малярии, тифа, цинги и холеры. Г.И.Филипсон, офицер, служивший на Черном море в 40-х годах XIX столетия, сравнивал Сухуми с «каменной могилой», где ежегодно от различных болезней умирало 16% населения, принадлежавшего к низшим классам (что сокращало среднюю продолжительность жизни там на шесть лет). Таким же был средний уровень смертности при каждой крупной волне переселения на Кубань, за исключением переселения 2000 семей в 1848 году, когда погибло 36% мужского состава, в основном от холеры. По иронии судьбы, курорты с минеральными источниками стали функционировать именно из-за высокой заболеваемости в регионе: до того, как Пятигорск стал любимым курортом Пушкина, он был Константиноградской крепостью, куда в 1780 году направлялись больные солдаты и казаки для купания в горячих источниках под калмыцкими шатрами¹⁴.

В богатых степях Северного Кавказа русские достигли более значительных успехов в организации сельского хозяйства, создании поселений и в установлении политического контроля. Однако этот процесс занял больше столетия: еще в 1833 году голод в Ставропольской губернии вынудил правительство выдать ссуду государственным крестьянам в размере трех миллионов рублей для закупки зерна и разрешить около 40 000 крестьян вернуться во внутренние области России для временно-

¹⁴ Иу. Т. Pyshnova, «Historical-Geographic Aspects of the Development and Settlement of the Black Sea Coast of the Caucasus», *Soviet Geography* 15, №3 (March 1974). P. 156-163; Г.И.Филипсон. Воспоминания // Русский архив. (1884). №1. С. 204; 211; Бентковский И.В. Заселение Черноморья с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880. – С.48, 69, 121; Богославский В.С. Пятигорские и с ними смежные минеральные воды. Спб., 1883. - С.7-8; Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. - С.67. Аналогичным образом реальной причиной массовой гибели людей в первых крепостях Северного Кавказа были свирепствовавшие там болезни, а не набеги горцев.

го проживания¹⁵. Российский контроль был окончательно установлен при помощи экономической политики, разительно отличавшейся от таковой в коренных губерниях и опиравшейся на казачество, государственных крестьян, местное население (но не на крепостных) и на гораздо более разнообразное хозяйство.

Планы колонизации степи появились еще в 1764 году, и в последующие десятилетия здесь были осуществлены первые крупные земельные пожалования. Однако большинство землевладельцев продавали или забрасывали свои владения, а те из них, кто все-таки поселился на этих землях, не начинали сразу активно возделывать землю, а использовали ее практически исключительно под пастбища для скота. Так, колоссальную неудачу пережил князь А.А.Вяземский. В 1783-1786 годах этот фаворит Екатерины II получил более 70 десятин кавказской степи, основал поселение Черный Рынок – центр своих владений – и переселил на новые земли 1000 своих крепостных из центральных губерний. Но его попытки крупномасштабного выращивания пшеницы, так же как и обучения крестьян морскому рыболовству и виноградарству, были безуспешны. Вскоре он продал свое поместье другому аристократу, который, в свою очередь, три года спустя разделил его и продал большую часть. К началу XIX века Черный Рынок представлял собой нищую деревушку в 50 домов¹⁶.

Советские историки указывают, что основной причиной несостоятельности помещичьего хозяйства был недостаток капитала; тем не менее экологический фактор также играл здесь важную роль. Переселенные крестьяне с трудом привыкали к новому климату, новым болезням и новому сельскохозяйственному календарю; многие заболели и умирали. Селение Покойное, основанное крестьянами из южных губерний в 1766 году на реке Кума, было так названо, по словам одного из ее жителей, потому, что многие умерли здесь от болотной лихорадки.¹⁷ Ногайские татары называли это селение «плохим местом».

Что же происходило при соприкосновении местной и русской культуры сельского хозяйства? Русские чиновники были склонны считать сельское хозяйство в горной местности и у горных подножий примитивным; но легкий плуг, ступенчатые склоны, ирригационные системы, сложная система унавоживания и отобранные с учетом региональных особенностей зерновые культуры – все эти элементы складывались в

¹⁵ Дон и степное Предкавказье XVIII-первая половина XIX в. / Под ред. А.П.Пронштейна. Ростов-н/Д., 1977. - С.60, 116.

¹⁶ Фадеев А.В. Россия и Кавказ... – С.35-41.

¹⁷ Твалчредидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. – С.408.

интенсивное хозяйство, отвечающее особенностям данной окружающей среды и во многих отношениях превосходившее российский экстенсивный метод пахоты. Особенно интенсивным было сельское хозяйство в Дагестане, где существовала обширная ирригационная система и применялись различные удобрения, такие, как навоз, зола, ил, солома, перемешанная с торфом и сухим навозом (или даже с птичьим пометом). Советские историки утверждают, что национальные технические приемы и местные зерновые культуры оказали большое влияние на русских и что русские технические приемы и зерновые культуры распространились среди горцев. Но наиболее значительная волна влияния, по крайней мере до середины XIX века, скорее всего, шла с юга. Кизляр никогда не превратился бы в большое и процветающее поселение без персидского риса и проса, дербентской пшеницы и, самое главное, без виноградных лоз и ирригационных каналов, являвшихся отличительной чертой данной местности. Даже в северокавказской степи, где доминировал экстенсивный метод в сельском хозяйстве, хуторяне выращивали кубанскую пшеницу.¹⁸

Насколько был велик экологический урон, нанесенный русскими войсками при подавлении сопротивления горцев? Рубка леса, описанная Толстым в его знаменитом рассказе, имела целью не только уничтожить естественное убежище воинственных кавказских народностей, но и лишить их и их соседей редкого строительного и отопительного материала. Бэддели указывает на предписание Шамиля ограничить рубку леса на чеченских землях как на попытку защититься от русского топора. Но валили лес не одни русские. Дерево и древесный материал (как лесозаготовки для строительства и бондарного дела, для воловьих повозок и колес, для подпорок лозы и обручей) составляли основной предмет торговли чеченцев и кабардинцев с русскими поселенцами. До 1840 года чеченцы, проживающие вблизи Кавказской военной линии, ежегодно сплавляли от 500 до 800 плотов леса и дров по Сунже и Тереку в Кизляр и привозили от 5000 до 6000 воловьих телег, груженных виноградными подпорами. Потребность русских в дереве была настолько велика, а доступная лесная полоса между горами и степью была настолько узкой,

¹⁸ Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа... - С.378-379; Каюев Б.А. Земледелие у горских народов Северного Кавказа // Советская этнография. 1973. № 3. - С.46. О торговле пшеницей в Кизляре см. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. - Ростов-н/Д., 1957. Т.2. - С.215-18; Фадеев, Россия и Кавказ... - С.63-65; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.4. Тифлис, 1870. - С.37 [здесь и далее АКАК]. О кубанской пшенице см. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1910. № 2. 4 паг. - С.58-60; Взгляд на Кавказскую Линию // Северный архив. 1822. № 2. - С.181.

что местное население было вынуждено прибегать в некоторых районах к излишней рубке¹⁹.

Рубка леса, конечно же, воздействовала и на русских. Географ Д.Л.Иванов в 1886 году писал о значительной эрозии почв в Ставропольской губернии как о последствии переселения русских и вырубки лесов. Такие поселения, как Дубовка и Берестовок, сами названия которых говорят о лесистом характере местности, лишились своих лесов; многие районы, когда-то богатые лесом, кустарником и животным миром, быстро превратились в голые склоны, лощины, ущелья и покрылись сорняками. Основанное в 1790 году село Круглолесное, как свидетельствует его название, было окружено густым лесом. К концу XIX века сохранились только жалкие остатки леса на западной стороне села, и оно было уже известно просто как Круглое. Достаточно типична и история села Чернолесское, основанного русскими переселенцами в 1799 году: «Село названо «Чернолесским», вероятно, потому, что здесь, как говорят старожилы, при основании села произрастал на всем протяжении р. Томузловки большой строевой лес, состоявший исключительно из лиственных пород. В лесу в изобилии водились дикие свиньи и козы; попадались даже олени и медведи, забегавшие сюда из лесов Кавказских гор. В настоящее время от этого леса не осталось и следов»²⁰.

Было бы ошибкой недооценивать важность этого природного изобилия для обустроившихся российских поселений, которым часто давали названия в честь тех или иных природных богатств (Обильное, Богатое, Медведское, Ореховское, Грушевое). Последствия злоупотребления этими природными богатствами также еще предстоит изучить.

Еще более значимыми, чем рубка леса, для подавления сопротивления горцев и переустройства местного хозяйства были запреты или ограничения доступа к зимним пастбищам и соленым равнинным озерам. Выпас скота зачастую носил здесь экстенсивный характер, когда различные племена должны были объединять свои средства и рабочую силу, а пастухи, отгоняя скот на зимние пастбища, покрывали расстояния до 400 километров. Кроме того, возможности горного хозяйства были ограничены таким обстоятельством, как легко уязвимая окружающая среда, одной из особенностей которой была нехватка полезной земли. Но вести сельское хозяйство было жизненно необходимо практически для всех местных народов, хотя бы для обеспечения скота и лошадей кормом. Такое хозяйство легко могли разрушить войска оку-

¹⁹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962. - С.93-96; Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. - С.89; Baddeley, The Russian Conquest, XXXVI.

²⁰ Иванов Д.Л. Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края // Известия Императорского русского географического общества. Год 22 (1886). № 3. - С.225-254; Гвалчрелидзе А. Ставропольская губерния. - С.62, 204.

пантов, хотя русские крепости и переселенцы также зависели от него до того момента, когда плуг покорил степь.

Пограничный обмен

Этот термин происходит из работы Дэниела Х.Юснера (младшего) «Индейцы, переселенцы и рабы в экономике пограничного обмена: Долина нижней Миссисипи до 1783 г.». Под ним автор подразумевает «сеть межкультурных взаимодействий, посредством которой туземное население и группы колонистов осуществляли обмен товарами и услугами», включая «мелкое производство, торговлю из рук в руки и прозаические черты обыденного существования»²¹. Подобные процессы могут показаться незначительными с точки зрения выгодно расположенных центральных регионов; но для проживающих в приграничной зоне они составляли основу региональной экономики и общей культуры. Пограничный обмен, несомненно, жизненно важен для поселенцев (да и для завоевателей) на любых границах и способствует структурированию туземно-колониальных взаимоотношений и зависимостей. Историки России и Северного Кавказа уделяли внимание тому, как пограничный обмен, говоря языком советской науки, способствовал «вовлечению Северного Кавказа во всероссийский рынок»²², а не тому, какое значение процессы обмена имели для самого регионального общества, его экономики и культуры.

Местная торговля на Северном Кавказе велась в крепостях, казачьих станицах, на торговых точках, а также в горах странствующими армянскими купцами. Эта торговля была достаточно развита во всем регионе и продолжала набирать силы, даже когда война за покорение Кавказа достигла своего пика – в 1840-1850-е годы. Горное население обменивало разнообразные товары, включая домашний скот, зерно, лес, оружие, овечьи шкуры, одежду, изделия из кожи и другие ремесленные изделия на соль, рыбу, икру, хлопчатобумажные ткани, изделия из железа и свинца, а также другие промышленные товары. Захват и выкуп пленных также был частью местной торговли.

Для понимания особенностей российского опыта пребывания на Северном Кавказе следует проанализировать несколько аспектов пограничного обмена. Во-первых, в XIX веке русские попытались создать у

²¹ Daniel H. Usner, Jr., *Indians, Settlers, and Slaves in a Frontier Exchange Economy* (Chapel Hill: University of North Carolina Press for the Institute of Early American History and Culture, 1992). P. 6.

²² Так называется книга Т.Х.Кумыкова (см. п. 19), и этим же обычно ограничиваются многие советские историки при анализе Кавказа.

Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России

местных народов зависимость от промышленных товаров и, чтобы привести их в повиновение, старались привить им вкус к «плодам цивилизации». Однако если пристальнее взглянуть на местную торговлю в XVIII и XIX веках, то вопрос о том, кто от кого зависел, окажется более сложным. Россия так и не смогла превратить Северный Кавказ в торговую колонию, в которой местное население поставляло бы в большом количестве сырье, например меха и хлопок, для обогащения русских купцов. Не менее важными для пограничного обмена были здесь и товары кустарного изготовления – одежда и оружие, седла и другие изделия из кожи, а также, как мы их сегодня называем, «полуфабрикаты» (сухофрукты) и специфические садовые плоды (орехи, марена, свежие фрукты), то есть товары, для производства которых требуется более высокий уровень мастерства, чем для получения сырья массового производства, например для русского зерна.

Линии зависимости могли совершенно перепутаться на этой дальней границе, где жизнь во многих отношениях была значительно более сложной и неоднозначной, чем в центральных районах страны. Любопытным фактом из истории российского завоевания Кавказа является то, что оружие для казаков ковали кузнецы и серебряных дел мастера с гор. Вооружение казаков – шашка, кинжал и, до середины XIX века, горный мушкет – производилось преимущественно в горных аулах и попадало к казакам путем торговли. Это обстоятельство подорвало развитие ремесел к северу от Кавказской военной линии: русские и казаки практически не занимались работами по металлу, предпочитая приобретать металлические изделия, изготовленные на севере или на юге. Местных умельцев, кузнецов и серебряных дел мастеров, охотно привечали в русских крепостях и станицах; подавляющая часть ремесленников Кизляра и Моздока переселилась туда из-за Терека²³. И все русские крепости в XIX веке стремились расширить свою экономическую базу путем привлечения туда армянских, грузинских, чеченских, кабардинских и других переселенцев, занимавшихся торговлей, сельским хозяйством, шелководством и различными ремеслами.

Другой аспект пограничного обмена, нуждающийся в дальнейшем изучении, – это попытка (по большей части неудачная) регулировать местную русскую торговлю, создавая карантинную линию торговых

²³ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. - С. XIV-XXI; Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Т. 7-9. 1915. Разд. 10. - С. 1-5; Статистические известия о Кавказской области и земле войска Черноморского // Журнал Министерства внутренних дел. 1830. № 5. - С. 124-127.

постов и солевых магазинов. На этой благодатной для подпольной экономики почве контрабандисты регулярно нарушали таможенную зону, и практика «черного рынка» порождала разветвленные конспиративные связи. Инспектор одного из торговых постов докладывал, что продажа соли, основного предмета торговли, практически остановилась в семи карантинных постах после того, как в 1820-е годы в глубине кабардинской территории были построены новые казачьи крепости: казаки просто привозили соль из других городов и в своих «некарантинных» поселениях продавали ее кабардинцам и другим. По словам современника событий, объем контрабандной торговли более чем вдвое превышал объем официальной торговли с горцами; он называет контрабанду обычной практикой²⁴. Рост нерегламентированной рыночной и базарной торговли, как и преобладание армянских купцов, владевших языками горцев и добравшихся до самых дальних аулов, делали русские торговые посты несостоятельными.

В-третьих, мы должны выяснить, каким образом запросы русского населения влияли на местную экономику. Торговля ремесленными изделиями и одеждой, такой, как бурки, черкески и папахи, вероятно, укрепила местную экономику, поскольку количество товаров, производимых на продажу, увеличилось со временем во много раз. Но специализация имела свои плюсы: начальник крепости Кизляр А.И.Ахвердов докладывал в 1804 году, что кумыки из деревни Эндери «довольно обогатели» на покупке пленных у горских народов и последующей выгодной перепродаже их населению Кизляра для работы в качестве подневольных батраков на виноградниках. Расположенная как ворота у подножия гор, деревня Эндери использовала свое выгодное положение для доходной торговли. Этот рассказ не только свидетельствует о том, что русская крепость «отуземилась» в достаточной степени, чтобы использовать рабов с гор для развития виноградарства, но и является примером того, как русское присутствие частично изменяло ориентацию местной экономики и обогащало тех, кто умел этим пользоваться²⁵.

Русские также соблюдали местные традиции захвата пленников. Несмотря на то, что работорговля искренне осуждалась русскими, была объявлена в 1804 году вне закона и в конце концов прекратилась, русским пришлось подчиниться горской практике взятия заложников и

²⁴ Кумыков Т.Х. Вовлечение... - С.34-35; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т.2. М., 1823. - С.142-145.

²⁵ Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа. - С.80: Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О.Косвена и Х.М.Хашаева. М., 1958. - С.213.

Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России

выкупа пленных (возможно, это было довольно значительным источником дохода для скудного хозяйства Северного Кавказа). Крепости не только держали местных заложников (аманатов) в качестве формальной гарантии безопасности от набегов горцев, с которыми заключались соответствующие соглашения; более того, Коллегия Иностранных Дел предписывала им захватывать новых заложников в случае, если один из прежних умер, а замена не предоставлялась. Рейды, организуемые для захвата заложников, освобождения пленных или похищения домашнего скота, временами превращались в грабительские набеги, мало отличающиеся от нападений горцев на русские поселения²⁶.

«Ничейная земля» и этнические границы

Отношение к американским индейцам в историографии американского «фронта» за последние полвека претерпело изменения, подобные сейсмическому сдвигу: сначала о них совсем не упоминали; затем они предстали в качестве жертв, подвергавшихся эксплуатации, уничтожению и ассимиляции. В последние несколько десятилетий практика этнической истории позволила воссоздать картину сопротивления индейцев европейскому натиску, подчеркивая глубину их конфликта с белыми и стремление сохранить островки традиционной индейской культуры. Джордж Майлз выражал сожаление о том, что, несмотря на расцвет исторических исследований, посвященных американским индейцам, эти новые исследования остаются «маргинальными», полупризнанными: «изображая индейскую культуру как полную антитезу культуре белых, практически невозможно отыскать подход, с помощью которого история индейцев могла бы влиться в основное русло американской историографии»²⁷. Поскольку воссоздание истории нерусских народов Российской Империи требует еще огромной фундаментальной работы, изучение приграничных этносов и национальных меньшинств рискует аналогичным образом оказаться на периферии исторической науки. Качественная история «фронта» была бы важна не только для воссоздания истории, например Карелии или Кавказа, но и для истории России в целом.

²⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Т.1. Спб., 1869. - С.163; О набегах: см. Лысков В.П. Персидский поход Петра I. М., 1951. - С.98; Материалы для статистики Кизлярского казачьего войска // Военный сборник. 1869. № 12. - С.213; Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. Спб., 1763. - С.102; Попко И. Терские казаки с стародавних времен. Спб., 1880. - С.253-254.

²⁷ George Miles, «To Hear an Old Voice: Rediscovering Native Americans in American History», Under an Open Sky. P. 55.

Важно рассматривать «фронтир» на ранних этапах освоения его русскими поселенцами в качестве не столько периферии новой России, сколько уникального явления, возникшего в результате культурного обмена и взаимодействия между всеми сторонами. Прежде чем российская государственность и русские поселенцы приобрели доминирующее положение, существовала необходимость приспособления и адаптации различных народов друг к другу. Ричард Уайт в своем исследовании «Ничейная земля: индейцы, империи и республики в регионе Великих Озер, 1650-1815 гг.» писал следующее: «В обычном широком употреблении термин “аккультурация” описывает процесс, в ходе которого одна группа становится более похожа на другую путем заимствования отдельных черт культуры. Аккультурация происходит в условиях, при которых доминирующая группа в большой степени способна диктовать нормы поведения подчиненной группе». Вместо такой модели он предлагает внимательнее исследовать «ничейную землю, промежуточное пространство между культурами, народами, а также между империями и внесоциальным сельским миром... Это пространство между историческим передним краем европейского вторжения и оккупации и задним планом поражения и отступления индейцев»²⁸. Аспекты ничейной земли, по Уайту, включают брачные связи, переговоры о случаях насилия, союзнические отношения, устанавливавшиеся с помощью ритуалов, и социальные связи, формировавшиеся путем торговли.

Подобное промежуточное пространство, несомненно, существовало между русскими и коренными народами Северного Кавказа в XVII, XVIII и начале XIX веков и порой было довольно обширным. Создавалось оно, прежде всего, за счет межнациональных браков, пограничного обмена и традиций горского гостеприимства. Ничейная земля Северного Кавказа незаметно переходила в районы аккультурации, где отдельные индивиды пересекали этнические границы (часто путем побега, дезертирства или пленения), принимая местную культуру или же, наоборот, русифицируясь. Историография преимущественно концентрировала внимание на том, чем становилась ничейная земля впоследствии – как она соотносилась с линиями военного противостояния и контурами формирования этнических типов²⁹; меня же более всего интересуют

²⁸ Richard White, *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815* (New York: Cambridge University Press, 1991). P. X.

²⁹ Те немногие историки, которые интересуются лицами, пересекавшими этническую границу, склонны употреблять термин «кооптация». Не учитывая причин сделанного этими лицами выбора, данный подход превращает тех, кто должен быть предметом истории, в объекты манипуляции.

полосы неопределенности, способствовавшие образованию гибких этнических границ и широкого промежуточного пространства на Северном Кавказе; вопрос этот и будет рассматриваться в последней части настоящей статьи.

Одна из предпосылок существования ничейной земли – отсутствие «доминирующей группы... в большой степени способной диктовать нормы поведения» – была вполне явной на Северном Кавказе на протяжении всего XVIII столетия. Даже после 1864 года русские не только не могли диктовать стереотипы поведения на большей части данной территории, но и не являлись этнически доминирующей группой (за исключением нескольких анклавов). За крепости постоянно шла борьба: они покидались, переносились на другое место или восстанавливались заново. Например, первую русскую крепость, построенную в 1567 году в устье реки Сунжа, четыре раза переносили на новое место после нападений, а затем навсегда оставили в 1653 году, когда ее гарнизон был переведен в Терский городок. Последний затем несколько раз менял свое местоположение и был также оставлен в 1722 году с переводом гарнизона в Святой Крест, который, в свою очередь, был покинут в 1735 году, а крепость перенесена в Кизляр. Даже после установления Кизлярско-Азовской линии в 1778 году русское присутствие все же было нестабильным. Крепость Владикавказ была оставлена через два года после ее основания в 1784 году из-за восстания Мансура и заселена вновь лишь в 1803 году. Другой пример – изменчивая судьба Екатеринограда, первоначально основанного в 1777 году в среднем течении Терека у подножия гор. С соответствующей помпой Екатериноград в 1785 году был превращен из казачьей станицы в столицу Кавказского наместничества. Наместник П.Г.Потемкин (двоюродный брат знаменитого Г.А.Потемкина) перенес туда свою резиденцию, построил роскошный дворец и возвел массивную триумфальную арку в классическом стиле с огромным карнизом, четырьмя колоннами и надписью «Дорога в Грузию». Спустя два года столица наместничества была перенесена на северо-запад – в Георгиевск, затем в Астрахань (1802 год), а Екатериноград превратился в одинокую казачью станицу с триумфальной аркой в чистом поле³⁰. Официально объявленной причиной переноса была отдаленность Екатеринограда; пограничные набеги Мансура, несомненно, помогли ускорить принятие такого решения. Ставрополь – следующая крепость, которой предназначалось стать столицей

Например, можно ли считать Гоголя членом элиты, кооптированным из числа жителей украинского «фронта»?

³⁰ Виноградов В.Б., Магомедова Т.С. Где стояли сунжинские городки? // Вопросы истории. 1972. № 7. - С.204; Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Т.1. Тифлис, 1906. - С.55-57.

крепость, которой предназначалось стать столицей Северного Кавказа, был более доступен по отношению к основной части России и более безопасно расположен в степи.

Изменчивость судьбы Екатеринограда с его заброшенной триумфальной аркой заслуживает столь же пристального внимания, как и агрессивная надменность названий ермоловских крепостей и лагерей 1818–1819 гг. – Грозная, Преградный, Злобный, Внезапная и Бурная. Слишком легко переоценить значение немногочисленных русских крепостей и поселений на Северном Кавказе или в других пограничных регионах, особенно тех, которые существовали в XVIII веке. Весь Кавказ и все побережье Каспия кишели шайками разбойников вплоть до конца столетия. Россия начала осуществлять последовательное военное наступление на Северном Кавказе только после 1817 года; тем не менее вплоть до 1860-х гг. «мирные» племена зачастую меняли стороны в конфликте по своему усмотрению, и передвижение оставалось опасным не только в горах, но и в предгорьях и даже в степи. В такой ситуации, как и в любой пограничной зоне, для обеспечения собственной безопасности приходилось больше надеяться на друзей и соседей, чем на слабую поддержку государства.

Военное преобладание русских в этом регионе вплоть до начала XIX века было столь же условным и шатким, сколь и демографическое; иными словами, это был далеко не чисто русский «фронтир». Только к концу XVIII века русские начали численно несколько преобладать в данном регионе, исключая еще непокоренные горы за Терекком и Кубанью. Кизляр и Моздок даже позднее оставались преимущественно нерусскими по населению; в 1869 году русских и украинцев было только 123 036 человек из 469 278 жителей области Терек³¹.

Русское заселение Северного Кавказа можно условно разделить на три стадии. В период с 1560-х гг. по 1721 год возникли вольные казачьи станицы вдоль восточного Терека, и в том же регионе были возведены первые регулярные русские крепости; в 1721 году терское казачество было изъято из ведения Посольского приказа и передано в распоряжение Военной коллегии – казаки превратились в слуг государства. Только на второй стадии (1722-1775 гг.) российское правительство приступило к переселению значительного числа казаков и других служилых людей. Вдоль Терека было сооружено несколько новых крепостей, включая первое постоянное долговременное укрепление – крепость Кизляр. На третьей стадии (1776-1860 гг.) создание военной линии было завершено, и она продвинулась дальше в горы; вдоль линии были рас-

³¹ Кабузан В.М. Народы России. - С.227; Сборник статистических сведений о Кавказе / Под ред. Н.И.Воронова. Тифлис, 1869. - С.20-21.

селены казаки, при этом запорожское казачество было преобразовано в черноморское казачество и получило земельные пожалования на Кубани. Затем начались переселения и спонтанные миграции большого числа крестьян. Приток русских происходил одновременно с мощными этническими сдвигами среди местных народов, включая переселение значительной части армян и грузин; движение осетин с гор в предгорья и на равнины; миграцию ногайцев из предгорных степей за реку Кубань и в степи Приуралья, Прикаспия и Крыма; и, наконец, массовый исход за пределы России примерно 700 000 черкесов в 1850-1860-х гг.³².

Как только утвердилось постоянное российское присутствие вдоль Терека, там стали селиться группы беглых горских крестьян и рабов, что нередко вызывало серьезные дипломатические осложнения. Один из первых известных инцидентов, вызванных проблемой пленных, был связан с защитой русскими местных беглецов. В 1774 году ботаник Самюэль-Готтлиб Гмелин в ходе исследовательской экспедиции в район Каспия был захвачен в Дагестане правителем (уцмием) Кайтага, Амиром Хамзой. За несколько лет до этого около двухсот семейств подданных Амира Хамзы бежали под покровительство России, и теперь он требовал их возвращения или же выплаты 30 000 рублей в обмен на освобождение Гмелина³³. Начиная с 1740-х гг. кабардинские князья и вожди неоднократно жаловались российскому правительству на побег своих рабов в русские поселения. Основание в 1763 году русской крепости Моздок вблизи кабардинского селения еще более усугубило положение, поскольку сотни кабардинцев бежали под защиту русских. В 1764 году в Петербург была послана кабардинская делегация с требованием уничтожить крепость, выплатить компенсацию за беглецов-христиан и впредь возвращать любых беглых подданных Кабарды; эти требования, конечно же, были отклонены. К тому моменту в Моздоке проживало более двухсот крещеных кабардинцев. В 1767 году около 10 000 местных крестьян бежали на укрепленную территорию между реками Терек и Малка и соорудили мост через Терек для побега. Несмотря на обещание защиты со стороны русского коменданта крепости Кизляр, крестьяне договорились со своими князьями о снижении налогов и повинностей и о праве на уход к другим хозяевам, после чего многие из них вернулись. В 1771 году, после еще одной петиции из Кабарды, Екатерина II согласилась вернуть беглых кабардинских рабов, а за каждого

³² Alan W. Fisher, «Emigration of Muslims from the Russian Empire in the Years after the Crimean War», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 35 (1987). P. 365-371.

³³ АКАК. Т.1. Тифлис, 1866. - С.87. Гмелин умер в плену.

перешедшего в христианство уплатить 50 рублей выкупа³⁴. Это решение было принято по той причине, что Россия тогда не хотела осложнять отношения с Османской империей (считавшей Кабарду своей вассальной территорией), а также потому, что многих крестившихся кабардинцев, по мнению русских, в действительности христианство не интересовало.

Россия также решила обратить пристальное внимание на осетин, считавшихся «заблудшими христианами» и ставших объектом особой миссионерской активности. Переселение осетин с гор в долины началось с основания Моздока (1763 год) и Владикавказа (1784 год). Фактически Моздок первоначально предназначался для того, чтобы служить укрепленным поселением Осетинская, куда будут приглашаться для переселения осетины, грузины, армяне и другие «христианских народов люди» и где они получают право свободно сооружать храмы и исповедовать свою веру, а проживание мусульман будет запрещено. Вместо Осетинской был построен Моздок, но намерение сделать его центром притяжения для переселения осетин сохранилось. Масштабы переселения осетин возросли в 1820-х гг., когда Ермолов начал вытеснять кабардинцев из района Военно-Грузинской дороги и расселять там осетин; к 1840-м гг. около 21 000 осетин проживало на Владикавказской равнине³⁵. Многие из них поступили на казачью службу, особенно в Моздокское Казачье братство и в Горский Казачий полк.

В XVIII и XIX вв. российское правительство приложило большие усилия для привлечения на Северный Кавказ армян. Первое значительное земельное владение было пожаловано в 1710 году карабахскому армянину Сафару Васильеву в районе Кизляра для посадки тутовых садов (для разведения шелковичных червей). В XVIII в. большое количество армян из Турции и Персии переселились в бассейн Терека; другие бежали туда с гор, из крымского или ногайского плена. В этот период Кизляр и Моздок были населены преимущественно армянами: в 1796 году в Кизляре проживало 2 800 армян и только 1 000 русских. В 1789 году 55,6% населения Моздока составляли армяне и грузины. Еще около 3 500 армян из ханств Дагестана и Прикаспия расселились в 1797 году вдоль Кавказской военной линии. Армяне занимались производством шелка и виноградарством, а также создавали основу всей региональной торговли на Северном Кавказе. Другая большая группа армян в

³⁴ АКАК. Т.1. - С.81-85; Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа. - С.395; Кумыков Т.Х. Кушева. Кабардино-русские отношения. Т.2. - С.269-273; Бутков П.Г. Материалы... Т.1. - С.317-319.

³⁵ Берзов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе, 1980. - С.56-59; Калоев В.А. Осетины. 2-е изд. М., 1971. - С.65.

1839 году пришла из-за реки Кубань, чтобы расселиться вдоль западной части казачьей линии в районе Армавира, жители которого (даже в 1859 году) говорили на черкесском диалекте и внешне напоминали горцев³⁶. Сложность ситуации на этнической границе ярко иллюстрирует пример армавирских армян, которые были армянами по самосознанию, христианами по вере и подданными Российской Империи, жившими в казачьей среде, говорившими, одевавшимися и питавшимися по черкесски, соблюдавшими черкесские обычаи.

Первыми, наиболее многочисленными и наиболее широко расселившимися русскими жителями на Северном Кавказе были казаки. Следовало бы взять в кавычки и слово «казаки», поскольку казачество на Северном Кавказе трудно свести к единой этнической общности или просто к сословному обозначению. Единственной общей их чертой было то, что к XVIII веку Российское государство рассматривало казаков Северного Кавказа как своих слуг, обязанных исполнять военную, курьерскую, строительную или другую службу. Это, конечно же, не означает, что все казаки так и поступали – многие восставали против тех или иных повинностей, создавали разбойничьи банды или дезертировали в горы. Насколько являлся казаком Яков Алпатов из станицы Наурской, дважды убежавший в горы, принявший ислам и сколотивший из чеченцев и казаков воровскую шайку, которая грабила села, похищала скот и захватывала пленников не только у казаков, но и у калмыков и ногайцев далеко в степи³⁷?

Первые казачьи общины, возникшие вдоль Терека в XVI и XVII вв., представляли собой пеструю смесь различных беглых людей: кочующих или беглых казаков; старообрядцев и сектантов; рабов, захваченных русскими, и представителей коренных народностей Кавказа, бежавших из рабства, от наказания или кровной мести. К тому моменту, когда терские казаки были формально приняты на русскую службу в 1721 году, они уже проживали в данном регионе на протяжении двухсот лет в качестве вольных поселенцев, пиратов и разбойников. Путь Волга – Каспий – Терек был хорошо освоен в обоих направлениях: как дорога переселения на Кавказ; как маршрут грабежа, рыболовного промысла и торговли; как, наконец, исходный пункт повстанческих движений, рас-

³⁶ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сборник документов. Ереван, 1964. - С.37-41; Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа. - С.374, 463; Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. № 3. - С.260; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX в. М., 1974. - С.200-201.

³⁷ Самарин Н. Дорожные заметки // Северная Пчела. 1862. № 133. - С.550-551; Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния... - С.277.

пространявшихся на основную территорию страны. Селения возникали и исчезали; их обитатели погибали, попадали в плен или уходили в другие поселения. Терские казаки устремлялись на север для участия в главных казачьих восстаниях XVII и XVIII вв.; после этих восстаний беженцы откатывались назад, к далеким побережьям и густым лесам. Возможно, наиболее известным бунтовщиком этого периода был «царевич Петр» (Петрушка), который с Терека поднялся на парусах на север, чтобы соединиться с Болотниковым, и стал заниматься грабежом, курсируя вверх и вниз по Волге. Стенька Разин начинал свою «преступную карьеру» как пират на Каспии (и на Нижней Волге) и использовал в качестве одной из своих баз остров Чечень, находившийся недалеко от берега у места впадения Терека в Каспийское море. Другие казаки продолжали разбой на Каспийском море и в XVIII веке: в 1737 году персидский консул в Санкт-Петербурге жаловался на русских пиратов на Каспии, владевших в общей сложности примерно 70 кораблями и базировавшихся на острове недалеко от Баку. Пугачев также действовал в районе Терека; будучи приписанным к Терскому Семейному войску в 1772 году, он выступал против несправедливой оплаты казачьей службы, был арестован в Моздоке и бежал³⁸.

Но Кавказ был не просто южной окраиной огромного казачьего моря, в которое вливались бурные потоки лихих пришельцев с севера. Он также был местом, где казаки оседали, женились на представительницах коренных народов, воевали против или вместе с горцами или степняками, смешивались с местными этническими общностями. Беглое описание различных народов западного побережья Каспийского моря, составленное капитаном Иоганном-Густавом Гербером в 1728 году, при всей его точности и бюрократической прямолинейности показывает, насколько трудно различимой оставалась грань между казаками и неказаками. Существовали гребенские казаки, потомки первоначальных беглых крестьян, и казаки, жившие грабежом («воровством») и обитавшие в горах Северного Кавказа. Автор сообщает, что ранее они страдали от набегов своих соседей «татар», похищавших у них жен и детей (дети, скорее всего, и происходили от смешанных браков между каза-

³⁸ Козлов С.А. Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе в XVI-XVII вв. // Советская этнография. 1990. № 5. - С.47-56; Виноградов В.Б., Магомедов Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. 1972. № 3. - С.31-41; Восстание И.Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. - С.84, 109-110; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т.1. М., 1954. - С.120, 140-141; Бутков П.Г. Материалы... Т.1. - С.168; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева / Под ред. В.В.Мавродина. Т.2. Л., 1966. - С.76-77.

ками и «татарами»), но теперь жили с соседями дружно. Терские казаки, составлявшие гарнизон Терской крепости, представляли собой сочетание донских казаков и терских татар, обращенных в христианство. Терские татары исповедовали ислам, говорили на «ногайском» языке, жили в шатрах («как ногайцы»), занимались не только скотоводством, но и рыболовством, а соленую и сушеную рыбу продавали «татарам», жившим в горах. Согласно другим источникам, «терскими татарами» назывались казаки и коренные жители, рыбачившие в районе устья Терека; они были также известны в XVIII веке как «терские ногайцы». Ставропольские татары говорили по-русски, являлись христианами и казаками. Селение дагестанцев и кумыков Андрей (Эндери) было основано «беглыми российскими людьми и казаками, которые здесь воровством питались» и «такими татарами, которые такие промыслы употребляли»³⁹.

Неоднородность этнического состава казачьих групп на Северном Кавказе значительно возрастала по мере того, как в XVIII и XIX вв. усиливался интерес России к данному региону. С сооружением каждой новой крепости из внутренних областей переселялись группы донских, волжских, хоперских и яицких казаков. Казачьи полки постоянно пополнялись представителями нерусского населения, включая грузин, армян и представителей других народов Северного Кавказа. Чеченцы, кабардинцы, осетины и другие горцы либо вступали в уже существовавшие казачьи части, либо формировали свои собственные, как, например, Горско-Моздокский полк, Горский Казачий полк или Семейный Кизлярский полк. Большинство мусульман при этом принимало православную веру, однако в Горско-Моздокском полку служили и мусульмане. Еще в 1858 г. 10% казаков Кавказской военной линии исповедовали ислам. Государственные крестьяне-переселенцы, беглые крепостные и отставные солдаты также в большом количестве поступали на казачью службу. В 1832-1833 гг. более 30 поселений государственных крестьян были просто переименованы в казачьи станицы. Когда Запорожская Сечь была восстановлена в виде черноморского казачества и последнему в 1792 г. были пожалованы земли вдоль реки Кубань, тысячи запорожцев, участвовавших вместе с казаками в русско-турецкой войне, также переселились на эти земли. По оценке одного историка, только 30% первоначального черноморского казачества являлись настоящими запорожцами. Среди остальных казаков 40% были добровольцами, примкнувшими к запорожцам во время войны, а 30%

³⁹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. - С.60-63, 69. Гербер был членом комиссии, посланной в Дагестан для установления российско-турецкой границы в регионе.

составляли поляки, русские, молдаване и представители других этносов, переселившиеся на новую границу вместе с казаками⁴⁰. В течение последующих 60 лет более 80 000 казаков и крестьян были переведены на эти земли с Украины, и к ним присоединились тысячи не-казаков из казачьих областей (иногородних), нелегально сопровождавших переселяющихся колонистов.

Постоянно существовал также приток на Северный Кавказ беглых крестьян из России и с Украины. Они присоединялись к поселениям государственных крестьян или казаков либо основывали собственные селения, которые могли иногда существовать десятилетиями, не будучи замеченными властями. Как гласят народные предания, многие селения на Северном Кавказе первоначально возникли в качестве тайных убежищ отрядов беглых крепостных. Например, село Петровское на реке Калаус было предположительно основано беглым крепостным Петром Бурлаком, поселившимся в 1750-х гг. в густом лесу и занявшимся таким же разбойным промыслом, как и обитатели близлежащих «татарских» селений. Позднее к Бурлаку присоединились другие беглые крепостные, многие вместе со своими семьями, и глубоко в лесах возникло русское селение. Бурлацкое ущелье на правом берегу реки Буйвол служило прибежищем для беглых крестьян, которые, возможно, селились там, дабы избежать рекрутских наборов и гнета своих помещиков, и вели вольную жизнь разбойников и грабителей⁴¹.

Побеги крестьян на Северный Кавказ участились в 1820-х гг., когда государственное переселение казаков и государственных крестьян дало пищу слухам о существовавшей на юге свободе от податей и повинностей. В мае 1826 г. Николай I сделал специальное заявление, что слухи о свободе для крестьян и крепостных на Кавказе ложны, и все, кто туда бежал, будут наказаны по всей строгости законов. Однако это заявление не достигло своей цели, поскольку на протяжении трех последующих десятилетий тысячи крестьян продолжали стекаться на Северный Кавказ. Необходимость заселения региона и развития в нем сельского хозяйства часто заставляла местные власти закрывать глаза на подлинный социальный статус вновь прибывших. Зачастую переселенцев соблазняли не просто слухи: в 1832 г. саратовский губернатор сообщал, что во вверенной ему губернии и на Земле Войска Донского появляются беглые, дабы привлечь новых переселенцев на Кавказ; аналогичные сообщения поступали из Воронежа и Екатеринослава. Иногда с Кавказа воз-

⁴⁰ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Спб., 1860. Приложение. - С. IV; Дон и степное Предкавказье... - С.54-55; Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. - С.184-216; Бентковский. Заселение Черноморья... - С.19 -20.

⁴¹ Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния. - С.269, 399.

Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России

вращались и целые вооруженные отряды с требованием выдачи своих семей и собственности. Черноморские казаки также посылали вербовщиков для привлечения беглых на свои земли, где ощущалась острая нехватка рабочей силы⁴².

В 1837 г. крестьяне особенно часто бежали в район крепости Анапа, где было объявлено, что беглецам будет предоставлено убежище, они будут включены в ряды казачества и, согласно одному из вариантов, получат специальные документы, позволяющие им вернуться к местам прежнего проживания и освободить свои семьи. Туда направились тысячи людей, причем у некоторых крестьян имелись фальшивые паспорта, и прибывали они совершенно открыто, на тройках. Были сообщения о бандах беглых в окрестностях Темрюка, ведших жизнь гайдамаков, занимавшихся рыболовством и разбоем и всегда ходивших, подобно запорожским казакам, с мушкетами, пистолетами и пиками. Возможно, некоторых крестьян соблазняла мечта о существовавшей когда-то вольной воле; но более важным обстоятельством, несомненно, был прием, оказывавшийся беглецам казаками, которые сразу включали в свои ряды вновь прибывших либо укрывали их на своих хуторах или в рыбачьих артелях, где их высоко ценили из-за нехватки рабочей силы⁴³.

Наиболее существенной чертой северокавказского общества, помимо относительной свободы поселения, была дороговизна труда. Крайне редко встречался тот тип поселения, который преобладал на основной территории России, – крепостная помещичья деревня. В 1857 г. крепостные составляли менее 3% населения Северного Кавказа (Ставрополья и области Терека и Кубани); после малонаселенных Архангельского края и Сибири это была часть империи с наименьшим процентом крепостного населения⁴⁴.

Нехватка рабочей силы придавала специфический характер общественной жизни казаков и государственных крестьян, которым приходи-

⁴² Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа... - С.59; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.: Сборник документов / Под ред. А.В.Предтеченского. М., 1961. - С.223-225; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Т.3. Кн.2. Спб., 1861. - С.292; Щербина Ф. Беглые крепостные в Черноморье // Киевская старина. 1883. №16. - С.239, 244.

⁴³ Предтеченский А.В. Крестьянское движение... - С.331-332, 672; Щербина Ф. Беглые и крепостные... - С.240-245. Военный министр был настолько обеспокоен передвижением на юг, что предложил создать кордон на протяжении от Астрахани и Саратова до Екатеринослава для предотвращения бегства крепостных на Кавказ.

⁴⁴ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. М., 1971. - С.167-170.

лось нанимать большое количество людей для обработки своих полей и садов. В 1850-е гг. в летние месяцы казаки Кавказской военной линии нанимали до 4 000 сельскохозяйственных работников; черноморские же казаки нанимали почти 15 000 человек. Государственные крестьяне также нанимали ежегодно тысячи людей, преимущественно для работы на своих хуторах. Некоторые из сезонных работников были крестьянами из внутренних областей России, другие принадлежали к коренному населению. В середине XIX века от 20 до 25 тысяч сезонных наемных работников с гор проживали в Кизляре с весны по осень; их было настолько много, что в 1842 г. было создано даже специальное учреждение для «попечительства над приходящими в город мирными горцами». На протяжении 1850-х гг. около 15 000 ногайцев работало на помещиков и казаков в Кизлярском уезде⁴⁵. Количество туземцев в городах и казачьих станицах еще более возрастало во время проведения ярмарок и по базарным дням.

Именно небольшие северокавказские города служили основными местами этнического взаимодействия. Коренное население со всех сторон устремлялось к городам в целях торговли или в поисках сезонной работы, а многие проживали в них постоянно, благодаря чему эти центры региональной торговли приобретали живой, пестрый и этнически разнообразный облик. Но не все русские города Северного Кавказа были в равной степени многоликими. Такие старые города-крепости, как Кизляр и Моздок, являлись центрами местной торговли, этнического разнообразия и русско-туземного обмена и взаимовлияния. Екатеринодар, столица черноморского казачества, оставался населенным почти исключительно казаками, но по базарным дням и во время ярмарок тысячи людей из-за реки Кубань наводняли город. Говоря о черкесах, виденных им в Екатеринодаре, который он посетил в 1847 г., Моритц Вагнер писал: «Странно видеть этих людей, которые несколькими днями ранее совершали набеги, возможно, грабили и убивали, ныне мирно бродящими среди групп казаков»⁴⁶. Ставрополь, наиболее быстро развивавшийся в XIX в. город Северного Кавказа, являлся административным центром и был преимущественно населен казаками и государственными крестьянами. В середине XIX века Владикавказ оставался военным городом с осетинскими поселениями по окраинам.

Рядом с городами и казачьими станицами Кавказской военной линии располагались селения так называемых «мирных» горских народностей.

⁴⁵ Фадеев А.Ф. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. - С.168-169, 188-191; Нарочницкий Н.Л. История народов Северного Кавказа... - С.76.

⁴⁶ Moritz Wagner, *Travels in Persia, Georgia, and Koordistan* (London: Hust and Blackett, 1856), vol. 1. P. 127.

Они формально перешли на сторону Российской Империи и прекратили практику набегов на русскую границу. Однако, в зависимости от меняющейся военной ситуации, «мирные» горцы могли быстро переменить ориентацию и присоединиться к нападающим с гор. Между крепостями, казачьими станицами и этими туземными поселениями существовали длительные связи и взаимодействия, однако сохранялось определенное недоверие, подозрительность и осторожность с обеих сторон. Потто называл «мирных чеченцев», живших между реками Сунжа и Терек, «самыми злыми и опасными» из всего окрестного населения: «Мирные аулы служили притонами для разбойников всех кавказских племен; в них укрывались партии перед тем, чтобы сделать набег на линию; здесь находили радушный прием все преступники, и нигде не было так много беглых русских солдат, как именно в этих надтеречных аулах». Вагнер описывает положение черкесских племен на левом берегу Кубани с большей долей симпатии, признавая сложность ситуации, в которой оказались эти люди: «Зажатые между русскими и их противниками, они изо всех сил стараются сохранять нейтралитет, заверяют обе стороны в своем дружественном отношении, сражаются один день на стороне русских, другой – на стороне своих соотечественников и служат в качестве разведчиков и шпионов и тем, и другим»⁴⁷. Этот ненадежный слой населения являлся, возможно, для Российского государства источником основных трудностей на Северном Кавказе. Военачальники пытались упростить ситуацию, предпринимая карательные акции без разбора.

Другой ненадежный слой составляли беглые и дезертиры – как русские, так и представители других национальностей. Возможно, они никогда не были особенно многочисленны, но само то обстоятельство, что этническая граница постоянно была столь текучей, вызывало серьезную озабоченность у местных властей по поводу лояльности тех, кто сражался с горцами. В XVIII в. местные военачальники с подозрением относились к терским казакам по причине их культурной и этнической близости к горским народам. После основания в 1722 г. крепости Святой Крест армейское командование планировало перевод в нее гребенских казаков (первыми заселивших область Терека). Однако из-за опасений по поводу их бегства за Кубань гребенских казаков в конце концов оставили на месте. В 1770-е гг. возникли подозрения, что гребенцы вступили в тайный сговор с казаками-некрасовцами, которые после восстания Булавина стали беженцами, проживали на нижней Кубани, совершали оттуда набеги на русские поселения совместно с кабардинцами и участвовали в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. на стороне турок. В 1774 г. генерал Де Медем распорядился принимать гребенских каза-

⁴⁷ Потто В.А. Кавказская война... Т.2. Ч.1. - С.86-87; Wagner, *Travels in Persia*, vol. 1. P. 129.

ков на службу с большой осторожностью⁴⁸. На протяжении всего XVIII в. в беспокойные периоды командование крепости время от времени запрещало общение обитателей крепости с жившими за их пределами местными жителями, опасаясь заговоров.

Дезертирство являлось предметом постоянной тревоги для России в период наиболее интенсивных военных действий на Северном Кавказе после 1817 г. Периодически от различных селений требовали возвращения российских дезертиров, а в 1842 г. Николай I приказал местным командирам предлагать горцам соль в качестве платы за их выдачу. В 1845 г. граф Воронцов выпустил прокламацию, обращенную к русским дезертирам, в которой обещал полное прощение тем, кто добровольно вернется в строй: «Главно-командующий надеется, что беглые солдаты поспешат воспользоваться монаршим прощением и милостью и не захотят оставаться дольше в нищете и среди иноверцев»⁴⁹.

Однако многие предпочли остаться, и, согласно сообщениям очевидцев, их существование было не столь уж плачевным. Захваченный в плен казак свидетельствовал, что в принадлежащем Шамилю селении Ведено находилось около 300 русских дезертиров, которые обслуживали артиллерию, женились на чеченках, одевались по-черкесски и жили достаточно хорошо. Капитан А.И.Руновский сообщал, что многие русские дезертиры приняли ислам, женились на горянках и вели счастливую семейную жизнь. По его словам, многие из местных женщин покидали дома своих родителей, дабы выйти замуж за русских дезертиров, поскольку последние обращались с женщинами значительно лучше, чем горцы; дезертиры были также предметом особой заботы Шамиля, принимавшего строгие меры по защите их от мелких притеснений со стороны новых соседей. По некоторым сообщениям, от 400 до 600 русских солдат проживало с Шамилем в Дарго. Ходили слухи, что он жил в доме, построенном беглецами в европейском стиле, что у него был четырехтысячный корпус гвардии, состоявший из представителей всех национальностей и созданный на основе отряда, в составе которого были польские и русские дезертиры, и что предшественника Шамиля Хамзу Бека постоянно сопровождали русские телохранители. Рассказывали даже, что писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский, чье тело так и не было обнаружено после гибели в бою в 1837 г., остался жив и сражался на стороне Шамиля⁵⁰. В данном случае важна не столько правдивость подобных

⁴⁸ Бутков Л.Г. Материалы... Т.1. - С.79; АКАК. Т.1. - С.84, 87-88.

⁴⁹ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов. Махачкала, 1959. - С.356-357, 486.

⁵⁰ АКАК. Т.12. - С.1398; Движение... - С.471, 498; Baddeley, The Russian Conquest. P. 397; Friedrich Wagner, Schamyl and Circassia, transl. Kenneth R. H. Mackenzie (London: G. Routledge and Co., 1854). P. 88; Baron August von

слухов, сколько их устойчивая распространенность. Сама возможность их существования свидетельствует о крайней неопределенности данной этнической границы. В результате межнациональных браков, взаимодействия и взаимовлияния, обращения в другую веру, аккультурации и дезертирства на Кавказе подчас трудно было разобраться, кто есть кто. Как заметил Пушкин после встречи на пути из района Казбека в Тифлис с персидским придворным поэтом, оказавшимся в конце концов не напыщенным восточным человеком, а вполне «европейским джентльменом», на Кавказе не стоит «судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям»⁵¹.

Россия пыталась преодолеть состояние неопределенности на северокавказской границе различными путями. Чисто военные решения, подобные ермоловской практике тотального уничтожения горских селений после набегов на русскую линию, уже довольно хорошо изучены историками. Специальные летучие дивизии генерала Ермолова, подкрепленные артиллерией, в Кабарде, например, передвигались от селения к селению, требуя от горцев покорности, прекращения набегов и переселения. Произвольно-выборочное уничтожение селений, поджог садов, угон скота, вырубка лесов и насильственное переселение народов представляются отчаянными попытками преодолеть неопределенность, укрепить грань между понятиями «мы» и «они». И в значительной степени это сработало, поскольку можно считать, что именно система Ермолова повинна в нарастании жесточенности военных действий на Северном Кавказе и в успехе Шамиля при создании альянса различных горских народов для отражения натиска русских. Но существовали и другие способы установления союзнических отношений и прояснения идентичности, как, например, оригинальные этнографические методы, применявшиеся в отношении к калейдоскопическому разнообразию

Naхthausen, *The Tribes of the Caucasus*, transl. J.E.Taylor (London: Chapman and Hall, 1855). P. 98. Ходили также слухи, что сам Шамиль был в действительности Бестужевым-Марлинским, что он присоединился к банде разбойников-горцев, сбежал в Персию или жил в горах с пятью женами. См. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Т.1. Спб., 1879. - С.329; Lauren G Leighton, *Alexander Bestuzhev-Marlinsky* (New York: Twayne Publishers, 1975). P. 35.

⁵¹ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Полн. собр. соч. М., 1949. - С.851. Поразительным фактом, свидетельствующим о дальнейшей «туземизации» русских сил, является то, что Ермолов, самый деспотичный и наиболее шовинистически настроенный русский «герой» Кавказа, был «женат» на трех мусульманках. См. Берже А.П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе 1816-1827 гг. // Русская старина. 1884. № 15. - С.523-528.

кавказских народов, или использование рассказов о кавказском плене и мифов о героизме. Например, захват пленных и получение за них выкупа были обычной для обеих сторон практикой на протяжении столетий, но в XIX веке такие инциденты стали обретать статус сенсации – о них широко писали, обосновывая необходимость наступления на горские племена; в сознании общества создавались стереотипные образы кавказской жестокости, террора и пыток, а в то же время захват пленных русскими изображался как «цивилизующее» мероприятие.

Героические мифы также существовали в изобилии. Я завершу статью одним из них, показывающим, насколько такие темы важны для укрепления границ. Один из наиболее ранних героических мифов русского «фронтира» на Северном Кавказе касается битвы у казачьей станицы Наурской 11 июня 1774 г. Согласно сообщению генерала Де Медема, около 10 000 кабардинцев атаковали станицу, недавно основанную волжскими казаками-переселенцами. Набег отражали 800 станичников, включая женщин, сражавшихся косами и ливших кипяток на головы нападавших. Важнее всего то обстоятельство, что набег произошёл в контексте общей смуты и нарушения союзнических обязательств. Среди мертвых кабардинцев было обнаружено тело Коргока Татарханова, получившего тремя годами ранее в Санкт-Петербурге офицерский патент, чин капитана и годовой оклад в 150 рублей. За несколько дней до набега в округе побывали некрасовцы, призывавшие соседних гребенских казаков нарушить верность России. Пугачев также был в станице Наурской двумя годами ранее и вел среди вновь прибывших агитацию по поводу несправедливости оплаты; он был даже уполномочен от имени населения Наурской и двух других станиц отправиться в Петербург, дабы опротестовать условия казачьей службы⁵².

Героическая оборона станицы со временем, в условиях весьма неустойчивых союзнических отношений, стала историей о глубоко «русской» сущности казачества. Н.Ф.Самарин посетил станицу Наурскую в 1862 г., и к тому времени вышеупомянутое повествование полностью трансформировалось: численность кабардинцев возросла (до 14000 человек), а численность казаков уменьшилась (до 200 человек). Якобы в сражении принимали участие и дети, метавшие камни со стен крепости; женщины орудовали не только косами, но и серпами: одна героиня отсекла головы трем кабардинцам. На врагов лили не только кипяток, но и распространённое русское кушанье – горячие капустные щи. Согласно Самарину, осада происходила 11 июня, в день апостолов Варфоломея и Варнавы, поэтому казаки воздвигли церковь в их честь; возник-

⁵² АКАК. Т.1. – С.88; Крестьянская война... - С.76.

Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России

ла легенда, что апостолы, верхом на белых конях и облаченные в белые одежды, внезапно появились посреди неприятельского стана, и враги в ужасе отступили. 11 июня стало праздником в станице Наурской: казаки всего полка собирались для парада, «военных забав» и гулянья. Эта битва также вошла в местную идиоматику. Когда казаки из Наурской встречали кабардинца, они часто спрашивали: «А что, дос (приятель), не ши ли в Науре хлебал?» Этот намек явно имел глубокое значение и для кабардинцев, поскольку из-за подобных насмешек часто возникали кровавые стычки⁵³. Таким образом, битва при станице Наурской не только стала казачьей легендой, но и вошла в повседневную жизнь наурских казаков. Хотя и невозможно определить, кто сыграл более важную роль в создании мифа, сами казаки или те, кто о них писал, очевидно, что русификация данного сюжета упростила событие, имевшее неоднозначный характер, и послужила на пользу Российскому государству.

Российский «фронт» еще предстоит изучать во всем его этническом разнообразии – его демографическую подвижность, неустойчивые союзы, культурные и экономические отношения и окружающую среду, с которой поселенцы были связаны так же прочно, как и коренные жители. Он не был «фронтиром», совершенно лишенным границ, поскольку, конечно же, существовали многочисленные и многообразные границы, созданные политиками, войной, насилием и самой географией; точно также существовали границы и в повседневной жизни, например, насмешки на национальной почве. Однако в конечном счете ситуация была значительно сложнее, чем просто сражение черных и белых фигур на шахматной доске.

Пер. И.Пагавы

⁵³ Самарин Н.Ф. Дорожные заметки... - С.550; Потто В.А. Кавказская война... Т.1. - С.75-79; Потто В.А. Памятники... Т.1. - С.19-20.

Дэниел Годес*

МАЛЬТУЗИАНСКАЯ МЕТАФОРА ДАРВИНА
И РОССИЙСКАЯ ЭВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ
(1859-1917)

Ничего не может быть легче, как признать на словах истинность этой всеобщей борьбы за жизнь, – написал Чарльз Дарвин в «Происхождении видов», – и «ничего не может быть труднее, ... как не упустить никогда из виду этого заключения»¹.

Дарвин часто использовал образ открытой борьбы в своей работе, которая буквально пронизана такими фразами, как «великая битва за жизнь» и «война в природе». Тем не менее, центральным фактором в дивергенции признаков и эволюции новых форм он считал косвенную конкуренцию внутри отдельных видов. Представляя свою концепцию «борьбы за существование», Дарвин объяснял: «Я должен предупредить, что применяю это выражение в широком и метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также подразумевая (что еще важнее) не только жизнь одной особи, но и успех ее в обеспечении себя потомством. Про двух животных из рода *Canis* в период голода можно совершенно верно сказать, что они борются между собой за пищу и жизнь. Но и про растение на окраине пустыни также говорят, что оно борется с засухой, хотя правильнее было бы сказать, что оно зависит от влажности. Про растение, ежегодно производящее тысячу семян, из которых в среднем только одно вырастает в зрелое растение, действительно можно сказать, что оно борется с такими же, как оно, и другими растениями, уже покрывающими тот же участок земли. Омела зависит от яблони и еще нескольких деревьев, но было бы нелегко говорить об ее борьбе с ними потому только, что, если слишком много этих паразитов вырастет на том же дереве, оно захиреет и погибнет. Но про несколько семян этой омелы, растущих на одной и той же ветви, можно совершенно верно сказать, что они борются между собой. Так как омела рассеивается птицами, то ее существование зависит от них, и, выражаясь метафорически, можно сказать, что она борется с другими растениями, приносящими плоды, тем, что соблазняет птиц пожирать ее плоды и, таким образом, разносить ее семена. Во всех этих значениях, переходящих одно в другое, я, ради удобства, прибегаю к выражению «борьба за существование»².

* © Годес Дэниел, 2000

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. и вводная статья К.А.Тимиризева. М., 1952. - С. 127.

² Там же. - С. 127-128.

«Борьба за существование», таким образом, была метафорой, которая, по представлению Дарвина, описывала комплекс отношений между организмами и между организмами и абиотическими условиями.

Эта «борьба за существование» жестко зависела от темпа воспроизводства организмов. «Так как производится большее число особей, чем сколько может выжить, – писал Дарвин, – то во всяком случае должна происходить борьба за существование между особями того же вида, или же между особями разных видов, или с физическими условиями жизни. Это – учение Мальтуса, примененное ко всему животному и растительному царству в усиленном виде»³.

Несколько лет спустя Дарвин, защищая использованную им метафору, объяснил: «Каждый знает, что это значит и что подразумевается под такими метафоричными выражениями, и они уже почти необходимы для краткости выражения»⁴.

Но при всей своей необходимости эти метафоричные выражения обладают культурным своеобразием. В них для раскрытия смысла одного явления его уподобляют другому, общепонятному. Для Дарвина и других ведущих британских эволюционистов термин «борьба за существование» был понятен на уровне здравого смысла, и его мальтузианские ассоциации не вызывали проблем.

Между тем для российских естествоиспытателей и мыслителей эта метафора в лучшем случае выглядела неточной и вызывала смущение. В худшем случае, что происходило намного чаще, ее считали ошибочной и отвратительной. Российские мыслители критически реагировали на то, что воспринимали как откровенное введение мальтузианства – или, по мнению некоторых, просто британского духа конкуренции – в эволюционную теорию.

В целом российские естествоиспытатели восторгались Дарвином, и лишь немногие полагали, что из-за этого слабого места следует совершенно отвергать его теорию. Типичная же реакция выражалась в своеобразном расчленении концепции «борьбы за существование» на составные части, в исследовании их взаимосвязи и сравнительной важности в природе и в выводе о том, что Дарвин значительно преувеличил роль двух компонентов, наиболее созвучных с идеями Томаса Мальтуса: роль

³ Дарвин Ч. Происхождение видов. ... - С. 70.

⁴ Charles Darwin, *On the Origin of Species* (6th ed., New York: D. Appleton, 1876). P. 63. Эта фраза впервые появилась в 3-м издании, опубликованном в 1861. Литературовед Стэнли Гейман обсуждает использование Дарвином метафоры в: Stanley Hyman, *The Tangled Bank* (New York: Atheneum, 1962). P. 9-78. О роли метафоры в понимании природы см. Keith Thomas, *Man and the Natural World: A History of the Modern Sensibility* (New York: Pantheon, 1983).

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

перенаселения как источника конфликта и внутривидовой конкуренции как его результата. Эта общая реакция – интенсивное исследование метафоры Дарвина и ее критика с точки зрения антимальтузианства или немальтузианства – стала «национальным стилем» в восприятии концепции Дарвина в России.

Я различаю «антимальтузианство» и «немальтузианство», чтобы подчеркнуть два течения в российской критике. Под «антимальтузианством» я понимаю неприятие доктрины Мальтуса российскими учеными и мыслителями самого широкого политического спектра, что уходило своими корнями в особенности классовой структуры и политических традиций царской России. Под «немальтузианством» я подразумеваю принципиальные расхождения мальтузианских представлений с российским опытом изучения природы, отражавшим физико-географические реалии России.

В этой статье вначале будет вкратце обрисована реакция российских мыслителей на теорию Мальтуса, затем я освещу предложенную ими критику дарвинистской концепции борьбы за существование и, наконец, рассмотрю основы теории Петра Кропоткина о взаимной помощи.

Российская реакция на Мальтуса

Суть концепции «Опыта о народонаселении» (1798 г.) была чужда российскому читателю и противоречила их ценностям. Им, например, было крайне сложно представить себе в России, при ее огромной территории, неумолимый рост населения, который со временем неизбежно приведет к острой нехватке продовольствия и пространства.

Мальтусу самому было трудно в это поверить. Посетив Россию в 1799 г., он был поражен как малонаселенностью страны, так и ее значительным сельскохозяйственным потенциалом и приветствовал попытки государства способствовать росту населения. Главным препятствием такого роста, считал он, была российская феодальная система, которая показывала, что плохое управление может довести жителей страны до крайней нужды даже при наличии значительного природного богатства⁵. Эти наблюдения очень мало напоминали того Мальтуса, которого столь горячо обсуждали английские мыслители и которого с такой большой пользой для себя читали Дарвин и Альфред Рассел Уоллес.

Концепция Мальтуса была далека от российской действительности, и первая рецензия на его «Опыт» появилась в российском журнале

⁵ Эти выводы появились во втором, значительно переработанном, издании «Опыта». См. T.R. Malthus, *An Essay on the Principle of Population* (5th ed., London: John Murray, 1817). P. 235-242.

лишь в 1818 г., через двадцать лет после его публикации. Сама же работа была переведена на русский язык только спустя полвека, после того как внимание к ней привлек Дарвин⁶. Одним из немногих последователей Мальтуса в России был экономист А.И.Бутовский, который в 1840-х гг. воздавал ему хвалы как «Галилею политической экономии». Но даже Бутовский соглашался с тем, что закон Мальтуса неприложим, конечно, к «нашей широкой и раздольной России»⁷.

Как описание российских реалий «Опыт» Мальтуса интереса почти не представляет. Но как политический документ он, начиная с 1840-х гг., стал объектом резкой критики. Западная Европа для российских мыслителей была эталоном, с которым они соизмеряли свои устремления, и, рассматривая жизнь и мысль Британии, они не могли пройти мимо теории Мальтуса. Радикалы, грезившие о социализме, видели в мальтузианстве реакционное течение буржуазной политической экономии, а консерваторы, выступавшие за сохранение общинных основ царской России, считали его воплощением «британского национального типа». Но и те, и другие были единодушны в том, что закон Мальтуса представлял собой просто арифметическую иллюзию, отражающую бездушный и бесчеловечный индивидуализм⁸.

В середине 1840-х гг., например, социалист В.А.Милютин критиковал Мальтуса как «экономиста привилегированных классов», в то время как монархист князь В.Ф.Одоевский связывал его с «грубым материализмом Адама Смита». В своем популярном романе-эссе «Русские ночи» Одоевский описал экономиста-мальтузианца, «доведенного до самоубийства» своими пессимистическими математическими фантазиями,

⁶ «Опыт» Мальтуса был переведен на немецкий язык в 1807 г. и на французский в 1809 г. Обширные выдержки из него были опубликованы в испанском журнале в 1808 г., а полный текст был переведен на испанский язык в 1845 г.

⁷ О благоприятной оценке теории Мальтуса Бутовским см. Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии. Спб., 1847. - С.350-351, 367, 370, 376. О его признании, что эта теория неприменима к России, см. Бутовский А.И. Общинное владение и собственность // Русский Вестник. 1858. № 16. - С.5-59.

⁸ Дело здесь не в том, чтобы рассмотреть нюансы индивидуальных политических взглядов, а в том, чтобы показать, насколько несхожи были политические позиции тех, кто отрицал принципы Мальтуса. «Консерваторами» я называю монархистов, панславистов и других, которые стремились сохранить царистскую социально-экономическую систему по существу нетронутой; «радикалами» – нигилистов, анархистов, левых народников, марксистов и всех тех, кто стремился свергнуть эту систему и заменить ее той или иной формой социализма. «Либералами» я называю носителей самых разнообразных центристских взглядов, от

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

и объяснял читателю, что «стране, погрязшей в нравственной бухгалтерии прошедшего столетия, суждено было произвести человека, который сосредоточил все преступления, все заблуждения своей эпохи и выжал из них законы для общества, строгие, одетые в математическую форму»⁹.

Эта критическая реакция усилилась в конце 1850-1860-х гг., в период глубоких социальных реформ и жарких дискуссий о будущем России. В своих «Очерках по истории труда» (1862 г.) радикальный публицист Д.И.Писарев высмеивал «мальтузианское отношение к природе», включавшее сравнение земли и ее производительного потенциала с «сундуком, полным денег». Радикальный обозреватель Н.В.Соколов добавил, что «как для иезуитов, так и для экономистов школы Мальтуса цель оправдывает все средства; иезуиты лгут и лицемерят во имя католической церкви, а экономисты – во имя капитала»... Некоторые консервативные мыслители утверждали, что закон Мальтуса применим лишь к капиталистическому обществу и что российские феодальные учреждения должны быть сохранены как препятствие этому закону. Некоторые либералы опасались, что перенаселение может в конце концов стать проблемой при отсутствии роста индустрии. Тем не менее, даже эти мыслители отрицали неотвратимость закона Мальтуса и резко отмежевывались от мальтузианского фатализма и его социальных рецептов¹⁰.

А.И.Герцен выразил общее мнение, противопоставив ценности теории Мальтуса ценностям дорогой его сердцу крестьянской общины. Община, писал он, воплотила в себе экономический принцип, который является «полной противоположностью знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом»¹¹.

конституционного монархизма до эволюционного социализма. Они не были сторонниками политики невмешательства в экономике (*laissez-faire*), поскольку она вообще не пользовалась в России широкой поддержкой.

⁹ Милютин В.А. Мальтус и его противники // Современник. 1847. № 4(8). - С.151; Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. - С.21, 22.

¹⁰ Dmitry Pisarev, Selected Philosophical, Social and Political Works (Moscow: Foreign Language Publishing House, 1958). P. 202-203; Н.В.Соколов цитируется по работе: Коростелев Г.Н. Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов: Россия XIX - начала XX в. М., 1978. - С. 86. О вялой защите Мальтуса либералами см. Жуковский Ю. Вопрос народонаселения // Вестник Европы. 1871. № 1. - С.167-205.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т.6. М., 1955. - С.163.

Таким образом, Дарвин, связывая свою концепцию борьбы за существование с Мальтусом, уже был обречен на скептическое восприятие со стороны российской аудитории.

Дарвин как мальтузианец

Теория Дарвина впервые была представлена вниманию российских читателей в 1860 г., а первый русский перевод «Происхождения видов» появился в 1864 г. Вскоре после его распродажи последовали другие издания. Другие работы Дарвина также были быстро переведены и широко рецензировались. Для большинства российских мыслителей Дарвин стал чрезвычайно авторитетной фигурой – воплощением представителя современного естественнонаучного знания, создателем мощного аргумента в пользу эволюционной теории и первооткрывателем важного фактора эволюции – естественного отбора. Не менее общим было и представление о том, что мальтузианство Дарвина является слабым местом его теории¹². Рассмотрим несколько примеров.

Известный радикальный литературный критик и писатель Н.Г.Чернышевский до 1859 г. был как эволюционистом, так и влиятельным критиком Мальтуса. В 1873 г. он отмечал, что «Гадость мальтузианства перешла в учение Дарвина ... Бедняжка Дарвин читает Мальтуса ли, какую ли книжонку во вкусе Мальтуса – и, озаренный гениальной мыслью о «благотворных результатах» голода и болезней, открывает Америку: организмы совершенствуются борьбой за жизнь ... В чем же сущность ошибки Дарвина и его последователей? Специальная наука – политическая экономия – получила такое высокое развитие (через Рикардо и других, но не через Мальтуса), что оказывается способной давать математические истины в пособие естествознанию. Дарвин заметил это. И воспользовался тем, что понял ... И вышло то же самое, как если бы Адам Смит принялся писать курс зоологии»¹³.

¹² О восприятии теории Дарвина в России см. Завадский К.М. Развитие эволюционной теории после Дарвина. Л., 1973; Галл Я.М. Борьба за существование как фактор эволюции. Л., 1976; Francesco M. Scudo and Michele Acanfora, «Darwin and Russian Evolutionary Biology», *The Darwinian Heritage*, ed. David Kohn (Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1985). P. 731-754. Во всех трех источниках обсуждается российская критика подчеркнутого Дарвином значения внутривидовой конкуренции и перенаселения.

¹³ Чернышевский Н.Г. Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. Т.1. Спб., 1913. - С.18, 69-71. Впервые эти взгляды Чернышевский смог опубликовать в 1888 г. под псевдонимом «Старый трансформист»; см. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь // Русская мысль. 1888. № 9. - С.79-114.

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

Связь теории Дарвина с британской политической экономией в целом и Мальтусом в частности признавали многие другие радикальные теоретики, включая П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского, Н.Д.Ножина и П.Н.Ткачева¹⁴.

Консервативные мыслители также подвергали критике мальтузианство Дарвина. Одним из них был Н.Я.Данилевский, эксперт по рыбным промыслам и динамике населения, горячий защитник особого славянского предназначения России и автор обширной двухтомной критики дарвинизма. Для него использование Дарвином теории Мальтуса демонстрировало неразделимость науки и субъективных культурных ценностей. Английский «национальный тип», объяснял Данилевский, «принимает (борьбу)... со всеми (ее) последствиями, требует (ее) для себя как права, не терпит никаких ограничений». Он борется со школьной скамьи: бег, плавание, катание на лодке – все было для него состязательным спортом. Он «боксирует один на один – не массами, как любят драться на кулачки наши русские», учреждает общества прений для «борьбы мнений» и даже создает клубы «лазильщиков по горам», не с учебными целями, «а единственно для доставления себе удовольствия преодоления трудностей и опасностей... состязательно с другими»¹⁵. Дарвинизм, по мнению Данилевского, был «чисто английской доктриной», воплотившей английскую озабоченность практичностью и состязательностью: «На полезности, утилитарности основана Бентамова этика, – писал он, – да, в сущности, и Спенсера также; на войне всех противу всех, настоящей борьбе за существование – Гоббесова теория политики; на состязании или соперничестве – экономическая теория Адама Смита ... Мальтус применил тот же принцип к задаче народонаселе-

¹⁴ Одни считали эту связь глубокой, другие поверхностной; и те, и другие обращались к ней при анализе динамики борьбы за существование. См., например, Михайловский Н.К. Аналогический метод в общественной науке // Отечественные записки. 1869. № 7. - С.40-46; Лавров П.Л. Социализм и борьба за существование (1873) // Лавров П.Л. Избранные сочинения. Т.4. М., 1935. - С.99-110; Ножин Н.Д. Наша наука и учение: Статья V // Книжный вестник. 1866. № 6. - С.174-177; Ткачев П.Н. Наука в поэзии и поэзия в науке (1870) // Ткачев П.Н. Соч.: В 2 т. М., 1975. Т.1. - С.285-286; Антонович М.А. Чарлз Дарвин и его теория. Спб., 1896. - С.90-104; James Allen Rogers обсуждает антимальтузианскую позицию российских общественных мыслителей в нескольких статьях, включая «The Russian Populists' Response to Darwin», *Slavic Review*, 1963, 22(3). P.456-468 и «Marxist and Russian Darwinism», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1965, 13(2). P.199-211.

¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Б.м., 1869. - С.146-147. См. также Robert E. MacMaster, *Danilevsky: A Russian Totalitarian Philosopher* (Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press, 1967).

ния ... Дарвин распространил и частную теорию Мальтуса и общую теорию политико-экономов на органический мир»¹⁶.

То же самое было очевидно для великого писателя Льва Толстого. Заклеймив Мальтуса «ничтожной бездарностью», он воздавал хвалы Чернышевскому и Данилевскому за выявление мальтузианства в теории Дарвина. Толстой развил эту тему в «Анне Карениной» и возвращался к ней постоянно; возможно, с наибольшей драматичностью – в последнем письме к своим детям, продиктованном им со смертного одра в 1910 г. В нем писатель предостерегал свою дочь от серьезных последствий в том случае, если она примет в качестве морального путеводителя в своей жизни «борьбу за существование» Дарвина¹⁷.

Такие примеры можно было бы приводить почти до бесконечности, но здесь удовлетворимся лишь еще одним. В 1868 г. П.А.Бибиков, неудачливый либеральный журналист, выпустил в свет первое русское издание «Опыта» Мальтуса. В своем вступительном очерке он указал, что хотя Мальтус был дискредитированным реакционером, в его законе о народонаселении содержится зерно правды. Это станет очевидным, писал он, если внимательно изучить труд «его самого сильного защитника и остроумнейшего исследователя» – Чарльза Дарвина¹⁸. Оттолкнувшись от дарвиновского описания борьбы за существование, Бибиков указал на его метафорический характер и рассмотрел изменчивую взаимосвязь и сравнительную важность его различных компонентов.

Более важным, чем выводы Бибикова, явился тот факт, что этот широко рецензировавшийся том возбудил дискуссии о Мальтусе в то самое время, когда российские естествоиспытатели и мыслители оценивали учение Дарвина. В ходе обеих дискуссий было высказано и укрепилось их представление о том, что, размышляя над теорией Дарвина, необходимо внимательно анализировать содержащиеся в ней сомнительные и ошибочные аспекты мальтузианства.

Российские ученые часто поступали именно таким образом.

¹⁶ Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование: В 2 т. Спб., 1885. Т.1. - С.478. О похожей консервативной оценке см. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Спб., 1882. - С.110-146.

¹⁷ Письмо Л.Н.Толстого Т.Л.Сухоиной от 1 ноября 1910, Астапово // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т.20. М., 1984. - С.758. Об одной из атак Толстого, направленной на Мальтуса, см. Толстой Л.Н. Так что же делать? // Там же. Т.16. М., 1983. - С.166-396.

¹⁸ Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения / Вступительный очерк П.А.Бибикова. Спб., 1868. - С.23.

Изучая метафору Дарвина

Критика метафоры Дарвина российскими биологами в период с 1860-х гг. до первой мировой войны выходила за рамки научных дисциплин, учрежденческих и идеологических границ. К этому проблематичному выражению обращались зоологи (К.Ф.Кесслер и М.Н.Богданов), географы-ботаники (А.Н.Бекетов и С.И.Коржинский) и экспериментаторы (И.И.Мечников и Н.Ф.Леваковский). В этом отношении среди радикалов таких, как Н.Д.Ножин, либералов, как Бекетов, и консерваторов, как Коржинский, существовало единство.

Первое общее представление заключалось в том, что метафора «борьба за существование» туманна и нуждается в пояснении. В результате были созданы многочисленные схематичные классификации, начиная с предложенных растениеводом и физиологом К.А.Тимирязевым в 1865 г., зоологом Г.Зейдлицом в 1871 г., А.Н.Бекетовым в 1873 г. и И.И.Мечниковым в 1876 г.¹⁹ Эти ученые «расчленили» метафору Дарвина, чтобы лучше понять и объяснить ее и проанализировать взаимосвязь и относительный вес ее различных компонентов. С особой тщательностью были выделены три группы различий: между косвенным соревнованием и прямой борьбой (в конце концов, как часто замечалось, человек не «соревнуется» с ленточными червями – он «борется» с ними); между внутривидовыми и межвидовыми взаимоотношениями; и между организмами и другими живыми формами и организмами и окружающими физическими условиями.

Естественноиспытатели постоянно учитывали эти различия при исследовании «борьбы за существование» в природе. Только таким путем, по словам одного ботаника, наука могла пойти дальше «одних только слов» и понять физический процесс распределения и эволюции организмов в действии²⁰.

Эксперименталисты предприняли ту же попытку. Так, в 1869 г. Казанское общество естествоиспытателей одобрило предложение Н.Ф.Леваковского проанализировать борьбу за существование путем экспериментов с различными дикими растениями. «Легко видеть чрезвычайную сложность вопроса о так называемой борьбе за существова-

¹⁹ Тимирязев К.А. Краткий очерк теории Дарвина (1865) // Тимирязев К.А. Сочинения. Т.7. М., 1939-1940.; G. Seidlitz, Die darwinische Theorie (Dorpat, 1871); Бекетов А.Н. О борьбе за существование в органическом мире // Вестник Европы. 1873. № 10. - С.558-593; Мечников И.И. Очерк вопроса о происхождении видов (1876) // Мечников И.И. Академическое собрание сочинений. Т.4. М., 1950.

²⁰ Бекетов А.Н. О борьбе за существование в органическом мире // Вестник Европы. 1873. № 10. - С.575.

ние, – замечал Леваковский, – тем не менее, попытка отыскания хотя бы некоторых причин, содействующих вытеснению одних растений другими, все-таки, как кажется, возможна и притом далеко не лишена интереса»²¹. Путем изменения физических условий, в которых растения находились, и установления соотношения растений, которые погибли в различные моменты борьбы за существование, Леваковский надеялся лучше понять картину изменений региональной флоры.

Второе общее представление заключалось в том, что подчеркивание Дарвином значения перенаселения и внутривидового соревнования отражало ошибочное, мальтузианское, вредное в социальном отношении представление о природе.

Рецензируя в 1863 г. «Происхождение видов», восемнадцатилетний Илья Мечников указывал, что главной слабостью этой работы явилось авторское «обобщение закона Мальтуса»²². В 1870-х гг. Мечников проанализировал несколько разделов работы Дарвина для демонстрации содержащихся в ней парадоксов и противоречий. Например, Дарвин объяснял относительный недостаток новых форм среди пресноводных видов и низших организмов, таких, как *Amphioxus*, их географической изоляцией от потенциальных соперников. Мечников по этому поводу замечал, что «здесь закон Мальтуса, который составляет такую важную основу дарвинизма, забыт... С подлинно дарвинистской точки зрения соперниками являются в большинстве случаев особи одних и тех же видов, самих *Amphioxus*. Если оно живет в изоляции, оно должно размножаться беспрепятственно в геометрической прогрессии, и это обстоятельство должно само по себе привести к вариациям»²³. Российские

²¹ Леваковский Н.Ф. К вопросу о вытеснении одних растений другими // Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. 1873. № 1. - С.37.

²² Мечников И.И. Несколько слов о современной теории происхождения видов (1863 г.) // Мечников И.И. Академическое собрание сочинений. Т.4. - С.20. Журнал, для которого была предназначена эта рецензия, был запрещен властями; она появилась в свет лишь в 1950 г.

²³ Мечников И.И. Очерк вопроса происхождения видов. - С.254. Комментарий Дарвина по поводу географической изоляции касается его аргумента о том, что обширные пространства более способствовали образованию новых видов путем естественного отбора. Он объяснял это тем, что в подобных пространствах конкурировало множество различных видов, жизненные условия были сложными, и количество вариаций было относительно большим; см. Darwin, *Origin of Species*. P. 105-108 (1st ed.). Дарвин позднее распространил этот аргумент на *Amphioxus*, указав, что происхождение таких низших форм, «сохранившихся до наших дней», связано с изолированными местами, где они не подвергались жестокому состязанию и где их скудное число уменьшало шансы появления благоприятных вариаций: Darwin, *Origin of Species* (1876). P. 99.

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

естествоиспытатели неоднократно указывали, что Дарвин просто принял на веру утверждения Мальтуса и не смог привести в их подтверждение столь же убедительных доказательств, какие он привел в отношении других своих постулатов.

А.Н.Бекетов, профессор кафедры ботаники Петербургского университета на протяжении двадцати лет и один из самых авторитетных российских ботаников, написал в своих записных книжках о «Нравственности и естественных науках» следующее: «Недомыслие Мальтуса принесло вредные плоды. Мальтус выводит, что повальный голод, смертоносные эпидемии и разрушительные войны спасают человечество от гибели, откладывая эту гибель на далекие времена. Бедняки, по совету Мальтуса, не должны даже размножаться или делать это с крайней осторожностью. Все эти подлые правила, к несчастью, подтверждаются еще неправильной постановкой вопроса о борьбе за существование»²⁴. Бекетов считал, что мальтузианская ошибка Дарвина заключалась в двух необоснованных утверждениях: что конфликт рождается под давлением роста населения и что он часто разрешается путем внутривидовой конкуренции. Эти мальтузианские факторы, настаивал Бекетов, были в природе не более чем «случайными феноменами». Очевидно, указывал ученый, что растений и животных рождается больше, чем остается в живых, но «сущность вопроса заключается не в этом. Доказать нужно, что эта гибель определяется именно жизненным состязанием»²⁵.

Бекетов развил этот аргумент в популярных очерках, учебниках и ботанических исследованиях. Эта точка зрения определила его позицию и позицию его последователей в бурных дебатах среди ботаников-географов о причинах безлесия российских степей. Главный результат своих теоретических усилий ученый с гордостью подытожил в автобиографии следующими словами: «Мальтузианизм теряет свое значение»²⁶.

Идеологическая подоплека в аргументах российских естествоиспытателей часто была очевидной. В 1896 г., например, политически консервативный морфолог А.Ф.Брандт побуждал зоологов «указать на преувеличенное значение, приписываемое борьбе за существование в мире

²⁴ Бекетов А.Н. Записные книжки, процитированные на основании архивных материалов в: Щербакова А.А. Андрей Николаевич Бекетов. М., 1958. - С.209.

²⁵ Бекетов А.Н. Географии растений. Спб., 1896. - С.16. Бекетов впервые использовал этот второй аргумент в работе: Бекетов А.Н. Дарвинизм с точки зрения общефизических наук // Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей, 1882. № 13(1). – С.92-110.

²⁶ [Бекетов А.Н.] Бекетов Андрей Николаевич, ботаник // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / Под ред. С.А.Венгерова. Т.2. Ч. 22-23. Спб., 1891. - С.361.

животных» и, таким образом, побороть псевдонаучную рациональность в «этой борьбе за существование, войне всех против всех, философской системе Фридриха Ницше и праве на кулачную борьбу в человеческом обществе»²⁷.

Третье общее, хотя и менее универсальное, представление заключалось в том, что центральным аспектом борьбы за существование была борьба организмов с абиотическими условиями. По словам ведущего физиолога и психиатра В.М.Бехтерева, «всякому должно быть ясно, что всеобщей должна быть признана собственно не борьба за существование между организмами одного и того же вида или различных видов, а борьба за право жизни вообще, другими словами, приобретение себе необходимых условий существования среди окружающей природы»²⁸. Как мы вскоре увидим, это представление было взято за основу теоретиками взаимной помощи.

Эти общие представления, рассмотренные выше, определили общее направление изучения вопроса. Но отдельные ученые – под влиянием их собственного биологического и экспериментального материала, профессионального опыта, научного окружения и идеологической ориентации – пошли различными путями. Мечников развил немальтузианскую концепцию борьбы за существование, которая оказалась важной для его фагоцитарной теории воспаления. Бекетов отверг идею естественного отбора и обосновал свое оригинальное воззрение, согласно которому эволюция по большей части является результатом прямого воздействия окружающей среды на организм. Коржинский сформулировал гипотезу гетерогенезиса, опубликованную в 1899 г. Сравнивая свою мутационную теорию с теорией Дарвина, он подчеркивал главное преимущество первой: отрицание какой бы то ни было созидательной эволюционной роли борьбы за существование и естественного отбора²⁹.

Теория взаимной помощи

²⁷ Брандт А.Ф. Сожительство и взаимная помощь // Мир Божий. 1896. №5 (5). - С.1-22, 93-116.

²⁸ Бехтерев В.М. Социальный отбор и его биологическое значение // Вестник знания. 1912. № 12. - С.949.

²⁹ О различных путях индивидуальных ученых, см. Daniel P. Todes, *Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought* (N.-Y. - Oxford: Oxford University Press, 1989). Об упомянутых здесь ученых, см. Бекетов А.Н. Географии растений; Мечников И.И. Лекции о сравнительной патологии воспаления (1892); Коржинский С.И. Гетерогенезис и эволюция (Предварительное сообщение) // Известия Императорской Академии наук. 1899. № 10 (3). - С.255-268.

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

Один общий путь привел многих российских ученых и мыслителей к так называемой теории взаимной помощи.

Как и Дарвин, российские натуралисты обратили внимание на кооперацию в природе. Но они ушли намного дальше Дарвина, признав следующие четыре основных принципа: главным аспектом борьбы за существование является борьба организма с абиотическими условиями; организмы объединяют силы, чтобы вести борьбу более эффективно, и подобная взаимная помощь оказывается предпочтительной в естественном отборе; так как во внутривидовых отношениях преобладает кооперация, а не соревнование, мальтузианская характеристика Дарвином этих отношений является ошибочной; кооперация до такой степени уменьшает значение внутривидовой конкуренции, что последняя не может быть центральным фактором в дивергенции признаков и происхождении новых видов.

Эта точка зрения часто высказывалась в 1860-1870-х гг. учеными и непрофессиональными мыслителями в качестве очевидного возражения теории Дарвина³⁰. Впервые она была систематизирована К.Ф.Кесслером, политически умеренным ихтиологом, профессором зоологического факультета и ректором Петербургского университета.

Выступая перед Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей в 1879 году, Кесслер заметил, что «жестокий, как его называют, закон борьбы за существование» часто привлекался дарвинистами для разрешения социальных и нравственных вопросов. Но сам Дарвин описал несколько различных аспектов этой борьбы, и естествоиспытателям оставалось исследовать их относительное значение и взаимодействие. Кесслер соглашался, что перенаселение иногда вызывает внутривидовую конкуренцию и что именно борьба внутри отдельных видов «нередко является самой жестокой и самой беспощадной». Но Дарвин и особенно «дарвинисты», по его мнению, преувеличивали ее место в природе³¹.

Необходимость найти пищу, объяснял Кесслер, стимулировала борьбу среди организмов. Но необходимость защищать себя и размно-

³⁰ Например, политически радикальный эмбриолог Н.Д.Ножин указал, что теория Дарвина «верна ... только в том смысле, в каком верна и теория Мальтуза». Буржуазная идеология, по его мнению, ослепила обоих, не позволив им осознать, что внутривидовое соревнование было не здоровым физиологическим процессом, результатом которого является прогресс, а лишь аномальным «источником патологических явлений». - Ножин Н.Д. Наша наука (Прим. 14).

³¹ Кесслер К.Ф. О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей. 1880. № 11 (1). - С.124-127.

жаться привела к взаимной помощи между ними. Изучая географическое распространение рыбы, Кесслер заметил, что рыбы, которые преодолевают во время нереста длинные и трудные миграционные пути, формируют, в отличие от других, большие стаи. В таких группах, писал он, «отдельные неделимые перестают заниматься исключительно только заботами о своем собственном прокормлении, о своей собственной сохранности, и начинают оказывать помощь другим неделимым...»³².

Кесслер проиллюстрировал эту точку зрения примерами взаимной помощи среди пчел, муравьев, жуков, пауков, пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. Различные организмы, указывал он, жили при различных условиях и поэтому степень их общности варьировалась. Важность «семейной и общественной жизни» среди птиц, например, была «поражительной». Путешествуя по Крыму, вспоминал Кесслер, он часто видел колонии различных особей, которые счастливо играли вместе и пользовались материальными и духовными преимуществами, приносимыми взаимной помощью. «Одни любят веселить друг друга пением, – писал он, – другие забавляются разнородными состязаниями в полете, третьи находят удовольствие в пляске и в бескровных поединках пред толпою своих братьев»³³.

Взаимная помощь, согласно Кесслеру, содействовала эволюции двояким образом. Во-первых, она увеличивала жизненные ресурсы и продолжительность жизни особей, а, значит, и вероятность того, что прямое воздействие окружающей среды создаст новые формы; и, во-вторых, увеличивала шансы этих новых форм на выживание и процветание.

Политическое значение подобного взгляда было очевидно Кесслеру. «Я не отрицаю борьбы за существование, – объяснял он, – но только утверждаю, что прогрессивному развитию как всего животного царства, так специально человечества, не столько содействует взаимная борьба, сколько взаимная помощь»³⁴.

«Закон о взаимной помощи» Кесслера был встречен с энтузиазмом и широко цитировался. Его позиция вызвала одобрение многочисленных политических мыслителей, богословов, философов и многих естествоис-

³² Кесслер К.Ф. О законе... С. 130; см. также Кесслер К.Ф. Рыбы, водящиеся и встречающиеся в Арало-Понтийской ихтиологической области. Спб., 1877.

³³ Кесслер К.Ф. О законе... - С.132-133.

³⁴ Там же. - С.135.

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

пытателей, включая М.Н.Богданова, А.Н.Бекетова, А.Ф.Брандта, В.М.Бехтерева и почвовед В.В.Докучаева³⁵.

Один из почитателей Кесслера, Петр Кропоткин, отмечал в 1909 г. поразительную разницу между зоологами своего отечества и его приемной родины – Англии: «Кесслер, Северцов, Мензбир, Брандт – 4 *больших* русских зоол(ога), и 5-ый, Поляков, поменьше, и, н(а)к(оне)ц, я, просто путешств(енник), стоим против дарвиновского преувеличения борьбы внутри видов. *Мы видим массу взаимной помощи*, тогда как Дарвин и Wallace видят *только борьбу*». Кропоткин объяснял это отчасти приверженностью мальтузианству в Англии, но подчеркивал другой фактор: «Русские зоологи исследовали громадные *континентальные области в умеренном поясе*, где борьба *вида* против естественных препятствий ... виднее; т(о)гд(а) как Wallace и Дарвин исследовали преимущ(ест)в(енно) *береговые полосы тропических стран*, где переполнение заметно. В континентальных областях, нами посещенных, *недостаток* животного населения, там же *возможно переполнение*, хотя только временное»³⁶.

Здесь Кропоткин вспоминает о рождении своей собственной веры во взаимную помощь, которая, несмотря на очевидную прямую связь с его анархической философией, в действительности имела более сложную и интересную историю. В девятнадцатилетнем возрасте, будучи молодым либеральным дворянином без определенных планов на будущее, Кропоткин принял участие в серии военных и торговых экспедиций по Сибири. В 1862-1867 гг. он преодолел более 50 тыс. миль, играя ту же роль «джентльмена-наблюдателя», как и Дарвин на «Бигле» тридцатью годами раньше. Уже будучи эволюционистом, Кропоткин читал в пути

³⁵ Как показывает этот перечень имен, теория взаимной помощи пользовалась наибольшим признанием в Санкт-Петербурге; см. Бекетов А.Н. Учебник ботаники. Спб., 1880-1883. - С.508; Бекетов А.Н. Географии растений (Прим. 24). - С.19; Богданов М.Н. Из жизни русской природы. Спб., 1889. - С.215-218; Бехтерев В.М. Социальный отбор... - С.948; Докучаев В.В. Публичные лекции по почвоведению и сельскому хозяйству // Докучаев В.В. Сочинения. Т.7. М.; Л., 1953. - С.277.

³⁶ Письмо П.А.Кропоткина к Marie Goldsmith, 15 Aug. 1909, Boris Nicolaevsky Collection, Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford University, Stanford, California, File 6. P. 351-352. Другие российские естествоиспытатели также апеллировали к физико-географическим условиям своей страны, чтобы опровергнуть подчеркнутое Дарвином значение борьбы за существование среди организмов. Например, Докучаев, соглашаясь, что борьба характеризует отношения среди живых организмов в ограниченных географических пространствах, настаивал на преувеличении Дарвином таких ситуаций. Если окинуть взором обширные зональные пространства, писал он, «то увидим, что на протяжении тысяч верст чернозем, сурки, ковыли и пр. превосходно уживаются вместе и дополняют друг друга». Докучаев В.В. Публичные лекции... - С.277.

«Происхождение видов», оценивая теорию Дарвина применительно к окружающей его дикой природе и писал об этом своему брату. Эти письма подтверждают справедливость его более поздних воспоминаний о том, как он и молодой зоолог И.С.Поляков «тщетно искали того обостренного соперничества между животными одного и того же вида, к которому подготовило нас чтение работы Дарвина», но были поражены, вместо этого, «множеством приспособлений для борьбы, очень часто борьбы общей, против неблагоприятных климатических условий, или против различных врагов»³⁷. Только спустя годы, уже будучи зрелым мыслителем и известным членом петербургского научного сообщества, Кропоткин стал революционным анархистом.

Когда Кесслер выступал с докладом о взаимной помощи, Кропоткин был в ссылке, но в 1882 г. он прочитал заметки своего соотечественника с энтузиазмом. Шесть лет спустя в свет вышла «ужасная», по словам Кропоткина, статья Т.Гексли «Борьба за существование в человеческом обществе». Гексли не придавал триумфального значения «социал-дарвинизму», но его толкование борьбы за существование было мальтузианским и пессимистическим. Его сравнение отношений в животном мире с «гладиаторским боем» разительно отличалось от взглядов, которые разделяли Кропоткин и петербургские ученые. Кропоткин ответил Гексли в работе «Взаимная помощь как фактор эволюции», которая появилась в виде статей в «Девятнадцатом веке» в 1890-1896 гг. и в виде книги в 1902 г.³⁸

Эта работа следовала логике российского национального стиля в восприятии теории Дарвина: Кропоткин расчленил понятие борьбы за существование на составные части, поместил в центр ее борьбу организмов с абиотическими условиями и подверг критике концепцию Дарвина о динамике населения и внутривидовых отношениях как мальтузианскую. Кропоткин заключил, что отношения внутри одного вида формировались физическими условиями жизни и что эти условия часто приводили к взаимной помощи. Он писал: «В животном мире мы видели, что значительное большинство особей живут в сообществах, и что в объединении они находят лучшую защиту в борьбе за жизнь (понятую, конечно, в широком дарвинистском смысле – не как борьба за простые

³⁷ Kropotkin P.A., *Mutual Aid: A Factor of Evolution* (Boston: Extending Horizons Books, 1955). P. 9. О впечатлениях Кропоткина о сибирской природе, см. Переписка Петра и Александра Кропоткиных. / Под ред. Н.И.Лебедева: В 2 т. М.; Л., 1932; Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири / Под ред. В.А.Маркина и Е.В.Старостина. Иркутск, 1983. В описании Сибири Поляковым также подчеркивается взаимная борьба организмов против физических условий жизни; см., например, Поляков И.С. Эпизоды из жизни природы и человека из Восточной Сибири. Спб, 1877.

³⁸ Работа Т.Гексли «Борьба за существование в человеческом обществе» перепечатана в: Kropotkin, *Mutual Aid*. P. 329-341.

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

средства существования, но как борьба против всех неблагоприятных для организмов естественных условий). Животные особи, у которых индивидуальная борьба сведена на нет, а практика взаимной помощи обрела величайшее развитие, являются неизменно наиболее многочисленными, наиболее процветающими и более всего открытыми к будущему прогрессу».

Так как взаимная помощь, по мнению Кропоткина, явилась результатом неблагоприятных физических условий, она редко наблюдается среди домашних животных. Например, сурки в естественных условиях кооперировались и жили в «мире и гармонии», а сурки в неволе обнаруживали свои борцовские инстинкты. Ласки были в высокой степени общительны до тех пор, пока поселения людей не уничтожили их продовольственные припасы, вынудив их разбежаться во избежание внутривидовой конкуренции³⁹.

Кропоткин признавал, что взаимная помощь сама по себе не могла заменить внутривидовую конкуренцию в объяснении эволюции физических характеристик. В своих многочисленных статьях, опубликованных в первые два десятилетия XX века, он писал о той роли, которую играют в эволюции прямое воздействие окружающей среды и наследование приобретенных характеристик. Кропоткин пытался таким образом обосновать немальтузианский эволюционизм, или, как он выразился в одном письме, «показать, что взаимная помощь не противоречит дарвинизму, если понимать естественный отбор так, как его следует понимать»⁴⁰.

Как почитатель Дарвина, Кропоткин считал себя последователем шестого издания «Происхождения видов». Цитируя опубликованную переписку Дарвина, он утверждал, что подход зрелого Дарвина к теории эволюции был близок его собственному. Заблуждения же последователей Дарвина, по мнению Кропоткина, объяснялись относительным пренебрежением полевыми исследованиями, мальтузианством и философским идеализмом, которым были заражены и неodarвинистский, и неоламаркистский лагеря⁴¹.

Что, в таком случае, мы должны заключить из факта, что наиболее тщательно разработанное воплощение российской научной традиции –

³⁹ Kropotkin, Mutual Aid. P. 40, 44, 293 (цитата).

⁴⁰ Кропоткин к Goldsmith, 3 ноября 1909, Boris Nicolaevsky Collection, File 3. P. 358. Среди этих статей были следующие: «The Theory of Evolution and Mutual Aid» // Nineteenth Century, 1910, 67:86-107; «The Direct Action of Environment on Plants», *ibid.*, vol. 68. P. 58-77; «The Response of Animals to Their Environment», *ibid.*, vol. 68. P. 856-867, 1047-1059; «Inherited Variation in Animals», *ibid.*, vol. 78, 1915. P. 1124-1144.

⁴¹ См. Кропоткин к Goldsmith, 2 февраля и 8 марта 1910, Boris Nicolaevsky Collection, File 6. P. 378, 382. См. также Kropotkin, «Direct Action of Environment on Plants». P. 62.

теории о взаимной помощи – было создано эмигрантом-анархистом в Англии? В России идея взаимной помощи не была спорной. Российские классические дарвинисты отказывались критиковать ее, а также не связывали теорию Дарвина с социал-дарвинизмом даже в такой относительно мягкой форме, как у Гексли⁴². Только когда Кропоткин привел эту российскую традицию в соприкосновение с резко отличающейся от нее британской, он посчитал своей обязанностью защитить во всех деталях то, что в России для многих было общепризнанным фактом.

Заключение

Я привел доводы в пользу того, что интенсивное исследование «борьбы за существование» и критика ее мальтузианских компонентов составляли национальный стиль восприятия теории Дарвина в России.

Была ли эта реакция уникальной? С одной стороны, не была. На рубеже XIX и XX столетий немецкий биолог Людвиг Плате разработал обширную классификацию борьбы за существование, и отдельные подобные случаи можно найти и в истории науки других стран⁴³. Более того, российская реакция была не следствием мистической «русской души», а результатом сочетания специфических условий – физико-географических и социально-экономических. Подобные обстоятельства должны были оказать влияние на обсуждение теории Дарвина и в других странах.

Но, как представляется, с особенной силой они соединились в России. Их влияние определило границы, в которых российские естествоиспытатели, как единое сообщество, обсуждали и развивали теорию Дарвина. Степень истинности вышесказанного по отношению к другим странам может быть установлена только путем сравнительного изучения критической реакции научного сообщества этих стран на дарвиновскую гипотезу борьбы за существование. Поскольку такие исследования

⁴² Попытка К.А. Тимирязева защитить Дарвина от обвинений в мальтузианстве вряд ли бы имела успех, критикуй он таких ученых, как Кесслер и Кропоткин, благоговевших перед Дарвином, за включение теории Дарвина в популярную концепцию о кооперации в природе. Об отсутствии значительного социал-дарвинистского течения в России, см. James Allen Rogers, «Russia: Social Sciences», *The Comparative Reception of Darwinism*, ed. Thomas Glick (Austin/London: Univ. Texas Press, 1972). P. 256 -268; Башмакова Р.А. Социальный дарвинизм в России и его критика // *Проблемы социологии и народонаселения*. 1974. № 234(2). - С.3-22.

⁴³ Ludwig Plate, *Über die Bedeutung der Darwinischen Selektionsprinzips* (Leipzig/Berlin, 1903).

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

отсутствуют, я позволю себе предложить некоторые пробные сравнения с Англией⁴⁴.

Часто обращают внимание на то, что двух англичан, одновременно выдвинувших теорию отбора, сближал общий опыт: путешествие в тропические экваториальные леса и сочувственное чтение «Опыта» Мальтуса. Большинство российских эволюционистов сближал иной опыт, совершенно противоположный: путешествие по обширным континентальным степям (с резко контрастными и быстро изменяющимися окружающими условиями) и неприятие теории Мальтуса.

Естествоиспытатели и той и другой страны имели дело с различными природными условиями. Российские естествоиспытатели, тем не менее, были склонны считать огромное континентальное пространство, на котором они жили и которое их побуждало изучать по мере того, как царская империя расширяла свою внутреннюю территорию, образцом типичных взаимоотношений в природе. Путешественник-зоолог А.Миддендорф, например, утверждал, что огромные расстояния, резкие климатические контрасты и простота жизненных условий в Сибири представляли собой идеальный контекст для изучения природы: «Самый недостаток в разнообразии животных форм, – писал он, – способствует лучшему пониманию законов жизни». Миддендорф считал, что в тропиках изобилие органических форм мешает естествоиспытателям понять фундаментальные отношения в природе и «вникнуть глубже в предмет». Интересно, в какой степени британские естествоиспытатели, исследуя тропические владения своей морской державы, были склонны считать тропическую природу подобным образцом⁴⁵?

⁴⁴ Судя по доступным исследованиям о восприятии теории Дарвина в Соединенных Штатах, Британии, Франции, Германии, Италии, Испании, Нидерландах, Мексике и исламском мире, критика «борьбы за существование» не занимала там центрального места; см. Glick, ed., *Comparative Reception of Darwinism* (Not. 42); Peter J. Bowler, «Scientific Attitudes to Darwinism in Britain and America», *Darwinian Heritage*, ed. Kohn (Not. 12). P. 641-681; Bowler, *Evolution: The History of an Idea* (Berkeley: Univ. California Press, 1984); Pietro Corsi and Paul J. Weindling, «Darwinism in Germany, France and Italy», *Darwinian Heritage*, ed. Kohn. P. 683-729; Ernst Mayr, *The Growth of Biological Thought* (Cambridge, Mass./London: Harvard Univ. Press, 1982).

⁴⁵ Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Спб., 1869. - С.2. Альфред Рассел Уоллес полагал, что из-за изобилия жизненных форм и устойчивых окружающих условий лучшим местом для изучения законов эволюции являлись тропики. Он хорошо понимал, что борьба за существование носила там иной характер, нежели в умеренных и холодных зонах.

Что касается Мальтуса, то очень немногие российские естествоиспытатели соглашались с Джозефом Гукером, Т.Гексли и другими ведущими британскими эволюционистами в том, что его аргументы «неоспоримы»⁴⁶. Точно так же ни один из них не отождествил бы себя с Мальтусом, находясь под атакой критики, как поступил Дарвин в 1866 г. «Меня утешает то, что (он) насмехается над Мальтусом, – писал Дарвин Чарлзу Ляйелю по поводу одного критика, – что ясно показывает, что хотя он, может быть, и математик, он не может понять простой логики». Спустя месяц он доверительно написал Алфреду Расселу Уоллесу, что непонимание теории естественного отбора было, по-видимому, неизбежно: «Не видим ли мы вплоть до наших дней, как до абсурда неправильно понимают теорию Мальтуса о населении? Пример Мальтуса часто утешал меня, когда я бывал огорчен неправильным толкованием моих взглядов»⁴⁷.

Тропический регион, по его словам, «всегда был переполнен жизнью и был постоянной ареной тех сложных влияний организма на организм, которые являются, по-видимому, главными факторами в развитии величайшего разнообразия форм и заполнения каждой пустоты в природе». В умеренных и холодных зонах, с другой стороны, «непрерывная борьба с превратностями и суровостями климата должна была постоянно ограничивать диапазон действительных вариаций животных». Поэтому он пришел к выводу, что в тропических регионах «имелась возможность для эволюции», тогда как в умеренных и холодных зонах «на ее пути стояли бесчисленные препятствия». Alfred Russel Wallace, *Natural Selection and Tropical Nature* (London: Macmillan, 1891). P. 310.

⁴⁶ *Life and Letters of Sir Joseph Hooker*, ed. Leonard Huxley (London: Murray, 1918), vol. 2. P. 43. О похожем мнении Гексли см. T.H. Huxley, *On the Origin of Species; or, The Causes of the Phenomena of Organic Nature* (New York: Appleton, 1873). P. 120. О разнообразных, но одинаково положительных оценках Мальтуса английскими ведущими эволюционистами см. плодотворную работу Robert Young, «Malthus and the Evolutionists: The Common Context of Biological and Social Theory», repr. in Young, *Darwin's Metaphor: Nature's Place in Victorian Culture* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985). P. 23-55.

⁴⁷ Charles Darwin to Charles Lyell, 6 June 1860, in *Life and Letters of Charles Darwin*, ed. Francis Darwin, vol. 1 (New York: Appleton, 1891). P. 111; и Дарвин к Алфреду Расселу Уоллесу, 5 июля 1866, в Дарвин Ч. *Избранные письма*. М., 1950. - С.188. Точное взаимоотношение между сочувственным чтением Дарвином Мальтуса, его путешествием в тропики, и развитием его теории отбора было, конечно, сложным. См. по этому вопросу Peter Bowler, «Malthus Darwin and the Concept of Struggle», *Journal of the History of Ideas*, 1976. № 37. P. 631-650; Barry G. Gale, «Darwin and the Concept of a Struggle for Existence: A Study in the Extrascientific Origins of Scientific Ideas», *Isis*, 1972. № 63. P. 321-344; Howard E. Gruber, *Darwin on Man* (2nd ed., Chicago: Univ. Chicago Press, 1981); Sandra Herbert, «Darwin, Malthus, and Selection», *Journal of the History of Biology*, 1971. № 4. P. 209-217;

M.J.S.Hodge and David Kohn, «The Immediate Origins of Natural Selection», *Darwinian Heritage*, ed. Kohn (Not. 12). P. 185-206; Edward Manier, *The Young*

*Мальтузианская метафора Дарвина и российская эволюционная мысль
(1859-1917)*

Без сомнения, теория борьбы за существование была принята не всеми британскими естествоиспытателями, точно так же, как не все российские ученые относились к ней скептически⁴⁸. Но в России такие расхождения во взглядах с Дарвином попали на благодатную почву, заставив эволюционную мысль двигаться в определенном направлении. В Англии же почва для них была относительно бесплодной, или, выражаясь в стиле английского дарвинизма, они потерялись на фоне лучше приспособившихся.

Воздействие такого «естественного отбора идей» очевидно даже в работе наиболее выдающегося исключения из правил среди российских естествоиспытателей, растениевода и физиолога К.А.Тимирязева. Ортодоксальный последователь Дарвина и плодовитый популяризатор, Тимирязев прилагал чрезвычайные усилия к тому, чтобы убедить своих соотечественников в возможности отделить подход Дарвина к борьбе за существование от реакционных взглядов Мальтуса. Ученый напоминал соотечественникам, что закон народонаселения, лежащий в основе концепции Дарвина, впервые был открыт всем известным Бенджамином Франклином, а не «презренным» Мальтусом. Тимирязев настаивал на том, что, хотя этот закон и привлекался реакционерами для оправдания «бездушной косности» социальной жизни, в органическом мире он оставался «механической причиной прогресса»⁴⁹. Ученый подчеркивал, что ни Дарвин, «ни любой последовательный дарвинист» никогда не распространяли концепцию «борьбы за существование» на «культурного человека нашего времени»⁵⁰. Такие аргументы, в конце концов заключил Тимирязев, были бесполезны. Начиная с ранних 1890-х гг. он опустил метафору Дарвина из своих объяснений теории отбора. Позднее ученый объяснил, что «систематически обходил несчастное выра-

Darwin and his Cultural Circle (Dordrecht/Boston: D. Reidel, 1978); Silvan S. Schweber, «The Wider British Context in Darwin's Theorizing», *Darwinian Heritage*. P. 35-69; и Robert M. Young, «Darwinism Is Social», *ibid.* P. 609-638.

⁴⁸ Сюда могут быть включены палеонтолог В.О.Ковалевский, зоологи Н.А.Северцов и М.А.Мензбир, и растениевод и физиолог К.А.Тимирязев. Влияние господствующей традиции, тем не менее, очевидно в работе всех, кроме Ковалевского; см. Северцов Н.А. Аркары (горные бараны) // *Природа*. 1873. № 1. - С.144-245; Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т.4. М.; Л., 1959. - С.13-70; Розина Н.Я. Михаил Александрович Мензбир. Л., 1985; Daniel P. Todes, «V.O. Kovalevskii: The Genesis, Content, and Reception of His Paleontological Work», *Studies in History of Biology*, 1978. № 2. P.99-165; Тимирязев К.А. Сочинения (Прим. 19).

⁴⁹ Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии (1892-1895) // Тимирязев К.А. Сочинения (Прим. 19). Т.6. - С.118-119.

⁵⁰ Тимирязев К.А. Столетние итоги физиологии растений (1901) // Тимирязев К.А. Сочинения. Т.5. - С.425. Первый раз он высказал эту точку зрения в ответе на осуждение Толстым теории Дарвина как безнравственной; Тимирязев К.А. Дарвин как образец ученого (1878) // Там же. Т.7. - С.56-58.

жение «борьба за существование», которое враги дарвинизма так бесцеремонно эксплуатируют»⁵¹.

Можно представить удовольствие Тимирязева, натолкнувшегося на статью Уоллеса «Метафоры г-на Дарвина, подвергнутые неправильному толкованию» (1868 г.), и его разочарование после прочтения ее. Уоллес обратился к метафоре, наиболее проблематичной для британских естествоиспытателей. Он упомянул «борьбу за существование» только как самоочевидную истину, понимание которой давало возможность прояснить значение проблематичного «естественного отбора». Уоллес и Гукер раньше советовали Дарвину вообще опустить это выражение и получили ответ, что «каждый знает, что это значит и что подразумевается под такими метафоричными выражениями». Но, как, конечно, понимал и сам Дарвин, это было лишь благим пожеланием. Судьба его теории в России демонстрирует эффект, который метафоры, в зависимости от культурного контекста, могут оказать на восприятие и развитие научных идей⁵².

Пер. Э.Филипповой

⁵¹ Тимирязев К.А. Столетние итоги физиологии растений (Прим. 50). - С.425. Первый раз он употребил это выражение в работе «Исторический метод в биологии» (1892-1895) (Прим. 49), по-видимому, в ответ на статью Чернышевского, которым Тимирязев восхищался. См. выше и Прим. 13. О других замечаниях Тимирязева по поводу «несчастливого выражения»

Дарвина см. его Насущные задачи современного естествознания (1895) // Сочинения. Т.5. - С.31; Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвином (1896) // Там же. Т.7. - С.252; и От дела к слову (1907) // Там же. Т.5. - С.359.

⁵² См. Robert Young, «Darwin's Metaphor: Does Nature Select?», repr. in Young, Darwin's Metaphor (Not. 46). P. 79-125. «Mr. Darwin's Metaphors Liable to Misconception» впервые было опубликовано в: Quarterly Journal of Science в октябре 1868 и переиздано как «Creation by Law» in Wallace, Natural Selection and Tropical Nature (Not. 45). P. 141-166.

*Лора Энгелстейн**

НРАВСТВЕННОСТЬ И ДЕРЕВЯННАЯ ЛОЖКА:
СИФИЛИС, СЕКС И ОБЩЕСТВО
ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ
(1890-1905)

В 1894 американский врач Л.Данкен Балкли опубликовал книгу под названием «Сифилис невинных (*Syphilis insontium*) с точки зрения клинической и исторической, с приложением проекта юридического контроля за болезнью»¹. Она была одобрительно встречена иностранными коллегами как своевременное подтверждение широко принятых взглядов². Балкли в исчерпывающих деталях показал, что сифилис не является исключительно венерической болезнью. Половой контакт являлся только одним из множества возможных способов заражения. Общая чашка, обычное объятие, грязная бритва, нечистое полотенце – такими невинными путями неповинные люди распространяли болезнь. По мнению автора, секс был главной причиной для беспокойства только в перенаселенной городской среде, с ее избытком холостых мужчин и изобилием нуждающихся и самостоятельно живущих женщин. Из аргументов Балкли можно было заключить, что такой общераспространенной инфекции должны быть подвержены также и сельские местности. Однако автор заявил, что распространение болезни уменьшается «в значительной степени прямо пропорционально приго-

* © Энгелстейн Лора, 2000

¹ Я хочу выразить свою благодарность Reginald Zelnik за его внимательное, критическое чтение; William Bennett, M.D. за помощь с современной медицинской литературой; Isabel V. Hull за ее редакторские замечания; Mauri and Anna-Liisa Vihko, Marjatta Mustaniemi, сотрудникам Helsinki University Slavic Library за поддержку в моем исследовании; сотрудникам The Mary Ingraham Bunting Institute of Radcliffe College за поддержку во время завершающего этапа работы над рукописью.

² Концепция «сифилиса невинных» имела, по меньшей мере, столетнюю историю. Балкли был ее популяризатором в 1890-е гг. Он цитируется, например, в Alfred Fournier, *Traité de la syphilis*, vol.1 (Paris, 1899). P.134; Розенквист А.И. К статистике внеполового заражения сифилисом // Библиотека врача. 1898. № 8. – С.532; Членов М.А. К казуистике внеполового сифилиса // Русский врач. 1902. № 30. - С.1093-1094.

родному или сельскому образу жизни населения»³.

Отрицая по существу венерический характер сифилиса, Балкли считал его наиболее распространенным среди людей, которые жили в перенаселенной среде и вели беспорядочную половую жизнь – то есть среди жителей больших городов, пользовавшихся преимуществами современной цивилизации. Вместе с тем он указывал, что при определенных условиях сифилис широко распространялся независимо от плотности населения и культурного уровня и часто проникал в структуру повседневной жизни целых сообществ. «Нам, цивилизованным людям XIX века, – писал Балкли, – трудно до конца понять грубый образ жизни, существовавший в прошлом, и те обстоятельства и окружающие условия минувших времен, которые вели к быстрому и значительному распространению сифилиса; но мы можем это лучше понять, если примем во внимание некоторые факты, относящиеся к совсем недавнему распространению этой болезни в таких наименее цивилизованных местах на Земле, как определенные регионы России»⁴.

Европейские врачи использовали угрозу заражения сифилисом внеполовым путем, чтобы удержать представителей образованной части общества от неосмотрительных контактов с нечистоплотными бедными слоями населения и подчеркнуть непредусмотренные последствия сексуальной активности. Угроза заражения болезнью половым путем использовалась рядом врачей для оправдания надзора полиции за публичными женщинами. Оппоненты регулирования проституции ссылались на нее, чтобы установить единый для мужчин и женщин стандарт половой воздержанности. Несмотря на то, что врачи подчеркивали опасность внеполового заражения болезнью, сифилис по-прежнему символизировал собою риск, связанный с сексом.

При рассмотрении социальных функций сифилиса с медицинской точки зрения, прежде всего необходимо поставить вопрос: действительно ли существовал невенерический, бытовой сифилис? Было ли символическое положение России как образца примитивной асексуальности плодом воображения Запада, или ее отсталость действительно могла быть отражена в структуре ее болезни? То, как врачи подходили к рассмотрению сифилиса, отражало их профессиональное отношение и к государственной власти, и к проблемам класса. Было бы неудивительно, таким образом, обнаружить, что российские врачи, несмотря на знакомство с западной наукой, рассматривали болезнь в другом свете и стремились к другой роли в политике здравоохранения и в регулировании сексуального поведения. Наконец, необходимо понять, зависела ли

³ L. Duncan Bulkley, *Syphilis in the Innocent* (New York, 1894). P. 3-4.

⁴ Там же. - С.140.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

медицинская интерпретация сифилиса от ожиданий, связанных с культурным контекстом, или же от клинических фактов, а предложения о контроле за ним – от политических, или от медицинских расчетов. Таковы вопросы, рассмотрению которых посвящена данная статья, исследующая судьбу европейских идей о сексуальности и социальных болезнях по мере того, как они переключивались на российскую почву.

Не возникает сомнений в том, что Россия на западной медицинской карте занимала место на самой окраине цивилизованного мира. Отличаясь, по словам Балкли, «вопиющим невежеством»⁵, она разделяла с другими отсталыми странами рудиментарную форму болезни, которая исключала сексуальный компонент, свойственный современной городской жизни⁶. Российские врачи, некоторым образом в свою защиту, указывали на то, что риск внеполового заражения сифилисом был всеобщим. «Не одна Россия с ее малой культурой становится жертвой значительной частоты внеполового распространения сифилиса, – писал д-р Андрей Розенквист в 1898 г. – И более просвещенные народы нередко

⁵ Там же. - С.4.

⁶ Ведущий авторитет профессор Альфред Фурнье, принимая во внимание опасность внеполового заражения, тем не менее считал, что 90 процентов всех случаев заражения сифилисом во Франции по происхождению венерические; *Traité de la syphilis*, vol. 1. P. 20. Как сообщалось, «эндемический» сифилис, или внеполовая форма болезни, встречался в то время в Моравии, Швеции, Норвегии, Эстонии, Курляндии и Литве; Etienne Lancereaux, *Traité historique et pratique de la syphilis* (Paris, 1866; English ed., 1868; Russian ed., 1876), цитируется из English ed., *Treatise on Syphilis: Historical and Practical*, 2 vols. (London, 1868-69), vol. 1. P.29-43, 46; Bulkley, *Syphilis*. P. 5-7. В одной авторитетной французской медицинской диссертации заявлялось, что сифилис был занесен в сельскую местность крестьянами мужского пола, которые посещали проституток в городах. В ней указывалось на опасность кормления грудью и рожденного сифилиса, но игнорировались другие способы заражения болезнью внеполовым путем, и эта форма болезни не называлась эндемической - термин, который употреблялся в диссертации по отношению к «неграм» в Северной Америке. См. Leon Issaly, *Contribution a l'étude de la syphilis dans les campagnes* (Paris, 1895). P. 7-8, 10-11, 13-14, 28; цитируется в Alain Corbin, «Le Péril vénérien au début du siècle: Prophylaxie sanitaire et prophylaxie morale», *L'Haleine des faubourgs: Ville, habitat et santé au XIXe siècle*, ed. Lion Murard and Patrick Zylberman (Fontenay-Sous-Bois, France, 1978). P. 250-251. Нелли Фурман любезно предоставила мне копию труда Иссали. Врачи на конгрессе по проблемам сифилиса в Брюсселе в 1899 г. утверждали, что европейские крестьяне не страдали от той же формы болезни, что русские крестьяне; см. Грацианов П.А. Борьба с сифилисом как предмет общественной гигиены // Восьмой пироговский съезд: Авторефераты и положения докладов по секциям. Т.6. М., 1902. - С.245.

заражаются сифилисом самым необычным путем»⁷. Однако для европейцев поражение этой болезнью целых районов, преобладание случаев заболевания среди женщин и детей, среди деревенских ремесленников в их мастерских представлялось верным показателем культурной отсталости: ее распространение отражало существующую степень антисанитарии, нищеты, недоедания и перенаселения⁸.

Российские врачи, сознавая и во многих других отношениях отсталость своей страны, соглашались: «Бытовой сифилис, – утверждал один из них в конце XIX века, – не встречается нигде в Европе, а составляет печальную привилегию только России»⁹. Действительно, дурная слава России, как питательной почвы для сифилитической инфекции, в немалой степени была обязана свидетельству русского д-ра Вениамина Тарновского, профессора дерматологии и венерических болезней Санкт-Петербургской Военно-медицинской Академии. «Сифилис невинных, – писал он в работе, часто цитировавшейся его европейскими коллегами, – есть самая тяжелая, наиболее вредная для общества и у нас, в России, самая частая форма сифилиса»¹⁰.

Венерический сифилис, согласно распространенному мнению, был завезен в Европу в конце XV столетия моряками, возвратившимися на кораблях Колумба, и затем распространился в эпидемическом масштабе за счет сексуальной активности солдат и публичных женщин¹¹. Несмотря на то, что спор специалистов о действительном происхождении сифилиса в Европе остается неразрешенным по сей день, миф о венерическом сифилисе как предвестнике эпохи Нового времени пережил все ученые дискуссии¹². Д-р Филипп Рикор, один из основателей сифилитологии XIX века, хотя и был убежден в том, что болезнь существовала

⁷ Розенквист А.И. К статистике... - С.510.

⁸ Lancereax, Treatise, vol. 2. P. 261-262.

⁹ Земский доктор Д.В.Имшенецкий из Черниговской губернии, в Трудах Высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России. Т.2. Спб., 1897. - С.150.

¹⁰ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. Спб., 1888. – С.196. Нем. изд. (Hamburg, 1890) цитируется у Bulkley, Syphilis. P. 198, 204; с работой Тарновского были знакомы также французские врачи; Corbin, «Le Péril». P. 252.

¹¹ Claude Quételet, «Syphilis et politiques de santé a l'époque moderne», Histoire, économie et société 3, № 4. 1984. P. 543. На эту работу мне любезно указала Natalie Z. Davis.

¹² О дискуссии о происхождении сифилиса в Европе и мифе о постколумбовской эпидемии см. Ellis Herndon Hudson, Nonvenereal Syphilis: A Sociological and Medical Study of Bejel (Edinburgh, 1958). P. 14-25; также Corinne Shear Wood, «Syphilis in Anthropological Perspective», Social Science and Medicine 12 (1978). P. 47-55.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

под различными названиями и в невенерической форме с древних времен, тем не менее, считал смертоносную вспышку сифилиса в 1493 году началом новой эры в медицинском и народном сознании. Он назвал год этой эпидемии «Ce véritable 93 de la vérole» (этот истинный девяносто третий год сифилиса), проводя аналогию с событиями «Великого террора» 1793 года периода Французской революции, которые, по его словам, явились политическим водоразделом в истории страны¹³.

Российские врачи интерпретировали свой собственный национальный опыт в свете этого прочно утвердившегося представления. Д-р Эдуард Шперк, сын знатного, хотя и разорившегося, провинциального врача немецкого происхождения, провел десять лет в Сибири, изучая сифилис среди местного населения¹⁴. Результаты этой работы были опубликованы им в 1863 г. в докторской диссертации. В ней Шперк подчеркнул огромное влияние «материального быта» на «все наши нравы и обычаи», отмечая, в частности, воздействие проведения железных дорог на развитие мобильности населения и ослабление традиционных общинных связей. Венерический сифилис, утверждал он, меньше всего был распространен в крестьянских деревнях, где семейные связи были крепкими и основой благосостояния была земельная собственность. Развитие торговли изменило характер экономической системы, производя неземельную собственность, или капитал, и оплачиваемый труд. Люди переезжали чаще, вступали в брак позже, семья утратила свое значение, и секс тоже стал объектом торговли. Женщина, подобно другим товарам и бытовым услугам, превратилась в предмет обмена. «Железная дорога, проходя по известной местности, – писал Шперк, – увеличивает число отдающихся в наем квартир, экипажей... и продажных женщин».¹⁵ Великая эпидемия XV века, утверждал Шперк, сигнализировала не о появлении новой болезни, а скорее, о трансформации давно известной. Исторический поворотный момент, ознаменованный крестовыми походами, завоеваниями и ростом городов, обеспечил более благоприятные условия для заражения сифилисом половым путем, чем внеполовым, создав у современников впечатление, что они столкнулись с совершенно иным видом болезни. Продолжающееся распространение в российских деревнях эндемической формы сифилиса указывало, по

¹³ Philippe Ricord, *Lettres sur la syphilis*, 2nd ed., revised (Paris, 1856). P.131.

¹⁴ О биографии Шперка см. «Esquisse biographique», Edouard Léonard Sperk, *Oeuvres complètes: Syphilis, prostitution, études médicales diverses*, 2 vols. (Paris, 1896), vol. 1.

¹⁵ Шперк Э. О мерах к прекращению распространения сифилиса у проституток // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. № 3. Ч. 3. - С.68. (Многоточие оригинала).

его мнению, на то, что Россия еще не вступила в современную эпоху¹⁶.

Другие авторы связали новую форму болезни и уровень заражения ею с вторжением в Россию чуждых для нее ценностей и социальных институтов. «В западноевропейских странах, – утверждал д-р Петр Грацианский из Военно-медицинской академии, – главную роль в деле распространения сифилиса берет на себя почти исключительно проституция»¹⁷. Проституция существовала и в России тоже, но она считалась завезенной из-за границы, продуктом городской коммерческой культуры, враждебной традиционным, отечественным путям развития. «Во время правления Петра Великого, – писал д-р Иван Приклонский, – вместе с началом наших сношений с западноевропейскими государствами, в наше отечество стало проникать понятие о проституции как о ремесле, и она начала распространяться между народом, понижая значительно нравственность во всех слоях общества»¹⁸.

В 1897 г. Министерство внутренних дел организовало в Санкт-Петербурге проведение съезда по обсуждению мероприятий против сифилиса в России. Престижная миссия произнесения вступительной речи была возложена на современника Шперка, Вениамина Тарновского¹⁹. Хотя общественные взгляды Тарновского и Шперка значительно различались, их точки зрения на роль социальных условий в распространении венерической болезни совпадали. Тарновский считал, что сифилис, существовавший в России с конца XV столетия, стал серьезной угрозой национальному благополучию потому, что «перенесенное с Запада промышленное и торговое движение во сто крат увеличило пути передачи болезни, а условия самозащиты народных масс почти в том же состоянии, как и при Иоанне Грозном». Опасность, по его словам, лежала в «быстром повороте земледельческой России на пути промышленности, в несоответствии внешних проявлений цивилизации Запада с культурой и экономическим положением народных масс». «При одних условиях, – говорил Тарновский своим слушателям, – цивилизация возвышает и развивает народ

¹⁶ Eduard Shperk, «Signification des syphiloïdes dans la doctrine et dans l'histoire de la syphilis», Sperk, Oeuvres complètes, vol. 1. P.164-165, 167, 172. (Перевод: Значение сифилоидов в учении и истории сифилиса // Военно-медицинский журнал (август-сентябрь 1864)).

¹⁷ Грацианский П.И. Невинные пути и способы заражения и распространения сифилиса // Журнал русского общества охранения народного здравия. 1892. № 11. - С.817.

¹⁸ Приклонский И.И. Проституция и ее организация: Исторический очерк. М., 1903. - С.53.

¹⁹ Шперк жил в 1837-1894 гг.; Тарновский - в 1839-1906 гг. Биографическую информацию о Тарновском см.: Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. Т.32А. Спб., 1901. - С.650-651.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
русских врачей (1890-1905)*

нравственно и физически, при других же губит его медленно и верно»²⁰.

Был ли сифилис в России продуктом перемен или симптомом инерции, знаком присоединения или обособления от путей развития современного мира? Врачи, по-видимому, не были уверены в ответе. Они не могли решить, то ли цивилизация, которой они завидовали и которой опасались, поразила болезнью невинные тела, оставляя народную добродетель нетронутой, то ли здоровье было утрачено вслед за самой невинностью. К сожалению любителей медицинской и исторической достоверности, научное знание, которое могло бы решить этот вопрос на «объективной» основе и, следовательно, помогло бы историкам разгадать культурные предрассудки прошлого, за последние сто лет его не прояснило. Сифилис остается культурной загадкой и по сей день.

Клиническая картина

Современный учебник по дерматологии сообщает нам, что сифилис является результатом действия спирохеты *Treponema pallidum*. Этот микроорганизм, впервые изолированный в 1905 г., проникает в кровяной поток и другие секреты организма, но быстро разрушается под воздействием солнечного света, сухости, холода, мыла и воды, или просто будучи выведенным за пределы живущего носителя²¹. Старое представление о «яде... наделенном свойством... сохраняться в течение неопределенного периода времени»²², отошло в прошлое. Сейчас эксперты объясняют, что распространению сифилитической инфекции способствует половой контакт. Он обеспечивает теплоту и влажность для ее развития и трение, которое разносит ее сквозь уязвимую слизистую оболочку. Опасность, как прежде говорилось, существовавшая в грязных чашках, полотенцах и туалетных сиденьях, принадлежит к перечню мифов научного прошлого²³.

Современные исследования о сифилисе в доиндустриальных обществах тем не менее представляют иную картину, спасающую в некоторой степени медицину викторианской эпохи от осмеяния, которому она

²⁰ Речь на открытии сессии 15 января 1897 г. // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.18-19.

²¹ Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 6.

²² Bulkley, Syphilis. P. 21.

²³ Как указал Аллан М.Брандт по поводу венерической болезни в Америке: «Сейчас установлено, что сифилис и гонорея почти никогда не передаются неполовым путем». Allan M. Brandt, No Magic Bullet: A Social History of Venereal Disease in the United States Since 1880 (Oxford, 1985). P. 22. См. также Theodor Rosebury, Microbes and Morals: The Strange Story of Venereal Disease (New York, 1971). P. 250-51.

подвергалась в прошлом. Действительно, в современных индустриальных обществах сифилис в большинстве случаев распространяется половым путем. Это объясняется тем, что, во-первых, интимный физический контакт в западной городской культуре по преимуществу сводится к сексуальным отношениям; и, во-вторых, тем, что пенициллин, впервые широко примененный во время второй мировой войны, явился мощным средством против распространения сифилитической инфекции через многообразные пути социальных взаимодействий. Тем не менее, даже в XX веке в крестьянских общинах Боснии или бедуинских селениях Сирии, где население живет скученно, а представления о частной жизни и индивидуальности отличны от наших, при резкой нехватке пенициллина и не изменившихся до сих пор народных обычаях пить и есть из общей посуды сифилис имеет форму, наблюдавшуюся в российских деревнях более столетия назад. Наблюдатели общественного здравоохранения с помощью современных диагностических средств подтвердили, что некоторые предметы, такие, как чашки и курительные трубки, могут разносить инфекцию при быстрой передаче ото рта ко рту; что целые сообщества могут таить в себе низкий уровень инфекции, которая предохраняет людей от опасности заражения половым путем. В этих странах причина заболевания сифилисом не связывается с сексуальной активностью, потому что секс считается не относящимся к этому случаю²⁴.

Сифилис является болезнью, которая адаптируется к культурной среде²⁵. Меняющееся представление о нем в медицинской литературе отражает не только прогресс клинической техники или расширение наших знаний о биологическом мире, но также различные проявления самой болезни. Врачи в XIX веке ошибочно истолковывали реальный механизм заражения сифилисом, значительно преувеличивали сферу действия сифилитической инфекции. Однако не все опасности, перечисленные ими, можно отнести только к стремлению обойти вопросы, связанные с сексуальной деятельностью, или использовать их для обоснования проектов контроля за половой жизнью.²⁶

Тем не менее, при установлении происхождения конкретного случая

²⁴ E.I. Grin, «Epidemiology and Control of Endemic Syphilis: Report on a Mass-Treatment Campaign in Bosnia», World Health Organization Monograph Series, № 11 (Geneva, 1953). P. 20, 30, 32; см. также Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 9, 12-15, 80-81, 83.

²⁵ Wood, «Syphilis». P. 47.

²⁶ Лансеро перечислял среди многочисленных опасностей заражения невинные поцелуи, кормление грудью, применение медицинских банок, татуирование, совместное пользование кроватью и постельным бельем, кухонными принадлежностями и курительными трубками. Опасность сосания

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

заболевания на основе его клинических симптомов, безусловно, в действии вступало воображение. Типичная форма сифилиса проходит через три стадии: первичный шанкр, который может появиться в любом месте тела, но чаще всего на половых органах, и секреция которого чрезвычайно заразна; вторичное поражение, или папулы, которые предпочитают влажную слизистую оболочку и также заразны; наконец, после длительного периода времени – страшные третичные симптомы, ужасавшие викторианскую медицину – провалившийся нос, нервная и умственная деградация. И шанкр, и вторичные поражения исчезают сами по себе, без лечения; они разделяются бессимптомным периодом, во время которого секреции организма кишат инфекцией, но жертва беды не чувствует. После появления вторичного высыпания инфекция становится менее опасной, хотя полностью не исчезает, и заражения больше не происходит. Только в меньшинстве случаев наблюдается появление третичных симптомов²⁷.

Некоторые врачи XIX века считали (и с ними согласны современные специалисты), что эндемический сифилис может развиваться, минуя первичную стадию²⁸. Уже врачи викторианской эпохи верно заметили, что младенцы могут рождаться с болезнью, хотя причина понималась ими неправильно²⁹. Им также было известно о возможности передачи инфекции от кормилиц грудным младенцам. Но в большинстве случаев обстоятельства заражения сифилисом были и остаются до наших дней неясными, и

младенцем груди матери, обычного физического контакта, обычных домашних действий, как и врожденный сифилис, были известны, замечал он, уже в XVI веке; Treatise, vol. 2. P. 214, 231-246; о французских примерах знания XVI века, см. Quétel, «Syphilis». P. 545 и 549; о врожденном сифилисе см. R.C.Holcomb, «The Antiquity of Congenital Syphilis», Bulletin of the History of Medicine 10, № 2 (1941). P. 164-165. О детальном перечне см. Bulkley, Syphilis. P. 209-240. Русский список объектов, могущих служить передаче инфекции, «слишком длинный для подсчета» см.: Грацианский П.И. Невинные пути... - С.807; также Розенквист А.И. К статистике... - С.531. Corbin отмечает популярность подобных перечней среди французских сифилидологов того времени; «Le Péril». P. 250.

²⁷ Stewart M. Brooks, The V.D. Story (South Brunswick, N.J., 1971). P. 37-39; Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 69.

²⁸ Grin, Epidemiology. P. 32. Хадсон объясняет, что постоянный небольшой уровень инфекции предотвращает развитие формы сифилиса, при которой у прежде неподверженных заражению взрослых появляются шанкры. Nonvenereal Syphilis. P. 64-65.

²⁹ Об ошибочных взглядах на врожденный сифилис, см. Fournier, Traité de la syphilis, vol.1. P. 5-6; также, Elizabeth Lomax, «Infantile Syphilis as an Example of Nineteenth Century Belief in the Inheritance of Acquired Characteristics», Journal of the History of Medicine 34, № 1 (1979). P. 23-39.

симптомы болезни не дают ключа к разгадке.

Европейские учебники, которыми пользовались российские врачи, оставляли достаточно места для полемики. Некоторые эксперты настаивали на неизбежности шанкра на первоначальном этапе, хотя он мог быть скрытым (как на шейке матки) или даже исчезающим, а потому незаметным для диагноста³⁰. Необнаружение его не подтверждало сексуальной невинности; обнаружение его в безобидных местах не исключало виновности в сексуальной распущенности. Шанкры в ротовой полости, например, вызвали дебаты. Столько всего могло происходить во рту! «Noni soit qui mal у grêте! (Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает!)» – ханжески комментировал писавший для французской аудитории из уважаемого среднего класса д-р Пол Диде³¹. Но знаменитый профессор д-р Альфред Фурнье без колебаний придал «орально-половому» контакту должное значение в картине болезни.³² Другие органы были менее универсальны. Немногие учебники отрицали, что шанкр на половых органах подразумевает половой акт, а на заднем проходе – анальное совокупление³³. Последнее, писал французский специалист в области судебной медицины д-р Амбруаз Тардьё, было почти несомненным доказательством «противоестественного акта», и даже вторичные поражения на этом месте, по его мнению, должны были приписываться той же причине³⁴. Фурнье признавал, что орально-анальный акт был «более частым явлением, чем можно было представить»³⁵. Американский профессор по мочеполовым болезням в Колледже врачей и хирургов Колумбийского университета Р.У.Тэйлор открыто заявлял, что шанкр на заднем проходе, языке и в ротовой полости часто является результатом «противо-естественных и отвратительных методов потворства своим желаниям между лицами одного и того же или противоположного пола»³⁶. Д-р Балкли более стыдливо называл этот акт *coitus preternaturalis* (противоестественное совокупление)³⁷.

Таким образом, готовность врачей интерпретировать сифилис как венерическую болезнь зависела в большой степени от того, что они понимали под сексуальными отношениями помимо полового акта между

³⁰ Fournier, *Traité de la syphilis*, vol. 1. P. 22, 25-26, цитируется Ricord.

³¹ P. Diday, *Le Péril vénérien dans les familles* (Paris, 1881). P. 319.

³² Fournier, *Traité de la syphilis*, vol. 1. P. 133.

³³ Например, см. Lancereaux, *Treatise*, vol. 2. P. 355-356.

³⁴ Ambroise Tardieu, *Etude médico-légale sur les attentats aux mœurs*, 7th ed. (Paris, 1878). P. 230, 249.

³⁵ Fournier, *Traité de la syphilis*, vol. 1. P. 189.

³⁶ Robert W. Taylor, *A Practical Treatise on Genito-Urinary and Venereal Diseases and Syphilis*, 3rd ed., revised (New York, 1904). P. 496.

³⁷ Bulkley, *Syphilis*. P. 240.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

мужчиной и женщиной, и от того, могли ли они представить себе детей вовлеченными в какой-либо вид сексуальной деятельности, также как и вообразить набожных крестьян и добродетельных жен, ищущих необычных (с точки зрения врачей) сексуальных наслаждений. В то время как некоторые специалисты заключили из факта существования множества внеполовых путей заражения болезнью, что сифилис, «рассмотренный в его широком смысле..., не может больше рассматриваться в свете существующего знания как исключительно венерическая болезнь»³⁸, другие не были в этом так уверены. Пользующийся большим уважением Этьен Лансеро продолжал сомневаться в том, что вспышки сифилиса, даже на окраинах европейских цивилизаций, были столь невинными, как это представлялось. Плотность населения, указывал он, даже там была проблемой, а она в принципе «ведет к падению нравственности»³⁹.

Роль врачей

Российские врачи вступали в те же споры по поводу диагнозов, как и их европейские коллеги. Многочисленные статьи в медицинской прессе сообщали «о редких случаях внеполовой инфекции», первичных шанкрах внеполового происхождения на половых органах детей, в частности, во влагалище девятилетней девочки⁴⁰, в то время как дискуссии о проституции и ее связи с венерическим сифилисом были даже более обильными. Но клинические свидетельства из-за их значительной неопределенности играли второстепенную роль в различении двух конкурирующих парадигм заражения сифилисом. Вместо обоснования своих заключений тем, какого рода симптомы поражения сифилисом они обнаружили, российские врачи стремились объяснить характер инфекции социальными и культурными условиями жизни больных.

Такой подход не был культурным новшеством, а основательно опирался на европейскую медицинскую традицию, которая связывала общественное здравоохранение с окружающей средой. Рассматривая болезнь как социальную проблему, российские врачи общественного здравоохранения посвящали свою деятельность разрешению общественных, то есть административных или политических, проблем. Одним из ведущих защитников этого направления был врач Фридрих Эрисман. Швейцарец по происхождению, он приехал в Россию в 1869 г. и на протяжении последующих 27 лет занимался врачебной практикой и преподавал в Москов-

³⁸ Bulkley, Syphilis. P. 109.

³⁹ Lancereaux, Treatise, vol. 2. P. 262.

⁴⁰ Ротман Е.А. К казуистике внеполового шанкра: Внеполовой шанкр на пенисе // Русский журнал кожных и венерологических болезней. 1905. № 10; Тулинов А. Первичная сифилическая язва внеполового происхождения на половых частях девочки 9 лет // Детская медицина. 1899. № 4.

ском университете, занимая пост заведующего кафедрой гигиены⁴¹. В 1896 г., сломленный в конце концов упорной враждебностью становившегося все более репрессивным режима, он был вынужден покинуть Россию. Общественные взгляды Эрисмана разделялись другими врачами. Одним из них был упомянутый нами ранее Эдуард Шперк, который уже сделал свою карьеру к моменту приезда Эрисмана в Россию. Родившийся в 1837 г., Шперк разделял с интеллигенцией 1860-х годов веру в науку как ключ к социальному совершенствованию и этику служения народному благу, не одобряя, тем не менее, наиболее радикальной социальной критики интеллигенции. Занимаясь деятельностью в обширнейшей и влиятельнейшей российской организации общественного здравоохранения, Шперк преподавал в 1870-х годах на Женских курсах при Военно-медицинской академии. Он был известен своим гуманным лечением пациентов, включая находящиеся под его ведением зарегистрированных проституток, и позднее порвал с Санкт-Петербургским сифилидологическим обществом из-за вопроса о регулировании проституции, против которого все больше и больше возражал⁴². Хотя взгляды Шперка разделялись не всеми представителями его поколения (Тарновский, также преподававший на Женских курсах, представлял самый сильный контраст), он задал тон, который доминировал в общественных медицинских кругах в 1890-х годах.

Взгляд на сифилис как продукт социальных условий разделялся врачами, лечившими городскую бедноту. Но наиболее близок он был врачам, которые практиковали в сельской местности. Большинство последних работало в земствах, выборных органах местного самоуправления, созданных во время Великих реформ 1860-х годов. Земства пользовались относительной независимостью от бюрократического контроля и предоставляли представителям образованных слоев населения редкий шанс служить на благо общества и упражняться в минимуме гражданской инициативы⁴³. Не удивительно, что именно земские учреждения были средоточием политики реформ в эпоху, предшествующую революции 1905 года.

Для земских практиков, работавших в крестьянских общинах, счита-

⁴¹ N.A.Semashko, «Friedrich Erismann: The Dawn of Russian Hygiene and Public Health», *Bulletin of the History of Medicine* 20 (June 1946). P. 1-9.

⁴² О разрыве отношений в 1887 г., см. Sperk, *Oeuvres complètes*. P. XXVI-XXVII; об аболиционизме, см. Бентовин Б. Торгующие телом: Очерки современной проституции. Изд. 2-е, перераб. Спб., 1909. - С.239.

⁴³ О ситуации в европейской медицинской науке, см. George Rosen, «The Evolution of Social Medicine», *Handbook of Medical Sociology*, ed. Howard E. Freeman, Sol Levine, and Leo G. Reeder (Englewood Cliffs, N.J., 1963). О земской медицинской философии, см. Nancy Mandelker Frieden, *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905* (Princeton, N.J., 1981), chap. 4; и Samuel C. Ramer, «The Zemstvo and Public Health», *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*, ed. Terence Emmons and Wayne S. Vucinich (Cambridge, 1982). P. 279-282.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

лось естественным рассматривать болезнь скорее как демографическую или социальную проблему, чем как индивидуальную патологию, физическую или нравственную. «В частной практике, – объяснял ведущий земский врач Дмитрий Жбанков, – врач имел дело только с отдельными больными, без всякого отношения их друг к другу, когда задача представлялась такою простою – вылечить больного, а что будет дальше и что делается кругом, думать не приходилось. При возникавшей общественной медицине пришлось иметь дело с массами больных и с окружающим здоровым населением и воочию убедиться в тесной связи между больными и здоровыми, увидеть зависимость отдельных и повальных заболеваний от всех окружающих условий». Программы, направленные на просвещение и профилактику, были, таким образом, по мнению земских врачей, ключом к оздоровлению народа, как ясно показывал случай с деревенским сифилисом – классическим бичом общины⁴⁴.

Использование примера с сифилисом в качестве иллюстрации вопроса об общественной политике не было оригинальным в случае со Жбанковым, или уникальным для тех, кто разделял его критические взгляды. Периодическое исчезновение симптомов, таинственное процесс заражения при рождении и кажущееся отсутствие связи между различными стадиями болезни делали сифилис безупречным символическим средством в отстаивании врачами своего профессионального авторитета. Он обеспечивал идеальную клиническую связь между частной сферой жизни (то есть индивидуальной и скрытой от глаз) и общественной (то есть гражданской и открытой для всех). Вениамин Тарновский, например, рассуждая о контроле за сифилисом, использовал риторику о национальной чести и национальной самозащите. «Никакой внешний и явный враг нам не страшен», – заявил он на Санкт-Петербургском съезде по проблемам сифилиса, – но «страшен нам может быть враг тайный, внутренний, незаметно разрушающий физическое и нравственное благосостояние народа»⁴⁵. Сифилис, сетовал штатный врач Киевского военного госпиталя, используя те же выражения, «это не явный враг, с которым можно бороться явным оружием; он подкрадывается незаметно и беспощадно губит целые семьи, целые поколения»⁴⁶. Лектор Московского университета д-р Николай Федченко вторил французскому эксперту Туссену Бартелеми, выражая сожаление, что сифилис вызывает меньше тревоги, чем холера, только потому,

⁴⁴ Жбанков Д.Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. М., 1910. - С.2-3.

⁴⁵ Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.21.

⁴⁶ Боровский В.К. К вопросу об источниках заражения сифилисом // Военно-медицинский журнал. 1894. № 8 (август). - С.412.

что «вред сифилиса, хорошо сознаваемый врачами, не бросается в глаза толпе»⁴⁷. Врач должен был отдать свое сокровенное знание, приобретенное в результате личного осмотра половых органов пациента, на службу общественной политике.

В отдаче своего профессионального мастерства на службу обществу для российских врачей не было ничего необычного, так как значительное большинство из них работали в государственных и общественных учреждениях⁴⁸. Они выражали свои взгляды и обменивались специальной информацией на страницах многочисленных медицинских журналов, которые способствовали возбуждению дискуссии на социальные темы. Около 450 из них посетили съезд 1897 года; в числе участников было 19 из тех 35 человек (31 мужчины и 4 женщины), чьи наблюдения и комментарии легли в основу этой статьи⁴⁹. Половине из них в 1897 году было более 40 лет, они принадлежали к поколению, чья юность прошла в 1860-е годы – в оптимистичные ранние годы правления Александра II; остальные, моложе их, получили образование в период репрессий, последовавших после убийства царя в 1881 г. Большинство членов этой группы имели обычный диплом врача, но треть получила более высокую степень доктора медицины. В этой группе преобладали дерматологи, урологи и специалисты по венерическим болезням, она включала также несколько педиатров. Но обычно врачи в ходе своей профессиональной карьеры совмещали различные специальности, что расширяло диапазон их социального и клинического опыта⁵⁰. Несмотря на философские и образовательные различия, всех российских врачей объединяло знакомство с европейской медициной и все они столкнулись с деятельностью государства, стремившегося сохранить прочное господство в процессе социальных изменений и ничего не уступить в своей власти независимым группам; государства, от которого зависело их материальное благополучие, но которое препятствовало достижению их профессиональных целей.

В Европе вопросы общественного здравоохранения и общественной нравственности были тесно переплетены как объекты государственной политики и медицинской компетенции. Противники и сторонники регулирования проституции разделяли общую обеспокоенность сексуаль-

⁴⁷ Федченко Н.П. О заражении сифилисом при бритье // Медицинское обозрение. 1890. № 1. - С.25.

⁴⁸ Frieden, Russian Physicians. P. 210-211.

⁴⁹ О составе съезда, см. Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.259-266.

⁵⁰ Сведения о карьере и биографические данные взяты из: Российский медицинский список. Спб., 1890-1916.

Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905)

ным поведением низших слоев населения и с медицинской резонансностью обосновывали свою приверженность нормам поведения среднего класса. Однако российские врачи, несмотря на схожие (хотя и не идентичные) с европейскими стандарты порядочности, считали себя живущими в другом нравственном мире. И в Европе, и в России суждения о нормах сексуального поведения зависели от представлений о социальном классе и поле. Таким образом, своеобразие российской классовой структуры порождало особые нравственные ожидания, которые, в свою очередь, модифицировались и все более запутывались из-за общего брожения, охватившего тогда классовую структуру общества.

В значительном большинстве случаев, с которыми российским врачам приходилось иметь дело, традиционные обычаи казались еще нетронутыми. Сифилис представлялся им не результатом сексуальной активности, эгоистических поисков личных наслаждений и пренебрежения общепринятыми нормами поведения, а результатом социальной неупорядоченности, отражением тирании коллектива и слабости индивида. Об этом преобладании общественных норм над индивидуальным началом врачи особенно сожалели, потому что это вызывало у них чувство собственной беспомощности. Научить людей, обладающих чувством личной ответственности, управлять своим поведением, было легче, чем пытаться изменить общественные нормы. Но, несмотря на профессиональную заинтересованность в поддержке индивидуализма, большинство российских врачей настойчиво отвергали признаки существования неконтролируемой сексуальной активности среди простого народа, которые свидетельствовали о разрушении традиционных связей. Они предпочитали рассматривать сифилис как внеполовой по происхождению, даже несмотря на то, что это значительно усложняло их борьбу с болезнью⁵¹.

Сифилис в российской деревне

В отношении к крестьянскому населению все без исключения медики характеризовали сифилис как эндемический и как внеполовой по происхождению⁵². Если в российских городах «выдающаяся роль в за-

⁵¹ Связь между индивидуализацией и современными стратегиями введения поведенческих норм является, конечно, центральным моментом в работе: Michel Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (New York, 1977).

⁵² Среди наиболее авторитетных выразителей этого всеобщего мнения: Чистяков М.А. Протоколы секции сифилидологии на первом съезде

ражении» принадлежала проституции, говорил д-р Санкт-Петербургского врачебно-полицейского комитета Константин Штюмер, то «в деревнях она имеет лишь ограниченное значение, а во многих местностях ровно никакого»⁵³. «Сельский сифилис, – писал земский врач Павел Говорков, – есть бедствие, постигшее людей неповинных. Цифровые данные по этому предмету показывают, какое ничтожное число людей в деревне заболевает венерическими формами половым путем»⁵⁴. На основании отчетов из городов и деревень со всей империи съезд по проблемам сифилиса 1897 года заключил, что проституция была важным фактором в распространении сифилиса только в больших и среднего размера городах. Небольшие города, как и деревни, страдали от эпидемий болезни в ее невенерической форме⁵⁵. Известный сифилидолог Григорий Герценштейн был типичным в защите нравственной чистоты крестьянской жизни: «Не проституция, не войска, не холостая молодежь городских фабричных и промышленных центров распространяет болезнь и представляет преимущественный контингент больных, но неповинные дети и женщины жалких сел и деревень. Болезнь распространяется не путем половых сношений, а передается при повседневных общежитийских отношениях здоровых и больных членов семьи, соседей и заходящих людей. Общая миска, ложка, невинный поцелуй ребенка распространяли заразу все дальше и дальше, а не разврат, не тайная проститутка, как это наблюдается в больших городах»⁵⁶.

Не в недостатке целомудрия, а в низком культурном уровне, – вот в чем, по мнению врачей, заключалось дело. Сельские практикующие

русских врачей 1885 г. в С.-Петербурге. Спб., 1886. - С.41; Герценштейн Г.М. Сифилис в Новгородской губернии и вопросы о борьбе с ним на VII и IX съездах земских врачей 1888-1895 гг. // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1896. № 4. - С.25; Грацианский П.И. Невинные пути... - С.817-818; Петерсен О.В. О сифилисе и венерических болезнях в городах России // Труды Высочайше разрешенного съезда... Т.1. - С.127; Розенквист А.И. Редкий случай внеполового заражения сифилисом: Из амбулатории Мясницкой больницы в Москве // Врач. 1899. № 9. - С.244; Сперанский Н.С. К статистике сифилиса в сельском населении Московской губернии. М., 1901. - С.125; Тарновский В.М., процитированный в: Чистяков. Протоколы... - С.6; Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.1. - С.73-85.

⁵³ Штюмер К.Л. Сифилис в санитарном отношении. Спб., 1890. - С.45.

⁵⁴ Говорков П.А. Половая жизнь гарнизона. Ч. 1 // Врач. 1896. № 37. - С.1016.

⁵⁵ Резолюция съезда процитирована, например, у А.Г.Петровского: Борьба с сифилисом в городах. Ч. 1 // Известия Московской городской думы. 1905. № 5. - С.3.

⁵⁶ Герценштейн Г.М. Сифилис в Новгородской губернии. - С.47.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

врачи возлагали вину в распространении сифилиса на нищету, невежество и обычаи⁵⁷. Они называли сифилис «бытовой болезнью русского народа»⁵⁸. Слово «бытовой» имело два значения в этом определении: «повсеместный, привычный», то есть широко распространенный, и «домашний», то есть являющийся результатом повседневного образа жизни. Невенерический сифилис, писал Герценштейн, «встречается только там, где население крайне невежественно, бедно и находится на сравнительно низкой ступени цивилизации»⁵⁹. Если крестьяне сами причиняли себе зло, это происходило не умышленно, не за счет ошибок или необдуманных действий, а по незнанию, из-за слепой приверженности «вековым народным привычкам»⁶⁰. «Крестьянство, – писал Штюрмер, – совершенно бессознательно само себе главный враг. Замечательную небрежность к своему и чужому здоровью, положительную дикость некоторых обычаев и проч., конечно, ничем иным нельзя объяснить, как невежеством»⁶¹. К этим варварским обычаям врачи относили привычку плевать в глаз для излечения ячменя, кормление детей непосредственно изо рта матери и привычку сосать пенис младенца с целью успокоить его⁶².

Отсталость крестьян врачи объясняли преобладанием общественных норм над индивидуальным развитием. По словам д-ра Михаила Уварова, одного из наиболее известных земских врачей, патриархальная семья с ее строгими нравами не могла защитить своих членов от сифилиса⁶³. По его мнению, правдой было совершенно обратное: такие «большие расширенные семьи способствовали его быстрому распространению... Маленькие деревушки, где все население иногда имеет одну и ту же фамилию и находится между собой в близких родственных отноше-

⁵⁷ По загадочному выражению Д.Н.Жбанкова, «благодаря бедноте, темноте и тесноте»; процитирован в: Гончаров К.В. О венерических болезнях в С.-Петербурге. Спб., 1910. - С.23.

⁵⁸ Вениамин Тарновский; цит. в: Чистяков М.А. Протоколы... - С.6; см. также Штюрмер. Сифилис... - С.44.

⁵⁹ Герценштейн Г.М. Сифилис в России. 1885; процитировано в: Гончаров, О венерических болезнях... - С.5.

⁶⁰ Герценштейн Г.М. Передвижные врачебные отряды для борьбы с сифилисом // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1896. № 10. Кн. 1. - С.25.

⁶¹ Штюрмер К.Л. Сифилис... - С.45; см. также Герценштейн Г.М. Сифилис в Новгородской губернии. - С.36, 38.

⁶² Розенквист А.И. К статистике... - С.529.

⁶³ Карьера Уварова в земской медицине описана в общих чертах в работе: Афанасьев Н.И. Современники: Альбом биографий: В 2 т. Спб., 1909-1910. Т.2. - С.427-430.

ниях, сильнее поражаются сифилисом, нежели большие селения»⁶⁴. Крестьяне заболели, потому что жили бок о бок. Как болезнь, «не знающая никакой преграды», сифилис процветал среди людей, которые не признавали никаких ограничений: они ели из общей миски, спали в одной постели, принимали в доме бродячих нищих и торговцев. Болезнь, таким образом, «разносилась из одной семьи в другую, не щадя ни детей, ни стариков..., захватывая соседние дома и ближайшие деревни»⁶⁵. «Ни один акт, половой или неполовой», не мог быть выделен в качестве первого звена в роковой цепочке: «первоначальный источник заразы давно забыт, первый агент случайного занесения яда давно, быть может, умер, но печальные последствия, тем не менее, разыгрались в полном размере»⁶⁶. Наблюдатели описывали болезнь как распространяющуюся «пассивно» или «стихийно», без сознательного посредничества⁶⁷. Часто жертвы не распознавали свою собственную болезнь – так мало ее симптомы выделялись на фоне общего плохого состояния здоровья⁶⁸.

Матери играли центральную роль в распространении инфекции. Они не только носили болезнь в своей крови, передавая ее еще не родившемуся и грудному ребенку, но их антисанитарная практика угрожала всем членам семьи. Дмитрий Жбанков описал домашние привычки крестьянской семьи, которые, по его мнению, упрочивали плохое состояние здоровья: «Только что объяснены матери все меры предосторожности [по отношению к сифилису], а она сейчас же при враче сует в рот здоровому ребенку ту же ложку, которой только что кормила больного ребенка, или тою же тряпкой или платком, которым было вытерто обильное истечение изо рта больного ребенка, вытирается лицо самой матери или здорового ребенка, или еще лучше, здоровый член семьи прямо рукой вытирает это истечение и сейчас же берет за хлеб»⁶⁹.

В медицинской литературе того времени не содержится даже намека на то, что в распространение болезни могла внести свою лепту сексуальная активность части крестьянок. Предположений, что эти женщины

⁶⁴ Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения. - С.82-83.

⁶⁵ Боровский В.К. К вопросу... - С.413.

⁶⁶ Герценштейн Г.М. Передвижные врачебные отряды... - С.26.

⁶⁷ Там же. Сифилис в Новгородской губернии... - С.47.

⁶⁸ Федченко Н.П. О заражении сифилисом... - С.19. См. также земский врач Д.Д.Сандберг, цит. по: Мессарош П.И. К вопросу о распространении сифилиса в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1896. № 7. Кн. 1. - С.50.

⁶⁹ Жбанков Д.Н. Материалы о распространении сифилиса и венерических заболеваний в Смоленской губернии. Смоленск, 1896; процитирован в: Розенквист А.И. Редкий случай... - С.245.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
русских врачей (1890-1905)*

могли быть сексуально активны вне рамок семейной жизни, где им приписывалась исключительно детопроизводящая роль, не существовало. Д-р Александр Ефимов, изучая влияние сифилиса на половую жизнь крестьянских женщин, не обсуждал частоту совершения половых актов или других способов получения сексуального наслаждения, но рассматривал вопросы о менструации, плодovitости и беременности⁷⁰.

В определенной степени эти взгляды отражали наблюдаемую социальную действительность того времени. Но собранные по крупицам свидетельства из непосредственного опыта деревенской жизни могут порождать иллюзии, которые сами являются производными этой культуры. Хотя можно было без опасений заключить, что российской деревни еще не коснулись те глубокие изменения в демографии и культуре, которые трансформировали жизнь европейских крестьян несколько десятилетий назад⁷¹, все же она не была, по-видимому, такой пассивной, какой казалась. Существуют некоторые основания полагать, что за высоким уровнем браков среди русских крестьян, ранним возрастом вступления в брак и поздним началом менструации у женщин была скрыта (каково бы ни было ее реальное распространение) внебрачная половая активность⁷². Так, например, за высоким уровнем браков, в том числе ранних, по-видимому, скрыты данные о добрачной сексуальной активности, включая наступавшие беременности⁷³. В любом случае,

⁷⁰ Приложение к: Ефимов А.И. Сифилис в русской деревне, его характерные черты и влияние на санитарное положение населения. Казань, 1902. Многие врачи проявили интерес к «физиологическим аспектам половой жизни крестьянских женщин»; см. многочисленные исследования, процитированные в: Сергиев В.С. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки Котельничского уезда Вятской губернии // Труды антропологического общества при Императорской Военно-медицинской академии. Т.5. Спб., 1901. - С.175-199.

⁷¹ См. J.Michael Phayer, «Lower-Class Morality: The Case of Bavaria», Journal of Social History 8, № 1 (1974). P. 79-95.

⁷² О демографии традиционной крестьянской деревни см. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX - начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сборник статей / Под ред. А.Г.Вишневого. М., 1977. Исследования показали, что у крестьянок менструация в среднем начиналась в возрасте от 16 до 17 лет; см. Сергиев В.С. К учению... - С.180.

⁷³ Дэвид Л.Рэнсел замечает, что цифры незаконнорожденных были намного выше в российских городах, чем в сельской местности, но он относит это частью к практике крестьянок приносить нежеланных или незаконнорожденных младенцев в городские приемные дома. Более строгие правила приема в них, введенные в 1890 г., понизили статистику незаконнорожденных, что, по мысли Рэнсела, скрывает действительный рост

наблюдатели тех времен, как это очевидно из их реакции на противоречащие их взгляду свидетельства, кажется, неохотно соглашались с существованием явлений, разрушавших лелеемые ими убеждения.

Деревенские женщины как наиболее традиционный элемент связанной традициями среды представлялись незапятнанным образцом крестьянской добродетели. Крестьянок изображали целомудренными даже такие авторы, как Дмитрий Жбанков, который придерживался нетрадиционных взглядов на способность женщины к культурному прогрессу⁷⁴. На прочность подобных представлений, как мы уже сказали, не влиял даже длительный личный опыт жизни в деревне. Жбанков, сам незаконный сын крепостной и помещика, много лет проработал в земской практике, изучая влияние социальной мобильности на сельский образ жизни⁷⁵. Рассматривая нравственные последствия мужского отхожего промысла в Костромской губернии, Жбанков описывал одиноких жен уехавших в город отходников как верных их отсутствующим мужьям. Эти женщины, по его словам, были весьма далеки от того, чтобы чувствовать муки сексуального неудовлетворения. От совмещения тяжелой работы и отсутствия возможности вести половую жизнь они утрачивали даже намек на половое чувство. Во время сезона тяжелых работ, объяснял Жбанков, крестьянки часто не имели менструации, потому что «организм так сильно истощается на тяжелую работу, что у него не остается излишка для половых функций, почему у женщин во время работ и отсутствия мужей не появляется половых требований». Так как отходный промысел существовал в России с давних времен, писал автор, то «могло развиваться *наследственное ослабление половых желаний у женщин*»⁷⁶. Жбанков, как и Ефимов, был готов уравнивать отсутствие менструации с отсутствием сексуального желания, хотя способность зачать и желание получить сексуальное наслаждение не были одним и тем же. Мужчины и женщины, жившие в деревнях, обычно считались стыдливými и нравственно чистыми. Григорий Герценштейн сожалел, что крестьянская «естественная стыдливость» удерживала их от обращения за медицинской помощью в случае заболевания болезнью, связанной с

числа незаконнорожденных в течение 1890-х гг.: David L. Ransel, «Problems in Measuring Illegitimacy in Prerevolutionary Russia», *Journal of Social History* 16, № 2 (Winter 1982). P. 111-127.

⁷⁴ См. о его аргументе по поводу принятия женщин в университеты; Жбанков Д.Н. О допущении женщин в университет // *Русский врач*. 1902. № 6. - С.209-213.

⁷⁵ О происхождении Д.Н.Жбанкова указано в: Мицкевич С.И. На грани двух эпох: От народничества к марксизму. М., 1937. - С.96.

⁷⁶ Жбанков Д.Н. *Бабыя сторона: Статистико-этнографический очерк*. Кострома, 1891. - С.91; курсив оригинала.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

половой жизнью⁷⁷.

Поставленные перед лицом неоспоримых свидетельств существования в сельской местности внебрачной сексуальной активности, медицинские наблюдатели определяли ее как городскую проблему. Санкт-Петербургский врач Александр Введенский уверял на съезде по проблемам сифилиса, что, «будучи явлением совершенно чуждым патриархальному быту нашего крестьянина, проституция развивается в селах и деревнях несомненно лишь в том случае, если коренным образом изменяются условия деревенской жизни. С проведением железной дороги, с развитием торговли или какого-нибудь промышленного фабричного или заводского предприятия, с расквартированием в местности войск – деревня уже теряет свой первоначальный характер: в нее вносятся отличительные черты городской жизни»⁷⁸. Тогда, сожалел Введенский, невинные прежде обычаи создавали почву для полового разврата; местные девушки продавали свое тело ради простого развлечения; крестьяне, сосредоточенные на табачных плантациях и рыбных промыслах, утрачивали всякую нравственную устойчивость⁷⁹.

Немногие разделяли убеждение Введенского в том, что сельские нравы настолько изменились к худшему. Большинство врачей по-прежнему придерживалось представления о целомудренности простого народа, даже когда причиной распространения болезни явно были беспорядочные половые сношения. Вместо того, чтобы подчеркивать риск полового контакта, врачи концентрировали внимание на опасностях окружающей среды или на последствиях чисто социального характера. Проститутки, которые собирались в местных трактирах, говорил д-р Михаил Уваров на съезде по проблемам сифилиса, представляли меньшую угрозу для здоровья, чем грязные столы, невымытые стаканы и душные непроветриваемые помещения, в которых посетители заражают друг друга. «Есть указания на деревенские трактиры, как на притоны разгула и разврата, – говорил Уваров, – но при совершенном отсутствии санитарного надзора в них встречается такая неряшливость и грязь, что они несомненно в еще большей степени служат для внеполового заражения. Достаточно вспомнить эти вечные полотенца, которые служат для обтирания слегка смоченных стаканов, из которых потом распивается пиво»⁸⁰.

Врачи были глубоко обеспокоены влиянием сифилиса на проблему

⁷⁷ Герценштейн Г.М. Передвижные врачебные отряды... - С.30.

⁷⁸ Введенский А.А. Проституция среди сельского (внегородского) населения // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.1. - С.1.

⁷⁹ Там же. - С.2.

⁸⁰ Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения. - С.85.

выкидышей, детскую смертность и ослабленность детского организма и считали бытовую форму болезни в этом отношении в такой же степени опасной, как и венерическую. Так, Вениамин Тарновский обвинял наследственный сифилис в физической патологии крестьянских детей, а в исследовании по Тамбовской губернии сифилис указан как главная причина смертности детей грудного возраста⁸¹. Согласно современным исследованиям, при эндемическом сифилисе внутриутробного заражения не происходит, потому что женщины, которые сами приобрели заболевание до достижения половой зрелости, не являются источником заражения ко времени достижения ими возраста деторождения⁸². Несомненно, что здоровые кормилицы были восприимчивы к инфекции зараженных сифилисом младенцев, что представляло опасность для их будущей беременности. Но если бы заражение в детстве было достаточно широко распространено, женщины реже бы приобретали болезнь в зрелом возрасте, когда это могло бы причинить вред их будущему ребенку, и взрослые реже бы представляли угрозу друг для друга.

По крайней мере один наблюдатель, Дмитрий Жбанков, отказался разделить преобладающее чувство тревоги, представив доказательства, созвучные с тем, что современная медицина знает о болезни в ее эндемической форме. Его данные, в отличие от заключений специалистов на Западе, не показывали, что сифилис увеличивает число выкидышей и преждевременных родов среди крестьянских женщин России⁸³. Противоположная взгляду Жбанкова точка зрения других обозревателей может быть объяснена, по-видимому, следующими двумя моментами: тенденцией смешивать симптомы дородового и послеродового сифилиса у младенцев, которые на самом деле отличаются друг от друга; и ролью других болезней в высокой смертности младенцев в сельских областях, где сифилис также был широко распространен. Если ретроспективно можно было бы каким-либо образом установить широкое распространение именно врожденного сифилиса в сельских местностях России, тогда следовало бы заключить, что врачи в действительности имели дело со смешанным случаем, в котором настоящий эндемический сифилис сосуществовал с некоторой частотой приобретения его, в венерической или невенерической форме, взрослыми. Таким образом, венерическое заражение (которому подвергаются только зрелые в половом отношении

⁸¹ Тарновский в своей работе «Проституция и аболиционизм» (с.206) утверждает, что наследственный сифилис имел такое же распространение среди крестьян, как и среди образованных классов. См. также Сандберг Д.Д. Сифилис в деревне // Врач. 1894. № 26. - С.741.

⁸² Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 150-152.

⁸³ Жбанков Д.Н. К вопросу о плодовитости замужних женщин // Врач. 1889. № 13. - С.311.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

женщины) было, по меньшей мере, более распространенным явлением в крестьянском обществе, чем врачи хотели признать.

Город против деревни

Нежелание российских врачей, основанное на их социальных взглядах, интерпретировать распространение сифилиса среди сельского населения как результат внебрачной сексуальной активности побудило их вывести аналогичное заключение и о крестьянах, переехавших в города. Однако ассоциации городской жизни с другим типом социального взаимодействия в итоге изменили взгляды медиков. Д-р Николай Федченко объяснял, что из-за того, что городская жизнь была «более индивидуализированной», картина заражения представлялась иной: «В крестьянской жизни внеполовое заражение распространяется на целые семьи и кружки..., в городах, там, где повторяется указанная форма крестьянского быта, внеполовое заражение встречает те же благоприятные условия для передачи сифилитического контагия; так, были наблюдаемы случаи... у артельщиков, солдат, фабричных, прислуги и проч.; но *здесь они описываются как единичные заболевания*»⁸⁴.

Таким образом, город и деревня, в глазах медицины, представляли две разные социальные и эпидемиологические модели. Крестьянский сифилис был болезнью общины; городской сифилис был обратным случаем и рассматривался как болезнь индивидуумов. Городская жизнь, культура, образование являлись силами, подрывавшими традиционные общинные структуры, где сексуальное поведение не было ни делом выбора, ни средством личного удовлетворения, а являлось обязательством, репродуктивной, а не выразительной функцией. Но город и деревня представляли собой не просто ступени в культурном развитии; они были географическими пунктами на карте. Каково было их взаимодействие с точки зрения распространения венерической болезни? Чтобы ответить на этот вопрос, врачи были вынуждены затронуть проблему классовых различий, так как миграция населения была ключом и к трансформации социальных категорий, и к распространению социальной болезни. Пол, в свою очередь, внесил дополнительные нюансы в картину влияния классовых различий на заболеваемость, образуя эпидемиологическую сетку, которая зеркально отражала процесс социальных изменений.

В деревне мужчин и женщин объединял один и тот же статус на одном полюсе классово-половой сетки: они считались носителями репродуктивной функции, которые повиновались традиционным общинным нормам и были лишены личной самостоятельности и отсюда – способ-

⁸⁴ Федченко Н.П. О заражении сифилисом. - С.19; курсив мой.

ности к независимой сексуальной жизни. На другом конце шкалы находились образованные городские мужчины, несшие полную моральную ответственность за свою сексуальную деятельность. Женщины того же класса, хотя и приобщившиеся в некоторой степени к городской культуре, тем не менее, в сексуальном отношении попадали под ту же пассивную, а следовательно нравственно безукоризненную категорию, как и крестьянки. Как матери и домашние хозяйки, они вместе с маленькими детьми считались символом типичных жертв *syphilis insontium* (сифилиса невинных)⁸⁵. Но у каждой из них, тем не менее, вместе с родственниками мужского пола и в отличие от жертв общинной болезни из низших классов, могли быть и свои собственные личные беды и трагедии.

Сексуально-эпидемиологическая классификация рабочих мужского и женского пола, напротив, отражала их промежуточное положение в классовой иерархии. Как недавно приехавшие в город, они все еще считались обладающими нравственным иммунитетом сельских жителей. Но при некоторых обстоятельствах эти мужчины и женщины могли заслуживать и моральное порицание: обычный солдат, отходник и проститутка, как и мужчины из образованных слоев, признавались способными вести активную сексуальную жизнь и поэтому ответственными за распространение половых заболеваний. Это противоречивое восприятие мужчин и женщин из рабочего класса давало, таким образом, ключ к загадке взаимодействия города и деревни.

Неопределенный статус городских рабочих оказывал значительное влияние на врачей при постановке диагнозов, которые отличались противоречивостью и непоследовательностью. Некоторые врачи, исходя из убеждения, что все формы сифилиса по своему происхождению были связаны с сексуальной деятельностью, верили в то, что деревенский сифилис обязан своим происхождением занесенной из города инфекции. «Возьмите любой случай заболевания сифилисом, – говорил Вениамин Тарновский, рассуждая в интересах своего любимого дела, – по-видимому, ничего общего с проституцией не имеющий, и доведите его через ряд лиц, иногда поколений, до первоначального источника - всегда вы найдете в конце концов проститутку, от которой, как от центра,

⁸⁵ То, что врачи считали таких женщин лично зависимыми, очевидно из практики утаивания от них природы их заболевания, в то время как эта неприятная новость сообщалась их мужьям. Полагали, что этот обман необходим для сохранения «профессиональной конфиденциальности» между врачом и мужем. О критике см. Ельцина З.Я. К вопросу о расширении мер борьбы с сифилисом // Русский врач. 1902. № 26. - С.969-971.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

во все стороны распространяется болезнь»⁸⁶. Что началось как венерический сифилис в городских условиях, объяснял д-р Эдуард Шперк в 1869г., в условиях сельской местности развилось в эндемическую форму болезни⁸⁷.

Другие авторы, не считавшие проституток, т.е. женщин из низших слоев, главными виновниками распространения болезни, сконцентрировали свое внимание на роли мужчин из низших слоев. Крестьяне, покинувшие деревню ради работы на фабрике или в артели, могли часто посещать проституток, сожительствовать с работницей или с поварихой из общегития⁸⁸. «[Молодые] же рабочие и солдаты, оторванные от семьи в пору наибольшего полового развития и попадая в непривычную им городскую обстановку..., заражаются сифилисом и приносят этот печальный продукт «цивилизации» в свою родную глушь»⁸⁹. Ряд врачей, не оспаривая того, что сифилис является результатом сексуальной активности, отрицали, что его распространение начиналось из городов. Д-р Михаил Уваров не нашел причинной связи между работой на фабрике и сельским сифилисом, хотя и подозревал, что таковая на самом деле должна была существовать⁹⁰. Д-р Николай Сперанский более категорично заключил, что «степень развития сифилиса в населении Московской губернии не находится в постоянной и прямой зависимости от развития промышленности и отхожих промыслов»⁹¹.

Григорий Герценштейн отрицал гипотезу о городском происхождении сифилиса на основании того, что половой контакт не мог объяснить широкого распространения болезни: «В громадном числе случаев передачи заразы общим ложем, общей посудой, общим бельем тонут без следа сравнительно немногие случаи заражения путем половых сношений». Россия, заявил он, не показывала ожидаемой в этом случае эпидемиологической картины: «Войска, этот главнейший критерий распространения сифилиса и венерических болезней в данной местности, ... в России дают гораздо меньший процент сифилитиков, чем гражданское население... Вот почему в России приходится наблюдать извращенный ход сифилитической заразы, при котором она гораздо меньше идет из

⁸⁶ Тарновский В. Речь на сифилидологическом съезде 1897 г. // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.10.

⁸⁷ Шперк Э.Л. О мерах к прекращению... - С.69.

⁸⁸ Штюрмер К.Л. Сифилис. - С.41. Крестьянские женщины также работали на фабриках (отсюда и возможность рабочих иметь сексуальных партнеров), но сами они не считались разносчиками болезни.

⁸⁹ Боровский В.К. К вопросу... - С.414.

⁹⁰ Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения. - С.56-58.

⁹¹ Сперанский Н.С. К статистике сифилиса. - С.91.

фабрик, заводов, войск, городов в деревни, чем обратно»⁹².

Однако невозможно было в одно и то же время отстаивать нравственную чистоту деревни и испорченность города и избегать при этом непреодолимых затруднений при постановке последовательных диагнозов. Как было известно, большинство проституток, даже в крупных городах, происходили из крестьян. В деревенских условиях, как мы видели, крестьянские женщины не считались сексуально активными, несмотря на ходячее представление о том, что за свою брачную жизнь крестьянка рождает 8-10 детей⁹³: постоянная беременность скорее символизировала их иммунитет к сексуальному желанию. По приезду в город многие из них, прежде чем начать торговать собой, работали домашней прислугой⁹⁴. Согласно исследованиям, в городских больничных палатах для сифилитиков прислуга составляла наибольшую однородную группу женщин из низших слоев⁹⁵. Но была ли их болезнь результатом нравственного развращения или признаком невинной отсталости?

В качестве проституток женская прислуга, действительно, могла распространять заразу через публичные половые контакты, но болезнь сама могла быть также привнесена из деревни как обычный результат ежедневной домашней жизни. Зараженная, возможно, соседским ребенком, женщина приезжала в город, находясь в инфекционном периоде, и заражала своего партнера. Конечно, могла быть правдой и обратная ситуация: такая женщина могла также легко начать заниматься проституцией, будучи здоровой, и позднее перенести болезнь своего клиента в родную деревню, где это послужило бы началом для распространения сифилиса в невенерической форме. Прислуга или продавщицы часто зарабатывали дополнительные деньги за счет половых связей, и многие из них проводили летнее время или праздники с семьями в деревне. Но большинство врачей настаивало на рассмотрении нравственных или сексуальных привычек как результата действия не личности, а места. Считалось, что женщины, сбившиеся с пути под влиянием города, вер-

⁹² Герценштейн Г.М. Передвижные врачебные отряды. - С.17, 27; Штюмер (Сифилис... - С.45) соглашается, что инфекция распространяется из деревни в город. О современном подтверждении этой точки зрения см. Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 192.

⁹³ Эта хорошо известная цифра упомянута Д.Д.Сандберг в ходе описания ею сифилиса среди крестьянских женщин в Тамбовской губернии; см. Сифилис в деревне... - С.741.

⁹⁴ Штюмер К.Л. Сифилис... - С.42.

⁹⁵ Ельцина З.Я. Сифилис и кожные болезни среди женского рабочего населения Петербурга // Врач. 1896. № 42. - С.1178-1179; Грацианский Л.И. Невинные пути... - С.806; Холевинская М.М. Отчет об осмотрах проституток на Самокатском смотровом пункте Нижегородской ярмарки за 1893 год // Врач. 1894. № 17. - С.487.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

нутя на стезю добродетели по возвращении домой. «Те же самые простые женщины, которые составляют наибольшую часть проституток в городах, – писал д-р Константин Гончаров в своем исследовании о венерических болезнях в Санкт-Петербурге, – редко обращаются в проституток в сельской местности»⁹⁶.

Вениамин Тарновский занял более последовательную, хотя менее убедительную позицию, которую большинство врачей не принимало. Следуя итальянской школе криминальной антропологии, Тарновский просто отнес всех проституток к патологическому типу. «Предрасположенность к пороку», писал он, является генетической чертой, обеспечивающей органическую почву для роста числа проституток: «Ошибочно думать также, что город с его жизнью исключительно играет роль развратителя того многочисленного пришлого женского населения, которое стекается в него из сел и деревень. Нет! Известная часть сельских девушек, порочно предрасположенных, дефлорированных уже на родине, является в большие города и представляет готовый материал для пополнения проституционного класса»⁹⁷.

Врожденная проститутка, считал он, может появиться в любой социальной среде: «Порочно предрасположенная девушка, к какому бы классу общества ни принадлежала, всегда, как только ее половая жизнь вступает в свои права, находит возможным пасть и затем уж более или менее постепенно перейти в состав деятельной проституции». То, что большинство проституток были неимущими, доказывало, по его мнению, не то, что угрызения совести отступили перед экономической нуждой, а то, что бедняки вообще не испытывали нравственных угрызений по поводу своего поведения. Тарновский считал, что только сильное влияние образа семейной жизни средних и высших слоев общества, воспитание и умственное развитие могли предотвратить предрасположенную к пороку девушку от удовлетворения ее биологических потребностей⁹⁸.

В основе патологии проституток, по мнению Тарновского, лежала их сексуальная агрессивность. Аболиционисты (сторонники отмены системы регулирования проституции), говорил он, требуют рассматривать этих женщин как жертв нужды, обстоятельств и мужского насилия. Тогда как в действительности проститутки сами ответственны за соvrращение и нрав-

⁹⁶ Гончаров К.В. О венерических болезнях... - С.97; однако А.А.Введенский не согласился с этим; см. Введенский А.А. Проституция... - С.2.

⁹⁷ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. - С.180.

⁹⁸ Там же. - С.179 (нравственное падение), 177 (бедность), 181 (воспитание). Он выразил этот взгляд на проституцию на съезде по проблемам сифилиса 1897 г.: Труды высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.10-11.

ственное падение многих невинных мужчин. «Проститутка постоянно, повторно, ежедневно возобновляет эту продажу, – писал он, – и совершает ее не под гнетом покупателя, а, напротив, сама отыскивая и вовлекая покупателя в сделку»⁹⁹. В том смысле, что проститутка была жертвой своей собственной патологической конституции, считал Тарновский, она не была хозяйкой своей судьбы, но то, что эта конституция наделила ее сексуальным желанием, даровало ей субъективность, которая у других женщин отсутствовала. Даже Тарновский, тем не менее, не хотел следовать выводам своей собственной жесткой логики, даже он не мог отказаться от убеждения о сельском целомудрии. Ремесло проститутки, утверждал он, могло процветать только в условиях современной коммерческой жизни, а не в традиционных крестьянских общинах, жителям которых не свойственна нравственная слабость городских низших классов: «Проститутка в свое ремесло вносит всю активную, промысловую деятельность, без которой немислим успех, деятельность, подстрекаемую и соревнованием, и спросом, и требованием рынка»¹⁰⁰.

Таким образом, Тарновский создал особую концепцию, которая, с одной стороны, признавала сексуальную активность женщин, и в то же время позволяла ему сохранить традиционные представления о женской сексуальной пассивности. В этом отношении он не отличался от большинства своих коллег, для которых намного легче было представить себе крестьянских мужчин, свободных от семьи и семейных связей, чем крестьянских женщин, находящихся в том же положении. Вне крестьянской общины с ее строгими нравами мужчины считались способными к независимой сексуальной жизни. Но при этом их привычки и болезни оставались привычками и болезнями жителей деревни. При переходе от общинного к индивидуальному образу жизни они страдали от недостатков обоих. В исследовании о сифилисе в Киевском гарнизоне, например, указывалось, что офицеры и унтер-офицеры в равной степени часто посещали проститутки, но что только более простые по социальному происхождению унтер-офицеры, многие из которых выдвинулись из рядовых, заражались сифилисом также и другими путями. Их тесные и грязные жилые казармы были столь же опасны для их здоровья, как и проститутки в местных кабаках¹⁰¹. Профессиональные офицеры, наоборот, могли вступать в беспорядочные половые связи, но они не жили в такой тесноте, как унтер-офицеры, имея, таким образом, меньше физических контактов друг с другом, и были более склонны к соблюдению

⁹⁹ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. - С.133-134 (аболиционисты); 159, 164 (обольщение); 135 (цитата).

¹⁰⁰ Там же. - С.179 (крестьянская община); 136 (цитата).

¹⁰¹ Боровский В.К. К вопросу... - С.417-418.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

гигиены. Поэтому их болезни носили индивидуальный, а не массовый характер.

В другом исследовании сообщалось, что венерический сифилис встречался в три раза чаще среди офицеров, чем среди нижних чинов, потому что последние были женатыми и оставались верными своим женам. Новобранцы приезжали в армию, обладая нетронутым деревенским целомудрием. «Деревенская чистота нравов, видно, еще строга, – указывал автор, – даже и при таких, по-нашему, благоприятных для заражения условиях, молодые люди остаются все же целомудреннее людей гарнизона». Впервые встречая проституток в армии, они не сразу поддавались искушению, а уступали только постепенно. Обычный солдат, утверждал этот наблюдатель, хотел не секса, а невинного развлечения: часто посещая ближайший трактир с его дешевым пивом, дешевыми проститутками и разбитыми бильярдными столами, он был скорее склонен ограничиться игрой и выпивкой, чем беспокоиться о женщинах¹⁰².

Чернорабочие, недавно переехавшие в город, были отнесены к той же категории, что и неопытные новобранцы, не знакомые с армейской жизнью. Считалось, что они еще не ассимилировались в городской культуре, и, по-видимому, у них проявлялась еще сельская, эндемическая форма сифилиса. «Чем менее культурно население, – писал московский городской врач Александр Петровский, – чем в худших условиях живет оно, тем чаще сифилис развивается внеполовым путем»¹⁰³. Д-р Павел Ширяев, лечивший московских рабочих, называл распространенную форму болезни «ходячим» или «общежительным» сифилисом. «Это – бытовое явление, – писал он, применяя хорошо знакомое определение, – имеет raison d'être в социально-экономических условиях жизни больших городов, в рабочем населении, в особенности». Как и крестьянский сифилис, этот «общежительный» сифилис был признаком не развращенности, а добропорядочности и верности семейной роли: «Это болезнь среднего, можно сказать – добропорядочного рабочего, еще сохранившего свою тесную связь с деревней и родной семьей»¹⁰⁴.

По мнению врачей, представители образованных слоев общества обладали развитым чувством достоинства, которое удерживало их от неосмотрительных физических контактов, столь фатальных для здоровья крестьян. Тем не менее и они были уязвимы к заражению сифилисом,

¹⁰² Говорков П.А. Половая жизнь // Врач. 1896. № 38. Ч.1. - С.1017; Ч.2 - С.1050-1051.

¹⁰³ Петровский А.Г. Борьба с сифилисом в городах. Ч.1, 3.

¹⁰⁴ Ширяев П.А. Организация врачебной помощи при сифилисе и венерических болезнях среди рабочего населения в больших промышленных и торговых центрах // Медицинское обозрение. 1902. № 13-14. - С.151-152.

проникающим из трущоб в общую атмосферу городской жизни. «Сифилис нашей прислуги, – предупреждал Ширяев, – наших рабочих всюду преследует нас: и в тесной семье, и в гостиницах, ресторанах, в театрах, на прогулках, на фабриках и заводах и т.п.»¹⁰⁵. Разрушение классовых границ, по мнению врачей, могло иметь зловещие результаты. Показательным случаем в этом отношении была половая связь с проститутками. Но наиболее коварную угрозу представлял невенерический сифилис. Обыкновенный обслуживающий персонал распространял инфекцию через повседневные контакты интимного, хотя и не сексуального свойства: продавцы, извозчики, портные, пекари, сапожники, официанты, горничные, белошвейки, прачки – «элемент городского населения, весь слишком интимный, легко могущий служить хорошим проводником и распространителем по городу венерической заразы»¹⁰⁶. Тремя главными виновниками заражения считались прислуга, кормилицы и парикмахеры. Повара заражали еду, няньки ласкали детей, прислуга стелила постель, прачки стирали нижнее белье, кормилицы кормили младенцев, а парикмахеры брили ничего не подозревающего порядочного человека грязной бритвой и вытирали его щеку грязной тряпкой¹⁰⁷. Д-р Николай Федченко, основываясь на специальном исследовании, предупреждал: «Парикмахер-сифилитик несколько не менее опасен для общества, чем проститутка»¹⁰⁸.

Врачи подчеркивали, что речь шла не о сексуальной угрозе. Невенерический сифилис, утверждали они, должен рассматриваться как продукт социальных условий. Нравственность не была ключевой проблемой, писал д-р Андрей Розенквист, врач Московской женской венерологической больницы, отвергая популярную идею, что «только абсолютное целомудрие одно может спасти нас от сифилиса... Веками носимый сифи-

¹⁰⁵ Ширяев П.А. Организация врачебной помощи при сифилисе и венерических болезнях среди рабочего населения в больших промышленных и торговых центрах ... - С.152.

¹⁰⁶ Гончаров К.В. О венерических болезнях. - С.87.

¹⁰⁷ О прислуге см. Ельцина З.Я. Выбор прислуги // Первый женский календарь на 1903 г. / Под ред. П.Н.Ариан. Спб., 1903; Грацианский К.В. Невинные пути. - С.802, 806; Павлов П.А. Об отношении внеполового заражения сифилисом к половому между средним классом г. Москвы // Медицинское обозрение. 1890. № 1. - С.13-14; Штюмер К.Л. Сифилис. - С.42. Литература по кормилицам обширна, т.к. они нанимались не только в частные семьи, но также и в государственные дома-приюты; см., например, Ельцина З.Я. Желательные способы вскармливания грудных сифилитических детей // Врач. 1894. № 4; а также: Штюмер. Сифилис. - С.43; Грацианский Г.И. Невинные пути. - С.779-788.

¹⁰⁸ Федченко Н.П. О заражении сифилисом. - С.24.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

лисом эпитет “любострастная болезнь”, – в настоящее время, при современных понятиях, уже отжил свой век»¹⁰⁹. По словам д-ра Александра Петровского, «вопрос о сифилисе и связанные с ним вопросы о половой жизни, о разврате, о проституции и т.п. считались как бы запретными и никогда не обсуждались так широко и открыто, как они этого заслуживают». «Само понятие об этой болезни... должно коренным образом измениться»¹¹⁰. Врач общественного здравоохранения, феминистка и горячий противник регулирования проституции Мария Покровская также утверждала, что сифилис «нельзя связывать с развратом и считать постыдной секретной болезнью», потому что он «распространяется различными путями»¹¹¹. И она, и Петровский возражали против заострения внимания на проституции, что, по их мнению, уведило в сторону от более серьезных и фундаментальных проблем здоровья.

В самом деле, задавала вопрос Покровская, разумно ли вообще приписывать рабочему классу распространение болезни половым путем?

«Но принимая во внимание, что в больших городах преобладает то же население, что в деревнях и в городах небольших, то есть так называемый простой народ, то невольно является вопрос, почему, попав в большой город, народ этот начинает заражаться преимущественно половым путем, тогда как до того заражался преимущественно бытовым?.. Или так называемый простой народ внезапно меняет свои привычки и обычаи, делается более чистоплотным, осторожным и потому перестает распространять сифилис самыми различными путями, как это бывает в деревне?.. В сущности, крестьянин, явившийся на заработки в Петербург, живет в таких же санитарных условиях, может быть, даже в худших, как и в деревне..., так же ест он из одной общей чашки деревянной ложкой, утирается одним полотенцем, спит вповалку и т.д. Почему же эти условия оказывают содействие распространению сифилиса в деревнях и теряют свое значение в большом городе?»¹¹².

Тенденция интерпретировать аналогичные данные противоположным образом, настаивала Покровская, отражала и различные формы медицинского обслуживания, и предвзятость осматривающих врачей. Земские врачи наблюдали своих пациентов, будучи осведомленными об их семейной жизни и социальных связях: благодарные пациенты приводили к врачу своих родных и знакомых, и затем было «нетрудно определить источник заражения». В городе, наоборот, взрослые мужчины и женщины приходили поодиночке в анонимные больницы, специали-

¹⁰⁹ Розенквист А.И. К статистике... - С.510, 512.

¹¹⁰ Петровский А.Г. Борьба с сифилисом в городах... Ч.1, 2, 4, 23.

¹¹¹ Покровская М.И. Меры, предупреждающие распространение сифилиса. Ч.3 // Русский врач. 1903. № 12. - С.455.

¹¹² Там же. Ч. 2. // Русский врач. 1903. № 11. - С. 413.

рующиеся на венерических заболеваниях, где врачи лечили их как изолированных индивидуумов, не имея контекста болезни. Анонимность городских медицинских учреждений и погружение врача скорее в профессиональный, нежели в социальный мир, означали, что «источник заражения сифилисом простого народа в больших городах ускользает от статистики». Более того, указывала Покровская, «большинство врачей-специалистов убеждены, что в городах проститутка – главный источник сифилиса... Влияние этой предвзятой мысли не может не сказываться на результатах вычислений»¹¹³. Более достоверную статистику, по мнению Покровской, приводили сельские врачи, так как, понимая общинную природу крестьянской жизни, они избегали влияния этой предвзятой мысли¹¹⁴.

В то время как некоторые врачи, изначально связанные с Военно-медицинской академией или медицинской полицией, концентрировали свое внимание на распространении венерического сифилиса как на проблеме, связанной с проституцией и нравственной распущенностью¹¹⁵, другие преуменьшали значение сексуальной активности, интерпретируя спорные симптомы как невенерические. Так, д-р Зинаида Ельцина, помощник Тарновского, описывала случай с восьми- или девятилетней девочкой, подмастерьем сапожника, у которой на половых органах и в ротовой полости были обнаружены папулезные высыпания второй стадии сифилиса. Ельцина объяснила их результатом еды из общей чашки и разделения постели с другими девочками¹¹⁶. Если современная медицина может согласиться с ее диагнозом как согласующимся с болезнью в ее эндемической форме¹¹⁷, то учебники того времени предостерегали

¹¹³ Покровская М.И. Меры, предупреждающие распространение сифилиса. Ч.2. ... С.413. Покровская не была единственной, кто связывал сексуальную трактовку путей заражения сифилисом с тенденцией рассматривать эту болезнь как проблему индивидуального поведения; см. также Грацианов П.А. Борьба с сифилисом. - С.247.

¹¹⁴ Покровская М.И. Меры... Ч.2. - С.414; Ч.3. - С.455; Шперк ранее предположил, что врачи городских больниц склонялись к венерическому толкованию сифилиса, в то время как провинциальные врачи приходили к иным выводам, основанным на их собственном опыте работы в деревне; «Signification des syphiloides». P. 186-187.

¹¹⁵ О расколе между городскими и земскими врачами на сифилитическом съезде 1897 г. см.: Тарновский М.И. Аболиционизм и борьба с сифилисом. Одесса, 1903. - С.52.

¹¹⁶ Ельцина З.Я. Недостаточность надзора за малолетними в артельных мастерских и необеспеченность детей-сифилитиков больничными местами // Врач. 1900. № 19. - С.579. Карьера Ельциной описана в работе: Афанасьев В.М. Современники... Т.1. - С.97.

¹¹⁷ Hudson, Nonvenereal Syphilis. P. 81-82.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

от преувеличения опасности так называемых «обычных», физических контактов. В них утверждалось, что причиной преобладающего большинства случаев при подобных симптомах являлся половой контакт¹¹⁸. Одним словом, научное знание оставляло и все еще оставляет значительное место для ненаучных суждений. Интерпретация Ельциной клинических признаков сифилиса подтверждает не сексуальную невинность ее больных, а отражает медицинские представления того времени о предполовозрелой асексуальности¹¹⁹. Не всегда и не во всех обществах считалось, что дети не способны к сексуальной деятельности¹²⁰. Та же викторианская культура демонстрировала противоречивые взгляды на этот вопрос. С одной стороны, викторианские врачи утверждали, что дети асексуальны, но, с другой стороны, постоянно осуждали детскую проституцию, признавая тем самым очевидную способность девочек к сексу¹²¹. Детская проституция по отношению к стандартным представлениям о ребенке была тем же, чем проституция взрослых – по отношению к представлениям о добродетельной крестьянской жене: противоречием, которому надо было найти объяснение.

Презумпция нравственной чистоты подобным же образом влияла на выводы тех многочисленных наблюдателей, которые относили язвочки на губах и в ротовой полости у ремесленных рабочих к привычке есть из одной посуды¹²². Рабочие пили из одной и той же чашки, объясняли

¹¹⁸ Diday, *Le Péril vénérien*. P. 317.

¹¹⁹ Sander L. Gilman, *Difference and Pathology: Stereotypes of Sexuality, Race, and Madness* (Ithaca, N.Y., 1985). P. 41.

¹²⁰ См. судебные запрещения, изданные французским духовенством в XVI-XVIII вв., против разделения взрослыми постелей с четырехлетними крестьянскими детьми из опасения, что они совершат «ужасные грехи»; Jean-Louis Flandrin, ed., *Les Amours paysannes: Amour et sexualité dans les campagnes de l'ancienne France, XVI-XIX siècle* (Paris, 1975). P. 150.

¹²¹ Предпочитая объяснение о внеполовом происхождении сифилиса, такие доктора, как Ельцина, отвергали альтернативную точку зрения, о которой они не могли не знать. Комиссия, учрежденная Министерством внутренних дел в 1847 г. для расследования незарегистрированных проституток, обнаружила «невинных еще молодых девушек» в возрасте от 9 до 14 лет, зараженных сифилисом, заболевание которых она объяснила, как внеполовой результат жизни среди проституток, больных сифилисом, или как последствие «непростительных шалостей, близких проституции, которые они допускали с зараженными мужчинами». - О проституции в России // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. № 1. Ч.3. - С.104-105.

¹²² Розенквист А.И. К статистике... - С.516; см. также Поспелов А.И. О внеполовом заражении сифилисом среди людей чернорабочего класса г. Москвы. Спб., 1889. - С.45.

они, курили одну и ту же папиросу и целовались при встрече¹²³, распространяя таким образом так называемый «промысловый сифилис»¹²⁴. Убежденный в существовании другого возможного объяснения и жаждущий опровергнуть его д-р Андрей Розенквист пришел к невероятному утверждению, что оральное совокупление не могло быть причиной сифилиса, потому что, говорил он, «coitus per os» («сафизм»), насколько мне известно, у нас в России не принят»¹²⁵. Правда и то, что риск заражения сифилисом веками ассоциировался с определенными видами профессий (в частности, со стеклодувами) и что такой риск не отрицают и сейчас некоторые современные специалисты. Тем не менее, Розенквист не мог представить возможности сексуального происхождения заболевания в этих случаях. Конечно, он читал абзац у Парент-Дюшателе, описывающий лесбийскую любовь, распространенную среди парижских проституток, а в свидетельствах о подобной деятельности в российских домах терпимости недостатка не было¹²⁶. Розенквист, без сомнения, позволил убедить себя в том, что в этих случаях речь шла о выражении, по словам д-ра Бориса Бентовина, «нежной женской души», и что повода предполагать здесь что-либо более серьезное, чем страстный поцелуй в губы, не было¹²⁷.

Симптомы сифилиса, не связанные с половыми органами, а появляющиеся, например, в ротовой полости, на языке или на заднем проходе, в настоящее время интерпретируются как результат сексуального контакта. Российские врачи того времени избегали такого заключения, потому что не хотели признать, что «простой народ» в действительности не ограничивал себя основами гетеросексуального акта и что в его среде была широко распространена альтернативная сексуальная практика. Как и в представлении о проституции, в представлениях о так называемых половых извращениях сексуальное наслаждение отделялось от «естественного» процесса деторождения. Эти «половые извращения», по мнению российских врачей, являлись результатом излишков цивилизации, которые развратили Европу, но не укоренились в Российской Империи, еще погруженной в естественный сельский образ жизни, представленный классом крестьян. Так, тот же Розенквист соглашался с тем, что большинство шанкров в промежности, заднем проходе и ягодицах должны быть половыми по происхождению, но затем добавлял:

¹²³ Грацианский П.И. Невинные пути. - С.805.

¹²⁴ Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения... - С.61-67.

¹²⁵ Розенквист А.И. К статистике... - С.528.

¹²⁶ Данные западных источников о проститутках-лесбиянках были приведены в работе: Бабилов К.И. Продажные женщины. М., 1870. - С.53-54.

¹²⁷ Бентовин Б. Торгующие телом... - С.125-135.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
русских врачей (1890-1905)*

«конечно, не в том смысле, чтобы во всех случаях, например, шанкра заднепроходного отверстия имел место *coitus per anum* («содомия»), – нет: заражение в большинстве случаев происходит от стекания секрета из половых частей *post actum coitus*»¹²⁸. Хотя можно найти то же самое предположение во влиятельном учебнике Алфреда Фурнье¹²⁹, в других столь же уважаемых учебниках, в частности, Амбруаза Тардьё, Роберта У.Тэйлора и Л.Данкен Балкли, процитированных выше, отстаивалась другая точка зрения.

Проблема контроля

Несмотря на частую критику фактических данных, на которых основывалось это утверждение¹³⁰, немногие медицинские отчеты в 1890-х гг. оспаривали тот факт, что сифилис становился все более и более серьезной проблемой здравоохранения – утверждение, которое российские врачи разделяли или позаимствовали у своих коллег за границей. Говорилось, что из-за ее демографического воздействия проблема заболевания сифилисом достигла масштаба «вопроса первой важности для государства»¹³¹. Мобилизация государственных ресурсов на войну медицины против сифилиса, считавшегося венерической болезнью, была важным элементом в системе регулирования проституции в Европе XIX века¹³². Классическим выражением этой стратегии, признанной фактически всей последующей литературой, была работа французского врача Александра Парент-Дюшателе «О проституции в городе Париже, рассмотренной по отношению к общественной гигиене, нравственности и управлению». Название этой книги, впервые изданной в 1836 г., подчеркивало связь между здоровьем, нравственностью и контролем со стороны государства, что было характерным для французского подхода. Предостережение, высказанное в книге Парент-Дюшателе, продолжало звучать с неослабевающей тревогой в течение всего столетия во всех

¹²⁸ Розенквист. К статистике... - С.516, 528-529.

¹²⁹ Fournier, *Traité de la syphilis*, vol. 1. P.189.

¹³⁰ См. замечания Л.Ф.Рагозина, директора Медицинского департамента Министерства внутренних дел: Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.2.

¹³¹ Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. Спб., 1871. - С.68. Среди многочисленных похожих заявлений см.: Боровский В.К. К вопросу... - С.412-413 («вопрос первой важности... для государства»); Грацианский П.И. Невинные пути... - С.775 («составляет государственный вопрос»); Петровский А.Г. Борьба с сифилисом в городах. Ч.1, 2 («прямая ответственность правительства»).

¹³² О французской системе XIX века, см. Alain Corbin, *Les Filles de nocce: Misère sexuelle et prostitution, 19e et 20e siècles* (Paris, 1978).

странах: «Из всех инфекционных болезней, оказывающих влияние на жизнь человека и причиняющих обществу наибольший вред, нет более серьезной, более опасной болезни, чем сифилис»¹³³.

Следуя классической традиции просвещенного деспотизма и отечественной традиции патриархального правления, российское государство должно было объявить свою юрисдикцию над областью медицины¹³⁴. В 1763 г. Екатерина Великая по европейскому примеру впервые в России учредила при Санкт-Петербургской Адмиралтейской больнице палаты для женщин, больных венерическими болезнями¹³⁵. Начиная с 1840-х годов полиция в ряде главных городов организовала по французскому образцу систему лицензированных (имеющих правительственное разрешение) и одобренных медицинскими властями публичных домов (*maisons de tolérance*, или домов терпимости)¹³⁶.

Вопрос о роли государства в управлении общественным поведением занимал центральное место в дискуссии о контроле за сифилисом на профессиональных конференциях и в российской медицинской печати. Но, в отличие от своих европейских коллег, российские врачи менее охотно признавали связь между вопросами общественного здравоохранения и сексуальной деятельностью, не считая тем самым проблемы, связанные с половой жизнью, медицинскими проблемами. Вместо этого они стремились обратить их в социальные проблемы и распространить свое влияние в чисто политическом направлении. И предпочтение диагнозов о внеполовом происхождении сифилиса, и горячие профессиональные дебаты по вопросам общественной политики отражают основные проблемы, разделявшие государство и общество в течение 15 лет, предшествовавших революции 1905 г.

Многие ведущие российские сторонники регулируемой проституции занимали посты в Военно-Медицинской Академии (Вениамин Тарновский, Петр Грацианский, Григорий Герценштейн) или во врачебно-полицейских

¹³³ A.J.V. Parent-Duchâtelet, *De la prostitution dans la ville de Paris*, 3rd ed., vol. 1 (Paris, 1857). P. 603.

¹³⁴ О роли европейских государств см.: Rosen, «The Evolution of Social Medicine». P. 17-61.

¹³⁵ Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. Спб., 1883. - С.452; John T. Alexander, «Catherine the Great and Public Health», *Journal of the History of Medicine* 36, № 2 (1981). P. 186, 197-199.

¹³⁶ См. Г.М.Г[ерценштейн]. Проституция // *Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона*. Т.25А. Спб., 1898. - С.479-486. Об обращении к Франции как модели для российской системы см.: Б-ский Н. Очерк проституции в Петербурге // *Архив судебной медицины и общественной гигиены*. 1868. № 4. Ч.3. - С.67, 82, 88; этот автор, наряду со многими другими русскими писателями, занимавшимися этой темой, часто ссылается на Парент-Дюшателе.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

комитетах (Александр Федоров, Константин Штюрмер). Другие служили в городских венерологических больницах (Оскар фон Петерсен, Иван Приклонский, Александр Введенский). Критики бюрократического подхода к разрешению проблемы зачастую работали – постоянно или долгое время – в системе земской медицины (Павел Говорков, Мария Покровская, Дмитрий Жбанков) или в городских управах (Александр Петровский). Однако не всегда легко проследить личные судьбы представителей медицинской общественности, и не всегда ясны их идеологические расхождения. Эдуард Шперк, о котором уже шла речь, с самого начала выражал серьезные сомнения относительно системы регулирования; Петр Грацианов, работавший как городским, так и военным врачом, превратился из пылкого сторонника системы регулирования в довольно сдержанного; Петр Обозненко начал свою карьеру как земский врач, поднялся до поста в Медицинском департаменте Министерства внутренних дел, служил в штате Калинкинской больницы и эволюционировал от умеренного сторонника регулирования проституции до весьма критичного¹³⁷.

Система регулирования проституции горячо обсуждалась в Европе XIX века, но в России даже ее самые энергичные сторонники оказались в затруднительном положении, когда дело дошло до необходимости принятия мер против распространения внеполового заражения сифилисом, в частности, в социальных условиях сельской местности и среди зарождающегося городского рабочего класса. Контроль за проституцией с самого начала был связан с наблюдением за миграцией населения и уголовными элементами из низших классов. Первоначальные инструкции 1843 года призывали к медицинскому освидетельствованию фабричных рабочих мужского пола, отходников и «лиц низшего класса обоюбого пола, забираемых полицией за проступки против благочиния»¹³⁸. Ряд врачей продолжал приветствовать такие меры в отношении к ремесленникам, рабочим, домашней прислуге, кормилицам и парикмахерам¹³⁹. Тем не менее, даже такой пылкий, международно признанный противник аболиционизма, как Вениамин Тарновский, признал на съезде российских врачей 1885 г., что идея медицинского контроля за фаб-

¹³⁷ Большая часть информации о месте службы врачей взята из: Российский медицинский список. Спб., 1890-1916.

¹³⁸ Цитируется: Грацианов П.А. К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1895. № 11. - С.141.

¹³⁹ О ремесленниках см.: Ельцина З.Я. Недостаточность надзора... - С.577-579. О слугах и кормилицах см.: Павлов. Об отношении... - С.17. Обо всех группах см. Розенквист А.И. К статистике... - С.533. О парикмахерах (под медицинским наблюдением в Санкт-Петербурге с 1883 г.) см. Федченко Н.П. О заражении сифилисом. - С.25.

ричными рабочими не была реалистичной¹⁴⁰.

Тарновский, как мы уже говорили, считал проститутку патологическим элементом, соединяющим в себе черты врожденной преступности и душевной болезни. Ленивые, наглые и лживые по природе, они сознательно распространяли порок и болезнь. Как патологические представители рода человеческого, проститутки, по его мнению, не заслуживали того, чтобы к ним относились как к нормальным людям. Общество, писал Тарновский, «не может дать им свободу наносить вред остальным, здоровым, членам общества, ни во имя личной свободы проститутки, понятие о которой применяется только к нормально развитому человеку, ни во имя нравственности, к восприятию которой они неспособны по их прирожденным свойствам»¹⁴¹. Вследствие их «привычной порочности», эти «нравственно порочные» и «физически аномальные» женщины «не могут пользоваться полной свободой личности, так как эта свобода двояко вредит обществу: с одной стороны, соблазном и провокацией к разврату; с другой – распространением сифилиса во всем народонаселении»¹⁴². «Свободное соревнование отдает проституцию во власть капитала, - предостерегал Тарновский, – и ставит ее на ногу безнравственнейших торговых операций»¹⁴³. По его мнению, нерегулируемая проституция, как и свободное предпринимательство, нуждалась в дисциплинирующем государственном контроле.

Приравняв нравственную слабость к биологическому уродству, Тарновский затем заключил со свойственной ему парадоксальностью, что сифилис являлся не результатом безнравственного поведения, как все считали, а его причиной. Не сифилис был ценой, которую общество платило за существование проституции, а наоборот, проституция была ценой болезни. Проституция сама перестала бы существовать, если бы поколения «физически и нравственно искалеченного потомства», испорченные плоды сифилитической материнской утробы не удовлетворяли свою половую потребность¹⁴⁴. Аболиционисты могут думать, писал Тарновский, что регулирование увековечит систему продажного секса; в действительности же оно является важнейшим элементом на пути к уничтожению проституции.

Многие врачи, даже если они и соглашались с принципом административно-государственного контроля за сифилисом, отрицали подобные

¹⁴⁰ Цит. по: Чистяков М.А. Протоколы... - С.50-51.

¹⁴¹ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. Ч. VIII. - С.136-139, 159, 161, 189 (цитата).

¹⁴² Там же. - С.243; см. также его речь 1897 г. (Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. – С.10-11).

¹⁴³ Там же. - С.242.

¹⁴⁴ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм... – С.210.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

аргументы¹⁴⁵. Защищая свою работу в Санкт-Петербургском врачебно-полицейском комитете, д-р Александр Федоров описывал побуждение, стоящее за мужским половым чувством, не как ненормальное и безнравственное, а как «естественное и законное»¹⁴⁶. Григорий Герценштейн считал систему регулирования проституции функцией современного правительства. Проституция, убеждал он, должна действовать под таким же контролем, как и всякий другой бизнес: «Всякий признает за государством право наблюдать, чтобы фабрики и заводы были устроены удовлетворительно в гигиеническом отношении, чтобы они не отравляли почвы, воды, воздуха. Естественно, что на обязанности его лежит обезвредить и опасный в санитарном отношении промысел проституции»¹⁴⁷.

Но распространение эндемического сифилиса не ограничивалось рамками ни отверженных, ни зависимых групп членов общества, ни определенными профессиями. Принесение в жертву личных прав человека, защищаемое Тарновским в случае с социально отверженными, не могло быть оправдано в отношении населения в целом¹⁴⁸. Даже он сам не пытался предложить этого¹⁴⁹. Герценштейн, со своей стороны, подчеркивал: «Но можем ли подвергнуть подобному надзору все гражданское население, с целью улавливать среди него сифилитиков, изолировать и лечить их? Ответ ясен сам собой!»¹⁵⁰. При таких обстоятельствах использование принуждения было как неэффективным, так и неэтичным, заключал Герценштейн, цитируя слова новгородского земского врача: «Меры эти, как-то: осмотры пастухов, бродячих сапожников, шерстобитов, лиц, возвращающихся с заработков, поголовные осмотры в деревнях, не говоря уже о том, что они вообще безнравственны, как всякое насилие, во имя чего бы оно ни совершалось, ведут только к тому, что больные, сколько возможно, стараются скрыть свою бо-

¹⁴⁵ Герценштейн Г.М. Сифилис в Новгородской губернии... - С.58.

¹⁴⁶ Федоров А.И. Проституция в С.-Петербурге и врачебно-полицейский надзор за нею // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1892. № 1. - С.73.

¹⁴⁷ Герценштейн Г.М. Проституция... - С.486.

¹⁴⁸ Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм... - С.242 (о правах личности, принесенных в жертву «народному благосостоянию»); Он же. Речь 1897 г. // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.21 (о принудительном лечении представителей «опасных классов»).

¹⁴⁹ Тарновский В.М. Речь 1897 г. // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.19.

¹⁵⁰ Герценштейн Г.М. Передвижные врачебные отряды... - С.28.

лезнь»¹⁵¹.

Павел Говорков, служивший до поступления на военную службу земским врачом в Новгородской губернии, использовал свой армейский опыт, чтобы продемонстрировать тщетность стандартных процедур даже в оптимальных условиях армейской жизни. Строгий контроль за проституцией в окрестностях армейских лагерей и принудительное медицинское обследование предполагаемых «развращенных» нижних чинов составляли основные элементы социальной политики, предназначенной, как саркастически выразился Говорков, «усилить, запретить, с обращением особенного внимания на то-то; поймать, наказать»¹⁵². Подобные «принудительные» акции, направленные на борьбу с «внешними причинами», отражали широко распространенный взгляд на сифилис как на результат нравственной распущенности, который Говорков не разделял. «Да и можно ли 2-3 совокупления в год, – писал он, – считать распущенностью, особенно для холостых (если только не сравнивать с целомудренностью деревни)?»¹⁵³

Безрезультатность стратегии, основанной на этих ложных представлениях, доказывала, по мнению Говоркова, насколько ошибочными они были. «Нет ничего легче, – комментировал он, – как установить режим в гарнизоне». Приученные подчиняться солдаты не оспаривали приказов и не могли повлиять на ход своей собственной повседневной жизни. Нигде «стеснительные меры не могут быть применяемы с такой силой. Если, тем не менее, заражения все-таки продолжают с прежним постоянством, то можно с полным основанием допустить, что перечисленные признаваемые начальством причины или сомнительны, или неустранимы, или, наконец, что принудительными приемами нельзя достигнуть цели»¹⁵⁴.

Врачи настаивали на том, чтобы сифилис стал «государственным вопросом», вопросом национальной важности, за который правительству и обществу нужно взяться совместными усилиями. Но в период напряженных отношений между этими двумя силами врачи критиковали характер правительственного вмешательства в дела общественного здравоохранения¹⁵⁵. В разрешении проблемы сифилиса среди сельского населения и рабочего класса принудительные бюрократические меры,

¹⁵¹ Десятков А.А., цит. по: Герценштейн Г.М. Сифилис в Новгородской губернии. - С.37.

¹⁵² Говорков П.А. Половая жизнь... Ч.2. - С.1052.

¹⁵³ Там же. - С.1053.

¹⁵⁴ Там же. - С.1052-1053.

¹⁵⁵ О радикализации кругов общественного здравоохранения между 1895 и 1905 гг. см.: Лотова Е.И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены: Первое гигиеническое общество в России. М., 1962. - С.39.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

по их мнению, были более чем бесполезными. В традициях интеллигенции 1860-х годов врачи стремились завоевать доверие народа силой просвещения, а не принуждения, которое они идентифицировали с репрессивным государством¹⁵⁶. Они не хотели иметь ничего общего с бездушными чиновниками, стремились культивировать доверие, а не повиновение, внушать уважение и знание вместо страха. «Известно, как крестьяне относятся ко всякого рода описям, переписям, – писал д-р Александр Ефимов, – ко всяким явлениям канцелярского свойства, врывающимся в их темный, запуганный мир: сколько драм в крестьянском мире возникало на этой почве! Отсюда понятно, насколько важно изгнать из обихода подобных осмотров всякий бюрократический, официальный, а тем более принудительный элемент, чтобы на первых же порах не подорвать доверия к предпринимаемой задаче»¹⁵⁷.

Врачи решительно подчеркивали политическое значение своих взглядов. Они считали, что без свободы слова образованные классы не могли внести свой вклад в общее благосостояние, а без этого невежество и плохое здоровье так и останутся общей участью. Делегаты съезда по проблемам сифилиса 1897 г. жаловались на то, что чрезвычайно трудно получить официальное разрешение на просветительскую работу среди простого народа. Власти не допускали публичных высказываний, свободных от цензуры, поэтому нападки врачей на нее были не только защитой профессиональной независимости, но также и требованием политических реформ. «По нашим существующим законам у нас разрешаются чтения, но только по готовым брошюрам, – сетовал минский городской врач Петр Грацианов. – Я могу читать, но не рассказывать своими словами... Я говорю только о том, – уверял он своих слушателей, в числе которых были официальные чины из Министерства внутренних дел, – чтоб предоставить врачу право говорить с тем элементом, с которым он имеет дело»¹⁵⁸.

Противники регулирования проституции также «целились мимо мишени» – использовали доводы, далеко выходящие за рамки обсуж-

¹⁵⁶ Что было нужно, писал позднее Дмитрий Жбанков, так это «самое активное вмешательство в народную жизнь, но не насильственное, а мирное, путем убеждения и доверия». – Жбанков Д.Н. О деятельности... - С.3. О традициях интеллигенции и оппозиции государственному вмешательству см. Nancy M. Frieden, «Physicians in Pre-Revolutionary Russia: Professionals or Servants of the State?», *Bulletin of the History of Medicine* 49, № 1 (1975). P. 22-23, 28.

¹⁵⁷ Ефимов А.И. Сравнительная оценка разных способов изучения деревенского сифилиса // *Врач*. 1900. № 51. - С.1553.

¹⁵⁸ Грацианов П.А, Ге А.Г. и Кузнецов А.Х. // *Труды Высочайше разрешенного съезда*. Т.2. - С.28.

даемых проблем. Многие из них осуждали эту систему как пережиток феодализма, несовместимый с принципами гражданских прав¹⁵⁹. Подобные выражения использовались также при критике предложений о принудительных медицинских осмотрах крестьянства. «Как-то поражает, – писал Ефимов, – такая бесцеремонность по отношению к крестьянскому люду, имеющая своей исходной точкой старый крепостнический взгляд: будто бы это какая-то низшая порода, нежничать с которой нечего». Уважение к крестьянской частной жизни и личному достоинству, напротив, означало признание их индивидуальности, т.е. человеческой ценности. Личность, писал Ефимов, обладает своим «внутренним, недоступным никакому начальству, миром»¹⁶⁰.

Как грубое нарушение прав личности были отвергнуты и планы изоляции инфекционных больных в специальных колониях¹⁶¹. Равным образом была осуждена аналогия между сифилисом и такими видами антисоциальных явлений, как безумие или преступность, проводимая Тарновским и его последователями для оправдания требования об изоляции¹⁶². Весь процесс отбора, изоляции и наказания, утверждал Жбанков, был несовместим с ценностями медицинской профессии, не говоря уже о социальной справедливости. Их логическим заключением, указывал он, была «смертная казнь, которую вполне последовательно предлагал, если не ошибаюсь, (Эрнст) Геккель для преступников, душевнобольных, сифилитиков, чахоточных и прочих; тогда, по крайней мере, получилось бы *полное* оздоровление человечества, если бы остался хоть один человек в живых после строгого проведения этой меры»¹⁶³.

Врачи, работавшие в сельских условиях, настаивали как на наиболее эффективной медицинской стратегии не на изоляции сифилитических пациентов, а на их интеграции. Аналогичные аргументы приводились в

¹⁵⁹ Например, см. Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга. Спб., 1896. - С.39.

¹⁶⁰ Ефимов М.С. Сравнительная оценка... - С.1552 (обе цитаты).

¹⁶¹ О таком предложении см. Уваров М.С. Сифилис среди сельского населения. - С.113.

¹⁶² Об уравнении зараженной сифилисом проститутки с вооруженным, одержимым манией убийства маньяком, см. Тарновский В. Проституция и аболиционизм. - С.190; об аналогии, вызвавшей осуждение Герценштейна, см. Сифилис в Новгородской губернии. - С.56. Джулия Вейл Браун замечает, что русские народные традиции не одобряли заключения в тюрьму даже умалишенных, и что после 1905 г. русские психиатры сами отказались от прежде защищаемого ими заключения в тюрьму как необходимого в целях лечения; Julie Vail Brown, *The Professionalization of Russian Psychiatry, 1857-1911* (Ph.D. diss., University of Pennsylvania, 1981). P. 331-333.

¹⁶³ Жбанков Д.Н. О съезде при Медицинском Департаменте по обсуждению мероприятий против сифилиса в России. Ч.2 // Врач. 1897. № 30. - С.832.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

отношении к ремесленникам и фабричным рабочим. Д-р Павел Ширяев, консультант московской рабочей больницы, выступал за амбулаторное лечение, уже успешно применявшееся для больных из среднего класса. Изоляция, отмечал он, была особенно тяжела для бедных, которые не могли себе позволить перестать работать. Госпитализация, по его мнению, только подчеркивала отверженность сифилитиков из низших слоев населения. Она вела к тому, что они не могли нести ответственности за свое собственное лечение, но должны были подлежать административному принуждению в этом, как и во всем остальном. Как и Мария Покровская, Жбанков сожалел о социальных последствиях приравнивания сифилиса к нравственной распущенности. Нравственное лицемерие и преувеличенный страх инфекции, утверждал он, заставляет людей отказывать сифилитикам в сострадании, которое они сохраняли по отношению к жертвам других, столь же опасных болезней, например туберкулеза¹⁶⁴. Д-р Петр Обозненко, несмотря на то, что он учился у Тарновского, настаивал на том, чтобы сифилис лечили так же, как и другие инфекционные болезни. Даже в больших городах, подчеркивал он, сифилис не был причиной для особой тревоги, а был просто «самым обыкновенным» явлением. Чрезвычайные меры, по его мнению, никогда не были исчерпывающим ответом на медицинские проблемы, а всегда являлись отражением невежества и страха¹⁶⁵.

За тридцать лет до этого д-р Эдуард Шперк резко выступал против полицейского регулирования проституции, так как считал неприемлемым отношение к проституткам как к отверженным общества, не имевшим права на уважение со стороны личности и закона. Задача медицины, утверждал он, заключается в охране общественного здоровья, а не в наказании пороков отдельной личности или целого общества. Если врачи гневно выступали против ужасов «дурной болезни» или против «падших женщин», то только для того, чтобы скрыть, что им стыдно заниматься такими «непотребными» делами¹⁶⁶. «Сапожник не должен печь пирогов», – увещевал он, а доктора не должны вмешиваться в юридические и нравственные дела¹⁶⁷. Тем не менее вмешательство медицины в общественную политику продолжалось, принимая форму борьбы врачей за профессиональную легитимизацию и являясь частью более широкого общественного движения образованных слоев общест-

¹⁶⁴ Ширяев П.А. Организация врачебной помощи... - С.153-154.

¹⁶⁵ Обозненко П.Е. По поводу нового проекта надзора за проституцией в Петербурге, выработанного Комиссией Русского сифилидологического общества // Врач. 1899. № 12. - С.349.

¹⁶⁶ Шперк Э.Л. О мерах к прекращению... - С.77-81; цит. на С.80.

¹⁶⁷ Шперк Э.Л. Ответ на статью: «Женский надзор за проституцией» // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. № 1. Ч.5. - С.7.

ва против бюрократического деспотизма. В борьбе против сифилиса, заявляли врачи, официальное регулирование должен заменить медицинский авторитет, а полицию – местные и городские учреждения¹⁶⁸.

Так, Обозненко приветствовал резолюцию большинства на международном конгрессе по проблемам сифилиса в Брюсселе в 1899 г., которая призвала пересмотреть систему регулирования проституции на юридической основе с целью упразднения карающей роли полиции¹⁶⁹. В России, говорил он, бюрократическая государственная машина до настоящего времени сохранила систему регулирования, пережиток крепостного права, в качестве заслона против социального и экономического прогресса. Наплыв крестьян в города привел к созданию из временно бездомной, безработной бедноты мигрирующего населения¹⁷⁰. Женщин из этой категории задерживала полиция по подозрению в безнравственном поведении; их заставляли легализовать свое положение, выдавая зарегистрированный желтый билет проститутки. Таким образом, власти наказывали женщину «за то, что она бедна, за то, что не нашла места, за то, что живет в грязном углу, а не в первой-классной гостинице»¹⁷¹.

Основанное на классовых различиях российское правосудие играло важную роль в официальной политике самодержавного государства, направленной на укрепление существовавшего порядка и торможение социальных перемен. Процедуры гражданского судопроизводства, введенные в процессе судебных реформ 1860-х годов, не были распространены на сельское население: жители деревень оставались под юрисдикцией особых судов, управляемых главами общин и семей, обычно мужского пола, согласно местным обычаям, не закрепленным официальным сводом законов¹⁷². Первоначальная программа контроля за сифилисом была направлена на группы, которые вышли из-под контроля этих традиционных патриархальных учреждений: на крестьян, уехавших из деревни, и женщин, покинувших семью. Таким образом, мужчины и женщины рабочего класса подпадали под государственный надзор как раз в

¹⁶⁸ О ходатайстве общества Пирогова см.: Сводка ходатайств Пироговского общества врачей перед правительственными учреждениями за 20 лет (1883-1903 г.) / Под ред. К.И.Шидловского. М., 1904. - С.19; см. также дебаты в городских управах: Емпе. Несколько слов о сифилисе с санитарной точки зрения и о положении этого вопроса в Петербурге // Русский врач. 1903. № 13. - С.498-500.

¹⁶⁹ Обозненко П.Е. Вопрос об упорядочении проституции и о борьбе с нею на двух международных совещаниях 1899 года // Врач. 1900. № 30. - С.910.

¹⁷⁰ Обозненко П.Е. По поводу нового проекта... - С.348-49.

¹⁷¹ Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция... - С.39.

¹⁷² Peter Czap, Jr., «Peasant Class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861-1912», *Journal of Social History* 1, № 2 (1967). P. 149-178.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

тот момент, когда они делали первый шаг от патриархальной покорности в сторону личного выбора.

Российские врачи упорно придерживались представления о крестьянской добродетели, хотя особого целомудрия в сельской жизни не наблюдали. Они защищали важность переходных институтов как буфера, защищающего гражданское общество от вмешательства государства, и, вместе с тем, одними из первых стали критиковать традиционный порядок за враждебность к проявлениям индивидуальности и личной ответственности со стороны членов общества. Столь же непоследовательные, как и большинство западных либералов, российские врачи продолжали оправдывать положительную роль семейной (т.е. патриархальной) власти. «Если муж не всегда может уследить за женой, – писал Обозненко, – отец за дочерью, брат за сестрою, то какая же полиция, какие агенты могут проникнуть в самые потаенные уголки жизни миллионного населения? Да и желательно ли такое проникновение? Не хуже ли оно будет всякого сифилиса по тому развращающему влиянию, которое оно внесет в семью, в общество?»¹⁷³. По мнению Обозненко, государство, вводя систему регулирования проституции, действовало не как освобождающая сила, а как устаревшая форма тирании. Более того, закрепляя статус женщины как торговки своим телом, эта система регулирования способствовала упадку общественной нравственности: положение проститутки определялось не отношением ее к отцу, брату, мужу, а ее собственной сексуальной активностью.

Из двух групп населения – мигрирующих крестьян и самостоятельно живущих женщин – именно женщины подвергались наиболее серьезным преследованиям. И государство, и медицинские учреждения разделяли традиционные представления о семье и о той степени самостоятельности, которой обладали мужчины и женщины. Клиенты проституток могли свободно посещать публичные дома без медицинского обследования. Женщины же, согласно этим представлениям, нуждались в надзоре. Крайние сторонники системы регулирования, такие, как Тарновский, и феминистки, как Петровская, объединились в осуждении этой несправедливости, существование которой их коллеги виновато признавали. В своей борьбе против двойственных моральных стандартов Покровская осудила само явление проституции вместе со всеми проектами ее совершенствования и контроля за ней. Она утверждала, что женщины изначально были жертвами, а не виновницами венерического заражения¹⁷⁴. Тарновский, напротив, проповедовал ответственность обеих сторон за половой разврат. По его мнению, оба партнера в

¹⁷³ Обозненко П.Е. По поводу нового проекта... - С.348.

¹⁷⁴ Покровская М.И. Меры... Ч. 1 // Русский врач. 1903. № 10. - С.374.

продажном сексе были «равно унижены». Посетители дома терпимости, как и его обитательницы, являлись «нравственно притупленными, имеющими врожденно повышенное половое побуждение... Как проститутки вносят заразу в здоровое население, так их в свою очередь заражают в большинстве случаев эти нравственные калеки, истинные отбросы современного общества». Тарновский считал, что медицинский контроль был способом для общества сохранить свою нормальность, эквивалент здоровья. «Всякий психически здоровый, нормально развитой человек легко признает как несправедливость, так и безрезультативность ограничения врачебного осмотра в домах терпимости исключительно проститутками»¹⁷⁵.

Проблема, касающаяся возможности для сексуально активных мужчин беспрепятственно разносить инфекцию, столь неумолимо прослеживаемую на женских половых органах, беспокоила врачей настолько, что на съезде 1885 года была принята резолюция о включении клиентов публичных домов в сеть медицинского контроля¹⁷⁶. Санкт-Петербургское сифилидологическое общество так же, как и некоторые чины Медицинского департамента, поддержало резолюцию, но это предложение не стало официальной политикой, а съезд по проблемам сифилиса в 1897 г. отверг саму эту идею¹⁷⁷. Лишь некоторые врачи соглашались с извращенным эгалитаризмом Тарновского, по мнению которого, в случае выявления так называемых половых извращений социальному ostrакизму должны были подвергнуться представители обоих полов. Основные возражения против медицинского обследования мужчин позволили увидеть систему регулирования проституции такой, какой она была на самом деле: системой контроля за женщинами, а не за болезнью. Те же, кто выступал в поддержку медицинского обследования, со всеми его диагностическими противоречиями, как единственного пути избавления от больных проституток, считали его слишком поверхностным для выявления инфекции среди мужчин¹⁷⁸. Утверждали, что клиенты, скорее всего, в любом случае не подчинятся такой унижительной процедуре, и, обратясь вместо этого к проституткам вне домов терпимости, разрушат всю систему¹⁷⁹. По мнению Жбанкова, его колле-

¹⁷⁵ Речь 1897 года // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.13.

¹⁷⁶ О резолюции съезда, см. Чистяков М.А. Протоколы... - С.59.

¹⁷⁷ Рекомендация А.И.Смирнова из Медицинского Департамента, К.Л.Штюрмера от имени Санкт-Петербургского общества и отказ особой сессии съезда // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.39, 136.

¹⁷⁸ Обозненко П.Е. По поводу нового проекта... - С.348.

¹⁷⁹ Федоров А.И. Деятельность Санкт-Петербургского Врачебно-полицейского комитета за период 1888-95 гг. // Вестник общественной

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

ги были виновны в таком же злоупотреблении властью, что и правительственные чиновники, на которых они жаловались: «Выключая из осмотров многих лиц, распространяющих сифилис сознательно или бессознательно половым путем, съезд поступает и несправедливо и нецелесообразно: всякое насилие, *прилагаемое ко всем*, перестает быть насилием, конечно, если оно полезно и целесообразно»¹⁸⁰.

Освобожденными от медицинского обследования лицами были исключительно мужчины. Привилегия саморегулирования сохранялась не только за представителями образованных слоев общества, но была пожалована всему мужскому полу в его роли покупателя публичного секса. На пороге дома терпимости те же самые «грязные», распущенные фабричные рабочие, о которых шла речь в инструкциях 1843 года, освобождались от медицинского контроля. Та предрасположенность к немыслимому насилию, на которую прежде ссылались для оправдания полицейского контроля за низшими классами, в этом случае демонстрировала способность мужских представителей этой части общества выразить свою волю и служила доказательством того, что ее следует уважать. «Эти дома низшего разбора... [часто посещались] толпою пьяных, озверелых людей, похожих на человека лишь по внешнему виду... [их] жертвы... приводимые в больницу избитыми, искусанными, исцарапанными... Посетители лучших домов терпимости ведут себя скромнее, но и между ними... трезвых бывает немного, а таких, которые бы без скандалов согласились подвергнуться осмотру, наверное, найдется еще меньше»¹⁸¹.

Если порядочный человек уподоблялся животному, то животное возвышалось до уровня гражданина. Сексуальная активность, существование которой отрицалось у женского пола, являлась признаком личной независимости, предпосылкой для гражданской деятельности в самом широком смысле. И если личная независимость и допускалась вообще подозрительным правительством, она относилась к городскому жителю мужского пола. Это предубеждение, несмотря на все свои критические взгляды, разделяли почти все представители образованной части общества.

Саморегулирование было возможно, по крайней мере, в теории, потому что половой контакт был делом выбора. Поэтому, если введение контроля не могло принести желанного успеха, надежды возлагались на

гигиены, судебной и практической медицины. 1896. № 11. Кн. 2. - С.185; Порочный промысел // Там же. 1900. № 8. - С.1183.

¹⁸⁰ Жбанков Д.Н. О съезде при Медицинском Департаменте. Ч.2. - С.833; курсив оригинала.

¹⁸¹ Обозненко П.Е. По поводу нового проекта... - С.348.

профилактику. Вот почему съезд по проблемам сифилиса 1897 г. издал серию резолюций, призывающих к усилению нравственной бдительности: о запрещении алкоголя, танцев, музыки и пения в зарегистрированных домах терпимости; о запрещении приставания на улице и деятельности независимых проституток, о воспитании молодежи в духе «моральной чистоты», половой воздержанности и уважения к женщинам¹⁸². Поворот к нравственной чистоте отражал европейскую тенденцию того времени¹⁸³. Но попытка решить с этих позиций главную российскую проблему – эндемический сельский сифилис – потерпела неудачу¹⁸⁴. Даже Тарновский, при всех своих полных энтузиазма призывах к половому воздержанию, вынужден был признать, что оно не привело бы к положительным результатам среди сельского населения¹⁸⁵. Тот же съезд пришел к согласию в вопросе о пользе принудительного медицинского обследования некоторых зависимых групп населения: проституток, солдат, заключенных, прислуги и обитателей домов приютов, – но нашел его неприемлемым для жителей сельской местности. Однако съезд не возражал против медицинского обследования фабричных рабочих, что вызвало критику со стороны некоторых делегатов, ссылавшихся на то, что условия жизни крестьянства и рабочего класса были фактически идентичными¹⁸⁶.

Врачи не всегда приходили к согласию по вопросам общественной политики, и съезд 1897 года издал ряд противоречивых предложений¹⁸⁷. Одно рекомендовало принудительный осмотр всех без исключения женщин из низших классов; другое призывало приписать сифилитиков к специальным воинским подразделениям, которые могли быть мобилизованы на борьбу в военное время. Кроме того, съезд подчеркнул необходимость народного медицинского просвещения. В чем мы нуждаемся, говорил Дмитрий Жбанков, так это «не в полицейских приказах, а в

¹⁸² Жбанков Д.Н. О съезде при Медицинском Департаменте. Ч.2. - С.831-832.

¹⁸³ Corbin, «Le Péril». P. 255-257.

¹⁸⁴ Психиатр П.И.Ковалевский считал защитой против венерического сифилиса половое воздержание и ранние браки, но не мог предложить спасительного выхода в отношении внеполовой инфекции; Ковалевский П.И. Сифилитики, их несчастье и спасение // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. 1897. № 1. - С.64-65.

¹⁸⁵ Речь 1897 года // Труды Высочайше разрешенного съезда. Т.2. - С.16.

¹⁸⁶ Жбанков Д.Н. О съезде при Медицинском Департаменте. Ч.1 // Врач. 1897. № 29. - С.803; Ч.2. - С.833.

¹⁸⁷ О «резких» разногласиях на конгрессе см.: Петровский А.Г. Борьба с сифилисом в городах... Ч.1, 6.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

развитии общественного самосознания»¹⁸⁸. Саморегулирование, по его мнению, было единственной эффективной формой регулирования, но невежественный, угнетаемый простой народ был неспособен вести себя просвещенным образом. Знание обеспечивало независимость, которая, в свою очередь, была ключом к общественному здоровью. «Что же касается до ограничения передачи заразы осмотренными больными, то в этом отношении уже не помогут ни запрещения, ни санитары-надзиратели, – говорил он. – ...Без развития самосознания в населении и без ознакомления его с опасностью и свойствами болезни нельзя изменить житейских повседневных отношений, посредством которых именно и передается болезнь»¹⁸⁹.

Независимость была желательной не только для жертв болезни, но и для тех, кто боролся против нее. Съезд настаивал, чтобы медицинские программы были выведены из-под полицейской юрисдикции и отданы в руки местных «общественных учреждений»¹⁹⁰. Защита местной инициативы, народного участия в делах управления, корпоративной профессиональной ответственности была вопросом, волнующим не одних только врачей; то была доминирующая нота в растущем хоре политического недовольства всего образованного общества, объединившегося в начале века в организованное освободительное движение. Эволюция взглядов представителей медицинской общественности в соответствии с доминирующим политическим настроением может быть прослежена, например, в статьях минского городского врача Петра Грацианова. В своих публикациях за 1895 г. Грацианов настаивал на ограничении свободы передвижения проституток. От подобных женщин, нечестных и лживых, писал он тогда, нельзя было ожидать добровольного подчинения медицинскому контролю. Поэтому полиция, по его мнению, была обязана в общих интересах общества конфисковать их паспорта, ограничивая «личную свободу», которая позволяла им роскошь причинять зло другим¹⁹¹. Позднее, в 1904 г., Грацианов критиковал систему полицейского регулирования проституции как нарушение гражданских прав проституток. Только в руках общества, а не бюрократических учреждений, утверждал он теперь, регулирование было бы предметом критического общественного мнения, и проституткам было бы гарантировано

¹⁸⁸ Предложения см.: Жбанков Д.Н.. О съезде при Медицинском Департаменте... Ч.2. – С.832-833.

¹⁸⁹ Там же. - С.833.

¹⁹⁰ Там же. Ч.1. - С.801.

¹⁹¹ Грацианов П.А.. К вопросу о реорганизации... - С.166-167.

право судебной самозащиты¹⁹².

Дмитрий Жбанков, убежденный радикал народнического толка, хотя и далекий от революционных взглядов, стоявший вне политики партий, был ведущей фигурой в обществе Пирогова - наиболее влиятельной и прогрессивной российской медицинской организации¹⁹³. Убежденный в политическом значении профессиональных требований врачей, Жбанков выступал против любого нарушения прав личности, был ли это унижительный принудительный медицинский осмотр или уничижительное отношение к заклеянным и непривилегированным группам¹⁹⁴. Жбанков писал, что, хотя съезд и признал, что сифилис не имел отношения к тому или иному социальному классу, врачи позволили себе поддаться предубеждениям своего времени, что позорило их профессию и наносило удар по их целям. «Меня всегда поражает такая чудовищная несправедливость, – указывал Жбанков, – имущим классам разрешается, даже узаконивается требование врачебного свидетельства от прислуги и кормилиц, а сами хозяева и их больные дети могут безнаказанно заражать, например, кормилиц! Возражение, что имущие более развиты и остерегаются заражать других, едва ли всегда основательно, особенно относительно передачи болезни половым путем: иначе мужья не заражали бы своих жен, что мы видим нередко и в средних, и в высших классах»¹⁹⁵.

Признание того, что образования и культуры было недостаточно, чтобы изменить личные привычки, управляющие сексуальной жизнью и здоровьем, было, конечно, роковым для тех врачей, которые отстаивали ключевую роль просвещения в контроле за болезнью. Но это не противоречило, тем не менее, их представлению о том, что просвещение может развить простой народ до уровня образованных слоев общества и позволит ему справиться со своими желаниями в области сексуальной жизни путем саморегуляции. Что врачи отвергали, так это отношение к жертвам неудачи, – социальной ли, политической или физической, как к неодушевленным объектам: отношение, которое не оставляло этим людям надежды ни на совершение греха, ни на его искупление.

После 1905 г. медицинский интерес к бытовому сифилису как предмету социальной политики, кажется, уступил место новому направле-

¹⁹² Грацианов П.А. По поводу проекта нового «Положения о Санкт-Петербургском Врачебно-полицейском комитете» // Русский медицинский вестник. 1904. № 1. - С.5-7.

¹⁹³ Мицкевич Д.Н. На грани двух эпох. - С.96-97; о политической деятельности Жбанкова в 1890-х гг. см. Frieden, «Russian Physicians». P. 171-172, 191.

¹⁹⁴ Жбанков Д.Н. О съезде при Медицинском Департаменте. Ч.1. - С.802; Ч.2. - С.833.

¹⁹⁵ Там же. Ч.2. - С.833.

*Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами
российских врачей (1890-1905)*

нию в клинической стратегии. Возможно, это и совпадение, но ведущий медицинский журнал «Врач» (с 1901 г., после смерти основателя его редактора, стал называться «Русский врач»), который в 1890-1905 годах изобиловал статьями о социальном контексте сифилиса, сместил акцент в своих публикациях в сторону технических вопросов индивидуальных диагнозов и лечения, особенно после открытия мышьякового лекарства Сальварсан в 1910 году. Тем не менее, было бы неудивительно обнаружить, что именно увеличившаяся крестьянская мобильность и массовое участие простого народа в революции 1905 года подорвали представление врачей о нем как о пассивной жертве социальных обстоятельств или болезней. Вера в нравственную чистоту деревенской жизни, которая была источником диагностических различий между венерическим и невенерическим сифилисом, не могла больше устоять перед очевидными глубокими изменениями в обществе и перед ощущением социального кризиса, порожденным революционными событиями.

Медицинский интерес к сифилису в Европе, по всей видимости, также достиг своего пика на грани веков, хотя причины этого не вполне ясны¹⁹⁶. Но, тем не менее, не вызывает сомнений особое символическое значение вопроса о сифилисе в России, противоположное восприятию этого вопроса в континентальной Европе во время апогея этой риторической тревоги. Насколько российские врачи восприняли европейскую идею о прямой взаимосвязи между сифилисом и внебрачными половыми сношениями, ясно из их взгляда на российские города как островки западной культуры¹⁹⁷. Эти островки были колонизированы переселенцами с необъятного континента общинной жизни, получившими благодаря своему перемещению независимость, которой они прежде никогда не обладали. Сельская форма сексуальных отношений, регулируемая биологическими ритмами и традиционными нормами, не позволяла увидеть в цикле зачатия, беременности и кормления грудью – этих элементов воспроизводства и контроля за рождаемостью – даже следов полового желания. Но в большом городе, где эти странники были оторваны от традиций общинной жизни, их сексуальная активность и ее последствия становились более заметными. Городские врачи беспокоились о прочности семейной жизни рабочего класса, о риске проституции и изобретали стратегии медицинского контроля. Тем не менее, в то же самое время, российские врачи предложили альтернативную, внепо-

¹⁹⁶ Corbin, «Le Péril»; Gérard Jacquement, «Médecine et “maladies populaires” dans le Paris de la fin du XIXe siècle», L'Haleine des faubourgs.

¹⁹⁷ По словам Г.М.Герценштейна, сифилис в городских условиях «принимает форму, распространенную в западноевропейских странах»: Герценштейн Г.М. К статистике сифилиса в России // Врач. 1886. № 18. - С.335.

Лора Энгелстейн

ловую интерпретацию сифилиса, которая соответствовала представлениям о роли класса и пола в традиционных рамках сельской жизни. И, как только они отказались в таких случаях связать болезнь и нравственное разложение, они отвергли и роль морального арбитра, которую охотно взяли на себя их коллеги на Западе.

Пер. Э.Филипповой

*Джейн Бербанк**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ГРАЖДАНСТВО
И КРЕСТЬЯНСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ
НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Настоящий раздел посвящен исследованию двух тем, которые, согласно принятой исторической классификации, строго отграничены друг от друга и, тем не менее, одинаково важны для анализа правовой реформы в России. Это, во-первых, российская правовая идеология – свод определений в области права, выработанных и признанных российской интеллигенцией и изучающими Россию историками; определений, имеющих специфический генезис и проживших долгую научную жизнь. А во-вторых, это юридическая практика крестьянских судов в последние годы существования имперской России. Параллельное рассмотрение обоих понятий позволит выявить контекстуальное содержание хорошо известных определений того, что собой представляло право в России, и предположений относительно того, чем оно могло стать, а также провести переоценку долгосрочного влияния, оказанного реформами 60-х годов XIX столетия на правовую культуру дореволюционного российского общества. Я намереваюсь проследить, каким образом даже в понимании заинтересованных сторон правовая идеология замаскировала фактическое расширение правового сознания в дореволюционной сельской России. Я также хочу предложить иной подход к осмыслению права, в котором основное внимание уделяется историческому процессу и стихийности развития, тесному взаимодействию убеждений и практических результатов, связям между правовой практикой и формированием гражданства.

С моей точки зрения, развитие правовой культуры основывается на возможности установления связей индивидуумов с государством посредством участия в деятельности правовых учреждений. Связь между правовой культурой и становлением нации особенно подчеркивалась

* ©Бербанк Джейн, 2000

¹ Я хочу выразить мою глубокую благодарность Валери Кивелсон, Питеру Соломону и Фреду Куперу за их ценные комментарии в отношении данной главы, а также Кэти Фрайерсон за многолетние дискуссии по крестьянской правовой практике. Исследования, легшие в основу настоящей статьи, стали возможны благодаря поддержке IREX.

теоретиками, занимавшимися проблемами исторического происхождения гражданства в Западной Европе². Маргарет Сомерс выступила с убедительной аргументацией, направленной против преобладающего в литературе увязывания понятия гражданства с современной капиталистической экономикой и порождаемой ею социальными отношениями; она также отвергает статичное определение гражданства как некоего «даруемого» государством статуса. Вместо этого, путем сравнительного исследования европейской региональной и национальной практики, она определяет гражданство как процесс взаимодействия национального права и общественной деятельности³. Основное внимание в работе Сомерс обращено на начальный период современной истории Англии, однако осуществленный ею анализ основных элементов правовой культуры и влияния этой культуры на практическое осуществление принципов гражданства представляется актуальным как для интерпретации истории правопорядка в России, так и для продолжающегося процесса становления «правового государства» в Российской Федерации. К текущей ситуации в России мы вернемся в конце статьи. Но «правовое государство» не может существовать без самого государства, и поэтому я начну с краткой характеристики последнего.

Государство – это жизненно важное и мощное средство организации людей и ресурсов на современном этапе истории; задача укрепления и преобразования государственного строя являлась решающей для благосостояния общества и индивидуумов на территории Российской Империи и Советского Союза. Начиная с середины XIX века, когда возникло движение за реформу сильной абсолютистской системы, опирающейся на аристократическую форму правления⁴, и Россия двинулась по мучительно трудному пути в направлении демократических преобразований⁵, авторитету государства был брошен серьезный вызов. На протя-

² См. Rogers Brubaker, *Citizenship and Nationhood in France and Germany* (Cambridge, MA, 1992); Margaret Somers, «Law, Community, and Political Culture in the Transition to Democracy», *American Sociological Review* 58, № 5 (October, 1993). P. 587-620; Margaret Somers, «Rights, Relationality, and Membership: Rethinking the Making and Meaning of Citizenship», *Law and Social Inquiry* 19, № 1 (Winter 1994). P. 63-112.

³ См. Somers, «Law, Community, and Political Culture». P.588-590.

⁴ Я полагаюсь на интерпретацию Джона Ледонна; см. John LeDonne, *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700-1825* (New York, 1991).

⁵ Слово «демократия» используется в смысле определения «народа» как источника политической власти – в противовес аристократии или монархии. Борьба за то, что могла бы значить демократия для институтов политического управления, продолжается и поныне – не только в России, но и повсеместно.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

жении одного столетия – в 1917 и в 1991 годах – государство претерпело два опустошительных кризиса, оказавшись на грани краха, поставившего под сомнение само его выживание. В обоих случаях из-под российского контроля вышли обширные территории и многочисленные группы населения. Какова же в России роль «права» - как идеала, предназначенного для воплощения в жизнь, и как средства управления – на всем протяжении продолжительной и болезненной эволюции государственного строя, начиная с середины XIX века и эпохи реформ? Насколько правовые устремления содействовали становлению правовой культуры? И насколько эффективно правовая практика способствовала вхождению субъекта в схему государственного устройства?

Правовые концепции всегда занимали важное место в формировании воззрений оппозиции как российскому, так и советскому правительствам. В поздний имперский период чаяния многих подданных Российской Империи были, несомненно, направлены на построение в России государства, опирающегося на закон; не вызывает сомнения и тот факт, что антикоммунистическое восстание в период перестройки произошло под эффективным лозунгом «правового государства». Идея правового управления, подразумевающая замещение произвола порядком, более века будоражила образованное общество⁶. Эта приверженность воображаемому правовому порядку диалектически вытекала из принципа личной власти, лежавшего в основе как бюрократического самодержавия, так и бюрократического коммунизма; в душе каждой потенциальной жертвы чьей-то узаконенной способности захватить власть в личное пользование таилось страстное желание порядка, регулируемого сводом правил и ставящего закон выше человека.

Тем не менее и в имперскую эпоху, и в советский период каждая потенциальная жертва также потенциально могла использовать в своих личных целях существующие системы персонализированной власти. Участие всех индивидуумов в не связанной правилами системе власти оказало глубокое влияние на судьбу законодательства в России – законы интерпретировались как нечто, узаконивающее личную власть. Таким образом, стремление к законности, выраженное многими представителями образованных классов в России, не являлось «правовым сознанием» или «правовой культурой», опирающейся на правовое государ-

⁶ См. статью Gianmaria Adjani, «The Rise and Fall of the Law-Based State in the Experience of Russian Legal Scholarship: Foreign Patterns and Domestic Style», Donald D. Barry, ed. *Toward the «Rule of Law» in Russia?: Political and Legal Reform in the Transition Period* (Armonk, N.-Y., 1992). P.3. Аджани показывает, что концепция правового государства зародилась уже в умах теоретиков правоведения позднего имперского периода и наглядно разграничивает правовые идеи и «правовую практику».

ство, но было идеологической приверженностью, определяемой отношением к осознаваемому «произволу» российской государственности. Пылкие выступления в защиту законности шли рука об руку с повседневными нарушениями официальных правил⁷.

И все же большинство научных исследований, посвященных проблемам права в России, игнорирует вопросы взаимопроникновения закона и повседневной жизни и обычаев, концентрируя внимание на идеологических высказываниях о законности, возникших как особенность интеллектуальной жизни России в конце XIX и начале XX столетия⁸. Как я отмечала в другой своей работе, важнейшие дискуссии по вопросам правопорядка в России велись такими яркими личностями из числа ведущих юристов-либералов, как Набоков, Маклаков, Кони и Гессен. Их мысли и представления о современном им обществе оказали огромное и долговременное влияние на дискуссии о перспективах, возможностях и неудачах правового развития России⁹. Правовая культура в том виде, в котором они ее представляли, должна была основываться на таких принципах, как создание единой и однородной для всех граждан судебной системы, упразднение внесудебной полицейской практики и практики военных трибуналов, гласность и введение института суда присяжных, защита индивидуальных прав и гражданских свобод, всеобщее знание статутного права, рациональная кодификация законов, постановка судопроизводства на нормативную основу и независимость судебной власти. По мнению сторонников либеральных преобразований, отсутствие этих условий в России, а также их нарушение как до, так и после 1917 года трагическим образом отбросило назад процесс построения правового государства, если вообще не обрекло его на заведомую неудачу.

⁷ Такой стиль поведения покажется знакомым любому, кто ведет сегодня какие-нибудь дела – академические или иные – в Российской Федерации. Как и в последние годы перестройки, Дэвид Ремник дает интересное и подробное описание того, как работает эта далеко не новая система: см. его статью «Letter from Moscow: The Tuscon and the Kremlin», *The New Yorker*, (20 & 27 February 1995). P. 118-139. Еще одно интересное исследование на эту тему: Lev Timofeev, *Russia's Secret Rulers: How the Government and the Criminal Mafia Exercise Their Power* (New York, 1992).

⁸ Выдающиеся примеры трудов по русской правовой философии: Andrzej Walicki, *Legal Philosophies of Russian Liberalism* (Oxford, 1987); Harold Berman, *Justice in the USSR*. (New York, 1963).

⁹ Jane Burbank, «Discipline and Punish in the Moscow Bar Association», *The Russian Review* 54, № 1 (January 1995). P. 45-48. В этой статье основное внимание уделяется патерналистской и дидактической культуре российской адвокатуры.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

В то время как либеральная интеллигенция позднего имперского периода разрабатывала свои понятия о законности в диалектическом споре с самодержавием и в соответствии с тем, что она определяла для себя как европейское право, другие не менее решительно настроенные представители интеллигенции в поздний имперский период и в первые годы советской власти разрабатывали альтернативный комплекс правовых идей в диалектическом споре с иным оппонентом – буржуазией. Ленин, Стучка, Пашуканис и другие строили свою концепцию «марксистской», или «советской», законности как на критике буржуазного права, так и на отрицании позиции российских либералов. Вся историография развития правового мышления в России в значительной степени фокусировала внимание на двух этих позициях – позиции российского либерализма и позиции российского марксизма, постоянно и с самого начала находившихся в конфликте друг с другом¹⁰. Такой узко политический способ определения правовых концепций укрепляет ориентацию научного сообщества на поиски наличия либо отсутствия «буржуазного» права, как его представляли себе русские теоретики начала XX столетия.

Предпринятый краткий обзор основанной на таких принципах литературы позволил мне выдвинуть следующие предположения: во-первых, исторический анализ права в России изначально базировался на концепциях права, выработанных российской интеллигенцией в конце XIX – начале XX столетия; во-вторых, спектр этих идей не претерпел сколько-нибудь значительных изменений с момента, когда они были сформулированы впервые; и в-третьих, эти идеи были лишь размышлениями о том, чем может стать право в России, но не исследованиями действующей правовой культуры того времени и возможностей ее развития в России как в ту, так и в сегодняшнюю эпоху. Традиционная интерпретация понятия права научным сообществом ограничивает процесс изучения того, каким образом российские судебные системы использовались как государственными служащими, так и подданными государства, и в равной степени ограничивает процесс интерпретации значения такого их использования для системы государственного устройства. Для того, чтобы должным образом поставить вопрос о правовой культуре, увязывая его с возможным развитием практики граждан-

¹⁰ См. например, *Soviet Legal Philosophy*, trans. Hugh W. Babb, introd. by John N. Hazard (Cambridge, MA, 1951); Piers Bierne, ed. *Revolution in Law: Contributions to the Development of Soviet Legal Theory, 1917-1938* (Armonk, N.-Y., 1990); Richard Pipes, *Legalized Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice* (London, 1986); и введение Леонарда Шапиро к его работе: Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State, First Phase 1917-1922*, (2nd ed., Cambridge, MA, 1977).

ства, необходимо дать характеристику и оценку важнейшим элементам традиционного подхода к проблеме права в России.

Три понятия, уходящие своими корнями в дореволюционные дебаты, продолжают влиять на дискуссии вокруг вопроса о правовой культуре в России, придавая им ложное направление. Это, во-первых, утверждение, что правовая культура опирается на знание гражданином писаного закона; во-вторых, что для внедрения в умы населения гражданских принципов необходима единая и однородная национальная судебная система; и в-третьих, что государственное право, вследствие своего «формального характера», антагонистично по отношению к процессу сохранения и создания «истинной» этики. Я, со своей стороны, утверждаю, что правовая культура основывается на признании гражданами правовой системы в качестве предпочтительного средства урегулирования конфликтов и наказания зла; что такое признание может быть возвращено – и было возвращено в России – при помощи дифференцированной судебной системы; и что действенные правовые системы позволяют и способствуют распространению и пересмотру – в национальном масштабе – этических норм поведения. Исходя из этого, я утверждаю, что в 1914 году российское государство, ввиду все возрастающего правосознания своих подданных, имело потенциал для движения по пути построения правового государства, и что по тем же причинам в 90-е годы потенциал таких преобразований слишком слаб и может достичь нужного уровня лишь после того, как будет накоплен опыт взаимного доверия, подобный тому, который был накоплен в имперской России после 1864 года – причем процесс этот потребует значительно большего времени.

Противопоставление закона и обычая в русском правовом мышлении

На протяжении XIX столетия российское правовое мышление исходило из разграничения формального, статутного, государственного права – и неофициального, устного, традиционного крестьянского обычая. Именно существование этой твердо установленной дихотомии между обычным и государственным правом заставило российскую администрацию попытаться распространить статутное законодательство среди крестьянства. Различие это вдохновило и проведение сильно политизированных этнографических исследований, целью которых было выявление принципов обычного права. Оно же определяло и продолжительные дебаты относительно того, способен ли «обычай» обеспечить основу для новой национальной правовой системы¹¹. Правительственная же

¹¹ C.A.Frierson, «Rural Justice in Public Opinion: The Volost' Court Debate 1861-1912», Slavonic and East European Review 64, № 4 (October 1986). P. 526-545. По крестьянскому вопросу см. Michael B. Petrovich, «The Peasant in Nineteenth-Century

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

инициатива, находившаяся в центре этих дебатов, состояла в учреждении отдельной, четко очерченной судебной системы, предназначенной специально для раскрепощенных в 1861 году крестьян, – системы волостных судов. Бывшие крепостные из соседних деревень могли теперь решать в местном суде свои мелкие споры, причем на суде заседали трое выборных судей из числа местных жителей, а решения выносились на основе и государственных правил, и местной традиции.

Неудивительна приверженность в XIX столетии как экспертов в области права, так и российской интеллигенции в целом к определению права как формальной, порожденной государством системы письменно зафиксированных норм. С одной стороны, эта концепция соответствовала характерной для нового времени увлеченности порядком, нормализацией, официальными учреждениями и образовательной дисциплиной, столь живо описанной Фуко и сыгравшей столь созидательную роль в европейской профессиональной культуре – к чему стремились и российские специалисты¹². А с другой стороны, немаловажно, что контекстом российского энтузиазма в отношении статутного права была, в конце концов, Россия, где формализация и упорядочение институтов власти были тем более привлекательны, что они не были осуществлены или восприняты как должные даже в среде образованного населения¹³. Менее понятно, почему такое раздвоение понятий статутного права-устного обычая продолжало оставаться в центре дискуссии о крестьянском судопроизводстве и тогда, когда у волостных судов уже имелся опыт практической деятельности на протяжении нескольких десятилетий, и почему тезис о тесной связи российских крестьян и обычного права продолжал на протяжении века настойчиво фигурировать в ученых спорах о праве в России, причем не миновал даже трудов иностранных историков, работающих в иных национальных условиях.

Консерватизм этой влиятельной историографической традиции может быть объяснен с позиций функционализма. Зачастую ученые с трудом расстаются с дуалистическими категориями, такими, например, как обычай-закон или деревня-город, особенно если на этих категориях базируются их профессиональные и социальные претензии на обладание превосходным знанием, высшим статусом и авторитетом. Более того, западная интеллигенция (реже – сегодняшняя российская) имеет склон-

Historiography», Wayne S. Vucinich, ed., *The Peasant in Nineteenth-Century Russia* (Stanford, CA, 1968). P.191-230; Cathy Frierson, *Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia* (New York, 1993).

¹² См. Michael Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, trans. Alan Sheridan (New York, 1979). P. 298-303.

¹³ Обратите внимание на особенности русского контекста, указанные в моей статье «Discipline and Punish in the Moscow Bar Association». P. 58-64.

ность связывать собственную идеологию с «людьми без прошлого» (как не слишком удачно определил докапиталистические общества Эрик Вулф¹⁴). Так, в русской историографии народнические историки предпочитали подчеркивать первозданную чистоту и социальное обособление крестьянства; марксисты стремились представить крестьян в качестве либо революционных, либо отсталых масс; либералы воспринимали тех же крестьян как будущих фермеров. Подобное проецирование своей собственной политики на других намного проще осуществить в том случае, если желания самих сельских жителей остаются в рамках обычая и письменно не регистрируются. Однако сила власти интеллектуальных предрассудков становится намного более очевидной, когда выясняется, что крестьянская правовая практика в России фактически повсеместно фиксировалась письменно, что эти данные собирались и хранились в огромном количестве в имперских архивах. Полвека практики волостных судов породили объемный массив письменных источников. Собственно письменность, и письменная документация в частности, были неотъемлемой частью юридической практики для сельских жителей. Тем не менее, их «право» в трудах большинства ученых и современников фигурировало как неписаное.

Можно конкретно проследить, как в процессе исследований истории права получилось, что концепции российских ученых и интеллигенции позднего имперского периода сохранялись в воззрениях многочисленных поколений левых и либеральных позитивистов – практически до настоящего времени. Один такой путь – хорошо накатанная дорога социал-демократической историографии, представленной нижеследующим описанием крестьянской юридической практики в часто цитируемой статье Моше Левина «Обычное право и сельское общество в пореформенную эпоху»: «Крестьяне в России, как и сельские жители других стран, жившие в сопоставимых исторических условиях, имели обычаи, которые можно было бы квалифицировать как «юридические», однако они не умели мыслить абстрактно и не писали трактатов на эту тему, и им никогда не было позволено разработать развернутую систему юридических правил и жить согласно этим правилам»¹⁵.

Такое утверждение содержит несколько проблематичных концепций, которые могли бы быть сформулированы в XIX веке. Это идеи обычного права и исторических этапов, разграничение между абстрактным мышлением и мышлением вообще, а также убеждение, что реальная юридическая система должна быть оформлена в виде трактатов, выдержать определенный исторический испытательный срок и носить

¹⁴ Eric Wolf, *Europe and the People Without History* (Berkeley, CA, 1982).

¹⁵ См. Moshe Lewin, *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia* (New York, 1985). P. 72.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

целостный характер. Это утверждение приписывает российским крестьянам вечную отсталость или, точнее, отсталость по отношению к реалиям нового времени, поскольку Левин описывает российских крестьян как людей, пораженных социальным параличом «на протяжении всего периода между отменой крепостного права и коллективизацией сельского хозяйства»¹⁶.

В подходе Левина к крестьянскому вопросу марксистские концепции прогресса, датируемые XIX веком, неразрывно связанные с промышленным производством и покровительственно глядящие на земледельца, смешаны с чисто русским сочувствием к здоровой сельской культуре, сопротивляющейся нажиму государства¹⁷. Как представлялось многим интеллектуалам, носителям идеи обычного права, дополнительной особенностью устной правовой традиции было понимание свободы как свободы *от* государственной организации. Так, описание происхождения формального права, которое дал Павел Виноградов в 1925 г., проникнуто энтузиазмом по поводу «естественной» практики регулирования: «В рудиментарных союзах, в так называемых варварских племенах и даже в феодальном обществе правила поведения устанавливались обычно не посредством прямых и общих приказаний, а постепенной консолидацией мнений и обычаев. Историческое развитие права начинается с обычая. Правила не навязываются сверху законодательными органами, но берут начало внизу, в обществе, которое приходит к их признанию. Наилучшие возможности для наблюдения формирования и применения обычая имеют место тогда, когда примитивные общества живут на глазах и под контролем более развитых наций»¹⁸.

Виноградов – ученый, активно пропагандировавший изучение русской культуры среди западных исследователей крестьянства, в приведенном отрывке явно демонстрирует свое двойственное отношение к современности (которая ассоциируется с приказаниями «сверху»), и свое российское либерально-романтическое истолкование социального происхождения права (происхождения «снизу»). Я особо хочу подчеркнуть его определение «обычая» как чего-то «примитивного», что типично для образа мышления, свойственного либерализму (и марксизму) его времени и построенного на представлении о жесткой периодизации раз-

¹⁶ А именно, на протяжении приблизительно семидесяти лет, в зависимости от того, какой год считать началом коллективизации сельского хозяйства, - периода, практически равного времени существования Советского Союза.

¹⁷ См. M. Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization* (London, 1968).

¹⁸ См. Sally Falk Moore, *Law as Process: An Anthropological Approach* (London, 1983). P. 14. Цит. из труда Vinogradoff, *Custom and Right* (Oslo, 1925).

вития общества. Кроме того, я хотела бы отметить сходство между представлением Виноградова об открыто навязывающей себя власти и концепцией Левина, согласно которой власть действовала не так явно, но тем не менее «никогда не позволяла» крестьянам развить собственную систему права. Это явные признаки двойственного отношения к государственной власти, характерного для российской интеллигенции и, следовательно, оказавшего влияние на концепцию и судьбу права в России.

Исследователь, не специализирующийся по русской истории, мог бы предположить, что разграничение, которое Виноградов и другие проводят между примитивным обычаем и государственным правом, с учреждением в 1861 г. волостных судов могло потерять свою актуальность для российской политической жизни. Но в России произошло обратное: временное ограничение в вышеприведенной цитате из Левина верно отражает хронологию увлеченности российской элиты «проблемой» крестьянства¹⁹. Волостные суды стали главным свидетельством в пользу дихотомии обычай-закон. Данная интерпретация привлечения сельских жителей к участию в созданной государством системе для осуществления правового процесса вскрывает иерархическую, разграничительную и воспитательную концепцию общества, которую разделяло большинство российской интеллигенции того времени.

Классифицируя и описывая обычное право посредством проведения целого ряда различий между ним и передовым, рациональным и статутным правом, российские законники закрывали глаза на характеристики, общие как для крестьянской, так и для «официальной» судебной практики. Выдвигая положение о неформальности крестьянских волостных судов (подразумевалось, что «подлинные» суды следовали весьма строгим процессуальным требованиям), они игнорировали тот факт, что оба типа судов требовали ритуального оформления связи граждан с государственной властью, выраженного посредством выполнения определенных государством правил и процедур. Как показывает Кэти Фрайерсон в своем удивительно живом описании волостного судопроизводства, судебный процесс, в котором приходилось участвовать крестьянам, был полон формальностей – таких, как представление жалобы, удостоверение личности свидетелей, составление дубликатов судебных повесток, размещение судей за накрытым зеленой скатертью столом, упорядоченная схема дознания и обсуждения,

¹⁹ Работа Кэти Фрайерсон «Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia» посвящена исследованию этого процесса.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

запись и зачтение приговора²⁰. Эти процессуальные формы могли, естественно, выполняться либо со рвением, либо с апатией, могли сопровождаться ненормативным поведением - как, например, распитием водки (на что обычно жаловалась интеллигенция); однако полагать вследствие этого, будто данный процесс являлся неформальным или неофициальным, было бы очевидным заблуждением. Такие же или подобные отклонения от правил приличия - а иногда и от процедур - могли иметь место в любом суде²¹. Более того, сущность любого судебного процесса всегда состоит в заполнении пробелов между правилами человеческого содержанием.

Именно заполнением - только не пробелов, а бумаг - официально занимался писарь волостного суда, и, когда мы обращаемся к вопросам ведения необходимых записей и соответствующих правил, претензии интеллигенции к волостным судам кажутся еще более надуманными. Одним из условий, дававших возможность устанавливать разграничения между официальным законом и обычаем и ассоциировать обычное право с крестьянской практикой (как вне, так и в рамках волостных судов), было то безусловное уважение к образованию, которое выказывалось представителями российской элиты. Для стремившейся к модернизации общества интеллигенции, возбуждившей и поддерживавшей дебаты о волостных судах, безграмотность и невежество являлись неоспоримыми признаками отсталости²². Важным аспектом этих обвинений было то, что мишенью их постоянно были именно крестьянские суды. Ясно, что «нормативные» суды были так же далеки от наивысших стандартов современной цивилизации: и в них грубое поведение, невежество и нехватка образования были очевидным недостатком как истцов и ответчиков, так и даже присяжных - этого символа западного прогресса²³. И тем не менее именно волостной суд, несмотря на все практиковавшиеся в нем процессуальные нормы, всегда ассоциировали с неписаным правом.

²⁰ См. Cathy Frierson «“I must always answer to the law...”: Rules and Response at the Reformed Volost’ Court», *Slavonic and East European Review* 75 № 2 (April 1997). P. 308-334.

²¹ Многочисленные свидетельства о нарушениях порядка в московских судах содержатся в архивах адвокатуры. За примерами отсылаю читателя к моей статье «Discipline and Punish in the Moscow Bar Association». P. 49-57.

²² См. Frierson, «Rural Justice»; Frierson, *Peasant Icons*. P. 54-75.

²³ Вопросы некорректного, ненормативного поведения, поднимавшиеся в ходе дискуссии по системе суда присяжных см.: Казанцев С.М. «Судебная республика» царской России // *Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864-1917 гг.* Л., 1991. - С.16-17.

Особенно негативно влияло на отношение к волостным судам то, что там соответствующие полномочия предоставлялись судьям из крестьянской среды, которые избирались самими же крестьянами, причем формального образования от них не требовалось. Жалобы на крестьянских судей нашли свое отражение в реформе волостного суда 1889 года, по которой земскому начальнику из числа дворян давались полномочия утверждать или отвергать выбранных крестьянами судей. Реформированное законодательство признавало невозможность отобрать достаточное количество грамотных судей из среды крестьянства, что отражено в положении о грамотности как о желательном, но не обязательном качестве волостного судьи. Другие требования к кандидатуре волостного судьи, записанные в своде правил 1889 года, также представляют интерес: судья должен был являться главой семьи, быть не моложе 35 лет, быть «уважаемым членом общества», не быть осужденным за различные преступления и не быть приговоренным к серьезным срокам лишения свободы или иным наказаниям. Он не должен был занимать другие волостные должности и являться членом неправославных религиозных сект. Интересным правилом было то, что, за исключением лиц старше 60 лет и тех, кто уже отслужил полный срок на судебной должности, крестьяне не имели права отказываться от выполнения обязанностей судьи. С 1889 года крестьянские судьи стали получать жалованье²⁴.

Эти правила, придерживались их или нет, не предписывали использовать «обычай» в чистом виде, а представляли собой явную попытку связать сельское население с правовой системой посредством судей, которые отвечали бы стандартам как окружавшей их общественной среды, так и государства. Немаловажной в этом деле была письменная культура, даже если грамотность и не требовалась для ведения суда. Люди вызывались в волостной суд посредством повесток; они скрепляли своими подписями свидетельские показания и решения, или же за них это делал председательствующий судья; весь процесс регистрировался волостным писарем в официальной регистрационной книге. Внешенная туда запись служила обоснованием для земского начальника при пересмотре дела, а тщательно заполненные книги решений и приговоров впоследствии передавались на хранение в прокуратуру²⁵. На этом процесс не останавливался, поскольку, как знает каждый исследователь

²⁴ См. C.Frierson, «I must always answer to the law...».

²⁵ С этими книгами можно ознакомиться в различных архивах России. Что касается книг волостных судов Московской губернии, то они находились в Центральном государственном историческом архиве города Москвы (здесь и далее ЦГИАМ), ныне – Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ).

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

апелляционной процедуры, крестьяне использовали эти и иные записи с неистощимым рвением, чтобы решить спорные вопросы и исправить не удовлетворявшие их результаты²⁶. Таким образом, волостные суды не только не стремились узаконить устные обычаи (даже если именно к такому выводу пришли изучавшие судебные записи этнографы и другие исследователи), но фактически теснее привязывали сельское население к письменной культуре государственного права и образованной части российского общества.

Можно возразить, что такое уважение к письменному слову – не то же самое, что знание статутного права, которое и было, в конце концов, критерием правовой компетенции для многих в России. И все же здесь наглядно проявляется вводная в заблуждение сущность данного критерия и то искажающее влияние, которое он имел на представление о крестьянской правовой культуре. Можно ли утверждать, что некрестьяне «знали» статутное право? Конечно, нет – для этого имелись юристы и кодексы законов. И вообще, кто в имперской России, не считая, конечно, немногочисленных экспертов права, действительно «знал» большинство тех письменных законов, которые могли быть использованы в его или ее жизни? Кто «понимал» кодексы законов? Несомненно одно: исчерпывающее знание буквы закона не входило в компетенцию образованного населения, и тем не менее именно это требование образованная элита предъявляла крестьянам. Очевидны искажающие и дискриминирующие последствия столь завышенного требования, не позволявшего элите разглядеть участие значительной части населения императорской России в существовавшей правовой практике. Это придает еще большую важность переосмыслению понятия правовой культуры: необходимо сместить акценты в интерпретации, определяя правовую культуру уже не как наличие знаний, а как процесс – не как знание закона, а как его приятие и использование, как уважение к предоставляемым им возможностям.

Проблема создания единого для всех правосудия

В тесной связи с дебатами по вопросам деятельности волостных судов и правовой культуры, которые велись в России до революции, был вопрос о создании судебной системы, единой для всех подданных государства. Участники полемики вокруг этой проблемы по тем или иным

²⁶ Множество жалоб, поступивших от крестьян и зарегистрированных в книгах Сената, – еще одно свидетельство того, как крестьяне настойчиво пытались заставить судебную систему служить их интересам: примеры см. в книгах Российского государственного исторического архива (РГИА), фонд 1344: Второй (крестьянский) департамент Сената.

причинам разделились на разные лагеря²⁷; большая часть возникавших здесь политических споров касалась вопроса о должности земских начальников, введенной по реформе волостных судов в 1889 году. В то же время высокий накал страстей вызывал здесь вопрос особого статуса волостного суда. Те, кто стремились интегрировать крестьян в общество, рассматривали эту особую практику волостных судов как препятствие на пути подготовки крестьян к полнокровному участию в жизни российского общества; с другой стороны, апологеты патерналистского отношения к деревне хотели сохранить особый характер этих судов в рамках подчинявшейся земскому начальнику иерархической системы. При этом обе стороны считали, что волостной суд действует на особых принципах, что противоречит идее равенства перед законом. (Такая точка зрения и в наше время все еще встречается в научных трудах о крестьянстве: сторонники модернизации принимают интеграционную точку зрения, а марксисты подчеркивают репрессивную природу царской власти в деревне²⁸).

И опять-таки эти попытки определить степень несоответствия действующей юридической системы некоему политическому принципу подразумевали, что использовать какие-либо иные критерии оценок здесь невозможно. Отметим, что после реформы 1889 года волостной суд потерял свой сословный характер, став скорее первой судебной инстанцией для всех постоянных сельских жителей (за исключением дворян)²⁹. Это означало, что волостной суд представлял собой первую возможность получить правовую защиту примерно для 80% населения. Призыв к унифицированной судебной системе означал требование интегрировать волостные суды в судебную систему (поднять их до уровня судебной системы), которая обслуживала меньшинство подданных империи. И тем не менее исходным пунктом полемики было признание

²⁷ См. C.Frierson, «Rural Justice».

²⁸ См. например, заключение, написанное Фрайерсон к ее статье о дискуссии по поводу волостных судов: «...государство сделало шаг назад, к системе обычного права, которое не только не отражало реальность происшедших в деревне изменений, но и не имело достаточного потенциала, чтобы поднять сельских жителей до общенационального уровня» («Rural Justice». P. 545). См. другой подход в: Esther Kingston-Mann «Breaking the Silence: An Introduction», Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer, eds., *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia 1800-1921* (Princeton, NJ, 1991). P. 4-19. Здесь автор пытается отойти от предпосылки модернизации. Одна из последних работ, в которых внимание сосредоточено на государственной администрации, - статья A.M.Anfimov «On the History of the Russian Peasantry at the Beginning of the Twentieth Century», *The Russian Review* 51, № 3 (July 1992). P. 396-407.

²⁹ Frierson, «I must always answer to the law...».

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

исключительного характера волостных судов и нормативности всех прочих инстанций и юридических структур.

Отставив в сторону проблему нормативности или ненормативности того или иного суда, зададим следующий вопрос: насколько нестандартным был волостной суд? Формальностей, как мною уже отмечалось выше, в нем соблюдалось более чем достаточно. Более того, в последние годы существования империи постановления волостных судов сообщались их участникам и вышестоящим лицам как основанные на закрепленном в кодексах государственном законодательстве. Решение фиксировалось в книге приговоров и решений и предварялось следующими словами: «Разобрав настоящее дело и выслушав объяснения сторон...» – здесь следовал большой пробел для внесения судом краткого содержания решения, – «...и поэтому и руководствуясь... ст. Временных правил о волостном суде и на основании ... ст. Устава о наказаниях, назначаемых мировыми судьями», – здесь следовал еще один большой пробел для последующего комментария – «приговорил» – следовал еще один пробел для внесения приговора от руки.

Подобное формальное представление материалов рассмотрения дела судом и судебного решения как узаконенного государственным законодательством сопровождалось церемониями, усиливавшими связь данного судебного органа с вышестоящими инстанциями законной власти. При объявлении судебного решения давались объяснения в отношении права апелляции и процедуры оспаривания решения. После этого дело подписывалось председателем, судьями, истцом и ответчиком, чьи адреса регистрировались. В обязанности земского начальника входил просмотр книг волостных судов с тем, чтобы он мог убедиться, что решения приняты в соответствии с законом; он также был обязан осуществлять контроль за их выполнением³⁰.

Хотелось бы отметить, что «процесс» в волостном суде, как и в судах любой другой инстанции, представлял собой сочетание юридических требований и специфического содержания. Правовая система Российской Империи, подобно большинству правовых режимов современных обществ, включала в себя несколько «судебных» структур: военную, коммерческую, окружные суды, мировых судей, не говоря уже о более высоких уровнях судебной власти³¹. Требование создать единую судебную систему, настойчиво выдвигавшееся реформаторами, свидетельствует об их приверженности собственным идеологиям и о тех про-

³⁰ См., например, книги для записи решений и приговоров Царицынского волостного суда: ЦГИАМ, ф.74, оп. 1, д. 50 за 1914 г.; оп. 1, д. 57 за 1917 г.

³¹ См. четкое описание системы судопроизводства в работе Казанцева ««Судебная республика» царской России». С.4-6.

тиворечиях, которые определяли их убеждения: их преданность идее суда присяжных в системе окружных судов, подозрительное отношение к административным процедурам и невысокое мнение о сельском обществе. То, что процедуры и регламент волостного суда были специфическими, не представляло, по существу, вреда для развития правовой культуры. Напротив, можно возразить, что учреждение сельского суда, опирающегося на власти, которые не были исключительно местными или общегосударственными, но в доступной форме сочетали то и другое, представляло собой важнейший (хотя и непреднамеренный) шаг на пути интеграции сельских жителей в правовое государство.

Морализм и антипатия к государству

Одним из достижений (или несчастий - в зависимости от точки зрения) советского периода российской истории была идея жесткой привязки права к структурам власти. Существование многочисленных институтов и факультетов «государства и права» служило показателем такого слияния, осуществленного еще в первые годы построения советского государства и развивавшегося на протяжении всех десятилетий правления коммунистической административной системы³². Это слияние права и правительственной власти – совсем не то же самое, что «правовое регулирование» или «правовое государство»; согласно формулировке Юджина Хаски, это вариант интерпретации права, данной с позиций «статизма»³³. «Социалистическая законность» официально была определена так, чтобы отражать абсолютный приоритет директив государства. Согласно высказыванию одного советского историка, социалистическая законность означает «безусловное и точное соблюдение всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами советских законов и актов государственного управления»³⁴. Не случайно, что многие усердные реформаторы перестроечного периода – например, Горбачев и Собчак – в свое время выбрали для учебы именно

³² Поворот к административному закону начался уже, по крайней мере, в 1918 году: см. мою статью «Lenin and the Law in Revolutionary Russia», *Slavic Review* 54, N 1 (Spring, 1995). P. 23-44.

³³ От англ. «state» – государство (Прим. ред.). - Eugene Huskey, «A Framework for the Analysis of Soviet Law», *The Russian Review* 50, № 1 (January 1991). P. 53-70. См. также Eugene Huskey, «From Legal Nihilism to *Pravovoe Gosudarstvo*: Soviet Legal Development, 1917-1990»; Harold J. Berman, «The Rule of Law and the Law-Based State with Special Reference to the Soviet Union», Barry, ed., *Toward the «Rule of Law»*. P. 23-60.

³⁴ Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР. 1917-1936 гг. М., 1962. - С.130.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

юридические факультеты. Не удивительно также и то, что их представления о правовой культуре даже и сегодня сводятся к убеждению в необходимости формального соблюдения любых выработанных государством законов.

Такое жесткое объединение права с подчинением государственным правилам было бы чуждо большинству теоретиков права времен заката Российской Империи, равно как и их оппонентам из радикальных партий. Мощное подводное течение враждебности к формалистскому толкованию права бурлило в XX столетии под сталкивающимися друг с другом волнами дискуссий о его судьбах. По утверждению Анджея Валицкого, «антилегализм» российской мысли был порожден европейской критикой капиталистического развития, которой увлекалась русская интеллигенция. И славянофилы, и теоретики левой ориентации прослеживали связь, существовавшую между государственным правом и экспансией европейского капитализма, разрушавшей попутно «подлинные» человеческие отношения³⁵. Для интеллигенции, выступавшей за возврат к «русским» ценностям или к какой-либо разновидности коммунизма, государство, целью которого был прогресс по европейскому пути развития, не могло выработать нравственного права.

Но и интеллектуалы, выступавшие в позднеимперский период российской истории за утверждение в России правовых принципов, упорно занимали антигосударственные позиции. Как отмечают Анджей Валицкий, Джанмария Аджани и другие исследователи, русские либералы и умеренные социалисты настаивали на том, что право должно принадлежать сфере нравственности, что освободило бы его от государства³⁶. Отношение к государству как к источнику угнетения и произвола и соответствующее желание российских либеральных мыслителей вывести право из-под эгиды государства и передать его в компетенцию общества или в сферу духовных ценностей – вот компоненты, определявшие правовое мышление на протяжении всего позднеимперского периода.

В одной из своих статей по вопросам права, помещенной в 1898 г. в авторитетной научной энциклопедии, Владимир Дмитриевич Набоков причисляет себя к школе сторонников естественного права в противопоставление позитивистской теории права и решительно настаивает на связи права с моралью: «Право, которому не приходило бы на помощь силы нравственности, напрасно пыталось бы поддержать себя средствами одного только принуждения», – пишет он³⁷. Далее Набоков отмечает, что

³⁵ A. Walicki, *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. P. 2.

³⁶ *Ibid.*, P. 5; Adjani, «Rise and Fall of the Law-Based State». P. 7-13.

³⁷ Adjani, «Rise and Fall of the Law-Based State». P. 868-870. Набоков определяет право в следующих словах: «Право имеет своей задачей регулировать взаимные отношения людей, живущих в обществе, путем

«большинство» современных ему аналитиков права склоняются к мысли, что право имеет свои корни в недрах общества, и с сочувствием описывает позицию идеалистов, которые требуют обоснования для права в «свободе человеческой личности»: «Признавая безусловным основной базис человеческой свободы, право имеет в виду согласовать частную свободу (волю) с свободой (волей) общей. Основной закон права – будь личностью (т.е. будь свободен), но уважай личность других свободных существ. Этим для права устанавливается граница, которой оно не должно переходить»³⁸.

Эти и другие варианты идеалистического и социально-психологического обоснования права, возникшие в позднеимперской России, обнаруживают глубокую антипатию к теориям развития правовой культуры на основе государственных институтов. Государство не может быть нравственным; право же обязано быть таким. Как уже отмечалось в другой моей работе, даже Ленин боролся за «естественное» право, которое регулировало бы поведение людей в будущем сообществе, не испорченном угнетением капитализма и государства³⁹. Глубокая обида на самодержавие, которую копила значительная часть интеллектуальной элиты на протяжении всего XIX столетия, привела к возникновению в стане оскорбленных противодействия в виде антигосударственных концепций права. Отрицая конструктивную социальную роль государства, интеллигенция не желала видеть совершавшийся вокруг процесс постепенного включения все большего числа членов общества в рамки правовой системы. Интеллигенция избрала такие формы мышления о праве и обществе, которые не позволяли ей в своих представлениях о национальном благосостоянии и прогрессе учитывать стихийное, но мощное воздействие проведенных государством правовых реформ.

Это явное нежелание анализировать результаты осуществленной государством реформы, со времени проведения которой прошло уже пятьдесят лет, придавало российской правовой идеологии глубоко антиисторичный оттенок. Вместо того, чтобы в своих концепциях правового прогресса исходить из опыта недавних преобразований и их значения для продолжающихся в стране перемен, российская интеллигенция оставалась погруженной либо в глубокое прошлое, либо в метафизику (теорию естественного права или идеализм), именно в них ища основания для правовой культуры будущего. Даже сторонники «обычая» как основы

установления правил поведения («юридических норм»), поддерживаемых принудительным воздействием со стороны государственной или общественной власти». «Принуждение» и его ассоциация с властями имеют в данном описании немаловажное значение.

³⁸ Там же. Р. 870.

³⁹ См. мою статью «Lenin and the Law in Revolutionary Russia».

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

правовой системы, ратовавшие за создание российского права на основе крестьянской традиции, все же являли собой пример удаленности от «общества», от реальных, живых людей и их повседневного поведения. «Общество», которое являлось для российских интеллигентов начала XX века эталоном нравственного и правового поведения, было не тем обществом, в котором они жили⁴⁰. Таким образом, интеллигенция периода позднего царизма не принимала исторический, процессуальный подход к развитию правовой культуры и потому игнорировала ту первостепенную важность, которую имел доступ населения к пользованию существующими юридическими структурами для будущего процесса формирования права и гражданственности в России.

Правовая культура на основе практики

Если анализ права должен вскрыть те включения и исключения, на основе которых организована государственная система (поднять те самые вопросы, от которых российская интеллигенция упорно уходила в начале XX века), то имеет смысл воспользоваться такой концепцией правовой культуры, которая объединяет как исторический, так и социальный аспекты. Взгляд на проблему с процессуальной точки зрения позволяет уйти от абстрактного понимания общества и ставит под вопрос само наличие явной или скрытой оппозиции общества и государства. Я исхожу, во-первых, из того, что создание правовой культуры происходит на пересечении правил, выработанных государством, и использования их его подданными или гражданами; и, во-вторых, из того, что рождение доверия к правовой системе как к первоочередному средству «упорядочения взаимоотношений между людьми» требует немало времени и порой охватывает жизнь нескольких поколений. Доверие к праву представляет собой результат исторического процесса. Оно может возникнуть; принимать определенные формы; может быть подорвано; может возрастать или снова быть отброшено на более низкий уровень. Правовая культура зависит от исторических обстоятельств, она не абсолютна. Она лишь косвенно зависит от намерений государственных

⁴⁰ Это нежелание видеть процессуальные перспективы развития права в России, вероятно, определялось изначальным стремлением интеллигенции преодолеть расхождение между российским и европейским уровнями исторического прогресса. Слишком сильная конфронтация с недавним становлением судебных институтов западного образца в России снова показала бы хрупкость правового развития России и поставила бы под сомнение статус самих русских интеллигентов как равноправных членов международной элиты.

руководителей, хотя их действия в области права могут иметь многочисленные и непредсказуемые последствия.

С этой точки зрения правовая практика позднеимперского периода внесла немаловажный и позитивный вклад в процесс формирования правовой культуры в России. Главным компонентом такого расширения правосознания являлся опыт, который сельские жители получали в результате их «взаимоотношений» с волостными судами, под юрисдикцией которых находилась большая часть населения в правовой системе империи. Прибегавшие к услугам волостных судов жители России не были вовлечены – в отличие от российской элиты – в явную борьбу во круг вопроса законности или произвола самодержавного правительства; они не были вовлечены и в борьбу за государственную власть, но были участниками незаметного процесса взаимодействия с государственным правом. Их участию на этом поприще не следует придавать «политического» значения (в смысле того, можно ли считать их выступавшими «за или против государства», призывавшими к «сопротивлению или соглашательству»); скорее его следует рассматривать как один из составных компонентов неровного и незаконченного процесса национального строительства в позднеимперской России. Масштабы использования крестьянами волостных судов для решения социальных вопросов и то, насколько эффективно суды обеспечивали эту потребность населения в сельской местности, представляли собой важные предпосылки возникновения правового государства до 1917 года.

Я не стану утверждать в связи с этим, будто бы в намерения самодержавного государства входило развитие правосознания среди крестьян. Волостные суды представляли собой побочный продукт отмены крепостного права и исконно русской привычки прибегать к самоуправлению и дешевым формам администрирования. Распространение системы волостных судов на бывших крепостных, которые судили бы себя сами, в этом отношении было созвучно с обычной небрежностью самодержавия по отношению к праву. Однако результатом этой инициативы, а также той постоянной поддержки, которую в течение полувека оказывало волостным судам государство, стало формирование правового сознания – привычки прибегать к правовой защите – среди сельских жителей России.

Вывод, что крестьяне пришли к восприятию волостной судебной системы как полезного дополнения к другим наполовину традиционным институтам (сельскому сходу, совету старших, сельскому старосте и т.п.), отчасти основан на значительном числе дел, рассматривавшихся в этих судах в позднеимперский период. Для большей части населения волостные суды представляли собой первую судебную инстанцию, но

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

это не означало, что именно к ним надо было прибегать в обязательном порядке. В то же время исторически зафиксировано, что сельские жители активно обращались в эти суды. Кэти Фрайерсон, пользуясь статистическими данными по нескольким губерниям, выявила устойчивую тенденцию к возрастанию использования волостных судов с 1870-х годов и до конца XIX столетия⁴¹. Масштабы деятельности этих судов в начале XX века представлены статистикой по Московской губернии за 1905 г., где волостные суды за один год рассмотрели 47 761 дело (см. табл.)⁴².

Эти данные (в среднем один волостной суд Московской губернии рассмотрел в 1905 году 484 дела⁴³) показывают, сколь широко пользовалось население системой волостных судов и ее контрольных органов. Большинство уголовных и гражданских дел, заслушанных Московским губернским присутствием, начиналось в волостных судах, что еще раз подтверждает высокую потребность сельского населения в официальном правосудии. Записи в волостных книгах решений и приговоров обнаруживают высокую степень инициативы со стороны сельских жителей и доказывают, что историкам не только не следует игнорировать волостной суд, но, напротив, необходимо рассматривать его как один из центров накопления юридического опыта, создания правовой культуры и культуры взаимодействия с государством.

Таблица

Количество дел, заслушанных административно-судебными учреждениями различных инстанций в Московской губернии в 1905 году⁴⁴

Судебная инстанция	Уголовные дела	Гражданские дела	Административные и продовольственные дела	Всего дел
Московское	324	789	1 174	2 287

⁴¹ С. Frierson, «I must always ...».

⁴² Обзор Московской губернии за 1905 г. М., 1906. - С. 79-131.

⁴³ Там же, С. 115-131. Судебные инстанции, о которых здесь говорится, описаны Ерошкиным как «правительственно-дворянский надзор» - то есть иерархия, учрежденная для надзора за волостными судами после 1889 г. (Ерошкин Н.П. История государственных учреждений России до великой октябрьской социалистической революции. М., 1965. - С. 267-268).

⁴⁴ Обзор Московской губернии за 1905 год. М., 1906.

Джейн Бербанк

губернское присутствие				
Уездные съезды Московской губернии	2 890	5 022	3 189	11 101
Земские начальники Московской губернии	7 211	3 833	6 898	17 942
Волостные суды	21 859	25 902	—	47 761
Всего дел	32 284	35 546	11 261	79 091

Еще одним указанием на то, что волостные суды встретили уважение в крестьянской среде, было содержание тех гражданских и уголовных дел, которые заслушивали местные судьи. Мои исследования записей волостных судов Московской, Петербургской и Новгородской губерний начала XX века свидетельствуют о том, что наиболее часто крестьяне обращались в суд за решением трех видов социальных проблем. Во-первых, наиболее часто встречавшимися среди всех преступлений, рассматривавшихся волостным судом, были разнообразные оскорбления – и число таких преступлений значительно превосходило все остальные. Огромное разнообразие имевших место оскорблений личного достоинства – устных, физических или тех и других одновременно – заставляло крестьян подавать друг на друга в суд. В то время крестьяне считали, что защита их личной чести и достоинства в суде стоит затрачиваемых на нее времени и денег⁴⁵.

Во-вторых, среди «гражданских» дел основной причиной обращения населения в суд были дела, которые обозначались служащими как дела «по всякого рода спорам и искам». Эти самые «споры и иски» составляют довольно значительную часть дел в реестрах судов именно потому, что государство не придавало им важного значения. Администрация требовала от своих представителей на местах сообщать о количестве гражданских дел по следующим категориям: «по спорам об имуществе... при общинном владении», «по восстановлению нарушенного владения недвижимостью» и т.п.; однако большинство гражданских дел,

⁴⁵ Так, записи волостного суда Нагатино, Московской губернии за март 1914 года показывают, что оскорбления, побои, угрозы и другие виды действий против личного достоинства составили 32 из 52 уголовных дел. Следующей категорией по частоте подачи в суд, зарегистрированной в Нагатино, была категория покушений на частную собственность, причем их было только шесть: ЦГИАМ, фонд 10, оп. 1, д. 99. Обсуждение записей таких дел и их значимости читатель сможет найти в моей статье «A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia», *Continuity and Change* 10, № 3 (1995). P. 391-404.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

заявленных крестьянами в суд, не подпадали под эту классификацию. Категория «по всякого рода другим спорам и искам» включала в себя обычные сельские заботы: иски в связи с неуплатой долга или денег, причитающихся за выполненную работу или за аренду; иски в связи с тем, что кто-то оставил мусор на чужой земле, что деревья посажены не в том месте; иски в связи с порчей оборудования, покосом травы, вытоптанными посевами или кражей дров.

Еще одну разновидность гражданских дел, по которым люди наиболее часто обращались в волостной суд, составляли заявления относительно разделов собственности – как земельных наделов, так и движимого имущества – между семьями и отдельными лицами. Под эту категорию подпадали дела по наследству и семейным разделам, а также споры по распоряжению землей и другим имуществом. Волостные суды заслушивали множество таких дел; они рассматривали рутинные дела, связанные с наследованием имущества после смерти владельцев, а также занимались урегулированием конфликтов относительно распоряжения имуществом и осуществления прав собственности.

Важность решавшихся в волостных судах дел – о защите чести и достоинства, имущественных и трудовых споров, о передаче имущества от одной семьи, одного лица и, наконец, от одного поколения другому – свидетельствует о том, что суды эти играли немаловажную роль в осуществлении местного правосудия. В поддержку данной интерпретации проблемы я хотела бы отметить, что крестьяне вовсе не были обязаны обращаться в суд по большинству перечисленных случаев. Большинство гражданских и уголовных дел, рассматривавшихся в волостных судах, касались вопросов, до которых за пределами деревни никому не было дела. Ни один администратор не заставлял волостной суд заниматься делами относительно фруктовых деревьев и дров; эти вопросы могли рассматриваться и другими деревенскими институтами, например, сельским сходом. Тем не менее, как свидетельствуют объемные судебные записи в архивах имперской администрации, крестьяне с удивительным рвением обращались с этими вопросами в волостную судебную инстанцию, а также использовали угрозу судебного обвинения для решения вопроса внесудебными способами. Подача заявления в суд означала трату времени и денег, а также, вероятно, необходимость подношения – и тем не менее крестьяне толпами шли регистрировать свои жалобы.

Представление о том, что происходило в местных судах с точки зрения государства, и реальное использование судов крестьянами сильно различались. Перечень рубрик, представленный высшим судебным начальством волостному писарю в Московской губернии, показывает, что многие из предложенных государством граф оставались незаполненными

ми или содержали незначительные цифры. Например, в 1910 году в поступившем из одной волости отчете совершенно отсутствовали данные по нижеследующим гражданским категориям: «по спорам об имуществе... в составе крестьянского надела при подворном владении»; «по спорам... при восстановлении нарушенного владения недвижимостью»; «по делам о наследовании... при подворном владении». Среди категорий уголовных преступлений, представленных для отчета из той же волости, следующие рубрики были заполнены в незначительной степени или не заполнены вовсе: «о поступках против порядка управления» – 11 дел из 115; «о нарушении благочиния во время священного богослужения» – случаев нет; «о нарушении правил об охоте и рыбной ловле» – нет; «о нарушении устава паспортного» – нет; «о нарушении уставов строительного и путей сообщения» – нет; и, наконец, кража, мошенничество и обман – 9 из 115 рассмотренных уголовных дел. Эта запись была сделана волостным судом, который заслушал 82 дела по спорам об имуществе при общинном владении, 128 дел «по всякого рода спорам и искам», и 82 дела о личных обидах⁴⁶. Несоответствие между предусмотренными для писаря рубриками и фактической записью четко указывает на расхождение между тем, что государственная администрация ожидала получить от волостных судов, и тем, чем на самом деле была занята крестьянская система правосудия. Этот факт также демонстрирует, что крестьяне, получив в свое распоряжение внедеревенское юридическое учреждение, широко и по собственной воле пользовались этой возможностью для разрешения конфликтов, имевших важнейшее значение для деревенской жизни.

Если волостные суды давали крестьянам возможность защищать свое достоинство и решать конфликты, касавшиеся вопросов работы и собственности, вопросов, основополагающих для определения места крестьянина в сельском обществе, то, в таком случае, какую роль судебная система играла в процессе определения места крестьянина в национальной жизни, среди других жителей империи? Являлись ли волостные суды ареной для осуществления прав гражданина или для формирования требований гражданских прав?

Наглядный показатель понимания крестьянами их места внутри нации – внутри большего (хотя, возможно, и гипотетического) сообщества – прослеживается в записях волостного суда Царицыно Московской губернии за 1917 год. Временное правительство, став после падения монархии частью государственной структуры, одним из своих первых актов упразднило сословную систему – формальное деление населения согласно наследственному статусу на крестьян, дворян, мещан и духо-

⁴⁶ ЦГИАМ, ф. 846, оп.1, д. 4, л. 1-4.

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

венство. 9 марта 1917 года, через неделю после Февральской революции, писарь царицынского суда – тот самый, который в своих скрупулезных записях неустанно классифицировал каждого истца, ответчика и свидетеля согласно ее или его сословной принадлежности как «крестьянина» такого-то (например, «крестьянка Пелагея Николаевна Рябинина», «крестьянин Иван Ильич Левин»), теперь регистрировал каждого участника судебного процесса как «гражданина». Это наименование «гражданин», «гражданка» последовательно использовалось без единого сбоя или поправки во всех 368 делах: с 9 марта и до того самого момента, годом позже, когда записи этого волостного суда прекратились⁴⁷.

Эта зафиксированная документально тяга к гражданству, предложенному, наконец, Временным правительством, и отказ от идентификации в качестве крестьян указывают на важное, хотя и непредумышленное, следствие применения системы волостных судов. Эта система позволяла крестьянам быть крестьянами (что бы это ни означало) в своих местных взаимоотношениях, но через регистрационные книги, отчеты, через ограничение круга лиц, которых могли предавать суду; она также выявила недостатки разделения общества на сословия и поставила под сомнение принцип кастовости. Волостные суды дали крестьянам шанс использовать и даже формировать право на их собственных условиях и превратить правовой процесс в неотъемлемый, пользующийся уважением элемент сельской жизни. Крестьяне прибегали к суду для разрешения споров в отношении собственности и работы, для придания законной формы смене семейной власти, для защиты личного достоинства от публичных оскорблений; в процессе этого они узнали, что ярлык «крестьянин» представляет собой ущемление гражданских прав. В суде, по крайней мере, именоваться «гражданином» имело прямой смысл.

Весьма возможно, что те либеральные реформаторы, которые выступали против отдельных волостных судов на основании того, что крестьяне никогда не дорастут до гражданства в изоляции от других россиян, невольно оказались правы. Но такой исход не должен нас удивлять, если мы теоретически понимаем право как процесс, а не как набор правил, и если мы признаем несоответствие между намерениями правителей и их интерпретацией подданными. Доступное судопроизводство, тот факт, что судебная процедура осуществлялась местными судьями и тем не менее была узаконена государством, – вот что делало волостные суды привлекательными для сельских жителей; такая возможность способствовала формированию их самосознания. Посредством этих судов крестьяне смогли осуществлять связь с государством – связь, выходящую

⁴⁷ По вопросу этого перехода на новый статус см. ЦГИАМ, ф.74, оп. 1, д. 55, 57, 58; см. д. 55, л.6-60; д. 57 л. 9-10; д. 58, л.5-6.

шую за рамки обязанностей платить налоги и нести военную службу. Они приобрели возможность выступать в качестве членов нации, граждан в законном порядке – людей, участвующих в официальных процедурах своей страны, пользующихся ее институтами и рассматривающих юридические учреждения как средство защиты своих прав. В этом отношении волостные суды представляли собой великий, хоть и непреднамеренный дар царской администрации крестьянам и всему российскому государственному устройству; это была правовая структура, способствовавшая развитию правовой культуры.

Утраченное гражданство

Я не утверждаю, что гражданство – в широком или узком смысле слова – было достигнуто в России в период революции. Вообще говоря, слабая степень национального самоопределения представляет собой поразительный факт жизни российского общества нового времени. С моей точки зрения, именно суды – особенно местные – обеспечивали доступ к более активному участию в национальной общественной жизни; именно они способствовали формированию идеи гражданства. Этот их потенциал был подорван после 1917 года новыми государственными институтами большевиков, отвергавших концепцию гражданства для всех. Как писал в 1920 году Марк Вишняк, большевистское правительство создало правовую структуру, которая восстанавливала среди населения различия, подобные сословным.

Вишняк, эсер и выпускник факультета права Московского университета, во время гражданской войны бежал в Париж и начал публиковать там работы, посвященные изучению большевистской системы правления. В своем произведении «Советский режим» с подзаголовком «Юридический и политический очерк» он провел критический анализ советской конституции: принципы большевистского правления в самой своей основе были враждебны демократии в той форме, в какой, как он надеялся, ее понимала западная интеллигенция. Вишняк не случайно бросил все свои интеллектуальные и эмоциональные силы на анализ большевистской конституции, ведь он в свое время был членом комиссии, занимавшейся подготовкой выборов Учредительного Собрания, и занимал пост секретаря Собрания во время его единственной прерванной сессии. В своей адресованной к Западу работе Вишняк особое внимание обращает на отказ большевиков от принципа равных прав и обязанностей в пользу правовых различий по классовому принципу. Для него большевистская конституция, с ее предоставлением прав только ранее эксплуа-

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

тировавшимся классам, была не «высшим» видом правосудия, а возвратом к принципам абсолютизма⁴⁸.

Обращаясь к западной аудитории, которая, как он полагал, разделяет его приверженность прогрессу через равенство, Вишняк постарался показать, что большевики не только не двигались в направлении, указанном Великой французской революцией, а напротив, переводили стрелки исторических часов назад: «Великая французская революция объявила неотъемлемые права человека и гражданина. Эта декларация стала лозунгом нового [советского] общества. И все-таки творцы этих новых ценностей предпочли освободить себя от предрассудков французского третьего сословия. Они заменили декларацию прав индивидуума декларацией коллективных, классовых прав. Однако весьма очевидными в таком большевистском новшестве представляются следы системы старой дореволюционной эпохи и методы эпохи полицейского государства – то, что мы называем просвещенным абсолютизмом»⁴⁹.

В своем критическом анализе Вишняк подчеркивал неравноправие большевистских выборных законов и права голоса, с их перекосом в пользу городских рабочих и в ущерб крестьянам (один голос рабочего приравнивался к пяти голосам крестьян). Кроме того, он приводил в качестве примера законодательно оформленное распределение материальных вознаграждений согласно иерархическому порядку, определяющему сравнительную полезность для государства различных категорий населения. В его книге описаны нарушения большевиками их собственных законов, тот факт, что выборы в Советы, которые, согласно конституции, должны были проводиться в течение трех месяцев, так и не были проведены; использование ими незаконных юридических учреждений (ЧК); и антидемократический принцип управления сверху вниз самоизбранными членами большевистского Центрального Комитета. Вишняка в первую очередь беспокоила не столько законность или незаконность действий большевиков, сколько важность факта легализации дифференцированного доступа к политической власти и возврата к системе управления, основанной на сословном неравенстве. Его работы подчеркивают историческое значение выбора, сделанного лидерами большевиков в условиях вызванного революцией отсутствия государственной власти: в условиях, когда они взяли на себя задачу определить –

⁴⁸ Marc Vishniac, *Le régime soviétique* (Paris, 1920). О своей жизни Вишняк повествует в нескольких своих автобиографических работах: *Дань прошлому* (Нью-Йорк, 1954); «Современные записки»: *Воспоминания редактора* (Indiana State University, 1954); *Годы эмиграции 1919-1969*: Париж – Нью-Йорк (Stanford, California, 1970).

⁴⁹ M. Vishniak. *Le régime soviétique*. P. 26.

посредством права и практики – те принципы объединения, которые должны были связать людей друг с другом и с государством⁵⁰.

Перспективы правовой культуры

Явный выбор в пользу правовой системы, основанной на классовом принципе (помимо прочего, это включало определение относительного веса голоса избирателя, значимости показания в суде и права занимать судебскую должность), можно определить как выбор в пользу одних типов национальной общности и против других. Классовые принципы, которыми руководствовались большевики, можно было бы расценивать как попытку пробудить такую же инициативу населения в деле созидания нации, какую пробудили и сословные суды времен самодержавия. Но советская правовая система лишь частично «перевернула» существовавшую иерархию: для создателей новой системы крестьяне остались «темными массами», и, что еще важнее, им не были предоставлены те условия или хотя бы те относительно свободные от надзора сверху правовые полномочия, к которым они уже успели привыкнуть. В местных судах советской России, плохо обеспеченных средствами и получавших слишком много указаний «сверху», невозможно было развивать культуру участия в гражданской жизни и осуществления гражданских прав.

Выбор в пользу легализации классовой иерархии, скорее всего, коренным образом подорвал возможности построения правового государства в России. Как пишет в своем исследовании английского права XVIII столетия Дуглас Хэй, эффективность права как дисциплинирующей и объединяющей системы зависела от степени демонстрации своей независимости от классовых принципов. Посредством широкого использования величественных ритуалов, проявления милосердия и практиковавшейся идеологии беспристрастного правосудия английское право включало находившиеся на более низких ступенях слои населения в систему государства – даже при том, что в общем и целом государство это служило интересам богатых слоев общества⁵¹. Отказ большевиков от идеологии равенства перед законом лишил новую систему мощного потенциального фактора – лояльности, опирающейся на всеобщую справедливость без ограничений.

⁵⁰ Эти идеи получили развитие в нескольких произведениях Вишняка. См. Jane Burbank, *Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917-1922* (New York, 1986). P. 85-99.

⁵¹ Douglas Hay, «Property, Authority, and the Criminal Law», Douglas Hay et al., *Albion's Fatal Tree: Crime and Society in Eighteenth-Century England* (New York, 1975). P. 17-63. См. аналитические рассуждения в моей статье «Lenin and the Law in Revolutionary Russia».

*Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция:
перспективы начала XX века*

Идеология групповых привилегий и групповой вины, отраженная в советском законодательстве, сохранилась и после формальной констатации создания бесклассовых общественных отношений, зафиксированной в Конституции 1936 года. К тому времени классовая иерархия обрела четкую риторическую и практическую форму (хотя, возможно, практика в этом случае была менее последовательна, чем риторика) – равно как и утверждение приоритета партии по сравнению с судебными институтами. Точно так же, как сталинистский поворот к созданию меритократии – общественной системы, где предпочтение отдавалось бы самым талантливым членам общества, – был подорван в корне главенствующим кадровым принципом (при котором талант отходил на второй план по сравнению с политической лояльностью⁵²), так и значение советской судебной системы было подорвано тем, что, как понимал каждый гражданин, на деле официальное правосудие находилось в руках партийных боссов. Формирование и развитие теневой экономики в постсталинский период еще больше понижало уровень соответствия судебного аппарата повседневным делам рядовых граждан. Как можно было полагаться на суды, если каждый член общества был опутан паутиной теневой экономики, а отдельные судебные процессы, заканчивавшиеся расстрелами разоблаченных начальников, лишь подчеркивали неспособность советского правосудия справиться с наиболее крупными дельцами⁵³?

Я не утверждаю, что во всем виновата лишь коррупция, поскольку она в смысле взяточничества, нарушений в соблюдении законных процедур и использования личного влияния в той или иной степени является частью любой правовой системы. Я просто хочу показать, как воспринимались право и юридический процесс в поздний советский период. Постановка вопроса о правовом государстве в качестве *цели* политической борьбы конца 1980-х начала 1990-х годов свидетельствовала об отсутствии такового в действительности. Лозунг «право» выражал стремление к порядку, но не являлся привычным аспектом существовавшей системы.

Суды, конечно, продолжали существовать – как и юристы, юридические факультеты и преподаватели права; можно надеяться, что со време-

⁵² По поводу приоритета лояльности перед талантом см. захватывающий автобиографический очерк Роя Медведева: Roy Medvedev, «Meetings and Conversations with Aleksandr Tvardovsky», Jane Burbank and William G. Rosenberg eds., *Perestroika and Soviet Culture*, special issue of *Michigan Quarterly Review* 28, № 4 (Fall 1989). P. 622-623.

⁵³ Демонстрацией полного бессилия судебной системы стало увольнение в 1988 году, несмотря на яростные протесты общественности, известного следователя Тельмана Гдяна после его пятилетнего расследования знаменитого дела о коррупции в Средней Азии, в котором были замешаны и московские чиновники. См. L. Timofeev, *Russia's Secret Rulers*. P. 11.

нем могущественные российские мафиози осознают, что защищенные законом (а не силой оружия) контракты и обращение в государственные судебные инстанции более выгодны, чем личные договоренности и частный контроль методами насилия. Вполне возможно, что составители российской Конституции когда-нибудь смогут увидеть в ней нечто большее, чем просто символ респектабельности постсоветского государства. Формального же провозглашения власти права, сколько бы его ни повторяли, недостаточно для того, чтобы сделать Россию правовым государством, а дисциплина, насаждаемая «сверху», не может породить гражданственность. Проведенный мною анализ существовавшей в прошлом правовой идеологии и правовой практики показывает, что правовая культура не может возникнуть из одних только нормативов: она зарождается лишь на основе длительного опыта взаимодействия с институтами правосудия, посредством которых люди узнают, что право может служить их интересам – как личным, так и общественным. Волостные суды дореволюционной России одновременно укрепляли и собственное достоинство человека, и государственную власть, связывая их в единый, двусторонний процесс общественного развития. Правовое государство в будущей России должно опираться на подобное диалектическое взаимодействие граждан и государственной власти. Привести эту диалектику в движение – лишь первый, хотя и весьма существенный, шаг на нелегком пути к правовой культуре.

Пер. И.Пагавы

*Джеймс Л. Уэст**

КРУЖОК РЯБУШИНСКОГО:
РУССКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ В ПОИСКАХ БУРЖУАЗИИ
(1909-1914)**

I.

Революция 1905 года стала переломным моментом в современной русской истории – как с социальной, так и с политической точки зрения. Она не только ознаменовала начало общего политического кризиса старого режима, но и вызвала крах традиционной сословной организации русского общества. В годы революции практически все общественные группы были вынуждены отказаться от существовавшей в прошлом иерархической системы привилегий; теперь они противостояли правительству и друг другу в непривычных условиях политической борьбы и социальных конфликтов. За этим последовал период общественной и политической нестабильности, когда нарождавшиеся профессиональные группы и находившиеся в зачаточном состоянии новые классы пытались в атмосфере тревог и надежд прийти к организационной сплоченности и обрести собственное идеологическое лицо.

Уже в течение долгого времени историки ведут дискуссию о том, насколько в период 1905-1914 годов были решены проблемы, возникшие в ходе быстрых политических и социальных преобразований; насколько успешно новые общественные группы решали вопросы собственной организации, как быстро они овладевали навыками политического общения и насколько эффективными были отношения, формировавшиеся между обществом и правительством. Мнения историков здесь резко разделились¹. С одной стороны, «оптимисты» указывают на нали-

* © Уэст Джеймс Л., 2000

** Все приводимые в статье цитаты из русских источников – обратный перевод с английского языка.

¹ В западной литературе свою классическую форму данная дискуссия приобрела в ходе знаменитой полемики между Хеймсоном и Яни, развернувшейся около двух десятилетий тому назад. См.: L. Haimson, «The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1914», *Slavic Review* 23 (1964), № 4. P.616-642; 24 (1965), № 1. P.1-27. См. также: G. Yaney, «Social Stability in Pre-Revolutionary Russia: A Critical Note», *Slavic Review* 24 (1965), № 3. P.521-527. По поводу недавней дискуссии в рамках продолжающихся вокруг этого

чие в русском обществе «позитивных явлений» – установок, институтов и отношений, свидетельствующих об укреплении появившегося после 1905 года политического и общественного порядка. С другой стороны, «пессимисты» заостряют внимание на присущих обсуждаемому процессу элементах нестабильности; они утверждают, что существовавшие в тот период политические партии и общественные группы не только не могли скоординировать свои действия и достичь интеграции, – они фактически распадались, не выдерживая напора быстрой модернизации. Увеличившийся в последние десятилетия доступ к архивным источникам, позволивший историкам более детально исследовать социально-политическую динамику рассматриваемого периода, в общем-то подтвердил пессимистическую интерпретацию. Ученые, похоже, приходят к общему мнению, что политическая борьба была не более чем поверхностным явлением, под прикрытием которого шел намного более глубокий процесс социальной дезинтеграции, приведший к подрыву хрупкого либерального порядка еще до того, как кризис войны и революции решил его судьбу².

Среди представлявших элиту России групп ни одна не была затронута событиями 1905 года сильнее, чем купечество. Вступив в XX век членами привилегированной касты, промышленники и купцы с первых дней революции оказались на передовой линии конфликта между трудом и самодержавием, продемонстрировав свою незащищенность и уязвимость. В условиях поистине огромного общественного давления предприниматели Петербурга и Москвы смогли за короткий период

вопроса дебатов см.: M. Hagen, «Das politische System Russlands vor 1914», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 30 (1980). P.190-211.

Советские историки, конечно, демонстрируют врожденный пессимизм – ведь марксистский анализ данного периода указывает на «историческую неизбежность» крушения старого порядка. Они подчеркивают слабости «крупной буржуазии»; однако интересно, что, уделяя значительное внимание ее «контрреволюционным» махинациям против рабочего класса, они также приписывают ей больше «классовой сознательности» и солидарности, чем, по всей вероятности, было в ее рядах на самом деле. Среди типичных примеров советских исторических работ на эту тему: Лаверьчев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967.

² Недавние публикации, посвященные данному периоду и демонстрирующие различные подходы к продолжающейся дискуссии, включают в себя следующие работы: L. Haimson, ed., *The Politics of Rural Russia, 1905-1914* (Bloomington, 1979); R. Edelman, *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution* (New Brunswick, 1980); A. Rieber, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill, 1982); M. Hagen, *Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland, 1906-1914* (Wiesbaden, 1982); C.Ferenci, *Aussenpolitik und Öffentlichkeit in Russland 1906-1912* (Husum, 1982).

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

времени приобрести некоторые черты современного общественного «класса для себя»: ощущение общих, но находящихся под угрозой интересов; достаточную решимость противостоять требованиям и рабоче-го класса, и правительства; наконец, организационный опыт, необходимый для создания собственных политических партий и созыва первого национального предпринимательского конгресса. Эти достижения были достаточно впечатляющими; они заставили наблюдателей событий того времени говорить о рождении в 1905 году «русской буржуазии»³. Однако оставался открытым вопрос, насколько успешными будут усилия новой социальной группы по преодолению последствий многовекового общественного остракизма и многовековых внутренних раздоров, и насколько успешно она сможет после окончания текущего кризиса функционировать как составная часть просвещенного общества.

Данный очерк ставит своей задачей исследование опыта группы, находившейся непосредственно в авангарде борьбы за достижение общественной интеграции и политической мобилизации торгово-промышленной буржуазии, – действовавшего в Москве кружка Рябушинского, члены которого были известны в то время как «молодые» промышленники или «молодая группа». В период, последовавший за событиями 1905 года, члены кружка проявляли наибольшую активность в поисках символики, риторики и программы, которые могли бы ускорить начавшуюся в 1905 году трансформацию сословия в класс.

Сам факт появления таких амбициозных и знающих, чего они хотят, претендентов на руководство нарождавшейся буржуазией может быть истолкован как свидетельство растущей силы и энергичности нового класса. Действительно, для страны, где предпринимательский слой был исторически слаб и несамостоятелен, молодые промышленники демонстрировали высокий уровень буржуазного самосознания и самоутверждения. Тем не менее внимательное изучение их деятельности в предвоенные годы позволяет сделать вывод, что, несмотря на все несомненные проявления энергии, предпринятые ими коллективные усилия не только не достигли цели, но, возможно, привели к подрыву, а не к усилению позиций буржуазии, а также к дестабилизации той политической системы, от которой она по-прежнему зависела. Таким образом, история кружка Рябушинского в общем-то является аргументом в пользу пессимистической интерпретации рассматриваемого периода, поскольку она служит наглядным примером тех трудностей, с которыми прихо-

³ Термины «буржуазия» и (особенно) «крупная буржуазия» обычно использовались в русском языке для обозначения «торгово-промышленного класса», а не в качестве более широкого термина, синонимичного выражению «средние классы».

дилось сталкиваться просвещенному русскому обществу в его поисках практической альтернативы самодержавному строю.

II.

После 1905 года для тех, кто стремился к роли лидеров буржуазии, центральным был вопрос о том, как наилучшим образом адаптировать прежнее купечество к новым, более открытым и плюралистическим условиям российской жизни, возникшим при квазиконституционном порядке. Развернувшиеся в то время дебаты по поводу того, как это сделать, проходили под знаком двух соперничавших стратегий – «октябристской» и «прогрессистской».

«Октябристское» решение вопроса получило поддержку основной части предпринимателей; в большинстве своем они были так глубоко потрясены беспорядками 1905 года, что в первую очередь их интересовали порядок и стабильность. Сторонники «октябризма» под руководством своего духовного вождя Александра Гучкова выступали за примирение с царской властью, за то, чтобы сохранить – в модернизированной форме – *modus vivendi*, с давних времен существовавший между купечеством и государством. Этот уклон нашел политическое выражение в «Союзе 17 октября», а экономическое – в Санкт-Петербургском Совете съездов промышленности и торговли⁴. Обе эти организации представляли собой, по словам Гучкова, «акт веры в Государя» и являлись чем-то вроде исторической азартной игры, ставкой в которой была надежда на то, что царский режим сдержит свое обещание осуществить необходимые реформы. Октябризм вдохновлялся опытом имперской Германии бисмарковского образца; будущее буржуазии виделось им как эволюция ее в мощную корпоративную элиту, которая будет действовать в тесном союзе с модернизированной бюрократией, в рамках

⁴ Термин «октябристский» используется здесь в широком смысле для обобщенного обозначения тенденции к сотрудничеству с правительством, характерной для московской и петербургской деловой элиты после 1905 года. Совет съездов промышленности и торговли открыто избегал политической деятельности; он концентрировал свои усилия на «экономической стороне единства» и не являлся частью «Союза 17 октября». Обе организации, однако, вдохновлялись единой верой в царское правительство и страстным желанием занять влиятельную позицию в его обновленной структуре. Многие видные члены Совета также активно участвовали в деятельности партии октябристов.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

политической структуры, основанной на принципах правового государства⁵.

Прогрессистская позиция в том виде, в котором она была выражена кружком Рябушинского, включала в себя намного более агрессивную концепцию «класса». Молодые промышленники крайне критически относились к предложенной октябристами идее компромисса со старым порядком: они практически потеряли веру в то, что царский режим в состоянии способствовать дальнейшей эволюции российского общества в либерально-капиталистическом направлении – или хотя бы терпимо воспринимать такую эволюцию. Они утверждали, что правительство слишком привязано к своему самодержавному прошлому и слишком сильно зависит от своих реакционных вассалов, и потому оно не способно обеспечить дальнейшее развитие страны. Не будучи больше в состоянии играть историческую роль двигателя прогресса, самодержавие теперь лишь еще больше запутывало страну в сотканную им густую бюрократическую паутину. Буржуазия, доказывали прогрессисты, не могла позволить себе доверить свое будущее силам прошлого, – а это неминуемо должно было произойти, если бы она согласилась занять влиятельные позиции в архаичных структурах старого режима (независимо от того, насколько привилегированными были бы эти позиции). Черпая вдохновение из истории Англии и Франции, где средний класс играл в политической жизни более активную роль, они требовали, чтобы буржуазия осуществила свою «высокую историческую миссию» и бросила традиционной землевладельческой элите вызов, начав борьбу за политическую власть. Прогрессисты настаивали, что будущее страны зависело

⁵ Главной идеей Гучкова было претворение в жизнь заимствованной у имперской Германии модели «сильной, действенной монархии, свободной от партийных установок, но номинально связанной с основанным на широком представительстве законодательным органом»; см.: L. Menashe, *Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party* (Unpublished Ph.D. dissertation, New York University, 1966). Точно так же основной моделью для Ассоциации послужил немецкий *Handelstag* - орган деловых кругов, действовавший как *Vorparlament* и проводивший с правительством консультации по вопросам экономической политики до того, как соответствующие меры выносились на рассмотрение законодательной структуры. См.: R. Roosa, *The Association of Industry and Trade* (Unpublished Ph.D. dissertation, Columbia University, 1967). Преобладающее влияние на мышление русской деловой элиты зарубежных прецедентов само по себе является показателем все большего приближения ее к современному уровню – особенно на фоне характерных для старого купечества ксенофобии и приверженности национальным традициям.

от способности представляемого ими класса осуществить свое «призвание» управлять Россией.

III.

Классовый мессианизм членов вышеназванной группы – П.П. и В.П.Рябушинских, А.И.Коновалова, С.Н.Третьякова, Н.Д.Морозова и С.И.Четверикова – основывался на общем жизненном опыте: опыте ведущих представителей российской предпринимательской элиты⁶. Их экономической базой была текстильная промышленность Москвы и Подмосковья – единственный крупный сектор российской экономики, развивавшийся в условиях относительного отсутствия государственного контроля и крупных иностранных инвестиций. Их семейные фирмы, основанные в предшествующем столетии их предками – свободными крестьянами или крепостными, – относились к старейшим, крупнейшим и наиболее преуспевающим частным предприятиям страны. Будучи представителями московского купечества, члены кружка происходили из социальной среды, пронизанной религиозным благочестием и славянофильским патриотизмом. Таким образом, всех их характеризовало глубокое уважение к национальным традициям; в случае Рябушинских, Коновалова и Морозова чувство это усиливалось еще и тем, что они исповедовали старообрядчество. Однако молодые предприниматели принадлежали к третьему поколению крупнейших промышленных семейств России; а это означало, что все они подверглись влиянию культуры своей эпохи и в современном им мире чувствовали себя совершенно свободно. Благодаря своему деловому опыту, образованию и зарубежным поездкам они были близко знакомы с технологией и культурой Запада (в особенности Великобритании и Франции – стран, текстильная промышленность

⁶ Данную группу, составлявшую ядро кружка, можно выделить по степени активности ее членов во всех начинаниях кружка – в том числе и в эмигрантских организациях, созданных после революции в Париже и других зарубежных городах. К приведенному списку членов можно добавить имена Д.В.Сироткина, нижегородского магната-судовладельца, происходившего из староверов и принимавшего участие в реализации многочисленных инициатив Рябушинского, связанных с раскольниками. Среди других, менее значительных членов кружка и деятелей, присоединившихся к его деятельности в более поздний период, были П.А.Бурышкин, А.И.Кузнецов, С.А.Смирнов и М.Н.Бардыгин. Некоторое представление о том, насколько сильны были симпатии в отношении кружка и поддержка его деятельности со стороны молодого поколения московской деловой элиты, дает список тех, кто в 1911 году поставил свои подписи под «Протестом 66». См.: Утро России (далее – УР), 11 февраля 1911 г. - С.3.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

которых служила первоначальной моделью для создания их собственных текстильных предприятий)⁷. Предприниматели-прогрессисты использовали свое немалое личное богатство не только для модернизации собственных компаний, но и в целях покровительства наиболее смелым культурным экспериментам московского «серебряного века». Деятели эти принадлежали к тем немногим, кто стоял в самом центре того перекрестка, где сходились священные традиции и авангард современности.

Члены кружка Рябушинского относились к числу наиболее независимых – в истинном смысле этого слова – людей, когда-либо живших в России. Они обладали богатством, образованием, опытом и свободным временем в достаточной степени для того, чтобы по-новому, творчески размышлять о себе, своем классе и простиравшемся вне фабричных стен мире. Положение и склонности молодых промышленников позволяли им в ином свете видеть серьезнейшие недостатки царской системы (прежде целье поколения торговцев и промышленников принимали эти недостатки как цену, которую необходимо платить за ведение дел в условиях неустойчивой российской экономики); к этим недостаткам относились неэффективность коррумпированного бюрократического аппарата, всепроникающий полицейский контроль над частной инициативой, религиозная и политическая гегемония помещичьей элиты. Революция 1905 года добавила к списку предъявляемых к царизму претензий некомпетентность в военной области, взрывоопасную политику в рабочем вопросе и беспрецедентные репрессии; она породила в молодых московских предпринимателях решимость включиться в политическую борьбу против самодержавия.

Еще в начале века этих молодых промышленников сблизил общие деловые интересы и сильное желание укрепить рыночные и финансовые институты Москвы⁸. Однако как политическая группа они дебютировали в первые дни 1905 года. С самого начала они представляли левое

⁷ О симпатиях, которые молодые промышленники питали к западной культуре, было широко известно. Рябушинский и Коновалов обучались своему делу за границей; Коновалов одно время был женат на француженке; Морозов являлся членом международной федерации производителей текстильной продукции и построил себе рядом с Москвой, на реке Клязьме, усадьбу в английском стиле. «Утро России» часто печатала редакционные статьи, в которых подчеркивалось превосходство английской парламентской системы и высказывалась мысль о том, что было бы отлично, если бы «нечто подобное» было учреждено в России (УР, 18 января 1912 г. - С.1).

⁸ Касательно модернизаторской деловой активности «группы Рябушинского-Коновалова» см.: Торгово-промышленное дело Рябушинских. М., 1913; Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном, 1812-1912 гг. М., 1912; К истории концерна братьев Рябушинских // Материалы по истории СССР. Документы по истории монополистического капитала в России / Под ред. А.Л.Сидорова и др. М., 1959; Гиндин И.Ф. Московские банки и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России 1907-1917. М., 1963.

крыло делового сообщества, настойчиво призывая своих не проявлявших должной активности коллег к объединению сил с освободительным движением⁹. Они действовали в духе, очень близком будущей Конституционно-демократической партии, но с кадетами их разделяли расхождения во мнениях по поводу политики в сфере труда и интеллигентское пренебрежение последних ко всему «буржуазному». Так называемый «конгресс Рябушинского», состоявшийся в августе 1905 года, стал пиком происходивших в тот год выступлений деловых кругов против политики правительства. Последующее отступление представителей делового сообщества назад, под правительственное крыло, оставило «молодых» в политической изоляции, а провал в 1906 году их первой попытки создать политическую организацию, «Умеренно-прогрессивную партию», деморализовал их еще больше. После короткого заигрывания с «Союзом 17 октября» «молодая группа» отстранилась от активной политики для того, чтобы обдумать произошедшее.

Наиболее завершенную форму кружок Рябушинского приобрел в 1909-1914 годы. Несмотря на свою склонность к либерализму, промышленники не были, тем не менее, удовлетворены платформами существовавших тогда либеральных партий: их в равной мере отталкивали и интеллигентский радикализм кадетов, и коллаборационистские побуждения октябристов. Сами они намеревались создать внутри либерального движения новое течение – такое, которое соответствовало бы их независимому духу и одновременно привлекало бы наиболее хорошо знакомых им избирателей: предпринимателей, торговцев и староверов.

Гордясь своим практическим опытом, молодые промышленники, однако, не чувствовали себя свободно в мире идей. Именно поэтому они обратились за помощью к «людям науки» с тем, чтобы те помогли создать интеллектуальную основу для их политических инициатив. Начиная с 1909 года Рябушинский и Коновалов стали проводить на своих московских квартирах знаменитые «экономические беседы»¹⁰. Они и их коллеги стремились придать этим обсуждениям нечто вроде атмосферы, царившей в университетских кружках: здесь заслушивались экономические и политические доклады приглашенных представителей либераль-

⁹ О деятельности группы молодых предпринимателей в 1905 году см. соответствующие разделы в следующих работах: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году. М.; Л., 1926; Лаврычев В.Я., По ту сторону; Owen T.C., Capitalism and Politics in Russia (Cambridge, 1981); Rieber, Merchants and Entrepreneurs.

¹⁰ По поводу «экономических бесед» см.: R. Pipes, Struve: Liberal on the Right (Cambridge, 1980). С.174-186; Лаврычев В.Я. По ту сторону. С. 66-17; Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. - С.296-297. См. также мемуары двух участников «бесед»: Четвериков С.И. Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин, без даты. - С.53; Бурьшкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. - С.292-293.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

ной московской профессуры, в первую очередь – П.Б.Струве и его коллег из рядов правых кадетов. Такие контакты придали идеям промышленников необходимую четкость, и в конце 1909 года Рябушинский начал публикацию «Утра России» – газеты, ставшей журналистским голосом его группы. К 1912 году группа чувствовала себя достаточно уверенно для того, чтобы закончить свою интеллектуальную учебу и выйти на национальную политическую арену в качестве либералов-прогрессистов. В оставшиеся до первой мировой войны годы они составляли московский комитет фракции прогрессистов в IV Думе.

Хотя кружок Рябушинского всегда оставался неформальной организацией, он продолжал функционировать в качестве особой политической группировки и в годы войны. Именно волнующая речь, произнесенная Рябушинским в 1915 году, привела к созданию военно-промышленных комитетов, куда вошли все члены группы. Они также активно участвовали в деятельности злополучного «Прогрессивного блока», созданного в том же году¹¹. Хотя неудачи в военной области, все большая дезорганизация тыла, продолжающееся политическое бессилие и проблемы со здоровьем порождали антагонизм в среде бывших соратников, они по-прежнему были во главе все еще разъединенной буржуазии. Кризис 1917 года привел их всех в ряды Всероссийского союза торговли и промышленности, который представлял собой последнюю отчаянную попытку Рябушинского сплотить силы делового мира¹². Одновременно с этой попыткой Коновалов, Рябушинский и Третьяков занимали различные официальные посты во Временном правительстве. Но, несмотря на все эти искренние усилия, процесс дезинтеграции национальной экономики и общества продолжался. Коновалов, исполнявший обязанности премьер-министра, стоял во главе российского правительства в последние дни «буржуазной эры» России; именно он сдал Зимний дворец одержавшим победу большевикам в ноябре 1917 года.

В предвоенные годы, когда сотрудничество молодых промышленников было наиболее тесным, их деятельность являлась отражением раз-

¹¹ Касательно военно-промышленных комитетов см.: Louis H. Seigelbaum, *The Politics of Industrial Mobilization in Russia* (New York, 1984). По поводу политики «Прогрессивного блока» см.: T. Riha, «Miliukov and the Progressive Block in 1915: A Study in Last Chance Politics», *Journal of Modern History* 32 (1960). P.16-24; M. Hamm, «Liberal Politics in Wartime Russia: The Progressive Bloc», *Slavic Review* 33 (1974), №4. P.453-468; G. Katkov, *Russia 1917. The February Revolution* (London: Fontana, 1969).

¹² По поводу Всероссийского союза см.: Лаверычев В.Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // *Исторические записки*. Т.70. М., 1961. - С.35-60.

маха их неугомонного, активного характера. В то время как в задачи всей группы входило содействие сплочению буржуазии как класса, Рябушинский, например, вел активную работу среди староверов, а Коновалов участвовал в думской политике. В то же самое время с типографских станков издательства Рябушинского шел непрерывный поток книг и периодических изданий. Но среди всей этой деятельности основные усилия группы были явно сосредоточены на двух основных моментах – на газете «Утро России» и на думской партии прогрессистов. Газета печаталась Рябушинским при финансовой поддержке его соратников. Ориентация этого издания была определена его владельцем как «прогрессивная – с капиталистической точки зрения». Ежедневный контроль над содержанием редакционных статей осуществлял небольшой комитет, в который входили братья Рябушинские и Третьяков¹³. С первых дней своего существования газета «Утро России» повела ожесточенную (и в конечном итоге успешную) борьбу со своей основной соперницей, октябристской газетой «Голос Москвы», за читательскую аудиторию, представленную умеренными элементами московского общества. Смелость, с которой редакция вела эту борьбу, привлекла внимание и читателей, и цензуры: «Утро России» из всех московских газет в наибольшей степени страдала от последней, и в то же время тираж ее к 1913 году достиг 40 000 экземпляров.¹⁴

Во время выборов 1912 года «Утро России» стало неофициальным органом прогрессистского движения. Развивая программу Прогрессивной партии, основанную на принципах конституционализма, либерального национализма и «защиты интересов имущих классов», газета вела отчаянную борьбу за избрание в Думу 47 прогрессистов, в том числе Коновалова. Получив места в законодательном органе страны, прогрессисты заняли позицию где-то между кадетами и октябристами, ставя перед собой цель создания нового либерального большинства из дисси-

¹³ В архивах сохранился список редакционных задач, составленный рукой самого Рябушинского: Государственный архив Российской Федерации, Москва (ГАРФ), ф.4047, оп.1, д.12. В своих мемуарах Бурышкин описывает организацию редакционного комитета, который включал его самого, братьев Рябушинских, Третьякова и Смирнова. Рябушинский написал для газеты большое количество важных статей под псевдонимом «Вл. Стекольников», но в работе комитета он участвовал менее активно, чем остальные. Однако он оставался «главой» всего мероприятия и уволил по крайней мере одного редактора за то, что тому не удалось «в достаточной степени подчеркнуть «классовый» характер газеты». См.: Бурышкин П.А. Москва купеческая... - С.288-289.

¹⁴ Краткая история издательской деятельности Рябушинского, включая детальный отчет об административной и редакционной политике «Утра России», содержится в работе: Бочанов А.П. Из истории буржуазной печати // Исторические записки. Т.97. М., 1976. - С.263-289.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

дентских элементов обеих партий. Политическая независимость прогрессистов и риторическая яркость их выступлений сделали их одной из наиболее гибких в тактическом отношении группировок IV Думы¹⁵.

Таким образом, в годы между революцией 1905 года и первой мировой войной кружок Рябушинского был эпицентром активности как внутри буржуазного, так и внутри либерального лагеря. Не кто иной, как Ленин, отмечал в 1912 году, что «наиболее характерным» аспектом либерального движения в период 1908-1912 годов был «огромный рост прогрессизма»; в этом факте Ленин видел симптом того, что «либеральный капитал образует *свою* (выделено в оригинальном тексте – авт.) особую партию».¹⁶ В ходе более поздней полемики Ленин употребляет выражения «русские Рябушинские» и «господа Коноваловы» в качестве фактических синонимов термина «крупная буржуазия», и, таким образом, невольно подтверждает ту центральную роль, которую данной группе было суждено сыграть в короткой истории русской буржуазии.

IV.

Речи, редакционные статьи и публикации, связанные с фигурой Рябушинского и с «молодой группой», последовательно отражали центральную для мировоззрения этих деятелей уверенность в том, что судьба русского либерализма – да и всей страны – зависит от буржуазии. Молодые предприниматели исходили из предпосылки, отвергавшейся большинством деловых людей и октябристами, – мнения, что экономическое развитие страны невозможно при существующих социальных и политических условиях. Царский режим и представляемая им структура власти превратились в основное препятствие на пути прогресса. Самодержавие, стремившееся лишь сохранить свои «исторические» полномочия, не соглашалось на действительное разделение власти с другими силами; оно шло на уступки только под давлением и то лишь в том случае, если это было ему выгодно.

Поставив свое выживание выше важнейших интересов нации, режим лишился последних остатков легитимности. Он продолжал управлять единственным известным ему способом – «силой», относясь к стране «как к какой-то завоеванной территории»¹⁷. Более того, в своих отчаян-

¹⁵ О фракции Прогрессивной партии в IV Думе см.: Фракция прогрессистов в IV Государственной Думе. Вып. 1-4. Спб., 1913-1914.

¹⁶ Ленин В.И. Национал-либералы: Итоги выборов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.22. - С.244, 327.

¹⁷ УР, 2 октября 1911 г. - С.2. Славянофильские оттенки были наиболее различимы в мировоззрении молодых промышленников тогда, когда их представи-

ных попытках сохранить контроль над ситуацией правительство позволило себе попасть в полную зависимость от той единственной общественной группы, которая полностью поддерживала его самодержавные претензии. Речь идет о наиболее реакционных элементах помещичьей знати – о тех живущих в прошлом «аграриях», которые «боялись всего, что не они сами» и были открыто враждебны ко всем формам современной жизни¹⁸. Эти защищавшие существующий порядок силы настолько глубоко проникли в административную структуру самодержавия, что царская бюрократия была «плоть от плоти и кровь от крови умирающей аристократии». В совокупности эти «аграрно-бюрократические круги» образовывали «могущественную корпорацию властителей», занимавших позиции в высочайших сферах старого режима, способных сорвать любые попытки реформ и способствовавших тому, чтобы вся государственная структура «окаменела, окостенела, превращалась в нечто совершенно неподвижное». Нельзя было рассчитывать, чтобы царское правительство реформировало само себя или создало параллельно с существующим государством условия для формирования нации; в России не могло быть правового государства, и Столыпин (несмотря на все его благие намерения) был «далеко не Бисмарк»¹⁹.

тели характеризовали Санкт-Петербург как «цитадель» бюрократии и полицейской администрации. У них существовала тенденция рассматривать все то, что исходило из столицы, в качестве навязанного нации «чуждого» влияния, инспирированного и поддерживаемого немцами. «Утро России» неоднократно намекало, что в культурных и политических вопросах близкие к трону реакционные «сферы» вдохновляются тевтонским идеалом военного порядка. Именно по этой причине царский режим имел обыкновение править Россией при помощи силы, ибо он видел «в принуждении панацею от всех бед». Естественно, что к концу войны такие подозрения в прогерманских симпатиях и немецком влиянии получили в либеральных кругах широкое распространение. См.: УР, 19 октября 1910 г. - С.1; и 18 января 1912 г. - С.1.

¹⁸ УР, 5 июля 1911 г. - С.3. Рябушинский и его газета безжалостно осуждали те аристократические круги, которые, по мнению промышленника, являлись «упорными и злобными противниками» всего прогрессивного в российской жизни. Даже царская охранка была, похоже, удивлена «степенью его [Рябушинского] ненависти по отношению к аристократии». См. соответствующее полицейское донесение: ГАРФ, ф. ДПОО, оп.1912, д.27, ч.46, литера «Б», л.31. См. также: УР, 16 мая 1910 г. - С.1; 19 мая 1910 г. - С.1; и 5 июля 1911 г. - С.3.

¹⁹ Молодые промышленники не разделяли веру октябристов в Столыпина как в «русского Бисмарка». Они считали, что реакционные силы при дворе и в рядах администрации были слишком сильны, и что даже движимый действительно благими намерениями бюрократ-реформатор не мог преодолеть их сопротивление. «Утро России» предсказывало, что, в

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

Законное право на власть теперь переходило к «обществу» – к тем образованным представителям свободных профессий, технической и особенно предпринимательской элиты, которые обладали навыками и воззрениями, необходимыми для перестройки жизни общества на современной научной основе. Для того, чтобы осуществить такие преобразования, обществу необходима была максимально широкая свобода в вопросах организации, инициативы и самовыражения – свобода, установленная и гарантируемая системой законов. Но именно таких условий и не мог создать режим, боявшийся потерять контроль над ситуацией.

Поскольку экономические и политические проблемы страны уходили корнями в социологию и психологию власти, единственный выход для общества из создавшегося тупика заключался в попытке вырвать власть из рук режима и его вассалов. Революция 1905 года стала первым опытом подобного рода. Восстание заставило поддерживающие существующий порядок силы временно перейти в оборону, и испуганное правительство было вынуждено против своей воли согласиться на определенные реформы. Но революции не удалось одержать решающей победы – в основном по причине неправильного руководства со стороны интеллигенции, дезорганизации общества и дезертирства до смерти перепуганного купечества, которое в последний момент перешло на сторону царского правительства. Лишившись, таким образом, руководства и необходимой организации, революционное движение «приняло форму пугачевщины» и обернулось бессмысленным насилием, что позволило стоящим на страже порядка силам снова поднять голову – «вначале осторожно, а затем в открытую» – и нанести громадный ущерб хрупкой конституционной системе²⁰.

отличие от Бисмарка, Столыпин окажется не в состоянии «подчинить дворцовые сферы» своей власти. В отношении столыпинской земельной реформы молодые промышленники испытывали двойственные чувства. С одной стороны, они приветствовали стремление покончить с «миром» и «ускорить развал сословной структуры» в деревне. С другой стороны, однако, они сомневались в том, что в существующих условиях массы покинувших деревни крестьян могли быть успешно поглощены промышленным сектором. По их мнению, одна земельная реформа, не сопровождаемая более основательными политическими и экономическими изменениями, могла, в конце концов, оказать разрушительное воздействие на российское общество. См.: УР, 28 марта 1910 г. - С.1.

²⁰ УР, 18 мая 1910 г. - С.1. Откровенная оценка, данная Рябушинским поведению буржуазии, была следующего характера: «Роль буржуазии, вероятно, была не очень заметна, но до определенной степени оказалась решающей. До 17 октября она в подавляющем своем большинстве демонстрировала оппозиционные настроения. После 17 октября, посчитав, что поставленные ею цели достигнуты, буржуазия стала отходить от

Очевидно, что для молодых промышленников революция 1905 года не была чем-то ужасным, как для большинства остальных предпринимателей. Рябушинский и его коллеги рассматривали данное событие в исторической перспективе; они научились этому у профессуры в ходе «экономических дискуссий»²¹. Они утверждали, что в отношении культурных наций законы Истории носили универсальный характер и что в соответствии с этими законами «движение от абсолютной монархии к конституционализму» так же естественно и неизбежно, как и «превращение обезьяны в человека». Россия только еще выходила на тот путь, по которому уже давно шел Запад. Но это историческое путешествие должно было быть одинаковым для всех: «каким оно было на Западе, таким оно будет и у нас»²².

С этой точки зрения можно было утверждать, что революция была не изолированным или законченным событием, а начальным этапом непрерывного процесса преобразований. 1905 год ознаменовал «конец 800-летнего периода государственного строительства», потребовавшего «принесения в жертву всего индивидуального, местного и личного», имевшего место в русской национальной жизни. Теперь, однако, страна стояла «на пороге нового мира, в который ведет нас исторический процесс», на пороге эры, которая возродит все те ценности, которые так долго подавлялись, и в первую очередь «идею личного освобождения»²³.

пролетариата, а затем перешла на сторону правительства... В результате правительство одержало победу, и началось наступление реакции – сначала осторожное, а затем открытое. В 1905 году буржуазия помогла сторонникам старого порядка подавить революцию».

²¹ Принимавшие участие в «экономических дискуссиях» видные историки, экономисты и юристы (среди которых были М.М.Ковалевский, И.Ч.Озеров, П.М.Новгородцев, С.А.Котляревский, Г.Н.Трубецкой, А.А.Мануилов, П.Б.Струве, С.Н.Булгаков и П.Г.Виноградов) были полны оптимизма относительно того, что в конце концов в России восторжествует «цивилизация»; несомненно, что эта вера в благотворную деятельность истории передалась и контактировавшим с ними предпринимателям. Некоторые из вышеупомянутых ученых, в особенности Озеров, регулярно писали статьи для «Утра России». О взглядах либеральной московской профессуры см.: S. Kassow, *The Russian University in Crisis* (Unpublished Ph.D. dissertation, Princeton University, 1976).

²² УР, 2 июня 1910 г. - С.1; 9 января 1911 г. Об атмосфере единодушия касательно данного вопроса, явно царившей во время «экономических дискуссий», свидетельствует наблюдение одного из участников, содержащееся в его письме Рябушинскому: «Очевидно, что нам не избежать пути, на который вступил Запад – возможны лишь небольшие вариации». – ГАРФ, ф.4047, оп.1, д.18, л.14.

²³ УР, 19 июня 1911 г. - С.2.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

Начинавшийся период виделся как переходный: старые формы ломались, но приходившие им на смену новые находились еще в зачаточном состоянии. В социальном аспекте, например, «сословная структура... рухнула, однако классовые группировки только начинают формироваться, существуя скорее как теоретические концепции, а не как живые реальности»²⁴. Соответственно текущий момент отличался дезориентацией и непоследовательностью; он был эпохой «без идеалов, без высоких целей, без доминирующих идей», и именно его переходный характер во многом стал причиной всплеска насилия в 1905 году. Но все это было частью «исторически естественного процесса», которому был уготован счастливый исход – при условии, что История сможет беспрепятственно себя осуществить. В этом смысле силы порядка осмелились противопоставить себя Истории, и поэтому целенаправленное народное сопротивление узурпаторам было исторически оправдано. Совершенно не нужно было опасаться возникшего конфликта, ибо «новые силы возникают лишь посредством борьбы»²⁵. Более того, в процессе «созревания» общества должна была измениться сама природа насилия. С развитием классов и классового сознания конфликт должен был утратить стихийный анархический характер и приобретать все более организованную и целенаправленную форму.

Реальную опасность для России представляли не попытки общества постепенно продвигаться вперед, а решимость сил порядка оказывать им сопротивление. Если страна долгое время вынуждена будет топтаться на месте, оставаясь на опасной промежуточной стадии движения от традиционных общественных форм к формам современным, всегда будет оставаться опасность бурного и неконтролируемого высвобождения накопившегося недовольства. Однако правящий режим близоруко проводил обструкционистскую политику, создававшую именно такую ситуацию. Власть имущие осознавали, что возникновение новых классов влекло за собой образование независимых сил, способных бросить им вызов. Поэтому правительство продолжало пытаться укрепить старый сословный порядок и делало все возможное для того, чтобы воспрепятствовать процессу развития современных профессиональных групп и классов – рабочего класса, свободных профессий, буржуазии – или же

²⁴ УР, 11 марта 1910 г. - С.1-2.

²⁵ УР, 30 мая 1910 г. – С.1. Молодые промышленники полностью принимали популярные в то время идеи социал-дарвинизма: «Аксиомой борьбы за существование является то, что слабость – это преступление, наказание за которое можно понести в любой момент». Результаты конфликта, однако, воспринимались как универсально позитивные: «Усиление борьбы означает ускорение темпов роста культуры; ослабление борьбы означает замедление роста культуры». – УР, 29 ноября 1909 г. - С.1; 23 февраля 1911 г. – С.1.

ассимилировать этот процесс²⁶. Подобные усилия были, однако, обречены на провал, ибо «реакция, абсолютно такая же бескультурная, как и анархия», в свою очередь должна была вызвать сопротивление со стороны тех групп, развитие которых она пыталась подавить. Революционный процесс был обречен на новый виток, который должен прийти к «своему собственному 1905 году» – к новому этапу «борьбы, которая, возможно, начнется завтра, – борьбы между старыми и новыми основами русской жизни»²⁷.

Ближайшей задачей, по мнению Рябушинского и его соратников, было застраховаться от повторения ошибок 1905 года, когда наступит «второй 1905 год». Необходимо было сплотить прогрессивные силы; следовательно, нужно было оказывать поддержку всем современным формам организации и сотрудничества (профсоюзам, сельским кооперативам, синдикатам и трестам, лицам свободных профессий). Необходимо было также обеспечить более высокий уровень руководства обществом – с этой целью важно было подвергнуть фундаментальной перестройке все либеральное движение. Русский либерализм, во главе которого стояли либеральное дворянство и интеллигенция, оказался неспособным справиться со стоявшей перед ним задачей²⁸. Необходимо было найти новых лидеров и новые принципы, соответствующие начинающейся эпохе классов и классового сознания. Ключ ко всему этому находился в руках у буржуазии.

Молодые промышленники были убеждены, что их класс «начинал осознавать себя», приходя к осознанию не только своей коллективной силы, но и вопиющих противоречий между существующим общественно-политическим порядком и потребностями современного производства. С формированием этой «буржуазной психологии» торговцы и промышленники наконец-то смогли бы «освободиться от векового купече-

²⁶ УР, 2 июня 1910 г. - С.1; 12 декабря 1909 г. - С.1. Таких же взглядов придерживался и экономист Озеров, ближайший соратник молодых промышленников в академическом мире. См.: Озеров И.Ч. Что делать? М., 1913, - С.225-227.

²⁷ УР, 19 июня 1911 г. - С.2; 1 января 1912 г. - С.1; 18 мая 1910 г. - С.1.

²⁸ Отношение промышленников к дворянству и интеллигенции не было полностью враждебным; признавалось, что эти «рыцари абстрактных идей» в течение долгого времени возглавляли борьбу против самодержавия. Однако с наступлением новой эры классового общества «надклассовые» традиции, которых придерживались интеллектуалы, и идеалы «службы», которыми руководствовалось дворянство, быстро превращались в анахронизмы; в эпоху капитализма равнодушное отношение этих сил к экономике и их враждебность по отношению к буржуазии становились непростительными; а в период соперничества великих держав их «органическая неспособность испытывать и проявлять чувство патриотизма» и их склонность к пацифизму практически равнялись предательству. УР, 11 марта 1910 г. - С.1-2; 17 августа 1910 г. - С.1-2.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

ского подчинения власти»; все больше и больше их представителей смогли бы вступать в ряды оппозиции²⁹.

Как только буржуазия свяжет себя с либеральным движением, она одним своим присутствием сможет его трансформировать; в него вольются новые таланты и мнения – то, чего не способны были ему дать дворянство и интеллигенция. Предприниматели обеспечат «реальной экономической силой» и «практическим опытом» движение, которое долгое время характеризовалось невниманием к экономическим проблемам и пристрастием к теоретическим конструкциям. Еще большее значение имело то, что «своя» буржуазия получит возможность устранить роковой недостаток русского либерализма – его отдаленность от народных масс. Рябушинский утверждал, что такие, как он, могут отождествлять себя с народом, чего никогда не удастся более «космополитическим» элитарным группам. Ссылаясь на крестьянское происхождение своих предков, молодые промышленники утверждали, что российская буржуазия «совсем недавно вышла из народных масс» и что «в жилах представителей наших торгово-промышленных кругов все еще течет много крестьянской крови». Таким образом, купец продолжал быть связанным с простым человеком «тысячью невидимых нитей» – традициями, взглядами и интересами³⁰. Крупный русский предприниматель разделял с народными массами такие чувства, как благоговейное отношение к традиции, глубокий патриотизм и набожность, которой «давно лишились» подвергнувшиеся влиянию Запада дворянство и интеллигенция. Подобно крестьянину, представитель буржуазии был «воспитан в атмосфере простого, честного труда»; этим он резко отличался от неработающей элиты, «имеющей слабое представление о труде». Предприниматель, рабочий и крестьянин представляли классы производителей и являлись частью братства «создателей материальных ценностей». Все они были в равной степени заинтересованы в улучшении материальных условий жизни, и каждый из них по-своему вносил вклад во всеобщее благосостояние³¹. По мере вовлечения в со-

²⁹ УР, 2 июня 1910 г. - С.1.

³⁰ УР, 16 мая 1910 г. - С.1; 5 июля 1911 г. - С.3. Много лет спустя В.П.Рябушинский вновь повторил это мнение о «народных» корнях московских промышленников: «Мы, московское купечество, были по сути своей никем иными как торговыми крестьянами, составлявшими высший слой русского экономического крестьянства». - Рябушинский В.П. Купечество московское // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1951. - С.189.

³¹ УР, 18 мая 1910 г. - С.1. Хотя молодые промышленники проводили резкое различие между интересами буржуазии и «аграриев», они утверждали, что между ними и крестьянством, из рядов которого они вышли, существует близкое родство, а также стремились свести до минимума то расстояние, которое разделяло

временные отношения производства и распределения массы должны были по достоинству оценить управленческие и предпринимательские навыки буржуазии. За этим вскоре должно было последовать признание ее способностей в деле управления страной, поскольку всем стало бы ясно, что «чем раньше буржуазия сделается хозяином положения, тем лучше будет жить народ»³².

Исходя из всего этого, молодые промышленники были убеждены, что массы положительно воспримут их как лидеров, чего не удалось добиться не имеющей отношения к материальному производству вестернизированной элите, доминировавшей до этого момента в русском либеральном движении. Под руководством буржуазии возникнет новое освободительное движение, которое найдет инстинктивный отклик в сердцах «неиспорченных» простых людей, и в новой исторической битве «массы бесспорно встанут на сторону буржуазии»³³.

Как только установление либерального порядка подтвердит неизбежность исторического прогресса, наступит эра «Великой России». Гегемония буржуазии значительно ускорит социальное и экономическое развитие страны. Основные гражданские права гарантируют свободу инициативы, необходимую для высвобождения производительных сил народа, а господство закона создаст «юридические условия для свободной борьбы» классов и национальностей. Гибкие структуры и институты «управляемой демократии» будут смягчать и сдерживать социальные конфликты, а промышленный капитализм, сбросивший наконец путы традиций, перевоспитает массы, поднимет уровень их жизни и значительно увеличит международный вес нации. Пришедшая к власти техническая, профессиональная и деловая элита наконец-то получит возможность преодолеть те трудности, которые стали причиной отсталости России и казались неразрешимыми при старом режиме.

Как всегда, однако, главным архитектором новой России должна была стать буржуазия. Конечно же, предприниматель представлял собой наиболее активную движущую силу экономического прогресса. Одновременно, в силу его истинно русских культурных корней и тесной связи с народом, он также будет выступать в качестве культурного посредника между народными массами и современным миром, преодолев

их и рабочих. «Мы и рабочие трудимся на благо одного и того же дела, и нас объединяют одни и те же цели», доказывал

Рябушинский; а «Утро России» заявляло, что «рабочие и предприниматели представляют собой части одного тела». Таким образом, считала газета, буржуазия «ни в коем случае не могла быть “врагом народа”». См.: УР, 16 мая 1910. - С.1.

³² УР, 19 мая 1910. - С.1.

³³ Там же.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

пропасть непонимания и недоверия с помощью своего благочестия и патриотизма. Наконец, предприниматель должен будет служить примером для подражания, обучая народ самостоятельности и индивидуальной инициативе. Своим примером «творческого эгоизма» буржуазия избавит Россию от архаичных общинных традиций крестьянской деревни и от коллективистских утопий радикальной интеллигенции. В условиях гегемонии буржуазии каждый гражданин наконец-то получит возможность действовать под влиянием самого мощного стимула, известного современному миру, который в других странах уже преобразил человека и окружающий его мир, – «стремления к улучшению материального положения индивидуума, к материальному обеспечению каждым из нас условий нашего личного существования»³⁴.

V.

Именно таким было исповедуемое участниками кружка Рябушинского видение особой миссии класса, к которому они принадлежали. Их деятельность представляла собой последовательные попытки воплотить эти убеждения в жизнь: организация, унификация и мобилизация являлись характерными чертами каждой инициативы. Но хотя «кристаллизация промышленного класса и его автономная организация» были в центре всех этих усилий, энергия промышленников и логика их идей выводили их за пределы делового мира – в сферы думской политики, старообрядческой деятельности и националистической идеологии.

Рябушинский и его коллеги более всего заботились об осуществлении «возвышенной миссии» буржуазии – ее усилий, направленных на то, чтобы занять достойное «место под солнцем» в России после крушения самодержавия. Они, однако, с трагической остротой осознавали, что при нынешнем положении дел их класс был не в состоянии претворить в жизнь то, что, по их мнению, ему было предназначено «судьбой». Несмотря на тот огромный прогресс, который был достигнут буржуазией в 1905 году, она все еще являла собой не имеющее четкой структуры скопление изолированных, конкурирующих друг с другом олигархий, многие из которых по-прежнему упорно видели свое спасение в репрессивной силе старого режима. Именно поэтому «молодая группа» призывала торговцев и промышленников принять в отношении самих себя новую, более всеобъемлющую концепцию, признав наличие «великой общности интересов», объединяющей всех «созидателей материальных ценностей» – от богатейшего магната до занимающего самое низкое положение торгового крестьянина. Когда это произойдет, можно будет говорить о «материально могущественном классе буржуа-

³⁴ УР, 1 января 1912 г. - С.1.

зии», который будет в состоянии противостоять царскому правительству – говоря словами Рябушинского, «требовать, угрожать, а не просить, как мы это делали в прошлом»³⁵.

Надеясь облегчить такое сближение, Коновалов стал самым ревностным сторонником радикальной реформы организации делового сообщества. Он предложил создать общегосударственную систему «торгово-промышленных палат», в работе которых будут принимать участие все предприниматели, независимо от рода, географии или масштаба их деятельности³⁶. Такие «палаты» не только должны были впервые взять под единую институционную эгиду все занимающиеся предпринимательской деятельностью слои населения; они также должны были, как надеялся Коновалов, стать для делового мира аналогом сельских земств. В этом случае – подобно тому, как это произошло с дворянством в предыдущем столетии, – опыт управления своими собственными делами в рамках автономного, свободного от государственного контроля института мог бы привести к развитию в среде буржуазии либерального сознания.

Начало здесь было многообещающим. Коновалов отправился за границу для изучения организации западного делового сообщества, и результаты его исследований были опубликованы в 1910 году престижным Московским биржевым комитетом³⁷. «Утро России» начало кампанию в поддержку начинания Коновалова, сетуя на «разрозненность семьи русского купечества» и утверждая, что «трудно было бы выдумать более бессмысленную форму организации», чем существовавшая тогда путаная сеть местных биржевых комитетов. Организация российского делового сообщества, писала газета, «отстает от [организации деловых сообществ] наших западных и восточных конкурентов»: Запада, Болгарии, Румынии, Японии и даже Китая³⁸. Однако как только соответствующее предложение было распространено среди различных местных и региональных предпринимательских групп, оно тотчас же вызвало со-

³⁵ ГАРФ, ф. ДПОО, оп.1912, д.27, ч.46, литера «Б», л.31.

³⁶ «Утро России» утверждало, что быстрый рост числа предпринимательских организаций, который происходил после 1905 года и который многие воспринимали как знак оздоровления и энергичности общества, на самом деле представлял собой не поддающийся контролю негативный процесс, «угрожающий [торгово-промышленному классу] полной дезорганизацией». Хаос этот нуждался в некоторой упорядоченности – в противном случае буржуазия могла полностью разложиться, превратившись в беспорядочную массу конкурирующих организаций. УР, 23 сентября 1911 г. - С.1; 10 февраля 1911 г. - С.1-2.

³⁷ Московский биржевой комитет // Торгово-промышленные палаты за границей. М., 1910.

³⁸ УР, 22 августа 1910 г. - С.6.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

противление со стороны деловых кругов. Провинциальные биржевые комитеты – бастионы местного купечества – громко запротестовали, ибо предлагавшиеся «палаты» ставили под угрозу их власть. Влиятельный Совет съездов промышленности и торговли также выступил с возмущениями: он объявил, что работает над собственным проектом, и распространил материалы, содержавшие критику предложенного Коноваловым плана. Наконец, «старая гвардия» самого Московского биржевого комитета, видевшая в «палатах» вызов своей традиционной доминирующей позиции среди купечества, также выразила свое несогласие. Поскольку направленное на реформу предложение «зачахло», «Утро России» уныло писало о «систематическом сопротивлении любым стремлениям к объединению», которое, как могло показаться, возникло из глубин самой буржуазии³⁹.

Кампания по созданию политического органа торговцев и промышленников принесла столь же разочаровывающие результаты. В центре деятельности, которую «молодая группа» развернула в 1912 году, было формирование новой независимой либеральной партии, «ядром» которой стало бы экономическое могущество торгово-промышленного класса. Казалось, что для подобной инициативы время было выбрано правильное. Знаменитый «Протест 66», организованный «молодой группой» в 1911 году, вызвал в прессе многочисленные домыслы по поводу «поворота влево» в рядах купечества⁴⁰. На гребне этой волны «Утро России» изложило свою позицию недвусмысленно вызывающим языком: «Qu'est ce que c'est que le tiers état?.. Буржуазия – это “все”, и она не примет, не потерпит того, что в государственном механизме она – “ничто”»⁴¹. Сам Рябушинский начал прогрессистский крестовый поход

³⁹ УР, 23 сентября 1911 г. - С.1. Эта жалоба стала лейтмотивом редакционных статей газеты, посвященных организации делового сообщества: «Среди причин отсутствия прогресса в деле объединения многие носят чисто внешний характер; но много больше причин внутренних, существующих в недрах самого купечества». – УР, 9 октября 1911 г. - С.3.

⁴⁰ «Молодая группа» организовала публикацию петиции протеста в феврале 1911 года, после того как она узнала, что министр просвещения Кассо снял с занимаемых должностей ректора Московского университета Мануилова и его помощников. За этим инцидентом последовала забастовка примерно 130 преподавателей, среди которых было большинство участников «экономических дискуссий». В то время как реакция молодых промышленников была такой резкой по причине их тесных личных отношений со многими замешанными в этом инциденте, готовность более чем шестидесяти других молодых представителей московской деловой элиты присоединиться к их акции общественного протеста привела, по мнению «охранки», к «упрочению роли самого П.П.Рябушинского и политического значения его группы не только в узкой сфере московского купечества, но и среди более ши-

в 1912 году следующей звучной декларацией: «Купец идет!»⁴². Последовавшая за этим предвыборная борьба с октябристами носила ожесточенный характер, но принесла скромные результаты: в IV Думу было выбрано 47 прогрессистов, что сделало их партию пятой по величине в законодательном собрании. Однако надежда на энергичную поддержку со стороны буржуазии потерпела провал, и «молодая группа» осталась единственным представлявшим деловые круги контингентом, который принимал активное участие в работе партии.

Прогрессистский эксперимент в области думской коалиционной политики был столь же разочаровывающим. Участники кружка Рябушинского полагали, что даже если торговцы и промышленники и не ответили на их призыв, основанная ими партия все равно могла оказаться полезной в качестве «ядра», вокруг которого имевшиеся в законодательном собрании либеральные элементы смогли бы провести перегруппировку своих сил для создания рабочего большинства⁴³. Однако для достижения этой цели прогрессисты рассчитывали не просто на сотрудничество существовавших тогда либеральных партий, но и на их частичный распад; они стремились к тому, чтобы диссиденты из рядов кадетов и октябристов присоединились к их новому движению. Для этого «Утро России» начало полемическую атаку на октябристов, а когда выяснилось, что кадеты настроены далеко не примиренчески, газета обрушилась с бранью и на них. Подвергшиеся критике партии ответили тем же, и уровень журналистских дебатов на эту тему снизился соответствующим образом. Имели место случаи, когда трем партиям удавалось скоординировать свои усилия, но грандиозного союза либеральных сил, который надеялись создать прогрессисты, так и не получилось. Внутренняя динамика дейст-

роких масс общества». – ГАРФ, ф.102, 4 Д-во, 1912, д.42, ч.9 Т 2, л.153. Вышеуказанная петиция была опубликована на с.3 выпуска «Утра России» от 11 февраля 1911 г. Современный описанному событию анализ его значения содержится в следующей публикации: Иорданский Н. Политическое обозрение // Современный мир. 1911. № 2. - С.354-358.

⁴¹ УР, 3 апреля 1911 г. - С.1.

⁴² УР, 9 мая 1912 г. - С.2. В начале развернутой кампании «Утро России» гордо заявляло: «Уже возможно определить будущее ядро Прогрессистской партии. Им, конечно, будет купечество». - УР, 4 апреля 1912 г. - С.1.

Практический опыт, однако, значительно умерил эти надежды.

⁴³ Создание в Думе «прогрессивного центра» было целью старой Партии мирного обновления, входившей во II Думу; в ее составе в течение непродолжительного периода после их разрыва с октябризмом были и молодые промышленники. Многие из бывших «мирнообновленцев» принимали участие в деятельности Прогрессистской партии, а после того как прекратили свое существование такие периодические издания, как «Слово» (в 1909 году) и «Московский еженедельник» (в 1910 году), «Утро России» стало наиболее значительным журналистским органом этих представителей независимого либерализма.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

вовавших в Думе партий фактически развивалась совершенно в противоположном направлении. «Утро России» приветствовало произошедший в 1913 году распад октябристского союза как шаг вперед; газета предсказывала, что и в рядах кадетов скоро может произойти раскол между левым и правым крылом их партии. Но все эти осколки политических движений были настолько хрупки, что крах октябризма сделал соглашение по общим вопросам еще менее вероятным, чем ранее. В то же время правительство наводняло Думу «законодательной вермишелью», и силы порядка откровенно говорили о решительных действиях по отношению к законодательным органам. Внутренняя думская борьба продолжалась, и «Утро России» открыто выражало отчаяние по поводу невозможности какого-либо «мирного решения ... конфликта между самодержавием и бюрократией, с одной стороны, и общественной инициативой – с другой»⁴⁴.

К 1914 году бесконечные политические пререкания и неуступчивость правительства стали настолько невыносимыми, что Рябушинский и Коновалов начали активно осуществлять замысел о выходе из создавшегося политического тупика посредством некоего «суперорганичного решения». В то время как октябристы предупреждали о том, что «над Россией явно вновь поднимается Красный Призрак Революции»⁴⁵, молодые промышленники сделали радикальный шаг по пути установления контактов с левыми партиями – меньшевиками, большевиками и эсерами. Коновалов организовал для координации их действий секретный «информационный комитет»; на его заседаниях он утверждал, что «правительство ведет себя так вызывающе [потому, что] оно не встречает [в обществе] никакого сопротивления и считает, что страна впала в смертельный сон».⁴⁶ Для «пробуждения» страны он предлагал конспираторам приступить к подготовке и организации «ряда эксцессов революционного характера», включая «демонстрации рабочих, крестьянские волнения, выражение недовольства со стороны буржуазных классов и координированные протесты газет»⁴⁷. Но даже приманка в виде денежных субсидий не могла склонить революционные партии к сотрудничеству с капиталистами, и после провала – в конце весны – соответствующих переговоров «Утро России» произнесло надгробное слово над всеми

⁴⁴ УР, 22 мая 1914 г. - С.1-2.

⁴⁵ ГАРФ, ф.63 (агентурный отдел), оп.47, д.408 (26), 1913, л.48.

⁴⁶ ГАРФ, ф.63 (агентурный отдел), оп.47, д.408 (26), 1913, л.63. По поводу «информационного комитета» см.: Исторический архив. 1958. № 6; Там же. 1959. № 2.

⁴⁷ ГАРФ, ф.63 (агентурный отдел), оп.47, д.408 (26), 1913, л.63. По поводу «информационного комитета» см.: Исторический архив. 1958. № 6. Там же. 1959. № 2.

политическими попытками «молодой группы» сдвинуть Россию с мертвой точки: «Мы на пределе возможного»; «Что мы можем сделать?»⁴⁸.

История деятельности Рябушинского среди староверов очень похожа на предыдущие ситуации. Контакты с религиозными диссидентами были крайне важны для промышленников, ибо они давали реальное основание утверждать, что между «молодой группой» и простым народом существует духовная связь и что именно она может говорить от имени народа. С 1906 по 1914 гг. Рябушинский затратил немало личной энергии на то, чтобы организовать единоверцев в политическом отношении – не только для того, чтобы они могли защищать свои собственные интересы, но и для того, чтобы эти приверженцы допетровских обрядов могли приобрести опыт общения с современным миром. Он заявил, что его задачей является «объединение всех староверческих сект» с целью обеспечения свободы совести и свободы объединений для всех религиозных меньшинств Российской Империи. Рябушинский надеялся, что таким путем вековое недовольство раскольников инквизиторской властью бюрократии и церкви трансформируется в современное либеральное требование религиозной терпимости и прекращения произвола. Если бы это осуществилось, либеральное движение могло бы приобрести массовую народную поддержку среди примерно двадцати миллионов староверов, которые, по мнению молодых промышленников, представляли собой «наиболее энергичные элементы крестьянства».

То, с чем Рябушинский столкнулся в среде раскольников, напоминало настроения, преобладавшие среди торговцев и либералов: он увидел там «отсутствие единства, разделение на множество групп, зачастую враждебных по отношению друг к другу»⁴⁹. В качестве инструмента объединения единоверцев Рябушинский избрал Всероссийский съезд старообрядцев, во главе которого он встал в 1906 году и который он щедро финансировал из своих личных средств⁵⁰. Издательство Рябушинского также выпускало старообрядческий журнал «Церковь». Ря-

⁴⁸ УР, 6 мая 1914 г. - С.1; 22 мая 1914 г. - С.1-2.

⁴⁹ Старообрядческая мысль. 1912. № 5-6. - С.472-474.

⁵⁰ Всероссийский съезд старообрядцев был основан в 1900 году Д.В.Сироткиным, который позже стал ближайшим соратником Рябушинского в рядах староверов. В 1906 году под эгидой съезда и своим председательством Рябушинский организовал с целью обсуждения земельного вопроса внушительный Аграрный съезд крестьян-старообрядцев. Тот факт, что для обсуждения своих нужд съехалось около 350 делегатов из 43 провинций страны, свидетельствует о изначальной поддержке съезда со стороны староверов. О работе Аграрного съезда см.: Всероссийский съезд старообрядцев: Материалы по вопросу земельному и крестьянскому. М., 1906. О деятельности Всероссийского съезда старообрядцев см.: Всероссийский съезд старообрядцев // Труды. № 1-6. 1905-1912.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

бушинский стремился преодолеть существовавшие среди староверов сектантские тенденции, концентрируя внимание съезда на некоторых явно интересовавших всех старообрядцев вопросах: сельскохозяйственных нуждах крестьян-староверов, возвращении конфискованных в царствование Николая I религиозных реликвий, школах для детей старообрядцев и поддержке законопроектов, вносимых старообрядцами на рассмотрение Государственной Думы⁵¹. Были все основания надеяться, что религиозное сообщество откликнется на эти призывы, особенно ввиду того, что после 1907 года число случаев преследования религиозных диссидентов вновь начало расти – в явное нарушение данного в 1905 году царем обещания обеспечить свободу вероисповедания. На начальном этапе работы съезда его заседания сопровождались живыми дискуссиями и активно посещались делегатами, и Рябушинский предсказывал, что съезд превратит староверов в «силу, с которой нельзя будет не считаться, и в конце концов мы убедим [власти] вступить с нами в дискуссию»⁵².

Почти с самого начала, однако, съезд встретил сопротивление: не только со стороны властей, которые время от времени угрожали прекратить его заседания, но и – что было, конечно, более тревожным явлением – изнутри самого религиозного сообщества. Духовные руководители той секты, к которой принадлежал сам Рябушинский, – Белокрыницкой иерархии староверов-поповцев – были глубоко возмущены инициативой Рябушинского, восприняв ее как вызов их священной власти. Епископ Нижегородский Иннокентий гневно утверждал, что «предназначение Церкви – спасение душ», и запретил находившимся под его юрисдикцией общинам вступать в какой-либо контакт со съездом или его представителями без его особого разрешения⁵³. Среди староверов распространился слух, что «Рябушинские, которые бреют и стригут бороды», относятся к «злейшим врагам христианства» и что их политическая агитация «губительна для души и крайне вредоносна»⁵⁴. По мере усиления конфликта съезд все больше и больше лишался поддержки, размеры и число взносов уменьшались, а ежегодные заседания приходилось откладывать из-за отсутствия кворума. Этот негативный процесс происходил именно в тот период, когда административные репрессии в отношении религиозных меньшинств достигли беспрецедентного уровня и прошедшие Думу староверческие законопроекты

⁵¹ ГАРФ, ф.102, оп.4 д-во, д.42, ч.9, т.2, 1912, л.12 фф. Относительно краткое описание инициатив съезда см. в: Церковь, 29 января 1912 г. - С.108; и 2 марта 1913 г. - С.204-207.

⁵² ГАРФ, ф.102, оп.4 д-во, д.42, ч.9, т.2, 1912, л.19.

⁵³ Старообрядческая мысль. 1911. № 4. - С.317.

⁵⁴ Там же. 1911. № 9. - С.795; 1911. № 4. - С.321.

столкнулись с серьезными препятствиями в Государственном совете. Рябушинский был вынужден предупредить единоверцев о том, что «Старая Вера со всех сторон подвергается атакам темных сил», но остановить негативное развитие событий было невозможно. После того как правые элементы Государственного совета заблокировали в 1913 году последний из старообрядческих законопроектов, «Церковь» пришла к следующему мрачному заключению: «Наша свобода уже в могиле»⁵⁵.

Сходное ощущение тщетности всех предпринимаемых усилий пронизывало и проводимый «Утром России» эксперимент в области националистической агитации. Молодые промышленники уделяли много внимания проблеме общественной сплоченности, ибо им – более, чем кому-либо еще – были знакомы как многочисленные линии раскола, проходившие сквозь образованное общество, так и та огромная культурная пропасть, которая разделяла элиту и народные массы. Хотя эти предприниматели и были совершенно уверены в своей харизматической способности достигать до народных сердец и завоевать народное уважение, они также сознавали необходимость некоего идеологического цемента, который после устранения самодержавия связал бы воедино воспрявшую нацию. Они пытались сформировать «героическое мировоззрение, которое [могло бы] вдохновить массы» – некую совокупность разделяемых всеми убеждений, способных преодолеть классовые, региональные и национальные разногласия⁵⁶. В поисках решения молодые промышленники обратились к купеческо-славянофильскому наследию своих предков, надлежащим образом переработанному в соответствии с новыми условиями эпохи классовой борьбы и соперничества великих держав.

Русский либерализм, рассуждали промышленники, совершенно не смог использовать огромный политический потенциал, скрытый во врожденном патриотизме русского народа. Вследствие этого он продолжал оставаться чуждым и непонятым народным массам; мощное орудие это либералы уступили правым. Если либерализм хотел выжить в российских условиях, он должен был облачиться в народные одежды,

⁵⁵ Церковь. 5 января 1914 г. - С.1. Констатируя общее усиление преследований староверов со стороны местных властей, «Церковь» в дополнение подробно описала ряд беспрецедентных мер, принятых по отношению к староверам центральным правительством – таких, как новые запреты, распространявшиеся даже на переход из одной секты в другую и на участие рекрутов из числа старообрядцев в программе подготовки офицерского состава – якобы по причине их политической неблагонадежности. См.: Церковь. 25 ноября 1913 г. - С.1122-1226; 27 апреля 1914 г. - С.408-410.

⁵⁶ Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам / Под ред. В.П.Рябушинского. Ч.2. М., 1910. - С.5.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

то есть принять националистическое кредо. Следуя идеям П.Б.Струве, молодые промышленники пропагандировали «национал-либеральную» идеологию, центральным образом которой была «Великая Россия» буржуазно-капиталистического будущего. «Утро России» проповедовало идею великого славянского возрождения – возрождения национального могущества и престижа под руководством буржуазии. В условиях «Великой России» капитализм наконец-то даст стране свободную индустриальную экономику, сравнимую с экономическими системами соперничающих с нею великих держав. Власть закона будет регулировать «вечную борьбу» классов и национальностей, и наконец-то будут удовлетворены «справедливые требования» поляков предоставить им большую автономию. Как только будет положен конец многовековой вражде русского и польского народов, свободная Россия и автономная Польша займется организацией современного славянского союза совместно с «братьями-славянами», населяющими Восточную и Южную Европу. И наконец-то «гений славянского племени» сможет бесстрашно дать отпор «исконным угнетателям славянства» – «тевтонам»⁵⁷.

«Великорусский» национализм был идеологическим стержнем мировоззрения молодых промышленников, ибо он превосходно служил их краткосрочным и долгосрочным амбициям. Буржуазия являлась, конечно, естественным носителем этого патриотического порыва; и если либеральное дворянство и интеллигенция намеревались привлечь на свою сторону действительно большую часть российского населения, то продолжать игнорировать промышленников означало ставить это намерение под угрозу. В более далекой перспективе концепция «Великой России» могла быть истолкована как претензия торгово-промышленного класса на исключительную роль в государственном управлении и в «судьбах» славянства.

Однако уже в начале развернутой кампании «Утро России» было вынуждено признать, что его призывы не встретили в народной среде должного отклика. «Славянская идея», сокрушенно отметила редакция газеты, «повисла в воздухе» и была «обречена на провал из-за отсутствия интереса к ней со стороны наших торгово-промышленных классов»⁵⁸. Начало военных действий на Балканах стало мученическим концом газетной кампании по восхвалению предполагаемых добродетелей «зарубежных славян», и к 1914 году «великорусская» кампания утихла, иногда оживая в форме спорадических антигерманских диатриб и периодических атак на царское правительство за его излишне спокойное

⁵⁷ УР, 30 января 1910 г. - С.1; 4 февраля 1910 г. - С.1; 8 августа 1912 г. - С.1.

⁵⁸ Там же, 3 февраля 1910 г. - С.1.

поведение и даже уступчивость там, где была видна «рука германского империализма» – на Балканах, в районе Босфора, в Персии и т.д.⁵⁹.

VI.

Если рассматривать все разнообразные инициативы и кампании кружка Рябушинского в комплексе, то можно увидеть общие для них все особенности. Каждое начинание участников кружка было вдохновлено страстным желанием придать современную организационную и идеологическую форму тем группам, которые только еще появлялись на свет из недр традиционных отношений и установок. Сценарий в каждом случае был один и тот же. Сначала молодые промышленники брали на себя задачу «перекроить» ту или иную группу населения или идею в соответствии с заранее имевшейся у них концепцией того, какой эта группа или идея должна быть. Затем они начинали издавать задуманную согласно этой задаче газету или журнал, где и объявляли о своем намерении создать новую организацию или движение. Вскоре эта лихорадочная активность привлекала внимание «охранки», осуществлявшей негласное наблюдение за причинявшими ей столько беспокойства «радикальными московскими миллионерами-заводчиками». Зачастую власти, вместо того, чтобы подвергать соответствующую деятельность кружка официальным санкциям, создавали на ее пути – там, где это было возможно, – мелкие бюрократические препятствия. А правая пресса содействовала этому своими выступлениями – обычно в виде разоблачений любых действий группы как проявлений «политического радикализма русско-еврейского типа»⁶⁰.

Однако наиболее серьезное сопротивление инициативам группы неизменно исходило из тех групп населения, на руководство которыми претендовали молодые промышленники. Представители традиционной

⁵⁹ УР, 12 января 1911 г. - С.1. Среди всех изъянов и поражений царизма, на которые указывали молодые промышленники, наиболее непростительной, с их точки зрения, была, пожалуй, неспособность правительства выработать эффективную внешнюю и военную политику перед лицом «германской угрозы». Причину этого они видели не только во врожденной некомпетентности «той бюрократической системы, которая была разбита при Цусиме, потерпела поражение в Боснии и Герцеговине и заключила секретную сделку в Потсдаме», но и в «трогательных» прогерманских симпатиях, которые приписывались близким к престолу кругам. По словам «Утра России», в то время как существовала реальная угроза настоящей «германизации Европы», «военные приготовления правительства не идут дальше удовлетворения нужд усмирения внутренних беспорядков»; газета выдвигала обвинения в том, что «германское влияние парализует нашу волю и нашу национальную энергию». – УР, 6 марта 1911 г. - С.2; 29 ноября 1909 г. - С.1.

⁶⁰ ГАРФ, ф. Д IV, д.42, ч.9, 1909, л.17.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

власти публично изъявляли свое недовольство тем, что их законным позициям брошен вызов; а соперники молодых промышленников по борьбе за руководящее положение в обществе, с негодованием относившиеся к резкой тактике и подстрекательской риторике кружковцев, начинали собственные контркампании по дискредитации Рябушинского и его сторонников. Как только между конкурирующими фракциями вспыхивала борьба за влияние, возвышенные призывы сменялись озлобленными спорами. В то же самое время казавшаяся сначала возможной поддержка со стороны рядовых людей так и не становилась реальностью, или же быстро сходила на нет из-за различных недоразумений и взаимных обвинений. Тогда Рябушинский и его соратники отступали с тем, чтобы обдумать возможность более жесткого и радикального решения вопроса, а «Утро России» прикрывало их отступление сверхпатриотической (обычно антигерманской) риторикой, обвиняя и правительство, и его оппонентов в вопиющем безразличии к той угрозе, которую представляла для России имперская Германия.

Совершенно очевидно, что попытки молодых промышленников преодолеть разрыв между традицией и современностью сталкивались с серьезными трудностями. Их амбиции и риторика постоянно опережали их реальную способность контролировать события или управлять действовавшими вокруг них мощными центробежными силами. К 1914 году их представление о буржуазии, обладающей классовым сознанием и возглавляющей новое Освободительное Движение, быстро меркло – взамен приходило осознание того, что наиболее серьезную проблему представляла не обструкционистская политика властей, а «апатия и сопротивление попыткам организации», столь часто проявлявшиеся в рядах стоявших на их стороне сил.

Молодые промышленники, несомненно, усиливали эти негативные тенденции своим высокомерным и пренебрежительным отношением к оппонентам и к правительству. То была гордость людей, верящих, что в истории наступает их эпоха. В реальности же их представление о будущем страны было лишь крупномасштабной проекцией личных и классовых амбиций, а концепция представлявшего «Великую Россию» «Нового Русского Человека» была создана по их образу и подобию. Но несмотря на всю очевидность того, что на неблагоприятный исход событий повлияло их опрометчивое поведение, важно отметить, что гораздо более умеренная тактика их основных соперников в деле борьбы за признание со стороны буржуазии положительного результата также не дала. К 1913 году октябристский блок находился в процессе распада. Лидер октябристов Александр Гучков неохотно отказался от своего эксперимента по сотрудничеству с правящим режимом и обвинил правительство в военной некомпетентности и в нежелании строить отношения с обществом на каких-либо других условиях, кроме своих собст-

венных. В Думе руководимый им Союз 17 октября распался не менее чем на четыре враждебные фракции⁶¹. Точно так же смысл существования Совета съездов промышленности и торговли – хотя последнему и удалось на время «замазать» сильнейшие региональные противоречия, существовавшие между его членами, – был подорван отказом властей прислушаться к «голосу сотен миллионов рублей» в процессе формирования экономической политики. К 1914 году Совет был на грани открытого разрыва с правительством⁶². Какими бы уникальными ни были идеи и деятельность молодых промышленников, чувство разочарования и ощущение крушения надежд были известны не только им.

Деятельность кружка Рябушинского может, таким образом, служить полезным критерием способности образованной части общества определить свой статус и свои отношения с государством. Все те группы населения, с которыми молодые промышленники вступали в контакт, группы как дружественно, так и враждебно к ним настроенные, сталкивались со сходными проблемами дезорганизации и дезинтеграции. Похоже, что ни одна из существовавших тогда общественных групп – начиная со старообрядцев и купцов и кончая либеральными политиками – не желала (или не обладала способностью) овладевать навыками сотрудничества, примирения и выработки компромиссных решений, навыками, столь необходимыми для достижения успеха в проводившемся конституционном эксперименте. Личности, организации и идеи находились как бы в вакууме, поскольку какой-либо общественный консенсус относительно непосредственных или конечных целей практически отсутствовал. В то же самое время пропасть, образовавшаяся между обществом и правительством, все больше увеличивалась, ибо стоящие у власти силы вернули себе утраченную в 1905 году инициативу.

Однако истинное значение всего этого заключается, возможно, не в том факте, что участники исторических событий не могли контролировать действовавшие вокруг них центробежные силы, и даже не в том, что их собственное поведение, вероятно, играло этим силам на руку. Наиболее показательные результаты дало бы, возможно, изучение мнений и идей, определявших их действия. Ирония состоит в том, что именно те компоненты их мировоззрения, которые сами они считали залогом успеха в деле укрепления конституционного порядка, – популизм, историзм и национализм, лежавшие в основе их идеологии «Великой России», оказались для них наиболее губительными.

⁶¹ Позже сам Гучков произнес ретроспективную эпитафию попыткам октябристов апеллировать к царскому режиму: «Такие попытки были необходимы независимо от того, насколько малы были шансы на успех. А шансы эти были невелики». Эти слова Гучкова цитируются в сл. статье: Елкин. Памяти Гучкова // Последние новости. №.5444. 13 февраля 1936. - С.2.

⁶² Roosa, *The Association of Industry and Trade*. P. 306-309.

*Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии
(1909-1914)*

Молодые промышленники отвергали российскую традицию просвещенного деспотизма. С их точки зрения царизм не мог создать ничего положительного. Они надеялись не на государство, а на самих себя, на свой класс и особенно на «народ». Члены «молодой группы» практически не разделяли того страха перед народными волнениями, который был так типичен для большинства предпринимателей и многих либеральных интеллектуалов. Спеша «подтолкнуть» страну вперед, они охотно воспринимали социал-дарвинистские и даже ницшеанские идеи необходимости борьбы и конфликта. Их пристрастие к подстрекательской риторике и провокационным действиям, а также отсутствие колебаний там, где было возможно спровоцировать беспорядки среди населения, держали как их союзников, так и их оппонентов в состоянии постоянной тревоги относительно того, каким будет их следующий шаг. Во взрывоопасной атмосфере предвоенного периода молодые промышленники вряд ли могли восприниматься в качестве стабилизирующей силы.

Рябушинский и его коллеги действовали таким образом, поскольку верили, что история на их стороне. Они были склонны рассматривать происходящие вокруг них события с точки зрения тех важных исторических «законов», которые, по их мнению, они понимали. Молодые промышленники считали, что страна переживает ряд революционных потрясений, каждое из которых является новой вехой на пути к «Великой России». Таким образом, они обычно приветствовали каждый очередной кризис царской системы не с позиций модных среди тогдашних интеллектуалов апокалиптических предчувствий, а с почти миллениаристским энтузиазмом.

Наконец, будучи наследниками славянофильских традиций старого купечества, молодые промышленники питали враждебные чувства к Германии, глубина которых почти не уступала масштабу их мечтаний о завоевании славянством доминирующего положения в мире. Их «великорусский» шовинизм, милитаристская риторика борьбы и завоеваний, непрестанные требования активизации российской внешней политики по отношению к Германии – все это внесло свой вклад в ту кампанию давления на царское правительство, которая вынудила его в конце концов свести счеты с Тройственным союзом. К 1914 году их недовольство сложившейся в России ситуацией стало так велико, что их, похоже, уже не пугала ни возможность «нового 1905 года», ни перспектива всеобщей войны. Молодые промышленники приветствовали начало военных действий как счастливую развязку, которая могла вывести их страну из невыносимого внутреннего тупика. Они открыто рассчитывали на то, что война «настолько потрясет весь российский организм, что возврат к старому порядку будет просто невозможен»⁶³. Здесь, конечно, они оказались наделены даром предвидения – большим, чем они, может быть, хотели обладать.

⁶³ ГАРФ, ф. ДО 1914, д.20, ч.46, литера «Б», л.194-195. Полицейские донесения того времени показывают, что в первые дни после начала военных дей-

Джеймс Л. Уэст

Таковы были те преобладающие чувства, с которыми эти передовые представители буржуазии встретили кризис, вызванный войной и революцией. Члены «молодой группы» упивались ошибками и просчетами старого порядка, и в первые – эйфорические – дни 1917 года с восторгом приветствовали крах той системы, которую Рябушинский называл «ненавистной властью царизма»⁶⁴. А затем молодые промышленники оказались лицом к лицу с тем народом, в который они так верили, – убежденные, что он последует за ними в то будущее, создателями которого они рассчитывали стать.

Пер. С. Кантерева

ствий «группа Коновалова» следующим образом оценивала воздействие войны на ситуацию в стране: «Победа России приведет к реформам, проведения которых общество незамедлительно потребует [в «благодарность» за его поддержку военных усилий правительства]. Поражение России [будет иметь своим результатом] временное политическое загнивание и застой, но в конце концов приведет страну к революции». Похоже, что на данной ранней стадии войны ни тот, ни другой возможный исход особо не тревожил молодых промышленников.

⁶⁴Всероссийский союз торговли и промышленности. – Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве, 3-5 августа 1917: Стенографический отчет и резолюции съезда. М., 1917. - С.3.